

М. А. ГРАЧЁВ

От Ваньки Каина до мафии

Прошлое и настоящее уголовного жаргона

Авалон
Азбука-классика
Санкт-Петербург
2005

ББК 81.2Р
Г75

Грачёв М. А.

Г75 От Ваньки Каина до мафии. — СПб.: «Авалон»,
«Азбука-классика», 2005. — 384 с.

ISBN 5-94860-028-9 («Авалон»)

ISBN 5-352-01539-4 («Азбука-классика»)

Исследуя лексику деклассированных элементов (преступников, беспризорников, нищих, босяков, проституток и проч.), автор рассказывает, как возник и развивался жаргон. Приводятся многочисленные жаргонизмы, взятые из специальных исследований и личных наблюдений.

Книга предназначена для всех, кто интересуется этой специфической частью русского языка.

ISBN 5-94860-028-9 («Авалон»)

ISBN 5-352-01539-4 («Азбука-классика»)

© Грачёв М. А., 2005

© «Авалон», 2005

© «Азбука-классика», 2005

© Васильев М. К., оформление серии, 2005

Оглавление

От автора.....	5
Глава 1 ШПОРА ПЕТУХА, БЛАТНАЯ МУЗЫКА И ЖАРГОН.....	15
Глава 2 СТАРАЯ И НОВАЯ ФЕНЯ.....	26
Глава 3 ОБЩЕУГОЛОВНОЕ, ТЮРЕМНОЕ И СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ АРГО.....	86
Общеуголовное арго.....	86
Тюремное арго.....	89
Специализированные арго.....	101
Поделиться с богом.....	101
Взяли маню на кармане.....	104
Арго шулеров.....	109
Сидеть на игле.....	115
Арго конокрадов.....	126
Глава 4 ПО ФЕНЕ БОТАЮ — ТЮРЬМУ СХЛОПОТАЮ.....	130
В королевстве кривых зеркал.....	137
«Я помню чудное мгновенье...».....	143
Баюшки-баю, скорпион!.....	145
«Всюду деньги, господи!».....	146
Издавательство и оскорбление.....	147
Скоро тапочки откинем.....	149
Полет на бензопиле.....	150
Портняжить с дубовой иглой.....	158
Сила чистая и нечистая.....	171
Козёл, осёл, маргышка и косолапый мишка.....	176
«Технический человек».....	188
Глава 5 ИВАН-ДА-МАРЬЯ.....	190
Глава 6 АРГОТИЗМЫ-ТОПОНИМЫ И КТЕМАТОНИМЫ.....	206
Глава 7 ТОРГОВЦЫ, РЕМЕСЛЕННИКИ, МОРЯКИ, МОЛОДЕЖЬ... И УГОЛОВНИКИ.....	213

Глава 8	ГУТЕН МОРГЕН — УТРЕННЯЯ КРАЖА В ГОСТИНИЦЕ	231
	Тюркизмы в русском арго	236
	Заемствования украинского происхождения	239
	Немецкие заимствования	240
	Заемствования французского происхождения	244
	Заемствования английского происхождения	246
	Финно-угорские заимствования	247
	Греческие заимствования	248
	Заемствования еврейского происхождения	249
	Польские заимствования	251
Глава 9	ШУХЕР!	255
Глава 10	ПАПА, ГИТЛЕР и ТУЗ	262
Глава 11	ПРОДЁРНИ, ЖУЧКА!	279
Глава 12	ТАЙНЫ АРГО	283
Глава 13	«УМРИ ТЫ СЕГОДНЯ, А Я — ЗАВТРА»	296
Глава 14	ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРГОТИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	300
Глава 15	БЛАТНЫЕ СЛОВА В РУССКОЙ ПРЕССЕ	325
Глава 16	«СПОЁМ, ЖИГАН, НАМ НЕ БЫВАТЬ НА ВОЛЕ»	340
Глава 17	АРГОТИЗМЫ-«ФАВОРИТЫ» КАК ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ ПЕРЕЛОМНЫХ ЭПОХ	348
Глава 18	К ИСТОКАМ РУССКОГО ДУХА	356
Приложение	ПРИМЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ АРГОТИЗМОВ	376
	Принятые сокращения	382

От автора

Как? Арго? Не может быть! Но ведь арго ужасно! Ведь это язык галер, каторги, тюрем, всего самого отвратительного, что только есть в обществе!

В. Гюго

Корифаны, в натуре, не буду фармазонить, я приканал сюда на полусогнутых, чтобы поблагодарить с вами по фене.

Из речи уголовного

Уважаемые читатели!

Перед вами исследование по аргю — лексике преступников, нищих, бродяг, беспризорников, босяков и проч. «Боже мой! — воскликнет неискушенный «знаток» русского языка. — Но зачем же всю эту грязь, весь этот сор выносить на всеобщее обозрение?» Но сор надо выносить из избы, чтобы та была чистой.

Арго — часть русского языка. И эта часть изучена еще очень слабо, чего не скажешь про арго других стран. Во Франции, например, даже имеется Центр по изучению арго, а у нас...

Почти полвека арго находилось в тени, вне поля зрения ученых-лингвистов.

Часто слышишь от преподавателей, что речь молодежи перенасыщена арготизмами. Это так. Но если мы будем только плакать и негодовать, то вряд ли добьемся искоренения слов-сорняков. Ведь чтобы очистить речь от блатных слов, нужно детально их изучить, знать их прошлое и настоящее. И только после этого можно выработать конкретные меры по борьбе с ними.

До сих пор у нас в вузах стыдливо умалчивается об арго. Поэтому учителя-словесники не знают не только корней этого явления, но даже и самих слов. А их ученики всюю «бóтают по фёне»...

Блатной язык прочно укоренился в сознание каждого русского человека, многие даже и не подозревают, что употребляют тюремные слова. Наши лингвисты-русисты переспрашивают меня, с сомнением качая головой: «А что, неужели слова *тусóвка*, *отмывáние дéнег*, *грязные дéньги*, *теневи́к* — из арго?!» «Оттуда, — отвечаю я, — а сейчас уже получили права литературности». Некоторые коллеги даже ставят знак равенства между арго и... нецензурной бранью. Но это далеко не так! По своей эмоционально-экспрессивной окраске ряд арготизмов нейтральны, особенно это касается тех, которые используются в специализированных арго, см. например: *трайно́жка*, *гуси́ная ла́пка* — инструмент для взлома несгораемых сейфов, *скользо́к* — шулерский приём.

«Хуже всего — полузнание», — так сказал знаменитый французский философ М. Монтень ещё в XVI в. Эти слова актуальны и по отношению к изученности арго, а неизученность блатной лексики порождает многочисленные мифы об уголовниках.

Жизнь деклассированных элементов, на наш взгляд, исследована недостаточно полно. А ведь они — часть нашего общества. Арго, как зеркало, отражает различные стороны существования преступного мира. При анализе лексики уголовников вскроются многие, казалось бы, таинственные стороны жизни людей «дна». Однако ничего таинственного и романтического у них нет. И мир уголовников в общем, и блатные слова в частности не изучены (или плохо изучены) — вот поэтому много заблуждений относительно правонарушителей имеется в обществе. Исчезнет романтика преступлений — исчезнут и блатные словечки. «Разружьте нору Невежества, — говорил В. Гюго, — и вы уничтожите крота — Преступление».

Ошибка при установлении или выявлении философии уголовного заключается прежде всего в том, что многие исследователи анализируют арго лишь в синхронной плоскости, а не в диахронии. В этом случае они уподоблены зрителю, пришедшему в зал в середине действия и не понимающего всего того, что происходит на сцене. Вторая ошибка — изучение арго вне его связи с другими элементами субкультуры уголовников: блатными песнями, кодексами «чести», пословицами, поговорками, татуировками. Между тем (и это будет доказано в нашей книге!) пословицы, поговорки и татуировки преступного мира — прежде всего лингвистический объект исследования.

Учёным следует выявить причины проникновения арготизмов в общенародную речь, в художественную литературу, публицистику, просторечие, молодёжные жаргоны и т. п.

До сих пор ещё не описана методика сбора «живого» материала деклассированных элементов. Нам кажется очень сомнительным сбор материала «в открытую»: при помощи видных для информанта диктофона, магнитофона, записных книжек и блокнотов (именно так собирали арготизмы некоторые исследователи!). В этом случае собеседник, как показывает практика, моментально замыкается. Дело не только в том, что данные технические средства ассоциируются у него с допросом — нередко информант не хочет раскрывать своих тайн, так как любой законопослушный гражданин считается профессиональным уголовником социальным врагом или, по меньшей мере, человеком низшего ранга; см. арготические пренебрежительные названия собирателя блатных слов: *палукрòвка*, *фёна в бóтах*, *цветной*.

Современный арготический материал, использованный в книге, был получен автором в результате непосредственного наблюдения за «живой» речью деклассированных элементов, осуществлялись также выборки арготизмов из тюремного фольклора: блатных песен, поговорок, посло-

виц, афоризмов, которые также были собраны нами и частично использованы в данном исследовании. При сборе лексического материала автор, непосредственно общаясь с криминальным элементом, часто использовал «принцип запоминания» и затем старался воссоздать текст разговоров, бесед, хотя нередко использовал и скрытые диктофон и магнитофон. Иногда беседы носили и доверительный характер. Автор также приобретал у лиц, побывавших в местах лишения свободы, альбомы, записные книжки и песенники, в которых зафиксированы элементы субкультуры преступного мира (пословицы, поговорки, блатные песни) и извлекал из них арготизмы. Нередко в сборе арготического материала ему помогали и сотрудники правоохранительных органов.

Изданные или рукописные арготические словари имеют ряд недостатков и ошибок.

1) Это недостатки орфографического и пунктуационного характера (см., например, словник М. Никонорова «Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной форме преступным элементом» и работу И. Вориводы «Сборник жаргонных слов и выражений, употребляемых в устной и письменной речи преступным элементом»).

2) В эти словари включены лексемы из других систем. Например, в словаре В. Хукка «Жаргон и аббревиатура преступного мира» имеются просторечные слова: *гавкать* — кричать, ругаться, вести неприятный разговор; *грива* — волосы, причёска; литературные слова: *блефовать* — рисковать; запутывать партнёров при игре в карты; *пас* — пропущенный ход в карточной игре. Наблюдаются неточности в формулировках значений: см., например, в «Словаре воровского и арестантского языка» приставка В. Попова выражение *семь вёрст до небес и всё лесом* — поговорка, означающая человека, который слова правды не скажет, или в словнике П. Фабричного «Язык каторги» фразеологизм *взять по делу* — неосторожным

поведением на допросах оговорить другого и привести с собой в тюрьму (должно быть: нечаянно выдать на допросах сообщника, который в результате этого невольного предательства может оказаться в местах лишения свободы. Многие окказионализмы были также включены в арготические словари: см., например, в «Словаре тюремно-лагерно-блатного жаргона», слово-окказионализм *зарево* (освещение запретной зоны ИТУ), которое не получило распространения в общеуголовной среде. Некоторые лексемы очень подозрительны по своему происхождению: то ли это слова придуманы самими составителями, то ли взяты из других систем, например, *жаргон* (см. СТЛБЖ, Мильяненко) объясняется как драгоценный камень жёлто-красного цвета, но это слово встречается у В. И. Даля почти с тем же значением (!), а в современном арготическом оно отсутствует. Часто лексические значения арготизмов объясняются, как справедливо заметил исследователь арготического В. Быков, синонимами из общеупотребительной лексики, что крайне недопустимо, так как очень часто для блатного слова нет эквивалента;

3) Этимология нередко даётся неверная (например, в «Толковом словаре уголовных жаргонов» происхождение лексемы *пахан* — «отец» связано, по мнению составителей, с устарелым общенародным словом *папахен* — папочка, тогда как известно, что *пахан* — от офенского слова *похан* — хозяин); г) во многих словарях нет ссылок на источники или на время фиксации, поэтому дореволюционные арготизмы воспринимаются читателями как современные; в ряде случаев дореволюционные арготизмы «подгоняются» под современные (для увеличения объёма словаря в коммерческих целях?), так в «Словаре воровского языка», изданного в Тюмени (автор/авторы и редактор не указаны) выражение *окрестить джека* — уничтожить номер или надпись на похищенном, поставив вымышленное, но в современном арготическом такой фразеологизм отсутствует; в дореволюционном арготическом *окрестить джека* означает

выскоблить номер, вензель надпись на краденых часах и выставить вымышленное;

4) В большинстве словарей отсутствуют ударение, грамматическая характеристика, контекст, не всегда выдерживается алфавитный порядок заглавных слов;

5) Часто составители арготических словарей списывали текст друг у друга, без ссылок на предыдущего автора; например, В. Попов ввёл в свой «Словарь воровского и арестантского языка» арготизмы и их лексические значения из романа Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» и из словаря В. Трахтенберга «Блатная музыка. Жаргон тюрьмы». Между тем на эти словари как на образцовые ссылаются учёные, соискатели, работающие над кандидатскими, а то и докторскими диссертациями. И то, что простительно авторам, сотрудникам правоохранительных органов, которые составляли арготические словари для узко конкретных целей: для профилактики правонарушений, оперативно-розыскных мероприятий и т.д., не простительно лингвисту-учёному.

Значительная часть молодёжи идеализирует уголовный мир, считает преступников сильными, умными, порядочными людьми. Насколько это так, вы узнаете, познакомившись с этой книгой.

В настоящее время в отечественной науке о русском языке возник ряд проблем, связанных с социальной диалектологией: фиксацией социальных диалектизмов в словарях, методикой сбора и разграничением социодialeктизмов, описанием социальных диалектов, влиянием социодialeктизмов на общенародный русский язык, созданием фундаментальных социодialeктологических словарей, упорядочением терминологии социолектов и проч.

В последнее время составлен ряд словарей социальных диалектов, прежде всего арго деклассированных элементов, военного и молодёжного жаргонов. Наряду с удачными работами, выделяется и ряд неудачных, составленных дилетантами и даже нелингвистами. А на них, как на об-

разцовые, ссылаются учёные-лингвисты... Теперь перед нами встала вторая задача: отделить научное от лженаучного. Должна быть социодialeктологическая маркированность слова. Нужно разграничить социальные диалекты, так как в них имеется много путаницы.

До сих пор ещё социальная диалектология не выделена (во всяком случае в вузовских учебниках) как особый раздел науки о языке. Её нет в обязательных дисциплинах у студентов-лингвистов, и читается она больше всего как факультатив.

У нас давным-давно изучается территориальная диалектология, в которой утверждается, что территориальные диалекты — прошлое языка, но почему-то умалчивается о социальных диалектах, в которых также отражена история русского языка, см., например, арго, жаргон военных, в этих социолектах имеются старинные лексемы. То есть и социальные диалекты могут рассказать многое о прошлом русского языка (хотя бы на лексическом, морфологическом и словообразовательном уровнях).

Обычно говорят, что в территориальных диалектах сохранилось много древнерусских элементов, но они имеются и в социальных, особенно в арго, так как деклассированные элементы — одна из устойчивых социальных групп русскоязычного населения, законы и порядки которой достаточно консервативны, её элементы субкультуры, частью которой является и арго, передавались из поколения в поколение, вместе с ними передавались и устаревшие слова. Многие слова старинного арго тесно связаны с фольклором, арготические метафоры нередко напоминают фольклорные метафоры.

В территориальных диалектах часто встречаются социолектизмы. Территориальная диалектология во многом проигрывает из-за того, что практически не учитывает многих социальных факторов, хотя хорошо известно: не только речь города, но и говоры деревни характеризуются внутренней социальной дифференциацией.

У нас имеется много исследований о языковой ментальности всего русского народа, а о конкретных социальных группах — лишь отдельные попытки анализа.

До сих пор ещё на терминах *арго*, *жаргон* лежит печать отрицательной окраски и многие лингвисты считают лексику, которую обозначают данные термины, недостойным объектом для изучения, несмотря на многочисленные публикации и защиты кандидатских и докторских диссертаций по социодialeктологическим проблемам. Между тем — и на это обращали внимание многие писатели-классики (например, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь) и выдающиеся лингвисты (например, Б. А. Ларин, Д. С. Лихачёв) — чистого «рафинированного» литературного языка никогда не было, да и формировался нормативный язык за счёт его внелитературных форм: общенародного просторечия, социальных и территориальных диалектов. Игнорировать жаргонно-арготическую лексику — всё равно что призывать к неупотреблению всех иноязычных лексем. Сказанное отнюдь не означает, что автор стоит на позициях разрешительства и вседозволенности в языке. Но только тогда можно изучить феномен любого социолекта, в частности аргю, только тогда можно решить проблему использования жаргонно-арготической лексики с позиций культурно-речевой нормы, когда будет осуществляться действительно научный подход, без предвзятостей.

Многие из перечисленных выше социолектов имеют довольно обширные зоны пересечения с жаргонами других, смежных социальных групп, т. е. существует большое количество бижаргонов или общих жаргонов. Примерами таких образований могут служить жаргон картёжников и аргю шулеров, жаргон антикваров и аргю воров антиквариата. К сожалению, и эти разновидности не получают в современных публикациях должного освещения и нередко игнорируются.

С другой стороны, существующие исследования довольно часто рассматривают социолекты односторонне.

Так, например, аргю нередко интерпретируется как некая единая разновидность социального диалекта, хотя известно, что существует общеуголовное аргю, которым пользуются практически все деклассированные элементы, тюремное аргю, его применяют уголовники в местах лишения свободы (лексема этого подраздела аргю обозначают лишь те реалии, которые имеются в ИТУ), специализированные аргю (шулеров, воров-карманников, взломщиков сейфов, проституток и т. д.). Другими словами, любой социальный диалект подразделяется на подвиды, а те, в свою очередь, также имеют подразделы, что должно учитываться в соответствующих исследованиях.

Отдельно стоит вопрос о влиянии социолектов на общенародный язык, особенно на язык СМИ, художественной литературы. Следует выявить причины, которые способствуют переходу жаргонно-арготической лексики в данные разделы языка.

Несомненно, при решении первоочередных задач социальной диалектологии будут решены и задачи, связанные с культурой речи, с целесообразностью употребления аргоизмов в СМИ.

Журналисты должны наконец понять, что использование ненормативной лексики, частью которой являются аргоизмы, приводит к негативным моментам. Вульгаризация газетно-публицистического стиля уже сказывается на интеллектуальной планке газетных жанров, которую они вынуждены с каждым месяцем снижать. Это делается и в погоне за подписчиком (потребителем). Но в таком случае со временем материалы прессы будут читать только люди с начальным образованием. Получается, что культурные (культурные ли?) журналисты идут на поводу у малограмотной части населения.

Другой проблемой является маркированность социолектизма. То есть одна и та же лексема в настоящее время может быть принадлежностью двух, а то и трёх социальных диалектов. Например, сейчас трудно определить «со-

циальное» происхождение слова *смарфетить* (создать искусственные улики преступления): то ли оно было вначале принадлежностью деклассированных элементов, то ли родилось в среде правоохранительных органов.

Известно, что в настоящее время множество арготизмов перешло в просторечие: *мент*, *забить стрелки*, *разборка*, *лох* и проч. Некоторые лингвисты поспешили их «открепить» от языка преступного мира. Однако частотность их употребления деклассированными элементами является очень высокой, намного выше, чем в просторечии, и до сих пор они признаются «своими» в преступной среде. Дело в том, что социолектизмы имеют ещё и социальный «до-весок» (термин Д. С. Лихачёва). То есть *мент* — это не простое обозначение милиционера, но ещё и социального врага преступников, *разборка* — не только выяснение отношений между криминальными группировками, но и своего рода «работа» уголовников.

Глава 1

ШПОРА ПЕТУХА, БЛАТНАЯ МУЗЫКА И ЖАРГОН О названиях лексики деклассированных элементов

Лексика деклассированных элементов имеет ряд названий: арго, жаргон, условный (условно-профессиональный) язык (сленг) преступников (воров, уголовников), байковый язык, воровской язык, язык преступников, арго воров, арго преступников, жаргон воров, жаргон преступников, арго деклассированных элементов, жаргон (арго) асоциальных элементов, жаргон (арго) деклассированных элементов, тюремное арго, тюремный жаргон, тюремный язык, фёня, блатная фёня, фёнёк, сёня, сёнёк, тюремно-лагерный жаргон, тюремно-лагерно-блатной жаргон, музыка, блатная музыка, акцент, рыбий язык и др. Здесь перечислено большинство названий лексики преступного мира. Наиболее часто повторяются слова *арго* и *жаргон*. Откуда они? Что обозначали и обозначают? Есть ли разница между этими терминами? Постараемся разобраться в этом.

Нередко эти слова считаются абсолютными синонимами. Так, например, составители «Словаря русского языка» (под ред. А. П. Евгеньевой, 1985) и составители «Словаря иностранных слов» (Лёхина И. В., Петрова Ф. Н., 1954) указывают, что *жаргон* — то же, что и *арго*.

Другие ученые считают слова *арго* и *жаргон* неполными синонимами, отличающимися либо оттенками значений, либо совпадающими в одном значении (Ахманова, 1962).

Третья группа лингвистов подчеркивает, что жаргон различен по смыслу. Жаргон, по мнению лингвиста Л. И. Скворцова, — в определенной мере языковая игра. Жаргон отличается от арга тем, что его носители не пытаются засекретить свои мысли, намерения при помощи жаргонизмов, тогда как арга употребляется и в тайных целях.

Имеются многочисленные классово-прослоечные жаргоны (дворян, купцов, мещан, крестьян, духовенства, чиновников), производственные жаргоны (электриков, каменщиков, наборщиков, артистов), жаргоны людей, объединяющихся по интересам и увлечениям (рыболовов, картежников, доминошников, спортсменов, коллекционеров), молодежные жаргоны (школьников, студентов, солдат, матросов, неформальных группировок). Но есть арга деклассированных элементов: воров, шулеров, нищих, проституток, беспризорников, бродяг и проч.

О происхождения слова *жаргон* имеется две точки зрения: слово *жаргон*, по мнению составителей «Краткого этимологического словаря», заимствовано из французского языка в середине XIX в.: «Француз. *jargon* — испорченный язык, возможно, того же корня, что и *gargoniller* — булькать, урчать». В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера имеется другое толкование слова *жаргон*: «Жаргон, из франц. наречие, жаргон, производят из галло-ром. **gargone* — болтовня».

Действительно, значения «испорченный язык», «болтовня» больше подходят для следующего определения *жаргона* — общественная забава, языковая игра, подчиненная принципам эмоциональной экспрессии. В нем нет элементов секретности, условности.

Слово *арго* впервые появилось в русской литературе в 60-х годах XIX в. В романе «Петербургские трущобы» (1866 г.) Вс. Крестовский утверждал, что русские деклассированные элементы имеют свое *argot*. Слово *арго* (франц. *argot*) представляет собой искаженное *ерго*

(франц. *ergot*) — шпора петуха, символ воровского ремесла. Французские преступники XIII–XIV вв., чтобы узнавать своих, носили привязанную к поясу эту часть петушиной лапки. Что-то подобное было, вероятно, и у русских преступников. К сожалению, это мы можем только предполагать. Вещественные символы были очень распространены в то время. Например, у каждого опричника Ивана Грозного к седлу были приторочены собачья голова и метла. Собачья голова означала преданность царю, а метла — то, что всех врагов выметут из государства Российского.

Слово *арго* во Франции с середины XIX в. стало применяться, по мнению исследователя В. Н. Портянниковой, для обозначения и лексики деклассированных элементов, и для различных жаргонов, и даже для фамильярно-разговорной речи парижан.

В России термин *арго* получил распространение среди лингвистов лишь в начале XX века. Какими же терминами ученые пользовались в середине XIX века, когда только что начали исследовать воровской язык? Лексика деклассированных элементов в то время называлась *условным языком преступников, байковым языком, музыкой*. См., например, название рукописи В. И. Даля «Условный язык петербургских мошенников, известный под именем *музыки* или *байкового языка*. *Байковый* — от слова *байка* (побасенка, сказочка), которая, в свою очередь, образовалась от русского глагола *баять* — говорить. У читателя, вероятно, сразу же возникли ассоциации со словом *баян* — музыкальный инструмент. Действительно, уж очень заманчивая словарная цепочка: *байковый язык* — *баять* — *баян* — *музыка*. Но слово *баян* ничего общего не имеет с языком преступников. Музыкальный термин *баян* появился примерно в конце XIX–нач. XX вв.

Музыкальный инструмент, по мнению составителей «Краткого этимологического словаря русского языка» назван по имени древнерусского поэта Бояна русским гармонистом А. Ф. Орланским-Титаренко (1877–1941).

В начале XX века к слову *музыка* прибавилось и слово *блатная*.

В 1908 г. появился словарь В. Ф. Трахтенберга с любопытным названием «Блатная музыка. (Жаргон тюрьмы)». И. А. Бодуэн де Куртенэ в статье, посвящённой изучению арго, иначе его и не называет, как *блатная музыка*. См. его статью «Блатная музыка» В. Ф. Трахтенберга // Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, т. 2. Любопытно, что в этой небольшой статье (всего две страницы) словосочетание *блатная музыка* встречается двенадцать раз! И в дальнейшем оно стало употребляться в лингвистической литературе в качестве синонима к термину *арго*. См., например, название статьи М. М. Фридмана — «Еврейские элементы *блатной музыки*» // Язык и литература. Л., 1931. В словарях русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, В. И. Чернышёва, С. И. Ожегова, А. П. Евгеньевой *блатная музыка* — то же, что и *арго*.

Из двух компонентов фразеологизма *блатная музыка* более новым является *блатная*. Лексема *блатная* — от слова *блат*.

Первой фиксацией данной лексемы является очерк А. И. Куприна «Вор» (1895).

«Промежуточную ступень между ворами и обыкновенными людьми, — писал он, — составляют *блатные*, т. е. пособники, покровители или просто глядящие сквозь пальцы — люди всех чинов и званий». Следовательно, по Куприну слово *блат* обозначало пособничество, покровительство преступникам. С несколько иным значением это слово упоминается в словаре В. Ф. Трахтенберга: «*Блат* — всякое преступление, какого бы рода оно ни было (кража, убийство, грабёж). Название это происходит либо от нем. *Blatt* — лист (открытый лист, сопровождающий арестанта, и в котором вписано совершенное им преступление), либо *Blutt* — искажённое «кровь». В языке немецких мазуриков (воров) *Blatt* — укрыватель краденного, нем. *platt* — доверенный, подружившийся».

Но есть и другие мнения о происхождении этого слова. Советский ученый В. В. Стратен вслед за немецкими и польскими учеными С. Клюге, А. Ландау, А. Курка утверждал: «Самый термин *блатной*, столь теперь уже известный и обозначающий представителя преступного мира, «своего», перешел через польские арго из немецкого *Rotwelsch* (арго. — М.Г.)».

В записях, приведенных Клюге, находим: *platt* — доверенный, дружеский; *Blatter* — вор; нем.-евр. *Blat* — доверенный, согласный на что-л.; польск. *blat* — укрыватель краденного; *blatbyc* — согласный на что-л. (В. Стратен, 1931).

Авторы «Краткого этимологического словаря русского языка» так же, как и В. В. Стратен, указывают, что слово *блат* перешло к русским уголовникам из польского языка. «В последнем (в русском арго. — М.Г.) — утверждают они, — из польского языка. Польск. *blat* — мошенник, укрывающий по знакомству — заимствование из еврейского языка. Еврейск. *blat* — близкий».

Известно, что в конце XIX — начале XX вв. некоторые арготические слова стали интернациональными, то есть употреблялись преступниками ряда стран. Таким же, вероятно, был арготизм *блат*. В русском дореволюционном арго имелись следующие производные этого слова: *блатной* — преступный, свойственный преступнику, член преступного мира, ловкий вор; *блатак* — скупщик краденного; *блатырь* — *каин* — конокрад; *блатная музыка* — арго... Всего 16 слов и фразеологизмов.

Любопытно, что арготический фразеологизм *блатная музыка* в начале XX в. стал своеобразным термином, обозначающим арго, но он не закрепился в терминологических словарях: его потеснило слово *блат*.

В конце 10-х — нач. 20-х гг. XX в. часть арготизмов перешла в русское просторечие. Перешел туда и арготизм *блат*. Он стал жить как бы в двух средах: в арго и в просторечии. Слово *блат* стало обозначать и преступный мир, и

пособничество в преступлении, и аргю. На базе этого слова родилось выражение *по блáту* — незаконным способом, по знакомству. (Некоторые учёные утверждают, что выражение *по блáту* уже функционировало при Петре I: якобы сынков купцов *по блáту* (за взятку) могли не брать на службу в армию. Однако ни в одном словаре, ни в одном художественном или документальном произведении лексема *блат* вплоть до 1895 г. не зафиксирована). При образовании данного значения сыграл свою роль и немецкий литературный язык, где *Blatt* — лист, листок. Вероятно, возникла следующая семантическая цепочка: лист (листок) — записка — записка влиятельного человека.

В «Толковом словаре русского языка» (1935–1940 гг.) под редакцией Д. Н. Ушакова слово *блат* имеет пометку «из воровского аргю», а выражение *по блáту* — «новое, просторечное, вульгарное». В настоящее время слово *блат* в значении «аргю» приобрело права литературности и даже зафиксировано как термин: см., например, «Словарь-справочник лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой.

Но всё-таки, почему аргю раньше именовалось *му́зыка*? То, что оно действует на эмоции? Да, аргю воздействует и на чувства деклассированных элементов, и на чувства законопослушного населения. Но не это явилось определяющим при появлении на свет лексемы *му́зыка*, то есть данное слово образовалось не при помощи метафоры. Думается, что возникновение его гораздо сложнее.

Му́зыка (язык преступников) — слово довольно странное даже для аргю, в котором имеются различные словесные неожиданности. Но в лексике преступного мира был ещё и более причудливый фразеологизм (активно он употреблялся в середине XIX в.): *ходить по му́зыке* — совершать преступления. Но какая связь между *ходить по му́зыке* и «совершать преступления»? Казалось бы, никакой. Однако, если верно определить в аргю важнейшие способы словопроизводства и принципы возникновения

слов, а также связи деклассированных элементов с другими социальными группами, то всё встанет на свои места.

Нам кажется, что слово *музыка* в аргю появилось благодаря звуковой мимикрии. Данный способ словопроизводства очень распространён в аргю. Язык «рисует» самые неожиданные образы. Так, в дореволюционном аргю при помощи звуковой мимикрии образованы слова *алёшка* — лакей; *мишу́ка*, *мишура́* — мешок; *башки́р* — большеголовый человек (от *башка́*); *пéтя* — пятисотрублёвый кредитный билет; в современном аргю: *áлик* — алкоголик; *бапту́ст* — бабник; *балбёс* (от *балаба́с*) — продукты, содержащие большое количество жира; *марго́* — маргарин; *червя́к* — червонец.

Несомненно, что *му́зыка* — это слово, также образованное с помощью звуковой мимикрии. Но какая лексема явилась его основой, его первокирпичиком? Каких-либо производных арготизмов от слова *му́зыка* в составе дореволюционного аргю нами не обнаружено. Из фонетически близких к арготизму *му́зыка* можно причислить следующие слова: *маз* — преступник, мошенник, старый опытный вор, атаман разбойничьей шайки, вор-карманник, помощник вора-карманника; *мазу́рик* — те же значения, кроме третьего и четвёртого; *ма́за* — учитель воров; *мазьё́* — мошенники, воры; *мазура́ несчастная* — плохой вор; *мази́ха* — женщина, принадлежащая к преступному миру, дама (игральная карта); *мазу́рить*, *мазу́рничать* — воровать из карманов. Как видим, в этих словах отчётливо прослеживается корень *маз*. Заметим также, что все эти слова обозначают либо представителей преступного мира, либо их преступные действия.

И слово *музыка*, насколько это явствует из фразеологизма *ходить по му́зыке*, также обозначало преступление. (Любопытная деталь: арготизм *блат* почти повторил историю слова *му́зыка*: *блат* сначала — любое преступление, затем — язык преступного мира; *ходить на блат* — совершать преступления).

Корень *маз* имеется и в лексеме условного языка офеней — *мазы́ка*. О лексическом значении этого слова существует два мнения. Так, С. В. Максимов утверждал, что это самоназвание офеней (см. выдержку из его произведения «Несчастные»: «С 1700 года офени, как известно, разбрелись по всему лицу земли русской и даже переходили за австрийскую границу, всюду называли себя особым народом — *мазы́ками*»). Несколько иного мнения исследователь офенского языка И. А. Трофимовский. «*Мазы́ки* от слова *ма́зать* (рисовать), — утверждал он, — так называют богомазов, которые рисуют иконы, а затем их продают (сёла Мстера и Холуй Вязниковского уезда Владимирской губернии). Там же село Палех. Боготаскатели — офени, занимающиеся перепродажей икон» (И. Трофимовский, 1866). И так, заметим: *мазы́ки* — иконописцы, *боготаска́тели* — скупщики икон. Вероятно, у офеней было выражение *ходить по мазы́ке (мазы́кам)* — скупать у иконописцев иконы с целью их дальнейшей перепродажи. Там, где скупка, — часто мошенничество и обман, и фразеологизм *ходить по мазы́ке* получает новое значение — мошенничать, плутовать. А перейдя в арго, непонятное и не характерное для преступного мира слово *мазы́ка* трансформировалось в лексему *музы́ка* (уголовники стараются «подогнать» непонятное для них слово под уже знакомое).

В арго выражение *ходить по музы́ке* получило и новое лексическое наполнение — совершать преступления. Кстати, по аналогии с ним образовались и другие фразеологизмы: *бегать всю доро́гу* — постоянно воровать; *бегать по до́мобой* — воровать из домов и квартир; *бегать по цепу* — воровать белье с веревки; *бегать по очко́вой* — воровать из квартир и домов через форточку. И ещё одна любопытная деталь: слово *маз (мас)* в условном языке имело несколько значений — крестьянин, человек, офеня, я.

Получается любопытная лексическая параллель: в условном языке *ходёбщиков маз (мас)* — офеня, человек, а в арго *маз, челове́к* — профессиональный преступник.

Что же осталось в арго в настоящее время от когда-то этимологически родственных слов *маз, мазу́рик, му́зыка*? В современном арго и сейчас употребляются слова *маз, ма́за* — главарь воровской группы. Арготизм *ма́за* имеет и ещё одно значение — шайка, сплочённая воровская группа; фразеологизм *держáть мазу́* означает — заступаться друг за друга, поддерживать. С 20-х годов XX в. в среде деклассированных элементов не употребляется слово *мазу́рик*, почти не встречается в современном арго фразеологизм *блатна́я му́зыка*: используется только один его компонент — *му́зыка* (от него образован арготизм *музы́кант* — знаток арго).

Наиболее распространённым неофициальным названием арго является слово *фе́ня*. Почему *фе́ня*? Что это? В честь любимой девушки, сестры или матери? Нет. *Фе́ня* — это изменённое *офе́ня*, опять коробейник, торговец мелким товаром. Даже фразеологизм *по фе́не бо́тать*, появившийся в 10-х годах XX в. и означающий «говорить на арго», является видоизменением *по офене болтать*, то есть говорить на условном языке офеней. Отсюда *фе́ня* — арго. Порой свою лексику уголовники называют и несколько пренебрежительно — *фе́нька*. Потом по аналогии слово *фе́ня* заменили на лексему *со́ня*, имя, достаточно распространённое и популярное в первой половине XX в., да ещё здесь и примешивается воровской ореол бессмертной воровки-карманницы Сони Золотой Ручки (Софьи Блювштейн).

В 20-х годах преступники не только *бо́тали*, но и *стучáли по фе́не (со́не)*, *кулика́ли по-сво́йски*. Несколько позже уже стали *ку́рсать* или *ку́ргать по фе́не (со́не)*. Слова *ку́рсать, кулика́ть* обозначают только «говорить на арго» и ни в коем случае не обозначают нейтральное «говорить».

Иногда преступники для обозначения арго используют лексемы: *акце́нт* (см. контекст: «Современной отечественной наукой признано, что *блатна́я му́зыка, ры́бий*

язык, стук по блáту, акцѐнт, уголовный жаргон есть органичная часть национального русского языка» (ПК, 1999, №35); *зернь* (контекст: «Кстати, когда брали *барыгу*, ты чересчур много *зѐрни сморóзил*. В *тѐмпе*, *бля!* Не разевай *вафельник*, *фраѐр!*») (И. Деревянко. Замусоренные).

Наиболее часто в середине XIX–нач. XX вв. для обозначения арга использовались фразеологизмы, в которых имеется компонент язык: язык *балабу́рный* — «арго проституток» («Жаргон проституток на юге называется *балабу́рным языком*» (Ильин, 1912); язык *кантю́жский* — «арго». (В Рязанской и Тверской губерниях записные нищие, по промыслу, и мошенники, воры, конокрады, *зверѐнники*, говорят почти тем же *офенским языком*, с небольшими только изменениями, и называют его *кантю́жным* (Даль-1); язык *курба́цкий* — мещанский воровской язык (Добровольский, 1897).

Но самым древним для обозначения арга является слово *отвѐрница* — арга воровских казаков. Примечательно, что первые известия об арге (XVII в.) связаны с казаками, которые называли свою лексику *ясáком* или *отвѐрницеѝ* (Грачёв, 1997).

Интерес представляет и фразеологизм *чири́кать на ры́бьем языке* — разговаривать на арге. Кстати, *чири́кать* может иметь и нейтральное значение — говорить. Автор был свидетелем (попутно заметим, что преступники очень не любят этого слова, предпочитая ему слово *очевидец*) одного любопытного диалога, где арготизм *чири́кать* употреблялся уголовниками в нейтральном значении «говорить». Разговор происходил после разбирательства одной из ссор.

«— Ну, как, *дочирикались* о чем-нибудь?

— О чем с этим *бакла́ном* (дураком — М.Г.) можно *добазáриться* (договориться — М.Г.)?! *Чирикали* почти целый час, а толку никакого!

— Ну и дал бы ему *по ушам пару* раз, чтобы умнее был, чтобы знал, на кого *прыгать!*»

Ры́бий язык — это арга. Следует подчеркнуть, что вне фразеологизма *чири́кать на ры́бьем языке* сочетание *ры́бий язык* в речи преступников употребляется довольно редко.

В 30-х годах XX века, если человек стал хорошо изъясняться на арге, то уголовники обычно говорили про него, что он *наблаты́кался* или *наблатова́лся*. Потом уже, несколько позже, слово *наблаты́каться* стало иметь более широкое значение — получить достаточный опыт в чем-либо.

Человека, который свободно владеет арге (не обязательно преступника), деклассированные обычно называют *полукрóвкой* или *цветны́м*, исследователя арга — презрительно *фе́ней в бо́тах*, словарь арга — *блат-зада́чиком*.

В нашей книге чаще будет употребляться термин *арго* — лексика деклассированных элементов. При употреблении мы учитываем его происхождение и первоначальное значение. Итак, за мной, читатель-*аргонáвт!*

СТАРАЯ И НОВАЯ ФЕНЯ

Краткий очерк истории арго

Экономична сущность бытия:
Все новое в нём шьется из старья!

В. Шекспир

Я ни пел, ни воровал, ни штанов, ни денег.
Ни по старой я не знал, ни по новой фене.

В. Высоцкий

«Во все времена и у всех народов европейских глубокие тайны, на которых основывается вся суть преступных замыслов и преимущественно мошенничества, всегда прикрывается многочисленными и разнообразными способами изъяснений. Начало мошеннического языка (арго — М.Г.) уходит в древнейшие времена, когда следы его являются в неясном виде, но с течением времени язык этот, подобно мутному отстою, испытывал постоянное брожение, обогащался и совершенствовался» (С. Максимов, 1872).

До сих пор среди историков языка, юристов ведутся споры о времени и месте зарождения арго русских деклассированных элементов. Языковед Р. Шор предполагала, что язык преступного мира возник в эпоху денежного и торгового капитала: в Германии в XIV в., во Франции в XV в., в Англии в XVI в., в России в XVIII в. (Р. Шор, 1921). Этой же точки зрения придерживаются и авторы книги «Речь в криминалистике и судебной психологии» (А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович, В. И. Битов, 1977).

Совершенно иная точка зрения имелась у составителя словаря «Блатная музыка (Жаргон тюрьмы)» В. Ф. Трах-

тенберга (1908). Он считал, что арго произошло от офенских условных обозначений, которые были обнаружены им в рукописях XVII века. Следует заметить, что для этого утверждения есть веские основания. В дореволюционном арго уголовников имелось много слов, заимствованных из условно-профессионального языка офеней. И сами преступники считали, что арго обогащалось офенскими словами.

Автор этой книги в Нижнем Новгороде имел любопытный разговор с одним из представителей уголовного мира. Речь шла о происхождении арго. Этот человек рьяно утверждал, что все блатные слова были придуманы купцом, которого звали Офеней и который жил очень давно. Как видим, отголоски древнего времени дошли и до современных преступников. Это неудивительно: ведь деклассированные элементы являются достаточно сплочённым сообществом, передающим из поколения в поколения различные неформальные законы, предания, легенды, поэтому в арго имеются очень древние слова, восходящие даже к временам «Русской правды» Владимира Мономаха, см., например, арготизм *вiра* — убийство, а в «Русской правде» *вiра* — штраф за убийство. Т. е. в арго, как и в территориальных диалектах, сохранились элементы прошлого русского языка. С одной только оговоркой: если в говорах и лексические, и грамматические, и фонетические, то в арго — только лексические.

Исследователь Е. М. Галкина-Федорук соотносила появление языка преступников с беглыми крестьянами, которые в конце XVI—начале XVII вв. в большом количестве убегали от своих господ и селились в бассейнах рек Волги и Дона; эти места, по её мнению, явились центрами русской преступности: местами обитания волжских разбойников, лесных грабителей и т. д. (Е. Галкина-Федорук, 1969).

На наш взгляд, все перечисленные предположения о происхождении арго страдают одноплановостью, однолинейностью. Арго зародилось не вдруг, и не в одном ме-

сте, и не от условных обозначений какой-либо социальной группы (например, тех же офеней). Появление языка преступников следует отнести к тому времени, когда на Руси возникает власть имущих, нарождаются города, общество начинает делиться на классы, возникает организованная преступность. Наша точка зрения перекликается с утверждением исследователя языка французских деклассированных элементов Э. М. Береговской: «Из 11 веков существования французского языка — аргю, которое появилось как язык деклассированных, язык бродяг, нищих, преступников, — сопутствует ему, по крайней мере 8. Дата его рождения не отмечена никакими страсбургскими клятвами, и установить ее даже условно невозможно. Появление аргю относят примерно к началу XII века. Оно связывается с возникновением на севере Франции феодальных городов с их разнообразными ремеслами и резкими социальными противоречиями» (Э. Береговская, 1975)

Аргю — неизбежный спутник преступной «профессии», поэтому его появление тесно связано с появлением организованной преступности. Любопытно в связи с этим высказывание В. Лебедева: «Несомненно, что с того момента, как первый профессиональный вор или мошенник вступил в беседу с себе подобным, возник и воровской язык» (В. Лебедев, 1909). Профессиональная преступность возникает вместе с ростом городов, тогда, когда в России (да и в Европе) появляются различные цеха ремесленников, организации торговых людей и прочие объединения. Несомненно свои «цеха» имело и преступное братство. Можно предположить, что воровские «цеха» назывались ещё и по-другому — *ротами*. Вот как говорит о происхождении лексемы *рота* В. И. Даль:

Ротá, ротьбá — божба, клятва, особенно заклинанья, вроде: *отсохни рука* (если неправду говорю; чтоб мне провалиться. *Ротá сиб. иногда* обет, обещанье, зарок, клятва Богу; *стар.* присяга. **Рбта** воен. Часть полка, батальона, вообще пеших войск, под начальством капитана или вооб-

ще ротного командира. Нет сомненья, что это слово наше и образовалось от **роты́** (присяги): *ротники* уже в XII веке составляли в Новгороде дружины, дававшие старосте своему *роту́* отправляясь в торговлю и на похождения; **рбта** присяжная артель, дружина, товарищество, братство. **Рбтниками** звались повольники, ушкуйники, вольница, шайки и артели для набегов, грабежа.

Иными словами, *рбта* по Далю, это и клятва на верность товариществу, а также воинская единица и воровское содружество (шайка). Как видим, уже в древности у разбойников (ушкуйников и повольников) имелись тесные «содружества», связанные клятвой. Кстати, преступники XX–XXI вв. тоже давали и дают клятвы: *зуб даб, пáдла (сúка) б́ду, ёсли..., клянúсь на тидорáса, ёсли ..* и т. п.

В «Петербургских трущобах» мы находим арготический фразеологизм *золотáя рбта* — так называли шайку преступников, занимавшуюся вымогательством у рядовых уголовников. Приведём характерный диалог между главарём «золотой роты» и рядовым преступником:

— Я, брат, себя пороком или воровством каким не марал ещё, слава Богу! А ты что такое?

— Гм!.. а *Золотáя-то рбта*? Кто *капитáном-то* считается? — злобно и как бы про себя заметил Гречка.

— Кто считается? Я — поручик Черноярского драгунского полка Сергей Иванович Ковров! Слышали? А вы все ещё и не доросли до *Золотой-то роты*, потому: вы — трушпники!»

Из диалога можно понять, что лексема *капитáн* означает главаря шайки, именуемой *золотáя рота* (а по «совместительству» поручик, то есть официальное воинское звание С. И. Коврова было на ранг ниже преступного — *капитана золотой роты*). Данное криминальное сообщество занималось вымогательством (или эксплуатацией) у рядовых преступников. Но если есть элитная (*золотая рота*), то есть и рядовые роты. В современном значении *золотáя рбта (контóра)* — это притон, сборище

мелких преступников, бродяг или нищих, см. также лексему *золоторотец* — мелкий преступник; бродяга; нищий. Отголоски «военизированных» названий дошли и до нас: например, *майор*, *полковник* — всё это обозначения в некоторых местах привилегированных уголовников (см. татуировку, которая наносится на веки глаз: *ниже майора не буди*), а также *пехота*, *солдаты*, *бойцы* — рядовые преступники.

«Стихийная выработка жаргона (арго — М.Г.), — писал языковед Б. А. Ларин — диктовалась необходимостью. Тайная речь воровской организации развивалась вместе с преступниками» (Б. Ларин, 1931).

Арго существовало, в основном, в границах определённого центра русской преступности (например, в Берлади, Поволжье (места волжских разбойников), в Новгороде Великом — столице *ушкуйников* (новгородских разбойников), местах скопления воровских казаков — в бассейнах рек Яика (Урала), Дона и т. д. Несомненно, пути волжских разбойников, ушкуйников и воровских казаков пересекались, и у них должны быть элементы общего арго. Однако наиболее полно до нас лишь дошло арго волжских разбойников. Анализируя памятники письменности XV–XIX вв., мы выявили около сорока слов и фразеологизмов волжских разбойников. Несомненно, их было гораздо больше, но они не были вовремя зафиксированы и изучены. Характерно, что большинство слов связано с понятиями «вода» и «судоходство»: *водá* — сигнал опасности; *по рекé волна прошлá* — послана погоня; *пустить рýбу ловить* — утопить; *притóн* — тайная пристань волжских разбойников.

Волжские разбойники не были замкнутым, обособленным разрядом преступного мира: они были тесно связаны с другими разновидностями уголовников. Поэтому мы находим у них общие арготические слова. И волжские разбойники, и московские мошенники (раньше *мошённиками*, *мошонкорёзами*, *мошонкорёзниками*, *мохнорёзниками* назывались воры-карманники — от слова *мошна* — кошёлёк,

сумка) употребляли следующие арготические слова и выражения: *дуван* — доля награбленного; *дуван дувáнить* — делить награбленное; *дульяс* — огонь; *ватáга* — шайка преступников, сброд. В журнале «Московский телеграф» (1828 г.) имелось следующее утверждение:

«В старину между русскими *мошённиками* и разбойниками существовал особый условный язык, непонятный для не знающего правил, по которым он был составлен. Целые фразы придуманы для выражения мыслей и понятий. Так, у волжских разбойников были слова: *сарынь на кáчку*, значит, бить всех; слова: *пустить краснаго петухá*, значит, зажигай дом; слова: *по рекé волна прошлá*, значит, за нами погоня.

Речные пираты сбывали награбленный товар городским скупщикам краденого — *каинам*. И, бесспорно, у них также должны были быть общие арготические слова. Любопытно, что на образование арготизма *каин* (скупщик краденого) повлияло не только имя библейского персонажа Каина, убившего родного брата Авеля, но и литовское слово *kaina* (цена). Волжские разбойники занимались грабежами как на Волге, так и на больших дорогах. Например, знаменитый атаман Матвей Барма не только грабил купцов на Волге между Васильсурском и Макарьевым, но и хозяйничал на лесных дорогах в Горбатовском уезде Нижегородской губернии. У волжских разбойников была тесная связь и с лесными разбойниками — *шишáми* и *тáтями*; *тать* — также арготическое слово, родственное лексемам *таить*, *татьбá* (преступление). В современном арго слово *татёбная* обозначает крупную кражу.

Некоторые арготизмы волжских разбойников, перейдя в общеуголовное арго, функционировали очень долго. Одним из таких слов явился арготизм *водá* — сигнал опасности. В начале XX века он был заменён на немецкое слово *вассер* (нем. *Wasser* — вода). И уже в таком фонетическом облике употребляется до сих пор. А во фразеологизме *по рекé волна прошлá* (послана погоня) исчезли некоторые

слова, и оно трансформировалось в выражение *за нами волна* — за нами погоня.

Иные слова волжских разбойников с течением времени изменили свои лексические значения. Так получилось, например, с выражением *пустить красного петуха*. Первоначально оно обозначало выстрелить из ружья, а затем — поджечь дом в деревне. При переходе в просторечие это выражение приобрело несколько иное значение, чем в арго волжских разбойников, — устроить пожар.

Общепринятый русский язык всегда испытывал влияние арго. Наиболее интенсивно в него переходят арготизмы во время социальных взрывов: восстаний, крестьянских войн, революций. Так, во время крестьянской (?) войны (бунта, грабежа, пиратского набега?) под предводительством С. Разина в русское просторечие перешли следующие арготизмы: *измываться*, *сорынь*, *пустить красного петуха*, *притон*. Любопытен и тот факт, что арготизм *казак* (им был и С. Разин) было заимствован из тюркских языков, где имел значения: «независимый», «искатель приключений», «бродяга», «безбородый», «неженатый». Думается, не случаен тот факт, что в арго много лексем с корнем *казак*.

Казак¹ — бывалый, совершавший побеги арестант; вожак арестантов (В. Попов, 1912; С. Потапов, 1927).

Казак² — 1. Командир взвода или роты заключённых: «На некотором расстоянии у дверей камеры становятся *цинковые*, они предупреждают о приближении *казак*» (командиров взводов и рот)» (Д. Лихачёв, 1993). 2. Контролёр по надзору в ИТУ: «Зачем ты на *казак* *накапал куму*? Наш это был человек!» (Запись 1994). 3. Конный милиционер: «*Казак* около пляжа *наслись*» (Запись 1994). 4. Преступник, не признающий воровских законов: «*Казак допрыгался, замочили сужу!*» (Запись 1994).

Казак³ — месяц на небе; «*Казак* на небе и тот, *падла*, за тучи спрятался, *темняк*, хоть глаз выколи» (Запись 1994).

Казак⁴ — особый тип портового бретёра и задиры; см. контекст из Л. Кармен. Дикари:

«— *Дикари*, тише! Дайте человеку говорить, а не то зубы, руки, как и рёбра переломаяю! — прогремел он из-за своего стола и хватил кулаком по столу так, что вся харчевня дрогнула.

— А, *казак!* — и компания затихла».

Казак — это также сигнал опасности (Д. Лихачёв, 1935); *казаковать* — грабить: «Меня *хозяин* спросил: «На *свободке* опять *казаковать* будешь?» (Запись 1994); *казачий* — принадлежащий контролеру ИТУ: «*Казачья пушка* в тайге очень пришлась кстати» (Запись 1994); *казачить* — совершать преступления, не признавая воровских законов; раздевать жертву при грабеже: «*Отморозки казачат* всюю в Питере» (Запись 1994); «Когда *казачили*, незаметно подкрались *мусорилы...*» (Запись 1995); *казачка* — воровка: «*Казачка* Люська *спалилась* на первом же *шухере...*» (Запись 1994)

Воровские казаки в начале XVII в. (во время крестьянской войны под предводительством И. Болотникова) употребляли арго, которое в то время называлось *отвёрницей* (И. Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в.).

Деклассированные элементы в России, в отличие от уголовного мира Западной Европы, формировались в особых социальных условиях.

Россия была аграрной страной, и в ней преобладало сельское население. Аграрный строй не мог не повлиять на структуру и рост деклассированных элементов.

В России до 1861 года процветало крепостное право, и по своей экономике она являлась одной из самых отсталых государств в Европе. Произвол помещиков в самодержавно-крепостнической России был узаконен. Например, законом от 13 декабря 1760 года помещикам разрешалось без суда и следствия ссылать крестьян в Сибирь.

Это экономическое и правовое положение крестьян влекло за собой рост преступности. Крепостные, бежавшие от своих мучителей, часто объединялись в шайки воров и разбойников

Но вернемся к началу нашей истории. Несомненно, что русское арго родилось еще в IX–X вв. Уже тогда, по свидетельству историка В. Соловьева, появляются хорошо организованные лесные шайки разбойников, конокрадов. Известны и так называемые *ушкүйники*, которые занимались не только разбоями на реках, но и грабили прибрежные селения.

В XV–XVII вв. свирепствуют волжские разбойники. Крупные города в первой половине XVII века становятся притопами воров и грабителей.

На совершение преступлений людей толкала, с одной стороны, нищета и произвол властей, а с другой стороны — невозможность возврата к прежней жизни, так как даже добровольное заявление властям о преступлении влекло за собой тяжкие телесные наказания. Преступники становились изгоями общества, что способствовало их консолидации.

Преступления в XVII веке часто совершали бродяги, которые нередко переодевались сотрудниками охраны правопорядка. «По сути, — как утверждает юрист А. И. Гуров, — это были профессиональные преступники, с достаточно выраженной специализацией, применявшие специальные воровские приемы» (А. Гуров, 1983). Представители господствующих классов того времени тоже нередко совершали преступления против личности и имущественные. Так, например, купцы занимались подделкой документов, дворяне воровали казенные деньги, похищали крепостных с целью продажи.

Исследование исторических и литературных источников, содержащих данные о русских деклассированных элементах IX–XVII вв., не дает ответа на ряд вопросов: не указывается степень организованности уголовников, техника преступлений, мораль и аргю людей «дна». До нашего времени дошли лишь осколки языка волжских разбойников (см. выше). Почему же старое аргю не дошло до наших дней?

Это произошло по следующим причинам:

1) Уголовный элемент того времени был более законопириван, чем сейчас, и он меньше общался с законопослушными людьми.

2) Авторы летописей не знали о существовании воровских слов, а если и знали, то не использовали их в своих рукописях, так как относили их к низкому стилю языка.

3) Приказные, которые ведали сыском, в своих записках не употребляли арготических слов: язык официально-деловых документов должен быть точным, понятным и не должен допускать двусмысленностей.

4) Много рукописей и книг того времени не дошло до нас (погибли во время пожаров, наводнений, войн; еще не обнаружены историками, археологами и т. д.).

Д. С. Лихачев справедливо утверждал, что «самым старым и более всего исторически известным среди аргю (социолектов — М. Г.) является воровское. Там господствует еще не столько социальная, сколько территориальная дифференциация аргю, что и вообще характерно для языковой эпохи» (Д. Лихачев, 1935). Иными словами, в каждой местности, в каждом территориальном диалекте существовало свое аргю.

Основные изменения, которые происходили в русском общенародном языке, непосредственно отражались в языке уголовников.

За целое столетие (XVIII век) среди деклассированных элементов произошли качественные и количественные изменения. В начале XVIII века к прежним причинам преступности прибавились новые. увеличение налогов, войны, эпидемии, годы неурожая. Поэтому неслучайно в годы царствования Петра I наблюдался резкий скачок преступности. Реформы Петра I несли неслыханное разорение крестьянам, часть которых, не выдержав тяжелого гнета, убегала от своего помещика, тем самым пополняя огромную армию бродяг. Беглые крестьяне автоматически превращались в преступников, так как средства к существованию они добывали

незаконным путем. В то же время появляется и большое количество нищих (Л. Белгориц-Котляревский, 1880).

В 1703 году реформой Петра I была создана регулярная государственная полиция. Деклассированные элементы должны были приспособиться к новым условиям. Так, по свидетельству криминалистов, многие воровские шайки становятся более законспирированными, именно в XVIII веке создаются жесткие воровские «законы». Например, запрещался выход из уголовной среды под угрозой смерти, в шайках происходило посвящение в преступники и т. д. В то же время увеличивается число высококвалифицированных карманных краж и шулерство (А. Гуров, 1983). Все это не могло не отразиться на арго.

Характерен тот факт, что арготизмы начинают фиксировать к тому времени, когда сложился русский литературный язык, — в конце XVIII века. Впервые воровские слова были использованы в книге Матвея Комарова «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российской мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина» (1779). Время, описываемое в книге, — середина XVIII века. В ней зафиксировано около 140 арготических слов и словосочетаний, например: *стúкалов монастырь* — тайная канцелярия (сравните с современным арготизмом *стучать* — доносить на кого-л.); *чёрная рабóта* — воровство (сравните с современным арготизмом *рабóта* — воровство); *каменный мешок* — тюрьма (в совр. арго *мешок* — изолятор, одиночная тюрьма); *товар с безумного ряду* — водка; *монастырские чётки* — кандалы; *гремло* — часовой; *пустить рыбу ловить* — утопить; *купцы пропалых вещей* — воры (совр. арготизм *купец* — вор-карманник). Любопытно, что арготические слова встречаются и в тюремных песнях В. Каина (Осипова). Приведём в качестве примера одну из них:

Ах! Тошным-та мне, доброму молодцу, тошнехонько,
Что грустным-та мне, доброму молодцу, грустнёхонько;

Мне да ни пить-та, ни есть, доброму молодцу, не хочется.
Мне сахарная сладкая ества, братцы, на ум нейдёт;
Побывал бы я, добрый молодец, в каменной Москве,
Только лих-та на нас, добрых молодцев, новый *сыщикек*,
Он по имени, по прозванью Иван Каинов,
Он не даст нам, добрым молодцам, появиться,
И он спрашивает пашпортов все печатных,
А у нас, братцы! Пашпорты своеручные,
Своеручные пашпорты, все поддельные.

М Комаров, 1779

В этой песне встретилось два уголовных слова — *своеручные* — фальшивые; *сыщикек* — сыщик, сотрудник правоохранительных органов.

Сравните с современными арготизмами-деминутивами *защитничек* и *начальничек*. *Защитничек* — адвокат (см. контекст из блатной песни «Вот дни короче стали»:

Но тут зашёл ко мне один *защитничек*-старик,
Сказал: не миновать тебе расстрела!..

Начальничек — сотрудник правоохранительных органов; см. контекст из блатной песни «Жиган Шульга»:

Ты, *начальничек*, ключик-чайничек,
Отомкни колоду!..

Но уже в «Автобиографии» В. Каина этих арготизмов встречается гораздо больше, см. отрывок: «По происшествии ночи поутру меня представил, где к той песни ещё голосу прибавил, ибо она для ночи не всегда была донета, потому что дожидался я света; в тот же час драгуны ко мне подбежали и в тот *монастырь* (*Стúкалов*) (тайную канцелярию — М.Г.), куда хотел, помчали, где по приезде секретарь меня спрашивал: по которому пункту я за собой сказывал? Коему я говорил, что ни пунктов, ни фунтов, ни

весу, ни походу не знаю, а о деле моём тому скажу, кто на том *стулэ сидит, на котóром собáчки вырезаны* (то есть на судейских стульях). На другой день поутру граф Семён Андреевич Салтыков, приехав, приказал отвести меня в *немишнюю баню* (то есть в застенок), где людей весют, сколько кто потянет, в которую сам взошёл, где спрашивал меня: для чего я к секретарю допрос не пошёл и что за собою знаю? Я, ухватя его за ноги руками, стал говорить, что помещик мой ландмилицких солдат *потчевал деревянными паутами*, то есть цепями, что рожь брюзжат, из которых один солдат на землю упал; то помещик мой, видя, что оный солдат по-прежнему ногами не встал, дождавшись вечера, завернул его в *персидский ковёр, что соль весют*, то есть в куль, и велел снести в сухой колодец, в который сор сыплют; а секретарю я для того объявил, чтоб он *левой рукой* к Филатьеву не *написал* (не донёс); ибо я в доме у своего помещика часто его видал» (М. Комаров, 1779).

Арготизмы, использованные в «Автобиографии» В. Каина, не являются окказионализмами. Об этом говорил и Д. С. Лихачёв, ссылаясь на рассказ И. Новикова «О лукавом нищем», см. отрывок из него:

«Нищий вздумал с товарищи другое *набожное ремесло* (преступление — М.Г.), начал уже *сбирать с прохожих подать* (грабить — М.Г.) и ходить по дворам в покои и чердаки за *милостыней* (имуществом, которое можно украсть — М.Г.). Но сие *мастерство* (преступление — М.Г.) не долго им исполнять удалось, потому что есть *чернецы* (сыщики — М.Г.) и на Симонове, так и в Москве не простаки. Как-то ненароком попали в такую западню, из которой трудненько было и вылезть; отведены были в сыскной приказ, где *мазали* (били — М.Г.) их по спинам долгою об одном конце плетью, а после *пáрили* сухими венниками и трусили на теле зажжённые листья. И хотя *баня* (застенок — М.Г.) была и не топлена, но велми жаркой показалась» (И. Новиков, 1989).

В повести Матвея Комарова имеется первое зафиксированное в художественной литературе зашифрованное арготическое послание. Чтобы читателю была понятна его *предыстория*, приведём дословно текст:

«Любимый Каинов товарищ, Камчатка, уведомясь о *ссм* приключении, на другой день накупил немалое число *калачей* и под видом подавания милостыни пришёл к той *тюрьме*, в которой Каин содержался, и, подавая колодникам каждому по калачу, Каину подавал два, в которые *запихал* разного рода ключей и серебряных монет, и, *подавая* оные, сказал: «*Трёка калач ела, стромык, сверлюк страктирила*». Сие значило на мошеническом диалекте: *ключи в калаче для отпираия замка*».

У исследователей и комментаторов этого выражения имеется разнобой в написании: у С. В. Максимова в кн. «Несчастные»: «*Трёка калач ела, стромык сверлюк страктирила*»; у писателя Д. Л. Мордовцева: «*Триока калач ела стромык сверлюк страктирила*» (Мордовцев, 1876); у исследователя В. В. Сиповского: «*Триока качь ела, стромык сверлюк страктирило*» (Сиповский, 1902). В переводе этого выражения разногласий нет — тут ключи в калаче для отпираия цепи. И с этим можно было бы согласиться, если бы учёные расшифровали дословно данное выражение. Однако никто из исследователей этого не сделал.

Попробуем расшифровать. Несомненно, *сверлюк* обозначает ключ (образование этого слова произошло путём функционального переноса значений и при помощи суффикса *-юк*: ключ при открывании как бы сверлит замок). Однокорневым к арготизму *стромык* является слово *стрёма*, одно из значений которого — всякая оковка или отдельная часть устройства; следовательно, арготизм *стромык* обозначал кандальную цепь. К слову *трёка* (*трибка*) однокорневыми являются лексемы преступников *трёкать*, *трóкать* — ощупывать, *трéкнуться* — заметить, спохватиться; *трóкаться* — тревожиться (Попов 1912). И можно предположить, что *трёка* (*трибка*) обозначало призыв к

вниманию. Непонятным является слово *эла*: данное слово и его производные не встречаются ни в арготических письменных источниках, ни в диалектных, ни в общенародных словарях. Но в условном языке мелких торговцев г. Кашина имеются лексемы *эла* (есть), *неэла* (нет) (см. Смирнов, 1902). Вероятно, данная лексема была либо интержаргонным словом (общим для преступников и торговцев), либо какой-то из этих социумов заимствовал у другого. В неопубликованном труде В. И. Даля «Словарь русско-офенский» имеется лексема *эйла* (есть) с пометой *кост.*, т.е. употребляемого в среде костромских офеней (Даль В. И. Словарь русско-офенский. Писарская копия в переплёте [1854–1855]. СПб, Санкт-Петербургская библиотека. Фонд № 234. Ед. хр. № 7). Кроме того, в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля встретилась лексема *ель* с пометой *ниж.* (нижегородское) — есть, согласен.

Возможно, что данное слово занесли в Нижний Новгород торговцы — вспомним Нижегородскую ярмарку, на которую стекался деловой люд со всех губерний России. Ярмарка в это время становилась и своеобразным притоном для преступного мира: здесь бывал и В. Каин со своей шайкой.

Единственно тёмным словом является лексема *страктёрила/страктёрило*: родственных слов или аналогов для него нет в письменных источниках. Но так как все остальные компоненты анализируемого выражения уже известны, то можно предположить, что оно и было связано с глаголом «отпирать».

Перевод этой арготической фразы будет несколько иным: «Будь внимателен: в калаче есть (находится) ключ для отпирания цепи». Как видим, здесь не только констатация факта, но и призыв к действию.

Свое дальнейшее развитие арго получило в XIX веке. Характерно, что именно в это время преступность качественно меняется: если в XVII–XVIII веках уголовники открыто завладевали имуществом (занимались разбоями и

грабежами), то преступники начала XIX века чаще прибегали к тайному хищению материальных ценностей (воровали, мошенничали, обыгрывали в карты шулерскими способами).

После отмены крепостного права в 1861 г. быстро пошло на убыль бродяжничество. Так, если в 1860 году бродяги составляли 11% среди осужденных, то через 5 лет — всего 5% (Е. Анучин, 1873). Казалось бы, кривая преступности должна резко упасть, однако этого не случилось. Царское правительство дало крестьянину личную свободу, но отняло землю, что своеобразно отразилось на количестве деклассированных элементов. В связи с ростом капиталистических отношений увеличивается не только число преступников, но и прочих представителей люмпен-пролетариата: нищих, проституток, беспризорников.

Именно ко времени отмены крепостного права относятся первые исследования арго. В 1859 году в журнале «Северная пчела» появляется словник арготизмов под названием «Собрание выражений и фраз, употребляемых С.-Петербургскими мошенниками», странным образом похожее на неопубликованный далевский «Условный язык петербургских мошенников» и по названию, и по расположению материала, и по лексическому составу. Автора при нём не было. Можно предположить, что данный материал как-то связан с указанной лексикографической работой В. И. Даля. Любопытно, что фрагменты «Условного языка петербургских мошенников» употребляются в «Толковом словаре живого великорусского языка», особенно та часть, которая представляет собой примеры употребления арготизмов, см.: «Что *сты́рил*? *Срубил* *шмель* да *выначил* *скуржаную* *лоханку*. *Стрёма*, *каплюжник*: *перетьёрь жулику* да *прихёрся*. А ты? *Угна́л* *скаме́йку* да *пронáчил* на *весну́хи*». То есть: «Что украл? Вытащил кошелек да серебряную табакерку. Чу, полицейский: передай мальчишке да притворись пьяным. А ты? Украл лошадь да променял на часы».

В то же время в «Толковом словаре живого великорусского языка» гораздо больше арготизмов воров-карманников, чем в «Условном языке петербургских мошенников», и в статьях даётся более подробная характеристика. Проиллюстрируем это на примере словарной статьи **МАЗУРИК**.

МАЗУРИК нвг. *мазурник, мазурин*; от *мазур* (поляк) или от *мазуля* (замарашка, оборванец?) — карманный вор, комнатный и уличный в городах, особ. в столицах, где они придумали свой язык, *байковый* или *музыку*. *Ходишь по музыке* — говоришь ли по-нашему? *Фараон* — будочник; *бутирь* — городской; *клюй* — пристав; *михлютка* — жандарм; *стрелá* — казак; *аршин* — купец; *мешок* — приёмщик краденого; *уборка* — похороны; *сарá, бабки* — деньги; *шишка* — бумажник; *шмель* — кошелек; *теплуха* — шуба; *голуби* — бельё на чердаке; *скамейка* — лошадь; *лоханка* — табакерка; *веснухи* и *стуканцы* — часы; *камбалá* — лорнет; *лэпень* — платок; *серёжка* — замок; *стриканцы* — ножицы; *жулик* — нож, мальчишка-помощник; *выначить, срубить* — вынуть из кармана. *Мазуричий* — к ним относящийся. *Мазурить, мазурничать* — промышлять карманным воровством, особенно в столицах, на ярмарках и на торгах.

Надо сказать, что «Условный язык петербургских мошенников», датируемый 50-ми годами, уже был подготовлен к публикации, но что-то помешало его выходу в свет. Утверждения некоторых исследователей, что В. Даль при составлении словника воспользовался в качестве источника книгой Вс. Крестовского «Петербургские трущобы», лишены основания: по мнению С. В. Максимова, «Условный язык петербургских мошенников» был составлен В. И. Далем в 1842 году.

В. И. Даль является первым лексикографом, который обратил внимание на арготизмы — лексику деклассированных элементов. До этого труда арготических словарей (словников) не было. В его работе имеется около ста ше-

стидесяти лексем и двадцать примеров словоупотребления. Арготизмы лексикограф собирал в Петербурге, когда работал в Министерстве внутренних дел. Анализ показывает, что фактически они использовались деклассированными элементами по всей России.

«Условный язык петербургских мошенников» — это словник лексемы в нем были расположены не по алфавиту, отсутствовали грамматические пометы, контекст был приведен отдельно от слов, кроме того, в него был включен и ряд просторечных слов, известных всем петербуржцам, например: *барчук* — господин во фраке; *толкун* — рынок; *чебурахнуть, хлобыстнуть* — ударить. В некоторых случаях приведена лишь форма слова, см., например, краткое причастие *вытурен* — выгнан из столицы: «Он ведь уже ел миноги и *вытурен*, так не чиста была его бирка». То есть он уже наказан плетями и выслан, так как паспорт был фальшивым.

В «Условном языке петербургских мошенников» почти половину слов составляют арготизмы воров-карманников. Их значения:

- 1) Места и удобные ситуации совершения преступления: *касса* — театр; *толкун* — толкучий рынок; *уборка* — похороны; *заделье* — свадьба; *канна* — кабак.
- 2) Одежда: *бандырь* — скюртук; *камзолка* — жилет; *ширман* — карман; *лёвик* — левый карман; *правик* — правый карман.
- 3) Кошельки и бумажники: *финан, шишка* — бумажник; *мешок, шмель* — кошелек с деньгами.
- 4) Предметы кражи: *лоханка* — табакерка; *камбалá* — лорнет; *двуглазая* — театральная трубка; *обруч* — кольцо; перстень.
- 5) Жертвы преступления: *хер* — пьяный, *аршин* — купец; *талыгай* — военный.
- 6) Профессиональные действия воров-карманников: *трóкнуться* — нечаянно оглянуться, воруя что-л из кармана; *выначить, срубить* — украсть из кармана; *затми-*

нить — заслонить вора во время карманной кражи; *огалчить* — неосторожно толкнуть товарища во время карманной кражи и помешать ему; *ошмалать* — ощупать; *намазуриться* — научиться воровать из карманов и др.

См. также примеры употребления арготизмов воров-карманников: «Я *вытырил* *шмель* из-под *бандыря*» (Я вытащил кошелек из сюртука или фрака); «*Затынь жулика*, чтоб не *стремили каплюжники*» (Заслони мальчика, чтоб полицейские не увидели его); «Что невпопад *трёкаешь*, вишь *маза огалчил*» (Что ты не вовремя стал толкать, видишь, помешал товарищу вынуть из кармана, толкнул его); «*Срубил* *шмель* да *выначил* *скуржаную лоханку*» (Вытащил кошелек с деньгами да серебряную табакерку). Последующие словари, художественная и документальная литература подтверждают использование данных арготизмов ворами-карманниками, часть из зафиксированных В. И. Далем специализированных арготизмов употребляется и современными «специалистами» по карманам. Вероятно, эта «профессия» уголовников уже в то время была классической.

Вместе с тем в словарном материале, собранном В. И. Далем, имеются специализированные арготизмы конокрадов: *скамейка* — «лошадь», *рубашка* — «конская сбруя»; воров, специализирующихся по кражам из домов и квартир: *серёжка* — «замок», *мальчишка* — «долото», *вертун* — «коловорот», *мычки* — «отмычки; поддельные ключи»; воров с повозок и экипажей: *мякоть* — «подушка с экипажа»; грабителей: *выхатывать* — «вырывать, выхватывать», *сворочать бурку* — «огрбить на улице» и др., а также лексемы тюремного арго: *блоница* — «арестантская камера в отделении полиции», *новокрещёнец* — «человек, впервые попавший в места лишения свободы». Приводя арготизмы разных групп уголовников, В. И. Даль фактически одним из первых указал на существование широкой разветвлённой преступности, у которой была и своя воровская школа (см. арготизм *жулик* — «малолеток, ученик мошенника»).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» также зафиксировано около трёхсот лексем уголовного мира, причём они рассыпаны по всему словарю.

Арготизмы, собранные В. И. Далем, отражают и некоторые негативные реалии государственной жизни тогдашней России, например, взяточничество среди чинов полиции, см. примеры: *карман*, *выручка* — кварталный надзиратель (намёк на то, что данный полицейский чин берёт взятки и выручает попавших за преступление уголовников); *слам на крючка* — доля выкупа на письмоводителя полицейского участка; *слам на выручку* — доля выкупа на кварталного надзирателя; *слам на ключа* — доля выкупа на следственного пристава. Все полицейские чины назывались *каплюжниками*. Любопытно, что в «Толковом словаре живого великорусского языка» слово *каплюжник* как арготизм отсутствует, зато имеются в словарной статье **КАПАТЬ** общенародные и областные лексемы *каплюжить* или *каплюжничать* — сливать в кабаке капли, остатки вина и выпивать их; *каплюга*, *каплюжка*, *каплюжник* — пьяница, особенно на чужой счёт; тот, кто *каплюжничает* по кабакам; скряга, крохобор.

С неопубликованным трудом В. И. Даля — «Условный языком петербургских мошенников» — причудливым образом связано произведение Вс. Крестовского «Петербургские трущобы». В нём встречается большое количество арготизмов. У исследователей имеются разночтения по их количеству: по мнению И. А. Смирнова, — около 250 слов, автор же этой книги насчитал 378 лексем. Но дело не в этом. Интерес представляют источники арготизмов. По свидетельству критика И. А. Скачкова, арготические слова Вс. Крестовский собирал во время своих походов вместе со знаменитым сыщиком И. Путилиным по притонам, на допросах преступников, но в большей мере он нашёл их в тетради, купленной у оборванца на базаре.

Однако анализ арготических выражений и фраз, сравнение их с другими источниками, заставляет нас усом-

мниться в источниках арготической лексики, используемой писателем. Большое количество выражений (да и отдельных слов, употреблённых в книге) Вс. Крестовский списал (!) из рукописной работы В. И. Даля (причём без ссылки на авторство), именуемой «Условный язык петербургских мошенников, известный под именем *музыки* или *байкового языка*». Эта рукопись, хранящаяся в настоящее время в Санкт-Петербургской библиотеке, датируется 1850-ми годами. Этнограф и писатель С. В. Максимов утверждал, что этот словарь В. И. Даль составил в 1842 г. (Максимов С. В., 1871). Любопытно, что действие романа «Петербургские трущобы» начинается 1838 годом. Между тем сам Вс. Крестовский начал собирать материалы о жизни преступников С.-Петербурга с 1858 г., а книга публиковалась в «Отечественных записках» с 1863 по 1867 гг. Иными словами, исключается списывание В. И. Далем лексем, употреблённых в романе. В «Петербургских трущобах» встречаются целые фразы, встречающиеся в словаре знаменитого лексикографа, сравните:

В. Даль: *Шмеля срубил да выначил скуржанную лоханку* (вытащил кошелёк с деньгами да вынул серебряную табакерку).

Вс. Крестовский: «*Шмеля срубил да выначил скуржанную табакерку*», — самодовольно похваляется мазурик.

В. Даль: *Мешок во что кладёт веснухи?* (Во что ценит барышник часы?) *Я правлю три рыжакá, он четыре колесá кладёт* (Я прошу три червонца, он четыре целковых даёт).

Вс. Крестовский: «*Мешок во что кладёт веснухи?*» — спрашивается в то же время в другой группе. — Я по чести, как есть, три *рыжакá* правлю..., а он, пёс, только четыре *царя* кладёт.

В. Даль: Вечор я, было, совсем *влóпался*, насилиу *фóлкой* отбилса, да спасибо, *мазурик* со стороны *поздрáвил каплюжника дождевиком* (Вчера вечером я, было, попался, да оборонился ломом, а товарищ пустил со стороны в полицейского булыжником).

Вс. Крестовский: Вечор было совсем-таки *влóпался*! Да спасибо, *мазурик* со стороны *каплюжника дождевиком* — тем только и отвертелся!

Роман «Петербургские трущобы» — знаменательная книга. Именно в ней подробно и правдиво описан преступный мир середины XIX в., но как же быть с арготизмами, использованными в ней? Что это? Дружеская помощь В. Даля, общий лингвистический источник или (фантастическая версия, но имеющая право на существование!), тот оборванец, у которого Вс. Крестовский купил рукопись, служил писарем под началом у В. Даля и сделал ещё копию словарика для себя?

Нам думается, что близка к истине первая версия — дружеская помощь. Даль обычно делился лексическим и фольклорным материалом. Так, он отдал множество сказок, им собранным, А. Афанасьеву, много народных песен — знаменитому фольклористу П. Киреевскому. В то время существовало своего рода филологическое братство: известно, например, что и А. С. Пушкин передал В. И. Далю много пословиц и поговорок.

Отмена крепостного права в России послужила быстрому обогащению одних и обнищанию других слоев населения. Массы крестьян в поисках средств к существованию хлынули в город. Все это в небывалом масштабе послужило появлению профессиональных преступников различных специализаций.

«Существовали в достаточной степени дифференцированные группы этого своеобразного «подполья»: московские *жулики*, петербургские *мазурики*, затем шулера, воры различных профессий (*карманники*, взломщики и т. п.). Каждая группа имела известное наслоение в общем воровском аргю. Особое наслоение должно было существовать в тюремном языке арестантов и сибирских каторжников» (В. Стратен, 1929).

Именно к середине XIX века сложилась четкая иерархическая система уголовников. Авторитетные уголовники (в местах лишения свободы они назывались *ивáнами* — хорошо организованными бродягами), степенью ниже были *глóты* или *хрáты* (преступники, которые завоевыва-

ли себе авторитет наглостью и красноречием). Обе эти категории уголовников нещадно эксплуатировали рядовых арестантов, которые назывались *кобылкой*, *костогрызами*, *шпáнкой*. Уже в конце XIX—начале XX в.в. аргó делилось на общеуголовное и специализированное. В общеуголовное входили слова, употребляемые всеми разрядами деклассированных элементов, например: *казáк* — вожак арестантов; *каплёжник* — полицейский; *каннóвка* — водка; *слам на карман* — взятка приставу; *трясогúzка* — горничная; *аршín* — купец; *толкун* — рынок; *ры́жик* — червонец. В специализированном аргó выделялись арготизмы воров-карманников, например: *финáга* — денежная ассигнация; *лопáтошник* — бумажник; *пáвик* — правый карман; *лэвик* — левый карман; арготизмы шулеров, например: *мáстак* — ловкий шулер; *горít огóнь* — место, где шулера собираются для игры в карты; *верняк* — приём шулеров; аргó конокрадов: *скамéйка* — лошадь; *скамéйка фартóвая* — лошадь, приученная к похождениям конокрадов; *гра* — конь; *áгер* — жеребец.

Свои лексические обозначения имели также проститутки, босяки, беспризорники, нищие. Вот, к примеру, арготизмы нищих: *стрелóк* — нищий высшей категории; *стрелять* — просить милостыню; *деурóшник* — нищий, который на паперти протягивает две руки за подающим; арготизмы босяков: *кóрчи* — каприз; *бóмба* — деньги; *баранжé* — холод; *жítель городскóй канáвы* — босяк; *угольный факультét* — разгрузка угля; *паяльник* — человек, живущий на средства другого. Но все эти специфические слова употреблялись вместе с общеуголовными. Приведём в качестве иллюстрации отрывок (разговор двух проституток) из повести А. И. Куприна «Яма». Дело происходит в публичном доме:

«Но тотчас же, повернувшись к Тамаре, она страстно и быстро заговорила что-то на условном жаргоне, представляющем дикую смесь из еврейского, цыганского и румынского языков и из воровских конокрадских словечек.

— Не звонí, метлiчка, метлик фартóвый, — прервала её Тамара и с улыбкой показала глазами на репортёра.»

Общеуголовными здесь являются слова *звонить* — говорить; *фартóвый* — отличный, хороший; слова проститутки — *метлiчка* — подружка; *метлик* — господин, друг.

В настоящее время мы можем отличить, как уже было сказано выше, только отдельные арготические элементы нищих, проституток, босяков и других деклассированных слоёв общества.

Полностью же отделить одно аргó от другого сейчас практически невозможно. На это существует ряд причин: слова криминальных групп населения не были вовремя классифицированы и описаны языковедами и криминалистами; позднейшие собиратели не дифференцировали арготизмы различных групп «дна»; эти слои деклассированных элементов были настолько тесны в общении, что различия в их языке сглаживались.

Русская литература XIX века не могла обойти такой важный атрибут уголовного мира как аргó. Кроме уже указанного произведения Вс. Крестовского, значительное количество слов преступников появляется в произведениях В. Гиляровского, Ф. Достоевского, С. Максимова, К. Мельшина. Писатели Вс. Крестовский и С. Максимов обратили внимание на факт многочисленных заимствований из других языков: украинского, польского, финского, цыганского, тюркских и др.

Развитие капитализма в России расширило её внешние политические, экономические и культурные связи со странами Западной Европы и мира в целом. Соответственно этому развивались и определенные взаимосвязи между русскими и зарубежными уголовниками. Преступность стала носить интернациональный характер. В последней четверти XIX века в небывалом количестве появляются крупные международные шайки взломщиков сейфов и несгораемых шкафов (на аргó они назывались *медвежатники* и *шниффера*), поставщиков «живого» товара для публич-

ных домов (на арго — *шмаровёзы*), шулеров (*червённых валётов*). Международные воровские связи оставили неизгладимый след на языке русских деклассированных элементов: в 80–90-е годы в арго широким потоком хлынули слова западноевропейского происхождения.

Именно в конце XIX–начале XX века в арго преступников заимствуется также большое количество слов различных слоев городского населения, особенно матросов, торговцев мелким товаром, молодежи и т. д. Например, от матросов перешло слово *полундра*. В их жаргоне оно обозначало опасность, в арго — некрасивую девушку.

В начале XX века появляются первые словари арго, составленные, в основном, для представителей правоохранительных органов.

Наиболее известными были словари В. Трахтенберга «Блатная музыка. Жаргон тюрьмы» (1908), В. Лебедева «Словарь воровского языка» (1909), В. Попова «Словарь воровского и арестантского языка» (1912). В. Лебедев одним из первых указал на то, что язык людей «дна» является отражением морали уголовного мира. «Воровской жаргон, — писал он, — язык преступной среды не есть что-либо искусственное или случайное, но является необходимым продуктом природы и культуры каждой категории преступников» (В. Лебедев, 1909).

В библиотеке АН России (г. Санкт-Петербург) хранятся две толстые тетради (всего двести двадцать три страницы), имеющие заголовок «Исследование жаргона преступников». Эта рукопись, в которой содержатся арготизмы, сказки, блатные песни и поговорки преступного мира начала XX века, принадлежала Павлу Петровичу Ильину, заключённому Александровской каторжной тюрьмы Иркутской губернии.

Материал собирался в течение шести лет непосредственно в местах лишения свободы: в 1906 году П. Ильин был осужден, а в 1912 году он завершил свой труд и послал рукопись профессору И. А. Бодуэну де Куртэнэ, из-

вестному своими смелыми суждениями в науке о языке. Последний, ознакомившись с ней, передал её в АН России, академику А. Шахматову. Все это можно узнать по записям на обложках тетрадей.

В рукописи зафиксирован уникальнейший материал, который обогатит наши знания о субкультуре криминальных сообществ нач. XX в.

Сведения об авторе очень скупы. Бывший студент Технологического института, возможно, осуждённый за революционную деятельность (1906 г. — год революции), П. Ильин обладал лингвистическим чутьём и даром писателя. Несомненно, многие его высказывания заслуживают самого пристального внимания, а некоторые из них являются пророческими:

«... и язык преступника так же мрачен, как осенняя ночь, и так же груб, как тот нож, который вонзается в горло жертвы, или тот застенок, в котором томится потом представитель лагеря отверженных.»

«... если произойдёт слияние преступного жаргона с русским (общенародным — М. Г.) языком и первый растворится в более богатейшем и устойчивым, — во всяком случае, ... подобное слияние нельзя считать прогрессивным и желательным явлением.»

Большой интерес представляет классификация арго как по социальному, так и по территориальному признакам, причём следует учесть, что исследователь приводит ряд арготизмов, не зафиксированных ни в одном источнике. В его материале имеется общеуголовное, тюремное и специализированные арго. Так, к общеуголовному арго (в него входит лексика, употребляемая всеми разрядами деклассированных элементов) относятся следующие слова: *мент* — полицейский; *квёртель* — кварталный надзиратель; *стервёц* — чёрный хлеб; *кátя* — сто рублей; *лафёты* — штилеты; башмаки; *чмок* — галстук; *хабár* — взятка; *метлá* — ружье; *ридикóль* — ночлежный дом; *ломбáрд* — полицейский участок; *штымп* — потер-

певший; жертва преступления и проч. К сожалению, большинство арготизмов использовалось без примеров.

Широко представлено тюремное арго, см. примеры: *горловóй, духовóй* — арестант, занимающий привилегированное положение среди уголовников; *чинодрáл, причíндал* — преступник, занимающий какую-либо служебную должность в тюрьме — писаря, служителя больницы; *жмот, асмóдей, асмóед* — тюремный ростовщик; *аборигén* — постоянный обитатель тюрьмы; *крепостнiк* — арестант, отбывающий наказание в крепости; *максiм* — сумасшедший; *горлопáн, горлохвát* — прислужник главарей арестантов; *гад* — злой старый надзиратель; *бессмёртная, вéчная* — пожизненная каторга; *товáец* — политический заключённый, еврей по национальности; *порядочный кусóк огреб* — получил по приговору суда длительное заключение в местах лишения свободы.

П. Ильин приводит примеры использования тюремного арго. Вот диалог между беглым арестантом и заключённым, находящимся в остроге:

«Алмазов! Мать твою в Бога!.. Откедова?..

Накáнай (предай — М.Г.), мать твою... *Мент сморкáет* (надзиратель смотрит — М.Г.) на *лобú!*.. Где был, там нету.

Небольшая пауза, потом оборванец начинает с важностью:

Сармáк на *кiче вáчит?* (Деньги в остроге имеются? — М.Г.)

Не так, чтоб оченно... Однако *хру́тит* (имеются деньги — М.Г.)...

Майдáн почём *гуля́ет* (в картёжном банке сколько денег — М.Г.)?

Дыть, как скать? *Полкосóй поды́мет*... (Пятьдесят рублей будет — М.Г.)

Лады!... *Мокрóтно* (опасно — М.Г.) тут... Коль скоро *защуху́рюсь* (попадусь — М.Г.), махну к вам *ма́йдан дёржать* (буду банковать — при игре в «очко» — М.Г.)»

Рукопись поражает обилием материала, относящемуся к профессиональному арго:

1) Арго воров-карманников: *чмо́кать, ударя́ть по шiрме, шиманáть* — воровать из карманов; *мо́йка* — воровство у пьяного; *кóжа* — бумажник; *флокiм-шiсер* — первоклассный крупный вор.

2) Арго грабителей: *вя́зка* — грабёж под угрозой оружия; *стопáрка* — вооружённое ограбление; *стопáрить* — грабить с оружием; *взять на гiвку* — взять за горло при грабеже.

3) Арго шулеров: *апóстол* — валет; *свято́й никола́й угóдник* — король (игральная карта); *маньчжурское зóлото* — туз (игральная карта); *хвост за тáлию не отвеча́ю* — говорят в тех случаях, если окажется лишняя карта в колоде, т. е. денег не плачу; *то́нкая рёзка, то́нкая кóвка* — хорошо проведённая шулерская игра; *клин, бо́чóнок, кругля́к, пятерiк, чёт-нечёт, калибрáк, баламúт, кнут* — шулерский приём (почти все названия только что приведённых шулерских приёмов встречаются и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля).

4) Арго фальшивомонетчиков: *бланишь* — печать; *желе́зная ли́па* — отлично подделанный паспорт, безопасный для предъявления в полицейском участке для прописки; *кани́фта* — медь, используемая для подделки документов.

5) Арго церковных воров: *клюк, клюка́, ку́зня* — церковь; *клю́шник* — церковный вор; *каштáн* — служитель в церкви; *мышелóвка* — церковная кружка, куда кладут металлические деньги; *гуéна, шакáл* — кладбищенский вор.

6) Арго конокрадов: *поты́шник, скаме́ечник* — конокрад; *скаме́йка, поты́ка* — лошадь; *рихт* — конокрадство; *колесу́ха* — телега; *ю́бка* — шлея.

7) Арго воров-домушников: *ви́дра* — отмычка; *гитáра* — долото; *ломик; скок* — квартира, дом как объект преступления; *ша́ер* — небольшой ломик, предназначенный для взлома запоров.

8) Арго проституток, по мнению исследователя, имеет свои территориальные особенности. Например, в Петербурге используются лексемы. *гость* — всякий посетитель публичного дома; *карандаш* — гимназист; *пистолёт* — подросток; *бум-бум* — модная причёска у проституток; *генерал*, *сифон* — сифилис В южных губерниях: *отрава моя недорогая*, *дешёвка* — некрасивая проститутка, берущая самую дешёвую плату; *запрядуч*, *нутревик* — мужской половой член, *мётлик* — мужчина; *метлица* — женщина. См. фразу: «У мётлика форс лётит?» — значит: у мужчины деньги есть?

В Сибири. *фёкаться* — совершать половой акт; *клин* — сигнал опасности; *замарунить* — напоить посетителя публичного дома; *расхлюнуть* — напиться в публичном доме.

П. Ильин подчеркивает «сборный» характер арго. Например, он свидетельствует о переходе жаргонизмов моряков в арго, см. лексемы: *дредноты* — грубые громадные башмаки каторжников с тяжёлыми подковами на подошвах; *инглишмэн* — матрос-англичанин; *гутбой* — половой в чайной или трактире; *арнаут* — беглый; *сидеть на якоре* — жить впроголодь.

Исследователь утверждает, что имеются территориальные арготизмы.

«В нульку, из нульки, — пишет он, — выражения, употребляемые исключительно в Сибирской психиатрической лечебнице св. Николая-Чудотворца, означают в первом случае удачный акт симуляции, занесённый фельдшером в скорбный лист, во втором — неудачную, обнаруженную администрацией симуляцию».

Тюремный морг также называется по-разному, например, в Петербурге, в Крестах — *восьмёе отделение*, так как всех больничных барачников — 7, в Иркутской тюрьме про умершего говорят: *отправился по усольскому тракту*, *похрюл по усолью*; в Тобольской тюрьме: *отправиться под березки*. Слово *магаон* (дурак), по мнению исследовате-

ля, употребляется только в Саратовской губернии; *иелд* (жертва преступления) — на юге России; *ракло* (профессиональный преступник) — в Харькове; *гон* (ночлежный приют) — в Петербурге; *хитрая избушка* (трактир, служивший местом сбора воров) — в Сибири.

Интерес представляет арго преступников Привисленской губернии. В русской отечественной литературе по слухному языку о нём не упоминается. По всей вероятности, это польские арготизмы, причём написаны они латинским шрифтом и почему-то с заглавной буквы каждое слово: *Interes* — всякая кража; *Dolina* — карманная кража; *Роток* — кража с воза; *Naszpyng* — кража из открытого помещения; *Statki* — воровской инструмент; *Gryps* — паёпорт; записка; *Kalowka* — передача; *Passer* — скупщик краденого; *Puc* — оправдание; *Cebula* — часы; *Podulic* — покурить; *Razka* — глиняная миска; *Szaber* — маленький лом; *Ksyra* — провал; *Brus* — хлеб; *Kapujesz?* — Понимаешь?

П. Ильин обращает внимание на многочисленные иноязычные заимствования в русское арго из английского, французского, немецкого, еврейского, польского и других языков.

Он также указывает, что некоторые арготические слова уходят в пассивный запас, на их место приходят новые; см. архаизмы: *желток* — золотые часы; *белок* — серебряные часы; *тава* — прокурор.

Рукопись ценна и тем, что по зафиксированным арготизмам можем определить, какие из них перешли в общенародный язык, а какие — так и остались функционировать в арго. Так, в общенародный язык перешли следующие номинации: *крест поставит* — окончательно порвать с каким-либо делом; *снять* (в арго сибирских бродяг) — убить из огнестрельного оружия (в общенародном языке — ликвидировать часового); *попасть в переплёт* — оказаться за решёткой; *притон* — место, где собираются преступники; *икру метать* — пресмыкаться перед богатым человеком;

отчаянно ухаживать за кем-либо; исполнять капризы женщины и проч.

В тетрадах имеется шесть блатных песен: «Бродяга», «Поселенец молодой», «Гляжу я сквозь решётку...», «Сибирский этап», «Александровский централ», «Подкандалный марш». Эти песни, вероятно, тщательно отображены П. Ильиным. В них отсутствуют нецензурные слова и почти не содержится оскорблений в адрес правоохранительных органов (что типично для всех воровских песен). Возможно, это объясняется определённой цензурой, через которую прошли тетради, но в то же время они являлись самыми популярными песнями того времени среди деклассированных элементов (о них упоминают некоторые исследователи). Тематика шести песен небогата: преступление, тюрьма, тоска по свободе и семье. В качестве примера приведём две песни, достаточно распространённые в то время среди преступного мира. (См. подробнее об этом у В. Гартсвельда, В. Хандзинского, М. Грачёва; перевод арготизмов см. в приведённых выше примерах).

«Гляжу я сквозь решётку...»

(Одесского происхождения, представляет собой переделанное стихотворение А. С. Пушкина «Чёрная шаль»)

Гляжу я сквозь решётку в туманную даль,
И хладную душу терзает печаль.
Когда легковерен и молод я был, —
Младую девчонку я страстно любил.

Потом, распроцавшись, уехал от ней
Пустые карманы набить поскорей.
Приехал в Одессу — инструмент с собой:
Видры, гитара и шёр стальной.

Иду раз под вечер, вдруг вижу: стоит *скок*.
Рискну я по *фарту*, не будет ли там толк.

Пригнулся, заглянул в замочную щель,
И в ту же минуту расхлопнулась дверь.

Что было мне нужно, — я мог тут найти.
Как вдруг слышу голос: «Как смел ты войти?»
Мой взор помутился, остыла моя кровь,
Пропала свобода, пропала любовь.

Назад я обернулся, — стоит мой вечный враг:
Два *мента*, и *квэртель*, и *штыми* во дверях:
«Здорово, голубчик, умел ты воровать, —
Сумей же, голубчик, в тюрьме побывать.»

Подкандалный марш

В моей душе огонь горит,
Придётся нам расстаться,
И мне на каторгу идти
И в кандалах таскаться.

Отец мой старый слёзы льёт,
А мать про то не знает,
Что сын её в Сибирь идёт
И Родину бросает.

Не плачь, отец, возьму с собой,
Конвой пойдёт за нами.
И подкандалный марш споём
Мы с горькими слезами.

Мы до Сибири не дойдём,
Там всё лишь разузнаем,
Опять на Родину придём,
С друзьями загуляем.

Особый раздел занимает литературное творчество заключённых: сказки, легенды и стихотворения. Исследователь свидетельствует, что в сказках преступников добродетель

тель наказывается, а порок торжествует. Тюремные сказки, по его мнению, являются пережитком старины. Во всяком случае, сказки уголовников в литературном произведении одним из первых использовал Вс. Крестовский, см. его роман «Петербургские трущобы» (1864 г.), в более поздних источниках воровские сказки нам не встретились.

Следует отметить одну особенность исследования: оно проведено объективно, без какого-либо намёка на жалость к уголовному элементу или заискивания перед правоохранительными органами, с использованием ряда работ по проблемам профессиональной преступности.

Рукопись заканчивается словами: Павел Петрович Ильин 20.08. 1912, Александровская каторжная тюрьма Иркутской губернии.

В конце 10-х-нач. 20-х годов XX века слова деклассированных хлынули в общенародную речь. Этому послужил ряд социальных, психологических и лингвистических факторов. Во-первых, мировая и гражданская войны: на фронт было призвано большое количество деклассированных элементов; они, общаясь с нормальной солдатской средой, способствовали распространению арготизмов. Достаточно вспомнить известную банду Мишки Япончика, насчитывающую около двадцати тысяч человек; в 1920 году она, как вооруженное формирование, была послана на войну с панской Польшей.

После Февральской революции правительство А. Ф. Керенского вместе с политическими заключенными выпустило на свободу всех уголовников, что послужило резкому скачку преступности в стране, качественному ее изменению. Широкий размах получил бандитизм. «Уголовный бандитизм, — пишет А. И. Гуров, — характеризовался устойчивостью больших вооруженных групп, налетчиков, во главе которых нередко стояли профессиональные преступники с дореволюционным стажем. Во второй половине 1917 года только в Москве действовало около 30 таких банд. Бандитизм того периода отличался не только

совокупностью политических и уголовных мотивов, но и крайне жестокими формами насилия» (А. Гуров, 1990).

В начале 20-х годов в стране насчитывалось около семи миллионов беспризорников. «Кадры беспризорников, — писал В. Стратен, — вливаясь в детдома и школы и так или иначе общаясь с социально-нормальной средой, принесли свой язык и в среду школьников» (В. Стратен, 1935).

Наличие у блатных словечек ярко выраженной эмоционально-экопрессивной окраски также способствовало проникновению их в общенародную речь. «Речь должна быть эффективной, — писал по этому поводу В. М. Малаховский. — Введение блатного слова дает отклонение от обычного, и выражение *винта нарёзал*, вместо «сбежал», не только поражает своей новизной, но и производит прямо-таки чувственное впечатление» (В. Малаховский, 1927).

Часть населения, в основном малокультурная, считала арго пролетарским языком и противопоставляла его литературному, «буржуазному» языку. Некоторые молодые люди даже гордились знанием арготизмов, смеялись над профессорами русского языка, которые, по их мнению, даже не знали, что такое *клифт*.

Известно, что в правительство Ленина-Сталина входили люди, прошедшие тюрьму, каторгу и ссылку. Они вольно или невольно общались с уголовниками, перенимали их законы, традиции, а то и сами являлись преступниками: вспомним Г. Котовского — главного разбойника Бессарабии, грабившего помещиков, у нас он вроде бы сошёл за Робин Гуда; Камо, учинявший бесподобные «эксы» банков, богатых людей «на нужды партии». Кстати, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935 г.) блатное слово «экс» трактуется как экспроприация денег и ценностей у богатых на революционные нужды, а у криминалиста В. Лебедева в «Словаре воровского языка» (1909 г.) *экс* — вооружённый грабеж. И это также не могло не наложить отпечаток на отношение к арго в частности и к тюремной субкультуре в целом.

Итак, в конце XIX—нач. 20-х годов XX вв. ряд арготизмов стал жить как бы в двух средах — уголовной и социально-нормальной. Такими явились, например, воровские слова *тижсон*, *фраер*, для *блезіру*, *втирать очки*, *деурушник*, *блат*. Функционируя в общенародной русской речи, арготизмы уголовников теряли ярлык «преступный», «блатной», «тюремный», то есть основная масса населения приспособила их к своим нуждам для обозначений определенных предметов и явлений.

Язык преступного мира после 1917 года претерпел значительные изменения. И, конечно, они были тесно связаны с изменениями в обществе: политическими, экономическими, правовыми и т. д.

Ушли в прошлое такие слова и выражения, как *хутор романова* — тюрьма; *timoфэй* — палач; *благодетель* — кнут; *лэди грин* — тюремный священник; *слам на клёва* — взятка околоточному надзирателю; *ключай* — чин полиции и др.

Большое количество дореволюционных арготизмов было приспособлено к условиям 20–30-х годов, сравните: *мент* (тюремный надзиратель) — милиционер; *легавый* (сыщик) стало общим названием представителей правоохранительных органов; *майдан* (кусок сукна на нарах, где играют в карты) — поезд, вокзал, вагон; *фрайер* (общее название жертвы преступления) — жертва преступника, любой человек не принадлежащий к преступникам-профессионалам.

В то же время нарождается значительное количество новых арготизмов: *сывка* — мелкий воришка; *дешёвка* — нечестный, продажный человек; *мурка* — сотрудник Московского уголовного розыска. Появление новых арготизмов связано, прежде всего, с политико-экономическими изменениями в стране.

Общественность, языковеды обратили внимание на факт массового проникновения словечек преступников в речь подрастающего поколения. Этой проблеме был посвя-

щён ряд статей. Среди них выделяются работы М. А. Рыбниковой «Об искажении и огрублении речи учащихся» (1927), Е. Д. Поливанова «О блатном языке учащихся и о славянском языке революционной эпохи» (1931), С. А. Копорского «Воровской жаргон в среде школьников» (1927), Г. С. Виноградова «Детские тайные языки» (1926). Все языковеды и педагоги, писавшие о проникновении арготизмов в речь молодежи, сходились в следующем: блатным словам надо объявить беспощадную войну. Исследователи предлагали ряд мер для борьбы с этими сорняками.

Арго, как и всякий другой социальный диалект, интересен прежде всего своим составом. В конце 20-х—нач. 30-х годов выходит ряд научных работ, посвящённых заимствованиям в лексике деклассированных элементов, как-то: Б. А. Ларин «Западноевропейские элементы русского воровского арго» (1931), Н. К. Дмитриев «Турецкие элементы русского арго» (1931), М. М. Фридман «Еврейские элементы блатной музыки» (1931) и др.

Другой группой явились исследования общего характера, описывающие арго широко: его происхождение, функционирование и эволюция. К этой группе относятся труды В. М. Жирмунского (1936), Б. А. Ларина (1928), Д. С. Лихачева (1935), В. В. Стратена (1931), В. А. Тонкова (1930).

В 20-е годы появляются арготические словари. Особую значимость представляли работы Г. В. Виноградова «Словарь соловецкого условного языка» (1922), В. Ирецкого «Для словаря Даля. Спекулянтско-налетческий тюремный жаргон» (1926), В. Потапова «Блатная музыка. Жаргон тюрьмы» (1927).

В последующие годы, начиная с середины 30-х и кончая 60-ми годами, арго практически не изучалось. Это было связано с двумя причинами. Прежде всего, с лингвистической концепцией «вождя всех времён и народов». И. В. Сталин, «большой ученый, в языкознании познавший толк», считал, что жаргоны были присущи только господствующим классам и слоям общества: дворянам, чиновникам, духовенству.

А так как их нет, то и жаргонов тоже не существует... Кроме того, в середине 30-х годов было официально заявлено, что с профессиональной преступностью в нашей стране покончено раз и навсегда. Поэтому изучение арго было чревато репрессиями для исследователей.

А преступность между тем набирала силу. В какой-то мере государство даже снисходительно относилось к профессиональным уголовникам. Вот факты. А. Антонов-Овсеенко пишет: «В годы войны (1941–1945 гг. — М.Г.) к статьям УК РСФСР добавился пункт «Е». Этот довесок позволял (рекомендовал) судам наказывать за мелкую кражу на производстве лагерным сроком до пяти лет. Расценки за «вольную кражу» не изменились: за карманную кражу, ограбление квартиры вор получал полгода. Мать, принесшая детям с голодного отчаяния несколько початков колхозной кукурузы, получала пять лет. Профессиональный вор, *урка*, обокравший семью, — всего один год. В военное время продолжало действовать постановление ЦК и СНК СССР от 7 августа 1932 года: 10 лет за государственную кражу. А *урки*... Их убеждали: «Вы хоть и временно изолированные, но полезные члены общества, вы остались патриотами, строителями социализма. Вам с врагами народа не по пути. Чем больше их сдохнет здесь, за проволокой, тем лучше для государства.»

Конец 20-х–нач. 30-х гг. XX в. — время, когда появилась группировка *воров в законе*. Конечно, изначально они так не назывались, но это была особая, мощная каста преступного мира, которая в дальнейшем повлияла на всю российскую преступность, т. е. русские уголовники стали жить по законам *законников* — так стала именоваться в дальнейшем эта элита преступного мира.

Случайно ли образовалась эта группировка или же появилась на голом месте? Вот вопросы, на которые до сих пор нет ясного ответа. Попробуем разобраться.

Представьте себе огромную страну конца 10-х–нач. 20-х годов, страну в огне империалистической, гражданской и

уголовной войн. Криминал захлестнул общество: повсюду грабежи, разбой, убийства и насилие. Наряду с профессиональными уголовниками совершают преступления и непрофессионалы, причем последние не только вредят старым ворам и ведут с ними борьбу (из-за их «неумелых» действий угрозыск ужесточает оперативные меры, то и дело профессиональные преступники, состоящие на учете, подвергаются проверкам со стороны правоохранительных органов и т. п.), но и разрушают воровскую *«идею»*, выступают порой как борцы против богачей. Чего стоил один только Мишка Кульяпный, имевший на своей совести 28 трупов и объяснявший свои действия борьбой за Советскую власть!

Тем самым, по мнению старых воров, новоявленные «робин гуды» и «стенки разины» подрывали их устои и веками сложившиеся правила. Профессиональным уголовникам стало труднее вовлекать в преступную деятельность молодежь, кроме того, им была непонятна чрезмерная, ничем не оправданная жестокость новых уголовников. «Убивать можно ради *дела* (преступления), но не для *забавы*», — говорили они. Не случайно в арго того времени появились обозначения непрофессиональных преступников — *съявка* (от *шъявка*), *шпанá* (этим словом в дореволюционной России также называли и рядовых каторжан, и мелких преступников). Кроме того, профессиональных уголовников, которые участвовали на стороне белой армии или просто занимались грабежами и разбоями государственных учреждений, рассматривали как чуждый элемент. С приходом новой власти и организацией новых правоохранительных органов резко изменились условия далеко не в пользу преступников-ортодоксов. Новые порядки не допускали коррумпированности, которая была до революции. Получилось совсем как по Шекспиру: «Порвалась связь времен». Правоохранительные органы стали беспощадными не только к «врагам народа», но и к профессиональным преступникам. И трудно было сказать, кто

был сильнее: старые профессиональные вору или новые бандиты (Вспомним хотя бы банду Леньки Пантелеева, известного петербургского громилу 20-х годов, который, кстати, первоначально боролся против преступного мира, т.е. работал в уголовном розыске, но жажда наживы и увлечение легкой жизнью толкнули его на путь предательства; любопытно, что в его шайке имелись и профессиональные преступники).

Возможно, что одним из мотивов создания группировок *воров в законе* являлись беззакония, творимые в государстве: «В нем (государстве) нет закона, а у нас есть», — с гордостью говорили *законники*.

Перед старыми профессиональными преступниками встала дилемма: погибнуть или выжить. Но для того чтобы выжить, они должны были как-то реорганизоваться, консолидироваться. Это и произошло в конце 20-х—нач. 30-х годов. На данный факт указывают их слова, а слово, как известно, никогда не солжет: в дореволюционном арго отсутствовали лексемы *вор в законе*, *законник*, их нет и в словарях 20-х годов. Хотя имелись и составляющие этого названия, см. слова: *законный* — настоящий, хорошего качества; *каин законный* — скупщик краденого, пользующийся доверием воров.

Именно в 30-х годах окончательно оформляются правила *воров в законе*.

Вор в законе обязан: поддерживать *воровскую идею*; не заниматься общественно-полезной деятельностью; не работать; не иметь семьи и материальных богатств; не иметь каких-либо контактов с правоохранительными органами; не интересоваться вопросами политики; не служить в армии; не выступать на суде в качестве свидетеля; вовлекать в преступную среду новых членов; не давать малолетним преступникам наркотики; немедленно защищать свою честь и достоинство; безжалостно расправляться с предателями; не убивать без нужды; верить в Бога; собирать деньги для воровской кассы (*общака*, *котла*); знать блатной жаргон.

Эти «постулаты» *воров в законе* — исключительно российское «произведение», хотя что-то похожее есть и в других странах.

Как видно из перечисленных «законов», преступники полностью отрешивались от политики. Это и понятно: ведь за политику в то время давали 58 статью с литерами (статья с наказанием в виде лишения свободы на много лет, статья *расстрельная*). Следует обратить внимание на тот факт, что у *законников* не должно быть постоянного имущества (наворованное или награбленное тут же пропивалось, прогуливалось, шло в места лишения свободы для помощи «собратьям»). Не случайно ранние вору в законе назывались *босьяками* и *бродягами*. Любопытно, что слово *босьяк* на арго ещё имело значение «неимущий». В этом они были сходны со своими предшественниками, так называемыми *иванами* — членами организованных групп бродяг.

У *воров в законе* существовало три вида наказания: публичная пощечина, перевод на низшую ступень криминальной лестницы — в *фрайерá* или в *мужикú* (на арго это называлось *дать по рога́м* или *уша́м*) и смерть. Причем эти наказания осуществлялись только по решению воровской сходки — на «собрании равных» (воровские собрания назывались также *толкови́щами*, *тусовками*, *сходняками*, *правокáчками*; последний арготизм образовался от словосочетания *кача́ть права́* — отстаивать на *сходках* свои права, честь и достоинство; преступники, не имеющие титула *вор в законе*, не имели права принимать решения о наказании, как не имели права голоса и в других важных вопросах.

Пощечина полагалась за мелкие нарушения воровских правил, например, за незначительное оскорбление; понижение в «должности» или изгнание из воровской группировки — за более серьезные нарушения, например, за нанесение побоев своему товарищу, за неуплату долга. Изгнание из группировки *воров в законе* было равнозначно потере любимой работы у законопослушного человека. Смерть полагалась за нарушение основных законов пре-

ступного мира: убийство себе подобного, измену, предательство, опорочивания воровской «идеи».

На свободе *воры в законе* жили шайками (*бригадами*), в местах лишения свободы — *воровскими семьями*. Члены воровской шайки считались ближе, чем кровные родственники. Любопытно, что татуировка «*Не забуду мать родную*» обозначала не физическую мать, которая родила на свет владельца данной татуировки, а банду, которая его воспитала и членом которой он является.

Следует отметить, что попасть в преступную касту *воров в законе* было достаточно трудно. «Кандидат в группировку, — пишет А. И. Гуров, — проходил испытание, все стороны проверялся ворами, после чего ему давались устные и письменные рекомендации» (А. Гуров, 1990). Именно из этой касты в общеуголовное арго перешли потом такие слова, как *вор*. Это профессиональный преступник, соблюдающий уголовные обычаи и традиции. «*Воры* — это самые уважаемые на любой зоне, в любой *крыте*, то есть крытой тюрьме, люди» (С. Зверев. Жиган). «Навести начальство на истинный путь может только *фраер*, а не *вор*» (В. Шаламов. Левый берег). Это представитель касты воспитанников, занимающий привилегированное отношение в ВТК. «Например, подростков, причисляющих себя к категории *блатных, воров*, весьма сложно заставить выполнить уборку туалета и некоторых других мест общего пользования, что и является как раз следствием действия неформальных норм» (Н. Якушин. Дети в тюрьме). Это *вора* — вор в законе. «В своих письмах (*маявках*) *воры в законе* подписываются *вор* (Абрек, например). Да и в жизни они редко употребляют словосочетание *вор в законе*. Зайдя в камеру, объявляют: «Я — *вора!*» — и всё» (А. Константинов. Бандитский Петербург).

Во-вторых, *вор* — это человек, повторно совершивший нехороший поступок (воронулся) с точки зрения своей среды (за первый его простили): «*Вся хата мочила вора за его беспредел*» (Запись 1980). *Вор авторитетный* — это

уважаемый вор, с мнением которого считаются все прочие воры: «Авторитетный вор и для хозяина указ» (Запись 1980) *Вор благородный* — это *вор в законе*, строго придерживающийся воровских обычаев и традиций и совершающий преступления без насилия: «Ушли давно в *милу благородные воры*» (Запись 1982) *Вор в законе* — то же самое, что *вор благородный*: «Он согласился передать бандитам, что *фартовый человек* ищет настоящих *воров в законе*, чтобы вместе сварганить миллионное дело» (А. и Г. Вайнеры. Эра Милосердия) «*Воры в законе* — это определенная категория лиц, профессиональных уголовных преступников, которые культивируют и лелеют традиции и законы уголовного мира, переноса уставов тюрьмы и *зоны* на уклад своей жизни на свободе» (А. Константинов. Бандитский Петербург). «В какое отчаянное положение попал он — *вор в законе*» (Н. Леонов. Агония). «Определяли окруженные собственными структурами *цеховики* и *воры в законе*.

Подобные рассказы можно продолжать, только не смотря на их интригующий подтекст, эдакий романтический флёр, такие байки не дадут представления о сложном и специфическом, чисто российском явлении, целой социальной группе, поставившей себя вне государства и общества — клане *воров в законе*» (Н. Модестов. Москва бандитская). *Вор взрослый* — это опытный профессиональный преступник: «*Взрослый вор* руководил всей этой *мушерой*» (Запись 1982). *Вор гнутый* — вор, не выдержавший давления администрации ИТУ. «Говорят, кто попадает в «Белый лебедь», пусть даже и вор, выходил оттуда *гнутым вором*» (Запись 1982). *Вор законный* — то же, что *вор благородный* (Россия): «Да Варяг хитрый, изворотливый и опытный *законный вор*» (Е. Сухов На зоне). «А может, прежде чем отправляться в лучший мир, *законный вор* передоверил его тайну кому-то третьему?» (Е. Сухов Я — вор в законе) *Вор-законник* — то же, что *вор в законе*: «Логарь был старым *вором-законником*, всегда к

нему шли на *разборки*» (Запись 1980). *Вор идейный* — вор в законе, строго соблюдающий уголовные законы и традиции: «Понимая, что многие осуждённые верят группировке, а репрессии порой дают обратный эффект, администрация ИТУ стала предавать гласности факты отступления *идейных воров* от закона, краж и обмана ими заключённых» (А. Гуров. Правители преступного мира). «Претендуя на «ягуары» и «линкольны», особняки в уютных пригородах столицы и развлечения в ресторанах и казино, *идейные воры* ставят себя на одну доску с молодыми, не имеющими тюремного опыта, но отлично усвоившими истину: тому, кто получает пулю, платить уже ни за что не надо» (Н. Модестов. Москва бандитская). *Вор мохнорылый* — он же *вор шерстяной* — насильник: «Кум забросил мохнатого вора в пресс-кату» (Запись 1996); «*Шерстяной вор* был в три ручья, когда узнал, что попал в чёрную зону» (Запись 1992). *Вор настоящий* — он же *вор нэпманский* — вор в законе старой группировки: «Тем не менее сегодня следует различать две категории *воров в законе*: лиц, жёстко придерживающихся старых воровских традиций (они получили название *нэпманских воров*)...» (А. Гуров. Профессиональная преступность). «Вашего же брата, *воров* старой школы, сами они, как я уже говорил, называют *нэпманскими*, а по существу, видят в вас не более чем *шестёрка*» (А. Гуров, В. Рябинин. Исповедь вора в законе). *Вор правильный* — то же, что *вор честный* — вор в законе, честно соблюдающий воровские принципы: «Пузырь проклинал себя: поверил Шраму, считал его таким же *правильным вóром*, как сам Варяг». «Среди *блатных* Стась чувствовал себя в *правильных ворах*, и многие были уверены в том, что он, во благо *воровскому закону*, готов на любые жертвы» (Е. Сухов. На зоне). «Седой действительно был *правильным вóром*, и даже после того, как *сходняк* утвердил его *законным*, он никогда не злоупотреблял своим авторитетом, старался быть справедливым судьёй и нигде не искал личной выгоды» (Е. Сухов. Я — вор

в законе); «Да чего это *политик* всё топчется на месте, когда он, враг народа, перед *честным вóром* должен стоять навывтяжку» (В. Печёнкин. Милиционер Галкин). *Вор отойшлий* — он же *вор отошедший* — вор, переставший совершать преступления; профессиональный преступник, *оторвавшийся с ворами в законе* в конце 40-х годов, но продолжающий уголовную деятельность. «*Отошедшие воры* были настоящими *суками* и расправлялись со старыми *ворами* очень жестоко» (Запись 1978). *Вор тиковый* — это *вор в законе* кавказской национальности: «Особенно недоблюбили его *тиковые воры* — то есть воры кавказского происхождения» (ЛС, 1999, № 20). *Вор порчеватый* или *вор порчевый* — вор, не пользующийся авторитетом в своей среде: «Даже *малолетки* презирали этого *порчеватого вора*» (Запись 1992); «*Менть* и те по-разному относятся к *благородным* и *порчевым вóрам*» (Запись 1992). *Вор развёчаннный* — это профессиональный преступник, лишённый звания *вора в законе*: «Решалась судьба *обцака*, поминаясь добрым словом усопшие и делились территории *развёчаннных* или почивших *воров*» (Е. Сухов. Я — вор в законе). *Вор спиочный* — вор в законе, купивший это звание за деньги: «А *спиочного вора* ты тоже за *бабки* купил?» (Запись 1992).

Многие арготизмы своим появлением обязаны вóрам в законе, как и номенклатурная лексика однопартийной системе.

Воры в законе для увеличения числа себе подобных заражали своей преступной моралью молодежь, вовлекая ее в уголовную деятельность. Особенно быстро такую идеологию усваивали беспризорники. Они были, в определенной мере, той средой, которая поставляла профессиональным преступникам новые «кадры». Любопытно, что беспризорники гораздо чаще употребляли блатные словечки, чем взрослые уголовники. Вот «исповедь» несовершеннолетнего преступника: «Три года *шпаной* (мелким преступником) был, днем на базаре *работал* (воровал), в *ширмачах* (ворах-

карманниках) состоял, а *хима́ть* (спать) в *шалма́н* (притон) ходил, а то и на улице ночевал. *Мента́м* (милиционерам) попадался редко, только три раза *засы́пался* (попался на месте преступления). Приведут в приемник, а оттуда *фана́ винта́ даешь* (быстро убегаешь)» (В. Тонков, 1930).

В конце 20-х—нач. 30-х годов было распространено ложное мнение, что профессионального преступника можно перевоспитать. Трудом. Но ведь у *во́ра-зако́нника* труд был *запа́дло́*, вне его преступного *зако́на*. И, тем не менее, формула «исправления уголовного элемента трудом» в то время была очень модна. Об этом твердили не только партийные работники, никогда не общавшиеся с преступным миром, но и даже некоторые юристы-профессионалы. Взахлеб говорил о раскаявшихся преступниках следователь, писатель Л. Шейнин. Если судить по его «Запискам следователя», то профессиональные уголовники чуть ли не толпами шли каяться в своих смертных грехах к прокурорам. А те умилялись и оставляли преступников на свободе. Писатель и драматург Н. Погодин в пьесе «Аристократы» утверждал, что труд на Беломорканале перевоспитал громадное количество отъявленных головорезов.

Что же происходило на самом деле? На самом деле была неприкрытая, жестокая эксплуатация рядовых заключенных профессиональными уголовниками... «*Блата́рь* (профессиональный преступник — М.Г.) освобождался, выработав сто пятьдесят или двести процентов плана», — писал очевидец того вопиющего безобразия В. Шаламов. «Оказалось, что «друзья народа», — утверждал А. Антонов-Овсеенко, — какими являлись рецидивисты, официально выполняют норму по триста процентов и подлежат немедленному досрочному освобождению. Немало лет потребовалось, пока низовым работникам удалось убедить высшее начальство, что эти триста процентов — чужая кровь, что *блата́рь* не ударил палец о палец, а только бил палкой своих соседей по бригаде, выбивая процент из нищих и голодных стариков, заставлял десятников припи-

сывать в наряд именно *блатарю́* этот кровавый процент» (А. Антонов-Овсеенко, 1991).

— Это доверие привело к такой крови, которая была еще девида́на в много испытывавшей России. Уголовники помогали государству добывать репрессированных людей, «врагов народа», или — как они их называли — *ко́нтриков*, *фаши́стов*. Никогда еще в истории нашей страны уголовная преступность так тесно не смыкалась с политической. Арго в то время пополнилось новыми словами. Они, прежде всего, отражали те реалии, которые возникли в местах лишения свободы. Это были обозначения «врагов народа»: *ли́терка*, *ли́терник*, *троцки́ст*, *поли́т*, *политика́н*, *политика́шка* — политический заключенный, *полити́ческая зэ́чка*, *политика́ниша* — политическая заключенная-женщина; *ЧеСэ́* — член семьи «врага народа»; *жир* — жена изменника родины, *пересидчик* — политический заключенный, которого по отбытию срока наказания оставили в исправительно-трудовом лагере до особого распоряжения; *каэртэ́дзи́ник* — заключенный, осужденный за контрреволюционную троцкистскую деятельность (от аббревиатуры КРТД — контрреволюционная троцкистская деятельность), *повто́рник* — репрессированный человек, который вторично попал в места лишения свободы.

Нередко политических заключенных называли *пятьдеся́т восьма́я* (58 статья УК РСФСР предусматривает наказание за измену Родине). См., например, у В. Шаламова в «Колымских рассказах»: «О том, чтобы привлечь на курсы *пятьдеся́т восьму́ю*, высокое начальство и слышать не хотело»; «Бесправную *пятьдеся́т восьму́ю* всегда обсчитывали, присчитывая выработку тем же блатарям...». Появляются и слова другого характера, например: *фити́ль*, *шкиле́т*, *даходя́га*, *даходчик* — истощенный больной человек в местах лишения свободы; *красну́ха* — вагон красного цвета, предназначенный для перевозки телят; в 30-х годах XX в. в нем перевозили и заключенных; *ври́дло* — временно исполняющий должность лошади; *луна́* — Колыма;

остроголовый — чекист в буденовке; *лететь под откос* — терять в исправительно-трудовом лагере «вольные» привычки, здоровье и превращаться в истощенного человека; *ушедший во льды* — преступник, бежавший из мест лишения свободы, находящихся на Крайнем Севере; он прячется около главной автомобильной магистрали Крайнего Севера, занимаясь при этом грабежами автомашин; *политзакрытка* — изолятор в местах лишения свободы для политических заключенных; *тяжеловозник* — человек, который имеет самый большой срок наказания (двадцать пять лет), *четвертной* — двадцать пять лет лишения свободы.

Именно в 30-е годы появились слова *зек*, *зекá* — заключенный. См. отрывок из тюремной песни того времени «Ванинский порт»:

А в трюмах сидели *зекá*,
Обнявшись, как родные братья,
Лишь только порой с языка,
Срывались глухие проклятья.

А. Жигулин в книге «Черные камни» утверждает, что сейчас эта блатная песня почти забыта. Но это далеко не так. Имеется много вариантов этой песни, и она до сих пор является популярной среди деклаосированных элементов.

30-е годы характерны также дальнейшим проникновением арготизмов в общенародный язык. «По сути дела, — справедливо пишет Л. П. Крысин — арготизмы, которое в до-революционное время имело довольно узкий и притом совершенно определенный круг носителей, «жаргон деклассированных» превратился в тюремно-лагерный жаргон, получивший распространение в социально-пестрой среде: с ним были знакомы, им активно пользовались не только *воры в законе*, *домушники*, *медвежатники* и прочие представители уголовного мира, но и недавние инженеры, совпартслужащие, военные, крестьяне, артисты, врачи, поэты, журналисты, студенты, составлявшие многомиллионное население лагерей» (Л. Крысин, 1989).

В 1941–1945 гг. профессиональная преступность несколько сократилась (этому способствовало военное положение), зато появилось огромное количество беспризорников. Деятельность проституток была глубоко законспирирована (впрочем, данные об этом явлении того периода очень и очень скудные). По мнению Ж. Росси, «после разгрома одесского центра уголовщины в начале 40-х гг. наблюдается обновление жаргона, который иногда даже непонятен тем, кто знает лишь старый» (Ж. Росси, 1991).

Часть уголовников из исправительно-трудовых лагерей была призвана на фронт в штрафные батальоны. Вернувшись с войны и недолго побыв на свободе, они снова попали в места лишения свободы. Но *воры в законе* их уже не принимали в свою группировку. «Ты должен бы, — говорили они, — взять новый срок или даже пусть бы тебя расстреляли, но ты не имел права по *закону* служить в армии и брать винтовку.» Бывшие фронтовики в местах лишения свободы стали создавать свои группировки. *Воры в законе* эти объединения презрительно именовали *военищиной*, а их членов — *войками*, а также *польскими ворами* или просто *ляхами*. Два последних названия даны из-за того, что часть *воров в законе* служила в армии Рокоссовского, поляка по происхождению. Они могли, в отличие от *воров в законе*, заниматься торговлей, совершать преступления в одиночку, убивать и т. п. Однако и *польские воры* стали объединяться и заимствовать у *воров в законе* неформальные нормы поведения, облагать осужденных данью. Фразеологизм *польский вор* имел, по свидетельству Ж. Росси, ещё одно значение — лицо, приближённое к миру профессиональных преступников, но ещё не принятое ими в свою среду» (Ж. Росси, 1991).

В военные и послевоенные годы наблюдается резкое расслоение группировок *воров в законе*. От них отделилась значительная группа профессиональных преступников, не желавшая жить по нормам и правилам *воров в законе*. Эти уголовники создали многочисленные неформальные груп-

пировки: кроме польских воров, ещё и беспредел, красная шапочка, анархисты, дерь-бери, один на льдине и т. д. Нет нужды их описывать. Для воров в законе все они (в том числе и военщина) были отошедшими. Между ними началась война: друг друга они убивали тиками, ножами, топили, сжигали, распиливали, взрывали (см. подробнее об этом у А. Жигулина «Черные камни» и В. Шаламова «Левый берег»).

Изменивших воровскому закону *вóры в закóне* называли еще и *сúками*. *Сúки* же нередко именовали своих противников *жучкáми*, от слова *жук*, которое, в свою очередь, восходит к лексеме *жу́лик* — профессиональный преступник. Любопытно, что слово *сúка* еще на дореволюционном арго обозначало предателя интересов деклассированных элементов.

В «Словаре воровского и арестантского языка» В. М. Попова имеется также фразеологизм *сúчий кутóк* — камера, в которой отбывают наказание предатели уголовников. Слово *сúка* нередко употребляется и в клятвах преступников, например: *сúкой буду — век свободы не видáть*. *Отоше́дшие* от *ворóв в закóне* не обижались на это название и нередко сами себя называли *сúками*. *Отоше́дшие* насильно *ссúчивали* (слово уголовников — М.Г.) *ворóв в закóне*, то есть заставляли их делать то, что по воровским нормам поведения не положено: заставляли отречься от группировки, целовать нож на верность *сúкам*, давать письменное обязательство об отречении от *ворóв в закóне* и т. д.

В конце 40-х — нач. 60-х годов в СССР был принят ряд законов, направленных против профессиональных преступников. Профилактическая работа среди населения и оперативно-розыскные мероприятия привели к тому, что к началу 50-х годов преступность пошла на убыль, резко сократилось число беспризорников.

Шестидесятые-семидесятые годы характеризуются появлением новых устойчивых криминальных групп, прежде всего, воров автомашин (*погóнщиков*) и воров антиквар-

ных изделий (*ма́клей*), у которых сформировалась своя субкультура и арготизмы. Например, в речи *маклей* встречались слова: *ма́мка* — икона Богородицы, *косо́й* — служитель христианского религиозного культа, *ко́ля* — икона с изображением Николая-Чудотворца, *ва́рево* — кража предметов религиозного культа, *доска́* — малоценная икона, *поде́литься с бо́гом* — совершить кражу из культовых зданий, *занима́ться рели́гией* — собирать с целью продажи предметы религиозного культа, *сто́лбы́* — иконы с изображением святых в полный рост, *лесосла́в* — занятие незаконной скупкой, хищением и продажей икон.

В конце 70-х и 80-х годах быстро растет число продавцов наркотиков, наркоманов и токсикоманов. В 1988 году только на учете в правоохранительных и медицинских учреждениях состояло 130 тысяч человек, страдающих наркоманией и токсикоманией. У дельцов наркобизнеса и наркоманов также имеются свои арготизмы (см. слова: *гу́тагу́стрица* — желудочные капли, которые после выпарки вводятся в вену, *да́ть толчо́к* — нанюхаться кокаину, *загло́тнуть* — принять таблетку, содержащую наркотические вещества, *заби́ть кося́к* — подготовить папиросу для курения гашиша, *зерно́* — таблетка, содержащая наркотик, *кума́р* — наркотическое голодание, которое протекает очень болезненно, *резиде́нт* — лицо, которое поставляет наркотики в места лишения свободы, *ши́рево* — наркотики, которые вводятся в организм с помощью шприца, *пя́точка* — папиросная гильза, в которой остался гашиш.

Именно 70-е годы послужили резкому увеличению других категорий деклассированных элементов — проституток и так называемых *бомже́й* (лиц без определенного места жительства), у которых тоже имелись свои арготические слова (например, у проституток — *беспла́тник* — клиент проститутки, который не платит ей деньги за сексуальные услуги, у бомжей — *сторожесви́к* — официальное предупреждение о бродяжничестве, *увóл христо́вый* — увольнение с работы по тридцать третьей статье КЗОТ.

В конце 70-х — нач. 80-х годов в преступном мире наблюдаются не только количественные, но и качественные процессы. Так, к примеру, именно в это время происходит сращивание группировок *воров в законе* с расхитителями социалистической собственности, дельцами *теневой экономики*. В начале *вóры в законе* занимались рэкетом в отношении данных криминальных групп, а затем и сами стали принимать активное участие в их деятельности: занимались сбытом продукции, охраной, физическим устранением неудобных людей и т. п.

В настоящее время картина такая же, как и в 20-х годах: грабёж, вымогательство и убийство богатых. Общество, доведённое до нищенства, симпатизирует профессиональным преступникам. В конце 80-х — нач. 90-х годов свершилась Великая криминальная революция. «И ударила Русь на ворованных клячах в галоп!» Преступность за короткое время увеличилась в несколько раз. Возродились давно забытые воровские профессии, резко увеличилось количество деклассированных элементов: нищих, проституток, лиц без определённого места жительства. Преступность стала носить интернациональный характер. Быстро создаются международные шайки наркодельцов, поставщиков «живого товара» за границу, оружия, широким потоком потекли богатства из России на Запад, причём за бесценно. «Новые русские» похлеще профессиональных преступников стали грабить и рвать Россию на куски... За короткое время создаются громаднейшие капиталы. Согласитесь, читатель, что за два-три года создать честно миллионные состояния невозможно. Честность в России стала пороком, а бедность — состоянием 9/10 населения России.

Есть предположение, что так называемую «перестройку» провёл не М. Горбачёв и его недалёковидная команда, а преступный мир, нет, не преступники — «бытовики» и даже не воры в законе, а *теневики* и *цеховики*, для которых рамки существующего строя были всегда тесны, им нужен был буржуазный простор, а лучше — правовой бес-

предел. Для этого они подкупали людей, кто был в окружении М. Горбачёва, или через посредников, которые так или иначе «доводили» до коммунистического «царя» «умные» мысли. Во главе национальных движений тоже нередко стояли уголовники. Профессиональные уголовники, *воры в законе* прекрасно понимают, что в мутной воде хорошо ловится рыба, да не простая, а золотая.

Что касается исследования арга, то его изучение возобновилось в конце 50-х — нач. 60-х гг. XX в. и связано было прежде всего с именами Л. И. Скворцова (см., например, его кандидатскую диссертацию «Взаимодействие социальных диалектов с общенародным языком») и В. Д. Бондалетова. Нужно отдать должное исследователям блатной лексики: это было чревато определёнными последствиями. Например, в сталинские времена сбор и изучение арга расценивалась как... кулацкая агитация (до пятнадцати лет лишения свободы). Но и в 70-е годы студентам-отличникам учёбы, пишущим дипломные работы про блатной язык на выпускных экзаменах ставили тройки. (Пишущий эти строки избежал «международной» оценки, но примерно до 90-х годов чувствовал на себе пристальный взор соответствующих служб, даже несмотря на то что читал сотрудникам правоохранительных органов курс закрытых лекций «История воровского жаргона и условные обозначения современных преступников»). Тем не менее публикации на данную тему до середины 80-х годов шли с трудом и только в критическом ключе. Автор книги помнит, как не разрешили опубликовать словарь арга, предназначенный для служебного пользования (для правоохранительных органов) из-за того, что он был разбит на рубрики: «Арго шулеров», «Арго воров-карманников», «Арго воров антиквариата», «Арго наркоманов», «Общеуголовное арго», «Тюремное арго» и т. д. Дело в том, что тогда в СССР ещё имелась официальная доктрина: в социалистическом государстве нет профессиональной преступности, она уничтожена ещё в 30-х годах, то есть нет профессиональных

шулеров, профессиональных воров-карманников и др., а если таких людей не существует, то нет и их аргю.

Преступность в настоящее время носит более организованный характер, чем когда-либо. Существуют организованные группировки, в которых имеется определенная преступная иерархия. В них главари подготавливают преступления, отводя каждому члену свою роль. В таких шайках имеются *навóдчики* (лица, указывающие на объект преступления), *атáсники* (люди, стоящие на страже и при грозящей опасности предупреждающие своих «коллег»), *сбытчики* краденого и т. д. Количество преступников в таких шайках колеблется от семи до десяти.

Имеются также бандитские формирования, число членов которых доходит до тридцати человек. В отличие от преступных группировок, они часто применяют оружие и открыто завладевают имуществом, нередко при этом жестоко расправляясь со своими жертвами. Венцом организованной преступности являются преступные организации. Для них характерны следующие признаки: наличие материальной базы; коллегиальный орган руководства, при котором управление организацией осуществляется группой лиц, имеющих равное положение, устав в форме неформальных норм поведения, традиций и законов, санкций за их нарушение; функционально-иерархическая система — разделение организации на составные группы, межрегиональные связи, наличие руководящего ядра, телохранителей, держателей касс, связников, *контролёров* и т. п., информационная база — сбор различного рода сведений, разведка и контрразведка. Эти организации не только сами совершают преступления, но и занимаются сбором дани с профессиональных воров-карманников, проституток, дельцов *теневóй эконóмики*. Нередко преступные организации имеют своих людей в правоохранительных органах, сфере торговли, в администрации района, города, а то и области. Такие преступные объединения можно назвать мафией (А. Гуров, 1990).

В настоящее время имеется множество преступных «профессий»: воров-карманники, воры, занимающиеся кражами в домах, магазинах, воры автомашин, мошенники различных категорий, рэкетеры, расхитители. В каждой из групп уголовников имеются свои арготизмы.

Сегодняшние преступники различают, как они говорят, *стáрую и новую фэню*.

То есть в современном аргю содержится большое количество слов, перешедших из дореволюционного прошлого и 20-х–40-х годов XX в. Аргю периодически обновляется (разумеется, всё это происходит стихийно, без вмешательства криминальных авторитетов): только в XX в. было три резких изменения в блатном языке — в конце 10-х–20-х гг., во второй половине 40-х–нач. 50-х гг. и в конце 80–нач. 90-х гг.

Часть дореволюционных арготизмов в современном аргю сохранила свой первоначальный облик, например: *глот* — крикун; *дело* — преступление; *бекáс* — окурок; *звонок* — собака; *гон-стон* — ограбление; *вглухую* — на смерть. Отдельные слова изменили звуковой состав: *буцóй*, *бухóй* в (дореv. аргю *бусóй*), *хóва* — рот (в дореv. аргю *хáва*); *шницф* — окно (в дореv. аргю *шницфт*); *крякá* — церковь (в дореv. аргю *клякá*, *кляквa*); *бобичка* — рубашка (в дореv. аргю *бобóчка*).

Множество арготизмов частично или полностью изменили свои значения, например: *лэпень* — костюм (в дореv. аргю — платок); *шницфт* — глаз (в дореv. аргю — окно); *күклим* — человек, который много говорит (в дореv. аргю — преступник, проживающий по чужому паспорту); *гамырка* — нитролак (в дореv. аргю — спирт, разбавленный водой, водка); *богодүл* — нищий (в дореv. аргю — дряхлый старик-арестант); *аршин* — стакан (в дореv. аргю — купец).

Ряд дореволюционных слов явились «сырьевой» базой для образования современных арготизмов, например, от дореволюционного арготизма *хай* (заявление в полицию;

шум, скандал; обыск) были образованы слова *хайка* (шум) и *хаевать* (шуметь); от *амба* (убийство; конец безвыходного положения) — *амбал* (человек плотного телосложения); от *баланда* (тюремная похлебка) — *баландёр* (повар-арестант, раздающий пищу); от *липа* (всякий фальшивый документ) — *липовать* (говорить неправду) и *липонуть* (обворовать).

Большое количество дореволюционных арготизмов перешло в общеуголовное и тюремное арго, см. примеры: *академия* — исправительно-трудовое учреждение (в дорев. арго — тюрьма); *базарить* — разговаривать; *бан* — вокзал; *блатной* — уголовный, преступный; *дело* — преступление; *мокрушник* — убийца.

Ряд дореволюционных слов наркоманов перешел в современное арго, см. примеры: *взять на мопса* — усыпить при помощи наркотического вещества; *дербан* — делёж краденых наркотиков (в дорев. арго *дербанка* — делёж); *загибаться от вольного* — испытывать чувство эйфории от действия наркотика, которым угостили (в дорев. арго — нюхать кокаин за чужой счет; *занюханый* — человек, одурманенный наркотиками (в дорев. арго — кокаинист); *смолить* — курить гашиш (в дорев. арго — курить).

В настоящее время наблюдается сращивание отечественной преступности с зарубежной: образуются международные шайки расхитителей и сбытчиков антиквариата, рэкетиров, мошенников различных категорий и др. Русская мафия посылает проституток на «заработки» в соседние страны... Всё это должным образом отражается на языке русских преступников. См. новые арготизмы проституток и их «покровителей»: *нюшка* (франц. *ню* — голая) — проститутка; голая женщина; *шершеляфамицик* (франц. *cherchez la femme* — ищите женщину) — сутенёр; поставщик «живого» товара в публичные дома Европы и Азии; *субботник* — время бесплатных половых актов проституток с влиятельными людьми. Активно стали употре-

блять арготизмы дореволюционных проституток: те же *мамаша*, *мадамы*, *бандериши* (содержательницы тайных публичных домов), те же *девочки*, *девушки* (проститутки), *дешёвки* (проститутки, берущие за секс дешёвую плату) — это слова конца XIX — нач. XX вв. Туда же можно отнести и многочисленные обозначения половых органов и соответствующих им действий. Распространённое благодаря телевидению выражение *заняться любовью* пришло тоже из арго проституток. (Любознательного читателя я отсылаю к повести А. Куприна «Яма»).

Возродилась старая профессия медвежатников, а с ними и блатные слова: *шадер* — ломик, предназначенный для взлома; *видра* — отмычка; *шмель* — сверло, предназначенное для вскрытия сейфов.

Появившись в конце 20-х — нач. 30-х годов XX в. как монолитное крепкое преступное сообщество, группировка *воров в законе* претерпела ряд изменений и особенно сильные изменения произошли в последнее время. Появились названия *скоростёлки*, *апельсины* — это *воры в законе*, купившие *воровскую корону* за деньги — так их презрительно именуют те преступники, которые «выстрадали гордое имя» в карцерах, *шизо* и одиночках, борясь с ненавистными им *ментами* и *активом* (*козлами*). Но, тем не менее, расслоение идёт даже в этом «аристократическом» воровском обществе. И уже реже на *сходняках* можно услышать слова *бродяга*, *босяк* — синонимы к *вору в законе*. Уже не слышно о таких выражениях как *воровская идея*, *идейный*, *честняк* — вор, честно соблюдающий законы преступников. Стало анахронизмом слово *человек* — то же синоним к *вору в законе*. (Вот уж не в бровь а в глаз: *человек* — это звучит гордо!) Действительно, *вор в законе* 30-х годов ни за что бы так не назвал современного «собрата» этим «гордым» именем: первый по *воровскому закону* не должен был иметь никакого имущества, второй — имеет шикарные особняки и автомобили. Если раньше *воры в законе* не делились по национальностям, то теперь делятся, так как идёт борьба

за сферы влияния между славянскими и *тико́выми ворами* (т. е. выходцами из Кавказа и Закавказья).

Появились в большом количестве рэкетеры — резко увеличился и их арго: *коммерсила*, *барыга* — коммерсант; предприниматель; *лоховская кормушка* — фирма, которая платит дань вымогателям; *кабанчик* — предприниматель, тесно связанный с профессиональными преступниками, «перспективный» предприниматель, которому вымогатели создают благоприятные условия для обогащения, а затем разоряют его; *выращивать кабанчика* — создавать условия для обогащения предпринимателей, а затем разорять их; *ужасик*, *ужастик* — процесс запугивания вымогателем предпринимателя; *нахлобучивать* — запугивать; *раздёрть фирму* — разорить предпринимателя; *бомбить* — заниматься рэкетом коммерсантов. Вот фраза с использованием слов рэкетиров. «Отморóженная на всю го́лову братва́ лихо бомби́ла лоховские корму́шки».

Мир уголовников чутко реагирует на те изменения, которые происходят в обществе, например, в настоящее уже не употребляются слова *большая зона* — СССР, *пахан большой зоны* — генеральный секретарь ЦК КПСС. Стали историзмами такие блатные словечки как *зверинец* — стэнд с членами Политбюро ЦК КПСС в ИТУ, *бровастый* — Л. И. Брежнев, *советские иностранцы* — граждане социалистических стран. Некоторые *воры в законе* провозглашали себя чуть ли не единственными борцами против коммунизма, хотя на самом деле воровской мир всегда был против любого режима: коммунистического, царского или буржуазного. Так, дореволюционные преступники называли Россию *рамановской поскотиной* (местом для скота), тюрьму — *рамановским хутором* и проч. Вместе с тем в ходу сейчас новые обозначения: появились дубинки в руках милиционеров — и их стали называть *демократизаторами*, *татьянами*, появились конные милиционеры — и возникло арготическое слово *ментавры*.

Говорят, преступность не имеет национальности. Имеет, и свидетельству этому блатной жаргон. Например, торговца, жителя Кавказа или Средней Азии, именуют *обезьяной*..

Арго преступного мира за последние десять-двенадцать лет изменилось не только качественно, но и количественно — блатных слов стало использоваться намного больше.

Но всё ли мы знаем о профессиональной преступности? Общество, криминалисты, лингвисты?

Сейчас порой и сами преступники-*авторитеты* не знают, что творится в уголовном мире: сколько группировок, столько и интересов. Ясно одно, что на смену старым уголовникам приходит новая формация, которая не признаёт никаких законов. Их красочное название — *отморóзки*. Все они устремились к наживе, и ради неё они предадут не только отца, мать и Родину, но и свои священные воровские законы. Не случайно старые воры-карманники в частных беседах так и говорят: «Недуром прёт *беспредёл!*». Практически преступный мир раскололся на два лагеря — старых уголовников и «новых русских» преступников.

Мы слишком мало знаем о глубинных процессах, происходящих в недрах профессиональной преступности. Что она собой представляет наверху, в высших кругах? Возьмём хотя бы спорный вопрос о зарождении мафии в России. Многие учёные-юристы считают, что она возникла в 60–70-е гг. XX столетия. Однако её признаки были уже в середине XIX века. Она была глубоко законспирирована, и в донесениях полиции имелись лишь отдельные намёки на то, что такой-то князь руководит профессиональными уголовниками. Была широко развита коррупция и в высших полицейских чинах. Возможно, криминалисты того времени не понимали, что творится в преступном мире. Художественная литература также почти ничего не писала о жизни профессиональных уголовников. И лишь один писатель В. С. Крестовский в «Петербургских трущобах» сделал по-

пытку проникнуть в этот загадочный мир. К сожалению, эта была действительно лишь попытка, глубокий анализ преступности XIX в. он дать не смог: на это не хватило ни сил, ни средств, ни своей популярности, ни даже близкое знакомство со знаменитым сыщиком И. Путилыным. Однако и в этом художественном произведении чётко показано, что воров, фальшивомонетчиков контролируют более высокие преступные организации, членами которого являлись и представители высшего общества, что уже в то время существовала коррупция в полицейской среде. Преступники-профессионалы (особенно это касается шулеров) были связаны с высшим светом. Блатной язык также сохранил любопытные слова середины XIX в. — *нухгээр*, *пайцик* — эксплуататор высококвалифицированных воров-карманников. Всё это — признаки того, что в середине XIX века имелись зачатки мафии.

Исчезли спекулянты — исчезло и их арго, но не совсем: ряд слов растворился в жаргонах предпринимателей и проституток, см. их лексемы *штатник* — гражданин США; *финик* — житель Финляндии; *френч* — француз; *лаввё* — деньги и проч. Стало активно употребляться слово *красноярка* — фальшивая ассигнация — арготизм фальшивомонетчиков конца XIX в.! Это, по мнению М. Фасмера, нижегородское слово: был когда-то в Нижегородской губернии Красноярский скит, где монахи занимались выделкой фальшивых денег (М. Фасмер, I, 324).

Много блатных слов фигурирует сейчас в трёх стилях русского языка: разговорном, газетно-публицистическом и стиле художественной литературы. Блатной язык способствовал, по мнению ряда учёных, объединению большинства жаргонов в один общий жаргон, он сейчас является той цементирующей силой, которая объединяет лексемы молодёжи, журналистов, уголовников, рекламодателей, бизнесменов и т. д. Приведём в качестве примера общие жаргонизмы: *забить стрёлки*, *лох*, *реальный* и т. п. (См. подробнее об этом Ермакова О. П., Земская Е. А., Ро-

зина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999).

Общезаргонные слова, «выходцы» из арго, способствуют тому, что резко уменьшается общий слой в молодёжном жаргоне и жаргоне бизнесменов.

Из пластов арго, которые повлияли на другие социальные диалекты, следует выделить общеуголовное, затем тюремное и только уже после этого — профессиональные арго. Именно в двух первых арго отражается ментальность и философия профессиональных преступников, которая созвучна нашему времени, отражает сиюминутное состояние общества, тот государственный уклад, который сложился и с которым начинают бороться. Исчезнут реалии — исчезнут и слова, обозначающие эти реалии.

В ближайшее время стоит ожидать появления многочисленных специфических слов хакеров: сейчас их жаргон во многом совпадает с жаргоном компьютерщиков: *вэжикалка* — матричный принтер; *лазарь* — лазерный принтер; *маракэйка* — прикладная программа; *долбоклюй* — устройство перфорации и др.

Фактически прекращена подпитка современного арго лексемами из территориальных диалектов. Одна из «сырьевых» баз арго теперь — экономическая терминология, из которой слова заимствуются благодаря тесным контактам бизнесменов с криминальным миром.

Арго преступного мира за последние десять-двенадцать лет изменилось в качественном и в количественном отношении, стало «ближе к народу». Фактически оно употребляется во многих стилях русского языка. Правда, с разной степенью использования: в разговорном, газетно-публицистическом и стиле художественной литературы — в огромном количестве, в официально-деловом и научном — лишь отдельные единицы, да и то уже войдя в терминологическую или официально-деловую систему.

ОБЩЕУГОЛОВНОЕ, ТЮРЕМНОЕ И СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ АРГО

Этот раздел был включен для того, чтобы читателю была понятна структура русского арго. С этой целью мы решили дать характеристику общеуголовному, тюремному и некоторым видам специализированных арго (здесь приводятся наиболее характерные — всего же насчитывается около сорока специализированных арго).

Общеуголовное арго

Оно составляет больше половины всей арготической лексики. Именно эта часть слов уголовного мира является интегрирующим началом: ею пользуются все разряды деклассированных элементов: преступники различных категорий, бродяги, босяки, нищие, проститутки, беспризорники, лица без определённого места жительства и проч. Общеуголовная лексика делится на профессиональную и бытовую. Профессиональная лексика связана с криминальными реалиями и составляет 72% общеуголовного арго. В неё входят: обозначения деклассированных элементов: *медвежатник* — вор, специализирующийся по кражам из сейфов; *комендант* — старая проститутка; *вишварь*, *портяночник* — мелкий преступник; *боёц* — рядовой член преступной группировки; *алёсник* — нищий; обозначения преступлений: *мокруха* — убийство; *ворон* — грабёж; *лохматая кража* — изнасилование; *ломота* — избиение; обозначения оружия преступников: *крест*, *мёсарь* — нож; *дура* — огнестрельное оружие; *припáс* — кастет; *рóзочка* —

горлышко от разбитой бутылки; *приблуда* — любой предмет, которым можно ударить; объекты и жертвы преступления: *скок* — квартира, которую удобно обокрасть; *фуцен*, *фрайер* — жертва преступления; *овца* — женщина-жертва преступления; *живой товар* — жертва насильника; *тырбан* — предмет воровства; сотрудников правоохранительных органов: *мильтон*, *мусор* — милиционер; *легаый* — сыщик; *пёс бесплатный* — член добровольной народной дружины; *сука ценячья* — женщина-инспектор детской комнаты милиции; преступные действия: *стырить*, *двинуть* — украсть; *базаровать* — воровать; *бомбить* — грабить и т. д. Бытовая лексика составляет соответственно 28% и связана со следующими понятиями.

Пицца: *шамовка*, *хавка* — пицца; *хрясть* — есть, питаться; *кардиф* — чёрный хлеб; *бубон* — белая булка; *балагас* — высококалорийные продукты.

Вино: *чернила* — вермут; *жумагарь* — самогонка; *молочко от бешеной коровки* — водка; *конина* — коньяк.

Одежда и обувь: *удавка* — галстук; *кóцы* — ботинки; *юпаря* — сапоги; *клифт* — костюм; *леля* — рубашка.

Животные и насекомые: *быдна* — корова; *звонок*, *дракон* — собака; *купчиха* — вошь; *бегунец* — таракан; *кричуха* — курица.

Части тела: *флюжжа* — рука; *тыква* — голова; *подставка* — ноги; *курсак* — живот; *кар*, *каруха* — мужской половой орган; *котилка*, *сберкасса* — женский половой орган и т. д.

Чёткого разграничения между профессиональной и бытовой лексикой провести невозможно, так как некоторые наименования (например, одежды, обуви или ручных часов) можно отнести в зависимости от ситуации к тому или иному разряду.

Общеуголовное арго сложилось гораздо позднее, чем другие пласты лексики преступного мира. Но его элементы использовались всегда, так как были необходимыми для общения между представителями различных воров-

ских профессий, между всеми деклассированными элементами. Общеуголовное арго образовалось из тюремного и специализированных арго. Несомненно, объединяющим началом была тюрьма, в которой находились представители не только разных регионов России, но и представителей различных деклассированных элементов и воровских специальностей, и в дальнейшем оно пополнялось за счёт их арготизмов.

Каждая российская территория вначале имела своё общеуголовное арго, но по мере стирания диалектов, появления централизованного государства и общей системы тюрем, стало образовываться единое общеуголовное арго. В среде деклассированных элементов оно играло объединяющую роль, являлось средством межворовского общения. Тогда как специализированные арготизмы, наоборот, были в ходу только у одной или нескольких криминальных специализаций. Поэтому представители разных криминальных направлений иногда и не понимали друг друга. Но эти «цеха» не были замкнутыми системами. На Руси, например, существовало тесное общение между городскими ворами-карманниками, грабителями и лесными разбойниками (вспомним знаменитого Ваньку Каина!). Порой нельзя было провести чёткую границу между проституткой, «честно» зарабатывавшей хлеб насущный своим телом, и воровкой-проституткой — *хипесницей*. Проститутки, беспризорники и нищие были тесно связаны со всеми разрядами преступного мира. «Объединяющим элементом» являлись и скупщики краденого, которые принимали товар, добытый преступным путём, от различных категорий уголовников. Именно в общеуголовном арго имелось большое количество заимствований из других языков.

Общеуголовное арго — главный раздел языка преступников, через который выражено его отношение к жизни, его мировоззрение. Формировавшееся на протяжении столетий, общеуголовное арго окончательно оформилось в конце XIX в. и стало как бы одним из выразителей воров-

ской идеологии — мизантропической, нигилистической, направленной против всего и вся, защищающей и одобряющей только действия профессиональных преступников, совершающих поступки согласно ранее выработанным воровским законам. Однако воровская философия, отражённая в арго, вступила в конфликт с реальными фактами, которые имеются среди профессиональных преступников, т. е. в настоящее время большинство *воров в законе* живут не по воровскому закону: используют воровскую общественную кассу (*общак*) в личных корыстных целях, имеют богатство, сотрудничают с правоохранительными органами — словом, делают всё то, что не смел делать их «собрать» в 50-х или 60-х годах XX в. Такого в воровском мире долго продолжаться не может: воровские законы должны соответствовать реальной жизни. Когда всё это произойдёт, то, несомненно, появятся и соответствующие общеуголовные арготизмы, которые фактически и отразят нововведения.

Воровская идея пока ещё прочно удерживает позиции в ИУ.

Через общеуголовное арго специализированные арготизмы переходят в различные системы общенародного языка. Оно является своеобразным «чистилищем» для многих спецарготизмов: одни из них застревают в общеуголовном арго, уходят в пассивный запас и даже исчезают совсем, другие, чаще изменив значение (расширив или, наоборот, сузив его), начинают новую жизнь в общенародном языке.

Тюремное арго

Система тюрем в России сформировалась лишь к середине XIX в. и юридически оформилась в 1864 г., когда была проведена реформа суда. Именно это время можно назвать точкой отсчёта единого тюремного арго. Сказанное не означает, что раньше оно не существовало: деклассиро-

ванные элементы пользовались тюремными арготизмами, но настолько они были разноплановыми, что заключённые при переходе из одного пенитенциарного заведения в другое не всегда понимали друг друга.

Если общеуголовные арготизмы преступников различных стран по многим позициям совпадают, то русское тюремное арготизмы имеет большие отличия. И прежде всего в названиях неформальных отношений между заключёнными. Так, современное тюремное арготизмы отражает следующие тюремные иерархии: *вор в законе* (*законник*, *честняк*, *чеснок*, *человек* и проч.) — представитель высшей касты на свободе и в ИТУ, *смотрящий зоны* — второй после *вора в законе* человек, который следит за порядком в ИТУ, *пахан хаты* — авторитетный осуждённый, отвечающий за соблюдение воровских законов в камере или бараке, *пахан постели* — заключённый, отвечающий за заправку кроватей в ИУ, *пахан стола* — заключённый, отвечающий за порядок во время приёма пищи, *блатные* (их нередко называют *отрицалами*, хотя это не одно и то же) — лица, приближенные к *смотрящему зоны*; они отрицательно настроены по отношению к администрации ИУ и к *активу* — осуждённым, вставшим на путь исправления; часто нарушают режим и попадают в карцер; *пацаны* — молодые люди, перешедшие из среды *мужиков* или переведённые из колоний для несовершеннолетних, это своего рода кандидаты в *блатные*, которым они подражают и выполняют их приказания; *мужики* — заключённые, регулярно работающие в ИУ и платящие дань в воровскую кассу (различается *воровской мужик* — заключённый, который нередко помогает *вору в законе*, *блатным* и *пацанам* в их борьбе против администрации ИУ), *опущенные* (*петухи*, *тивни*, *кочетки*) — низшая категория осуждённых, с которыми совершили насильственный половой акт или позорящие их действия, например, окунули головой в унитаз (*парашу*). Для них полностью исключается возможность перехода в другую категорию осуждённых (например, в *мужики*). Из

числа *петухов* выбирается *главпетух* или *главпидор*. Хотя в ИТУ может быть и другая иерархия. Исследователь преступного мира Л. Самойлов утверждает, что в отряде исправительно-трудового учреждения неофициальным лидером является *главвор*, дальше идут в порядке убывания авторитета: *главшнырь* — завхоз, *угловые* — влиятельные заключённые, занимающие в бараке (камере) угловые койки, *старшина*, *бугры* — бригадиры или лица, занимающие определённую должность в ИТУ, затем *бойцы* (Л. Самойлов, 1989).

В дореволюционном арготизмы также имелись специфические разряды заключённых: *каринец* — каторжанин, добравшийся до острова Сахалин по этапу через реку Кару, *круглоболотинец* — каторжанин, которого на корабле привезли на Сахалин, где он должен отбывать наказание в виде лишения свободы, *зеленюгий* — преступник, бежавший из Сибири; преступник, бежавший с Сахалина в Сибирь.

Особый разряд заключённых существовал при сталинском режиме, см. арготизмы: *болтун*, *язычник* — человек, осуждённый в годы репрессий по 58 статье пункту 10 (антисоветская агитация); *парикмахер* — человек, осуждённый за стрижку колосков; *анекдотчик* — человек, осуждённый за рассказ анекдотов; *пересидчик* — политический заключённый 30-х — 50-х годов, который, отбыв срок наказания, остался в исправительно-трудовом лагере вплоть до особого распоряжения; *повторник* — повторно репрессированный политический заключённый.

В ВТК (воспитательно-трудовая колония для несовершеннолетних) имеется особая классификация осуждённых-воспитанников: *вор* (*блатной*, *борзой*) — представитель высшей касты в ВТК, *пацан* — представитель устойчиво-привилегированной группы в ВТК, занимающий вторую ступень криминальной лестницы после *вора*; *пацан приморённый* (*чушок*) — воспитанник ВТК, занимающий третью ступень среди несовершеннолетних правонарушителей, обязанный по своему положению выполнять в ка-

мере грязную работу (мыть туалет, убирать камеру и т. п.); *обиженный* — воспитанник, с которым совершили насильственный половой акт.

Среди осуждённых имеются лица, занимающие особые неофициальные должности: *майдáнщик* — до революции заключённый-торговец продуктами и спиртными напитками; *стирошник* — заключённый, изготавливающий игральные карты; *маклеры* — осуждённые занимающиеся изготовлением различных предметов для своих сокамерников. ножей, зубных протезов, шахмат и проч.; *кольщик зóны* — заключённый, который выкалывает татуировки; *дорóжник* — осуждённый, отвечающий за связь с другими камерами, бараками и *волей* (от арготизма *дорóга* — связь (вид связи) с заключёнными камер (бараков) и лицами, находящимися на свободе).

Отношения между осуждёнными также заслуживают особого описания, см. *опустить*, *обидеть* — унижить заключённого (совершить половой акт с ним, подмешать кал в пищу и т. п.), тем самым поставить на низшую ступень криминальной лестницы; *петушатник* — камера (барак) в ИТУ, где отбывают наказание *опущенные*. Обычно бывшие заключённые сердятся, если им задают вопрос: «Ты что, обиделся?» И нередко можно получить ответ: «На *обиженных* в *зонах* воду (говно) возят!»

В ИТУ имеется ряд жёстких, а нередко и жестоких правил неформального поведения заключённых, за их нарушение полагается суровое наказание. Конечная цель таких «правил» — не погибнуть, выжить в условиях российских тюрем. И это выживание возможно лишь в коллективной среде — безвольный одиночка должен умереть, хотя в арготизме есть красочное название *один на льдине* — это осуждённый-одиночка, то есть не примыкающий ни к каким воровским группировкам. Стремление держаться вместе, коллективом — характерно больше для российской действительности, чем для западной, где преобладает индивидуализм, да и условия содержания в пенитенциарных заве-

дениях намного лучше, поэтому проблема выживания там почти отсутствует. Специфика общенациональных традиций позволяет также констатировать, что в европейских и американских тюрьмах не может возникнуть такая категория заключённых, как *вор в законе*. Она возможна лишь в обществе, в котором глубоко ценится коммунальность (соборность) как образ жизни. Индивидуальный характер западноевропейского и американского общества исключает становление таких сообществ заключённых.

В российских местах лишения свободы всегда были тюремные общины. Об этом свидетельствуют С. В. Максимов (см. его исследование «Сибирь и каторга» (1871), Н. М. Ядринцев (см. книгу «Русская община в тюрьме и ссылке» (1872). Об этом говорят и арготизмы. Так в XIX в. использовался арготизм *влязно́е* — денежный взнос новичка-заключённого за право находиться в тюремной общине. В настоящее время употребляется лексема *общак* — слово, появившееся во время становления *воров в законе* как элиты преступного мира и свидетельствующее, что это общая воровская касса, которая выдаёт средства всем нуждающимся заключённым, но на самом деле львиной её долей всегда пользовалась верхушка преступной организации. А в настоящее время *общак* нередко используется и в коммерческих целях. Любопытно, что по аналогии с этим словом современные бандиты образовали другую лексему — *входняк* — это сумма денег, уплаченная коммерсантом в знак того, что он и его заведение берётся под покровительство бандитов. См. контекст: «Арсений потребовал, чтобы для начала я внесла так называемый *входняк*. Это сумма, которую платится перед началом работы, в качестве залога. Ты платишь *входняк* и с этого момента уже считаешься как бы своим, то есть рэкет уже начинает тебя «опекать» и просто спокойно ждёт пятого числа каждого месяца, когда ему полагается оговорённая сумма» (Д. Петров. Скорпион).

Для обозначения сплочённой группы в местах лишения свободы основным (ключевым) словом является лексема

семья (думается, что здесь не следует говорить о заимствовании из итальянского языка лексемы *мафия*, которая воспринимается как «семья», — данное слово свидетельствует об одинаковом мышлении преступников): *семья* — группировка заключённых в местах лишения свободы, образуемая по признаку землячества, национальности, воровской специальности и т. п. См. контекст: «Хотя он и молодой, но мысли у него существенные и *воровские*, — писали поручители. — Мы рады, что к нам в *семью* прибывают новые *воры*» (А. Гуров, 1990); «И отбывать свой срок можно по-разному. Вадим сначала примкнул к *семье блатных*» (В. Бессарабов. День рождения). *Семьянин* — это член *семьи* («Будто бы Кучер похвалялся в разговоре со своим *семьяником*, что вскорости уйдёт на *раскрутку*, отправив Монаха в преисподнюю, где ему давным-давно место забронировано» (Е. Монах. Братва: Век свободы не видать). «Мы с ним ещё на *малолётке кантовались*. *Семьяниками* были, сам понимаешь, святее этого в *зоне* нет» (Е. Монах. Братва: Глазами волка).

Многие дореволюционные лексемы сохранили различного рода правила, обычаи, игры уголовников, например: *лахман* — прощение в тюрьме карточных долгов, *киршин портрет* — развлечение в тюрьме: заключённому обманым путём мажут сажей лицо, а потом показывают в зеркальце, *покойника отвеать*, *колокола качать* — виды издевательств в тюрьме над заключёнными.

Ряд статей УК РСФСР имели в тюремном аргосе специфические названия: *иметь рубль сорок четыре* — отбывать наказание по 144 статье уголовного кодекса — за кражу личного имущества; *иметь рубль сорок пять* — отбывать наказание по сто сорок пятой статье — за грабёж; *иметь рубль сорок шесть* — отбывать наказание по сто сорок шестой статье — за разбой; *бакланка*, *хулиганка* — хулиганство — 206 ст.: «За *бакланку* четыре *годичника отмотал!*» (Запись 1984); *мохнатая кража* — изнасило-

вание — 117 ст.; *мотать за очко* — отбывать наказание по сто двадцать первой статье УК — за мужеложество.

Следует различать категории ИУ, которые делятся на *чёрные зоны*: в них неофициальная власть принадлежит *ворам в законе*; *красные* (*ментовские*, *пионерские*) *зоны* (в них лидирует *актив* — по терминологии юристов: осуждённые, вставшие на путь исправления); *серые зоны* — в них уживаются и *воры в законе*, и *актив*; и для тех и других «война» крайне нежелательна.

Некоторые обозначения ИУ — *университет*, *школа*, *дача*, *дача царева*, *романовский хутор*, *сталинская дача*, *дом отдыха*, *курорт*, *дом родной* и проч. — ряд исследователей считает ироничными. Однако это не совсем так. Здесь больше прямого использования арготизмов, чётко отражающих менталитет русского уголовника: *школа*, *институт* и *университет* указывают на то, что в ИУ заключённый набирается воровского опыта; *дача*, *дом отдыха* — там он отдыхает от преступлений и милицейских преследований; *дом родной* — намёк на то, что он туда ещё раз вернётся. В тюремном аргосе США таких обозначений ИУ нет — все названия тюрем имеют резко негативную окраску (см., например, выражение *бетонная матка* — карцер). Всё это исходит от ментальности американских заключённых, которые стараются всеми силами в ИУ не попасть; на русские обозначения ИУ повлияла не только ментальность уголовников, которые не отрицают факт возвращения в тюрьму после освобождения, но и общая ментальность; см. поговорку *От сумы да от тюрьмы не зарекайся* (не отказывайся).

Дом родной — это ещё и камера, в которой находится осуждённый. По мнению Ж. Росси, заключённые (подследственные) называли её так потому, что она являлась в 30–50-е годы XX в. местом отдыха от пыток во время допроса: «*Конвейер* (непрерывный допрос — М.Г.) бывает круглосуточный или только ночной. В первом случае раз в сутки жертву отправляют в камеру на час-два, причём

в обоих случаях только утром, после подъёма, когда за-
прещается спать или дремать даже сидя. В камере ждёт
остывшая, вчерашняя пища, к которой физически и психи-
чески изнурённый заключённый обычно не прикасается.
Что касается следователей, то они сменяются, а за ночные
часы получают сверхурочные. После нескольких суток
или ночей ноги распухают и покрываются чирьями. Над-
зирателям нередко приходится волоком тащить человека
с конвейера в камеру (ср. *дом родной*), где он становится
предметом внимательной заботы сокамерников» (Ж. Рос-
си, 1991). Однако в русском арго имеется и много лек-
сем — обозначений ИУ — с отрицательной коннотацией:
каменный мешок, *блошница*, *кутúзка* и проч.

И всё же в названии ряда тюремных реалий росси-
ян и западноевропейцев есть много общего. Например,
в немецком арго *Metzger* — врач в ИУ (нем. общенарод.
Metzger — мясник) — в русском арго *мясник* — врач в ИУ;
мясницкая — больница, *Schafchen* — осуждённый впер-
вые (нем. общенарод. *Schafchen* — овечка) — русское арго
овца́ — свидетельница или осуждённый, не способный за-
щитить себя.

Некоторые тюремные арготизмы перешли в общена-
родный язык — в разговорно-литературный: *волчок* — от-
верстие в двери камеры; в просторечие: *чёрная мару́ся*,
воронок — милицейский автомобиль чёрного цвета, пере-
возивший задержанных и заключённых; *вертухай* — над-
зиратель, контролёр в ИУ; *зона* — ИУ, *командир* — обра-
щение, часто к шофёру (в арго — начальник); в молодеж-
ные жаргоны: *пропы́ска* — физическое испытание новичка
в некоторых армейских частях (в арго — испытание но-
вичка-заключённого); *кича* — гауптвахта (в арго — ИУ),
прикол — шутка, смешной случай (в арго — издеватель-
ство над новичком или униженным осуждённым: его ле-
гонько подкалывают ножами (*затóчками*, *тíками*) и весе-
лятся, видя, как тот корчится от боли.

В тюремном арго 30–50-х годов XIX в. наблюдается
большое количество аббревиатур, часто они связаны с обо-
значением разрядов преступников: *зек*, *зе(э)ка́*, *зык*, *зыкá*;
вот что пишут о происхождении лексемы *зэка* исследова-
тели: «Строителя Беломоро-Балтийского канала называли
фальшиво-военизированным словом — заключённый ка-
налаармеец (надо же такое придумать!), сокращённо «з.к.»
Отсюда и пошло это зубчатое «з.к.», «зэк» (В. Анисимков,
1993). *Чсир* — это член семьи изменников родины, *жсир* —
жена изменника родины, *каёр* — контрреволюционер. Воз-
можно, все они появились в результате написанных букв
на «Деле» заключённого. Слова *зэк*, *зек* и *зэка*, *зека* послу-
жили образованию ряда новых лексем: *зэчка* — женщина-
заключённая; *зечок* — ребёнок, находящийся в ИТЛ вместе
с матерью; *зэкашка* — мужчина-заключённый.

Отдельные арготизмы и арготические выражения по-
являлись в результате конкретных случаев, см., например,
расписаться на забóре — совершить побег (некоторые
дерзкие уголовники во время побега действительно рас-
писывались на заборе ИУ).

Тюремное арго имеет отечественный, русский харак-
тер: иноязычных лексем в нём очень мало.

Старинные арготизмы *заключённый*, *заключёвница* —
тот, кто находится за ключом, *каменный мешок* — тюрь-
ма — ясно говорят о том, какие условия были в прошлом.
Нередко они имеют тюркское (см. *кича* — тюрк. *kisa* —
ночь, мрак) или украинское происхождение (см. *вязень* —
заключённый). В арго много слов, имеющих корень *вяз-*:
вяз, *вяза́ло*, *вяза́ловка*, *вяза́лово*, *вяза́ние* — задержание с
поличным правоохранительными органами; провал како-
го-л. дела: «*Вяз у ментов* получился прямо-таки класс-
ный! Вот теперь и *кранты*, *вяз* полнейший» (Запись 1990);
«Я думал, что всё обойдётся без *вяза́ла*»; «*Улёт* не полу-
чился, кто-то *стúкнул* — и *вяза́ло*» (Запись 1992); «Рембо
и после *вяза́ловки* *сделал ноги*. «*Мусорня* нам хорошую
вяза́ловку устроила, рассчитала аж до двадцатого хода!»

(Запись 1992); «Во время *вяза́лова* у пацанов нервишки не выдержали — начали *шмалять* почем зря»; «*Взять универ* у нас не получилось — стопроцентное *вяза́лово*» (Запись 1992); «Прецедент был создан. Так стоит ли обывателю удивляться тому, что результаты борьбы с организованной преступностью ограничиваются *вяза́нием* рядовых бандитов? Хорошо ещё — *вя́жут* пока. » (А. Константинов. Бандитский Петербург); *вяза́ть* — арестовывать; прекращать совершать какие-л. действия. «Милиция не раз *вяза́ла* парней за кражи, хулиганства и прочую мелочовку, но суд давал условные сроки, а точнее шанс одуматься» (К, 2001, №9); «*Вяжи* об этом» (Л. Габышев. Одлян, или Воздух Свободы); *вяза́ть концы́* — прекращать совершать какие-л. действия: «Баба мне сделала *объяву*: или *вяжи концы́*, или я *линяю*» (Запись 1992); *вя́зка* — арест (С. Потапов, 1927); *вя́зник* — тюрьма: «Салом из *вя́зника* вышел злой, как чёрт» (Запись 1994). В украинском языке лексема *вяза́ниця* обозначает тюрьму.

В дореволюционном аргю имеются слова, свидетельствующие о физическом наказании заключённых за провинность: *полня́к* — наказание плетью в полной мере (сколько разрешает закон); *зе́лёная улица* — наказание шпицрутенами или розгой; *кобы́ла, кобы́лка* — скамья, на которой подвергают физическому наказанию арестанта. В современном языке преступников отсутствуют арготические слова — названия официальных физических наказаний. Однако имеются бижаргонные лексемы (употребляющиеся как в жаргоне правоохранительных органов, так и в аргю): *ла́сточка* — пытка, при которой середину длинного сурового полотенца закладывают в рот, а концы, пропустив через спину, привязывают к пяткам. (См. контекст: «Сейчас мы тебе устроим *ласточку!*» — возбуждённо прокричал он) (С. Зверев. Жиган). «А взнудание («*ласточка*»)? Это — метод сухановский: длинное суровое полотенце закладывают тебе в рот, потом через спину привязывают концами к пяткам» (А. Солженицын. Архипелаг

ГУЛАГ); *сло́ник* — пытка, применяемая сотрудниками правоохранительных органов по отношению к заключённым: на лицо надевают противогаз и периодически перекрывают доступ воздуха. («Вот наименование «стандартных» пыток, имеющих одни и те же названия на громадных просторах России и известных даже тем, кто никогда не «привлекался»: *сло́ник, ла́сточка, конве́ртик, распы́тие Христа...*») (НР, 2000, №97).

Заключённые нередко используют аргю для выявления осведомителей и самозванцев. «Качество» знания аргю позволяет определить и иерархической ступень криминальной лестницы, на которой стоит проходящий *пропы́ску*. В ВТК нередко задают провокационные вопросы, например: «Сможешь ли ты *паханá замочи́ть?*» (О. Щербакова, 1992); «Сможешь ли убить главаря преступной группы?» (Вариант: начальника ВТК); «Скажи, ты *півень* или *чушо́к?*» (Пассивный гомосексуалист, предатель или униженный человек?) От ответа зависит дальнейшая судьба новичка в ВТК.

Эти факты отражены и в художественной литературе, см. контекст: «Посыпались «профессиональные» вопросы: кто в камере *хозяйин*, где *циклон*, где *мать* и *мáчеха*, где *слон* и *слоня́та*, где *петух*, где *расчёска*, *гитара*, *шуба* и проч. Виктор помнил нужные ответы на все вопросы: паук, *корму́шка* и *глазо́к*, стол и стулья, радио, вешалка, веник, стена и тому подобное, но был так слаб, что отказался отвечать, попросив сокамерников перенести это мероприятие на день или два» (В. Безымянный. Смерть отбрасывает тень.).

И в современном, и в дореволюционном тюремном аргю содержатся арготизмы, свидетельствующие о развращённом поведении заключённых, однако в современном аргю такой пласт лексики намного циничнее и грубее.

В местах лишения свободы очень осторожно относятся к слову: например, в некоторых ИТУ запрещено употребление мата. Речь идёт не о высокой культуре осуждённых

ных, а о боязни уголовников сделать номинально кого-л. *петухом, опущенным* со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кроме этого, в ряде мест лишения свободы стараются не произносить номенов собак и пернатых, так как породы и клички собак являются названиями сотрудников правоохранительных органов (например, *легавый, борзой* — сыщик; *сука* — сотрудник правоохранительных органов; предатель преступников); а пернатые обозначают подсаженного в камеру осведомителя (см. *клуха, наседка, курица* — подсаженный осведомитель) и преступника, находящегося на низшей стадии криминальной лестницы (*петух, пивень, кочет, кречет* — преступник, с которым совершили насильственный половой акт. Нецензурное обозначение падшей женщины (*бляди*) в арго имеет ещё и значение предателя. Следовательно, мотив запрета употребления нецензурных слов в исправительно-трудовом учреждении — страх. Но воровской закон разрешает оскорблять матерными словами любого человека, не относящегося к преступному миру.

Так как в ИУ наблюдается чёткое разграничение каст заключённых, то нередко наблюдается отрицательная реакция при неосторожном названии представителя одной касты номеном другой, нижестоящей. Это зафиксировано и в художественной литературе. См., например, отрывок разговора *вора в законе* и непрофессионального преступника из книги К. Попова «Легионер»:

«— Мужик ты, конечно, неплохой, но работают бесплатно только блаженные.

— *Мужик*... Запомни, *фраер*, я не *мужик*, я — *вор*. Разница есть.

— Да ладно тебе, я же, как ты сам сказал, *фраер*, не при *ваших делах*. *Честный фраер*, если уж совсем точно придерживаться классификации.

— *Честного фраера* тебе ещё заслужить надо.»

В местах лишения свободы наблюдается тесное речевое взаимодействие следователей, сотрудников ИТУ с за-

ключёнными, в связи с чем образуется бижаргонное поле, то есть жаргонно-арготическая лексика, которая используется в этих социальных группах. Порой трудно определить, в какой первоначально среде появилось то или иное слово, см., например, бижаргонизмы: *смарафётить* — создать искусственные улики преступления; *глухарь, висяк* — нераскрытое преступление. Между тем именно бижаргонизмы, благодаря работникам пенитенциарных учреждений, переходят в общенародный язык.

Специализированные аргы

Разновидностей специализированных аргов существует очень много. Фактически каждая криминальная «специализация» имеет свои лексемы. В нашем исследовании мы покажем наиболее характерные аргы, которые включают в себя наибольшее количество лексем: аргы воров антикварных изделий, аргы воров-карманников, аргы шулеров, аргы наркоманов и аргы конокрадов.

Поделиться с богом

(Об аргы воров антикварных изделий)

Бог не фрайер — всё простит
Блатная поговорка

Анализ словарей арготизмов показывает, что воров антикварных предметов долгое время не выделялись в особую криминальную группу. Во всяком случае, в арготических словарях XIX–нач. XX вв. нет специальных помет, относящих слово именно к этому разряду преступного мира (см., например, «Словарь воровского и арестантского

языка» пристава В. Попова, где он делает к словам пометы: *кон.* — конокрадское, *шул.* — шулерское, *карм.* — жаргонизм воров-карманников и т. д.

Между тем — и об этом свидетельствует выборка арготических слов — криминальная группа воров и скупщиков антиквариата существовала достаточно давно. Так, например, в дореволюционном арготическом языке среди 5400 слов и выражений, обнаруженных нами в различных письменных источниках, встретилось около 130 лексем, например: *кадѳла*, *кадѳна* — золотая цепь; *бульѳга*, *бульѳжник* — драгоценный камень, фальшивый бриллиант; *бетрогѳм* — крест; *буквоѳд*, *буквоѳд* — священник и т. д.

Арготический язык похитителей антиквариата, составляющее более трёхсот слов и фразеологизмов, возникло не на пустом месте, а вообрало в себя многочисленные элементы дореволюционного арготического языка. Например, и в дореволюционном, и в современном арготическом языке встречаются следующие лексемы: *кльѳква* — церковь; *кльѳквенник* — вор, специализирующийся по кражам из культовых зданий; *скуржѳ* — серебро. И сам жаргонизм *маклѳ* — вор антикварных изделий — произошёл от блатного слова XIX в. *маклѳк* — скупщик краденого. В дореволюционном арготическом языке было также и слово *маклѳчество* — скупка краденого. Любопытно, что в просторечии слово *маклѳк* обозначало торговца подержанными товарами, а также посредника при мелких сделках. У этой социальной группы имелся свой условный язык, и они были близки к криминальному контингенту.

Похитители антиквариата связаны с другими разновидностями преступников. Поэтому в арготическом языке встречаются и названия скупщиков краденого (*маркитѳнѳщик*, *купѳц*), оценщиков антиквариата (*комиссионѳр*, *экспѳрт*), воров-карманников, специализирующихся по кражам в церквях (см., например, слово *марѳшник* — вор-карманник, специализирующийся по кражам в церквях у женщин; *марѳшник* — от слова *марѳха* — женщина; любовница).

Арготические слова *маклѳей* обозначают также церковную утварь: *ѳма* — ковчег; *мышелѳвка* — церковная кружка для сбора подаяний; *грѳвна* — ладанка; культовые здания: *карусель*, *кузница*, *христѳвка* — церковь; священников: *кадѳильник*, *кадѳильѳчик*, *патлѳтый*; ювелирные изделия, золото и серебро: *бельѳ* — серебряные деньги; *нѳзка* — ожерелье; *браслет*; *чѳжик* — золотая монета и др.

Арготический язык выполняет две основные функции: конспиративную и мировоззренческую (О них см. ниже в главе «По фене ботаю — тюрьму схлопѳтаю»).

В арготическом языке имеется значительное количество иноязычных слов. Заимствования могут указывать на факт взаимодействия с представителями других народов. Но может быть и то, что иноязычные заимствования в арготическом языке занесли представители каких-либо других русских социальных групп.

Интересным по происхождению является слово *крьѳка* — церковь. В дореволюционном арготическом языке имелась лексема *кльѳка* — с тем же значением, перешедшее из условного языка офеней — мелких торговцев-разносчиков, которые, как сказано выше, торговали иконами. У них это слово звучало несколько иначе — *кльѳсѳ*. В свою очередь, офени заимствовали его из тюркских языков (османского или крымско-татарского, где *kѳlisa* — церковь). В тюркские языки оно перешло из греческого языка. Далее *кльѳка* превратилась в *кльѳкву* и затем в *крьѳку*. От этих слов образовались арготизмы, обозначающие воров, специализирующихся по кражам из церквей: *кльѳкарѳ*, *кльѳкѳшник*, *кльѳшник*, *кльѳквенник*, *крьѳчник*. К тюркским языкам восходит и слово *кѳмѳш* (башкирское, поволжско-татарское *kѳmos*, узбекское *kѳmis* — серебро).

Из цыганского языка в арготическом языке перешли слова: *хан в дырѳ* (цыг. *khandiri* — ходить по церквям) — церковь; *сунакуни* (цыг. *sumnakuno* — золото) — золото.

Имеется также ряд заимствований из немецкого языка: *шварцман* (нем. *Schwarzman* — чёрный человек) — скуп-

щик краденого антиквариата, произведений искусства и драгоценностей; *голдешник* (нем. *Gold* — золото) — золото, золотая оправа; *зильбер* (нем. *Silber* — серебро) — серебро.

Из английского языка в арго *макле́й* попало слово *áйка* (англ. *icon* — образ, изображение; образ, который считается священным. В английский язык оно перешло из греческого, где *eikon* — образ, подобие).

В арго *макле́й* встретилось одно слово французского происхождения — *аржа́н* (франц. *argent* — серебро) — серебро; изделия из серебра; серебряный оклад иконы.

Заемствованные слова могут являться одним из доказательств контакта *макле́й* не только с представителями нерусских народов, населяющих Россию, но и с гражданами Западной Европы.

Взяли маню на кармане (Об арго воров-карманников)

Дело было в ресторане,
Где менты висят.
Взяли Маню на кармане —
Фраернулась.

А. Розенбаум

Арго воров-карманников лидирует среди аргических преступных профессий. Почему же именно карманники воры имеют такой широкий диапазон спектра профессий?

Во-первых, воры-карманники представляют собой классическую профессию преступного мира. Именно у них отчетливо наблюдается «преемственность поколений». Во-вторых, карманники воры составляют чуть ли не

самый многочисленный отряд уголовников. Так, по сведениям УВД Нижегородской области, в Нижнем Новгороде стоят на учёте 3600 воров-карманников. (А сколько ещё не выявили!) Для сравнения — в Нижнем Новгороде проживает около полутора миллионов человек.

Воровское аргическое в России стало изучаться лишь с середины XIX в. Специальных текстов о древнерусском или старовеликорусском аргическом XI–XVII вв. не имеется. Что же касается неспециальных памятников письменности этого времени, то в них арготизмы воров-карманников крайне редки и выявить их довольно трудно. И всё-таки они есть. Так, в седую древность уходит происхождение слова *моше́нник*, образованное от древнерусского *мошна́* — сумка, кошелек, карман. Буквально оно обозначало вора-карманника. Родственными у него были следующие слова: *мехорез*, *мошнорéзец*, *мошонкорéз*, *мошонкорéзец*. Эти арготизмы более древние, чем слово *мошенник*, и они обозначали вора-карманника, который воровал (отрезал) мешочки для мелких ценных предметов, а также кошельки.

Воры-карманники в XI–XVII вв. находились в тесной связи с другими преступными группами и нередко переходили из одного разряда уголовного мира в другой. Вспомним знаменитого преступника Ваньку Каина. Он был и воров-карманником, и грабителем, и разбойником, и вымогателем, и взяточником. Но основной своей специальностью он считал воровство из карманов. Не случайно, предлагая свои услуги московской полиции, он честно признавался: «Будучи на Москве и прочих городах *моше́нничал* днём и ночью...» Любопытно, что уже тогда воры-карманники называли себя *куца́ми пропа́лых вещей* (сравните с современными арготизмами *куте́ц* — вор-карманник; *купи́ть* — украсть; *поку́пка* — удачная кража). Знаменитая Соня Золотая Ручка (Софья Блувштейн), карманная воровка экстракласса, нередко переквалифицировывалась в *хипесницу* — проститутку и таким образом совершала ограбление *кли́ента*. Иными словами, наблюдалось тесное

речевое взаимодействие между ворами-карманниками и другими разрядами преступного мира. Не случайно такие слова, как *фра́йер*, *кара́сь*, обозначавшие прежде только потенциальных жертв карманных воров, с течением времени стали обозначать и жертв преступников других специальностей.

Противники смертной казни в качестве аргумента ссылаются на то, что наибольшее количество карманных краж совершалось на площадях, где казнили преступников. Тем самым они утверждают, что казнь уголовников нисколько не страшит преступный мир. Так ли это? Увы, для воров-карманников публичные казни — оптимальный вариант для совершения краж. Им почти нет никакого дела, кому и за что отрубают голову. Где ещё найти такое скопление народа? И какого народа! Представители всех слоёв населения: и дворяне, и купцы, и ремесленники... Всё внимание публики обращено на лобное место, где умерщвляют преступника. И зеваки стоят с открытыми ртами, им не до своего кошелька... Ну как же у таких не украсть!

Российские вору нередко искусственно создавали подобные ситуации. Известны многочисленные случаи, когда карманники скандалили между собой, собирая тем самым толпу любопытных, которые с интересом наблюдали за происходившим и даже давали советы драчунам. А в это время их обкрадывали другие члены шайки... Не случайно в их аргументе имеется много слов, связанных с этой воровской операцией: *потешиться*, *создать понт* — затеять для вида драку с целью собирания толпы и совершения кражи у любопытных; *брать на понт* — воровать в толпе, привлечённой дракой или скандалом (позднее это выражение приобретёт значение — обманывать), *понтщик* — вор-карманник, который крадёт в толпе у любопытных; *брать огня* — затевать ссору с потенциальной жертвой преступления.

Лексико-тематические группы современных воров-карманников мало чем отличаются от аналогичных групп

воров-карманников XVIII в. В основном, они обозначают специализацию карманников, см.: *дурковод* — вор, выходящий из дамских сумочек (от *дурка* — дамская сумка + *уводить* — воровать); *магазинчик* — вор-карманник, совершающий кражи в магазинах; *писака*, *писатель*, *пикнёр* — вор, во время кражи разрезающий карманы в саквояжи; *трясун* — вор, который точными движениями выбивает что-либо из сумок или карманов. По-своему воры называют и преступные действия: *базаровать* — совершать кражи на рынках; *брать на вздёжку* — тянуть в кармане за верхние купюры, чтобы верхние выпали сами; *откнуть* — совершить карманную кражу; *держатъ ливер* — передавать краденое соучастнику; *держатъ пропаль* — принимать краденое; *поставить в стойло* — вынудить жертву принять удобное для совершения карманной кражи положение.

Весьма разнообразен перечень слов, которыми обозначается жертва преступления (*леха*, *лох*, *овца*, *фófан*), орудия преступления (*мыто*, *мыло* — лезвие безопасной бритвы, используемое для разрезания карманов, сумок, портфелей-дипломатов). *Пис(ь)кой*, *письмом* называют пятак, заострённый с одного конца, предназначенный для тех же целей. *Притьика*, *ширма* — предмет, которым вор-карманник загоразивает руку при краже. Места хранения денег и предметы кражи называют так: *вторяк* — нижний карман; *зубо на кишёне* — боковой карман; *кишён* (*кишён*) — бумажник с деньгами; *лопата*, *лопатник*, *лопатина* — кошелёк; бумажник; *очко* — задний карман брюк; *подвесок* — дамская сумка; *потолок* — нагрудный карман; *правок* — правый карман; *шмель* (*чмель*) — кошелёк.

Арно зеркально отражает появление новых «профессий» в среде воров-карманников, которые приспособляются к научно-техническому прогрессу. Например, появилось множество театров, появились и *театраль*, *театральщики* — вору-карманники, совершающие преступления в театрах, построили метро — появились

кרותי — карманные воров, совершающие кражи в метро. Особенно много арготизмов появилось в связи с возникновением общественного транспорта. Вот тому примеры: *гнать корóбку* — воровать в маршрутном транспорте; *садíловка, сáдка, садóк* — кража, совершаемая во время посадки в общественный транспорт; *поездóшники, бáнщики, майдáнцики* — воров, совершающие кражи в поездах и на вокзалах.

Всё сказанное отнюдь не означает, что воров-карманники употребляют исключительно своё профессиональное арго: оно используется вместе с общеуголовными лексемами. Наглядным примером является диалог двух карманников в очерке В. Гиляровского «Кружка с орлом»:

«— И что слушаешь? Что слушаешь? *Работали* (воровали — М.Г.) вместе, и *слам* (воровскую добычу — М.Г.) пополам...

— Оно пополам и есть!.. Ты, *заты́рка* (помощник вора-карманника — М.Г.), я по *ширмо́хе* (по карманам — М.Г.), тебе *лопáтошник* (бумажник — М.Г.), а мне *бакá* (часы — М.Г.)... В *лопáтошнике* две *красных* (двадцать рублей — М.Г.).

— *Бакá*-то полста *хóдит* (оцениваются — М.Г.), небось *áнкер* (марка часов — М.Г.)...

— Провалиться, за четвертную *ушлá* (продал за двадцать пять рублей — М.Г.)...

— *Заливáешь!* (Лжёшь! — М.Г.).

— Пра-слово! Чтоб *сдóхнуть!*

— Где же они?

— Прожил! Вот *кóньки* (сапоги — М.Г.) лаковые, вот *чепчик* (головной убор — М.Г.)... Ни *финáги* (денежной асигнации — М.Г.) в кармане!»

Арго воров-карманников по своему составу представляет собой «сборный» характер: в нём имеются и переосмысленные слова общенародного языка, из территориальных и социальных диалектов, из других языков. Особенно большой пласт слов был заимствован из условного языка

офеней, см. примеры: *вы́начить* — совершить карманную кражу (у офеней — вытащить что-л.); *жу́лик* — мальчишка, помощник карманного вора; нож (у офеней — нож).

В арго воров-карманников имеется ряд слов, заимствованных из других языков (немецкого, польского, цыганского, еврейского и т. д.). Например, *шкáры* (цыг. *sukar* — красивый) — брюки; *хави́р* (древнеевр. *chavir* — товарищ, друг) — посторонний для воров-карманников человек, которому они подсовывают украденный кошелек на случай возможного обыска. Отсутствуют заимствования из английского языка.

Некоторые прогнозы. В ближайшее время в арго должны появиться обозначения радиотехники, которую воров всё активнее используют при совершении краж. В их лексике должно быть множество обозначений вымогателей, учителей воров-карманников, как это было, например, в дореволюционном и постреволюционном прошлом (см. примеры: *нухгéер, пáйщик, мотиéнт* — эксплуататоры воров-карманников, заставляющие отдавать часть добычи; *козлáтник* — учитель мальчиков карманному воровству).

Арго шулеров

Ставил я на пиковую даму,
А сыграл бубнового туза.

С *Есенин*

Проиграл я и шмотки и шпенку,
Сахарок на два года вперёд.
Вот сижу я на нарах, обнявши коленку,
Так как не в чем идти на развод.

Ю. *Алешковский*

Азартные игры в карты, по свидетельству исследователей, были очень популярны в России в XVIII–XIX вв.

(см. подробнее об этом в работе Л. Н. Белgorиц-Котляревского «О воровстве — краже по русскому праву»). Некоторые арготизмы шулеров употреблял уже В. Каин (см. Комаров М. «Обстоятельное и верное описание...»).

«Ни стыда, ни совести в нас нету,
Олухам-то здешним не в примету,
Карты подрезные, крапом намазные,
Делайте разом и чёт, и нечёт...

Азартные карточные игры были отражены в произведениях художественной литературы: у А. С. Пушкина в «Пиковой даме», у Ф. М. Достоевского в «Игроке» и др. И сами авторы — азартные картёжники, правда, неудачные: они проигрывали порой целые состояния. Хорошим игроком был поэт А. Н. Некрасов, по большому счёту, журнал «Современник» функционировал за счёт его выигрышей. Шулерами нередко были представители высшего общества. «Эта категория преступников, — пишет А. Константинов в книге «Бандитский Петербург», — как правило, формировалась выходцами из высших слоёв петербургского общества... Шулера попадались достаточно часто, но до судов дела доходили редко — срабатывали связи...» (А. Константинов, 1997). Изначально игра в карты — это была игра аристократов, и шулеры появились впервые в среде высшего класса, см. подробнее об этом в книге Г. Ф. Парчевского «Карты и картёжники».

Среди трёхсот арготизмов, зафиксированных в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, имеется около ста двадцати лексем шулеров, например: *мельница* — склеенная двуличная карта; *кругляк* — укладка карт в определённом, нужном для шулера порядке; *липók* — мазь, которой склеиваются две карты, что даёт возможность вскрыть любую из них; *липkóвое очkó* — наклеенное на карту очко, которое легко отстаёт, если сильно ударить картой; *мост* — шулерский приём при игре в кар-

ты. Однако В. И. Даль их по каким-то причинам не относил к арготизмам и не выделял в особую группу. Возможно, это связано с большим распространением данных лексем в среде любителей азартных игр. Характерно, что названия приёмов шулеров и краплёных карт — в основном, русские по происхождению, см. примеры: *карман* — шулерская карта. «*Карман*. Карта расклеивается до половины вдоль, на середине изнанки делается разрез поперёк, потом опять склеивается, но только по самым краешкам, вишнёвым клеём; таким образом на изнанке карты образуется карман, в котором укладываются золотые монеты в один ряд. Карта ставится открытая; под её кладут серебряные монеты. Понтёр объявляет, что деньги под картой. Если карта бита, то золото уносится с картой в *кармане*, а серебро, как проигранное, отдаётся банкомёту; если же дана, то карта сжимается так, что *карман*, расширяясь, осторожно выпускает золото» (Г. Парчевский. Карты и картёжники); *карта жибяáя* — карта с движущимся на волоске очком (позднее вместо фразеологизма стали употреблять одно слово *жибяáя* или даже *жйвчик*); *карта подkóванная* — краплёная карта. «В *катрáнах* рискуют, страсть, а в институтах *подkóванными картами* без риска играют» (В. Каверин. Двухчасовая прогулка); *карта порошkóвая* — карта, на которой нарисовано с помощью мази, сделанной из порошка, добавочное очко, которое при надобности можно стереть (Даль-1); *карта с карманом* — в шулерской игре раздвоенная карта, в которую всовывают крупную ассигнацию и выдёргивают её, если карта выиграла» (Даль-1); *карта чётная* — некраплёная карта («К слову, в интересах дела он примкнул, Пирман играл в этот раз *чётными картами*, хотя в прошлом и был *заправский стйрошник*» (Л. Леонов. Вор.); *карты имянные* — краплёные игральные карты. («Едва прокинул я два *абцуга*, как вдруг он, одною рукою охватив всю нашу кучу золота, придвинул её к себе, а другою, взяв лежащую на столе колоду *имянных карт*, положил в карман» (Г. Парчевский. Карты и кар-

тёжники); *карты яacobсоновские/якубсоновские* — колода карт с подобранным рисунком на рубашке; *букёт* — карты, сданные партнёру в желанном для шулера порядке; *игра на заманку* — игра, которая ведётся, чтобы втянуть в неё намеченную жертву; *кругляк* — шулерский приём при игре в штосс; *корбочка* — способ съёмки под определённую карту и др.

Ещё в дореволюционной России были разветвлённые шайки шулеров, каждому члену которой отводилась определённая роль: *игрок, исполнитель, мастер* — хороший шулер; *офицер* — сдержанный шулер, умеющий вовремя остановить игру; *дельцы* — хозяин дома, где происходит шулерская игра, и его подручные; *иуда, телеграфист* — помощник шулера, подсматривающий в карты жертвы и сигнализирующий о них своему партнёру; *обстановка, мебель* — люди, хотя не играющие в карты, но благодаря своей известности или светскому положению могли служить мошенническим целям, часто даже не подозревая об этом; *сообщники шулера, служащие* в игре для увеличения числа партнёров. В среде шулеров, наверное, больше чем в других профессиональных аргосе имеется названий жертв преступления, см. примеры: *дичинка* — новички в карточной игре; *пижон, пассажир* — жертва шулера; *пижон рваный, пассажир рваный* — жертва, побывавшая в переделке у шулеров; *пассажир крепкий, пижон крепкий* — жертва, не бывавшая в переделке у шулеров; *полный чайник* — богатая жертва шулера.

В аргосе имеется множество наименований подпольных игорных домов. Так, в дореволюционной лексике шулеров *огонёк* — это квартира, где шулера собираются играть между собой; *мельница* — притон шулеров; сейчас — *контора, катран*, последнее — распространённое слово в аргосе многими производными. Например, *катран*: «Жертва была обречена изначально — в этих *катранах*, иногда выглядывших как приют бомжей-алкоголиков, ставились порой даже специальные системы зеркал, позволяющие контро-

лировать карты «партнёра» (А. Константинов. Бандитский Петербург). «Теперь лишь Варяг стал понимать, что слишком часто начали засвечиваться *катраны*, *накрываться малины*, да и смерть многих *законных* представлялась теперь далеко не случайной» (Е. Сухов. На зоне). *Катран-акула* — это высококвалифицированный шулер: «Не равны и между собой карточные шулера. Они, например, разделяются на несколько категорий, составляющих целую иерархию. На вершине пирамиды располагаются так называемые *катранчики (катран-акулы)*» (А. Гуров. Три туза и один напёрсток). Глагол *катранить* — играть в азартные игры в *катране*: «Шулера *катранили* у Резвого весь день» — Запись 1989); обыгрывать жертву шулерскими приёмами: «*Лёха катранили* втроём» — Запись 1992). *Катранка* — то же, что *катран*: «В общем так: нужно найти *башилястого лоха*, и везём его к Славке на *катранку*. Сова походил по *катранкам*, поднабрался опыта, а потом начал *ипилить* всех *пакбёщиков* и *гусаров* вместе с их *жуками* впридачу» — Запись 1992). *Катранник* — шулер, играющий только в *катранах*: «*Лёха* — это *исполнитель*. Отличный *катранник*, ему нужна хорошая компания, он тебе по поездкам да в такси и *картинки* не метнёт» — Запись 1990); опытный шулер: «Лапоть сам *базарил*, как на *крётке* *нарвался* на одного *катранника*, который его чуть ли голым не оставил» — Запись 1994); хозяин квартиры или дома, в которых ведутся азартные игры: «*Катранник* получил свой *десятик* и был доволен» — Запись 1989); *катранчик* — то же, что *катранник*: «На прощание он меня хлопнул по плечу и сказал: «Ты, Андрей, тёртый *катранчик*, я тебе не указ...» (ПК, 1999, № 4). «В настоящее время шулерская среда делится на пять основных групп: 1. мошенники, обыгрывающие крупных спекулянтов, расхитителей, иных категорий правонарушителей, а также граждан в специально обусловленных местах (их называют *катранчиками*...» (А. Гуров. Три туза и один напёрсток).

В аргю имеются и менее распространённые названия шулерских притонов: *тумба*, *пóле б́итвы* — игорный притон; *секадром* — место для игры в *сёку* (азартную карточную игру).

Среди шулеров выделяются две категории: *гусáры* — шулера, ведущие разгульный образ жизни, и *пакóвцики* — шулера, которые на выигранные деньги покупают драгоценности, недвижимость и проч., то есть *пакуются*. Каждой категории присущ особый характер игры, например, шулеры-пакóвцики *катают вполóвину* — выигрывают у жертвы все деньги, а затем ей предоставляется возможность отыграться на определённую сумму для создания иллюзии честной игры. (См. контекст: «Пакóвцики для любителей провести время за картами весьма опасны. Заподозрить в обмане практически невозможно. Они применяют приём *катать вполóвину*, иными словами, вначале жертва обыгрывается полностью, затем ей даётся возможность отыграться на одну треть, после чего игра прекращается») (А. Гуров, 1990).

Вóры в закóне и *блатные* были обязаны играть в карты; у них это было распространено и даже было обязательным, но *вор в закóне* не должен играть на отсутствующие ценности, иначе он автоматически превращался в *отпущенного* (см. арготизм *играть под очко́* — играть в азартную игру и в случае проигрыша расплачиваться своим телом), играли на жизнь, причём и на жизнь сотрудника правоохранительных органов, см. выражения: *играть на одну́, две, три звёздочки* и т. д., то есть играть на жизнь младшего лейтенанта, лейтенанта, старшего лейтенанта. Хороший шулер всегда ценился в сообществе профессиональных преступников.

От шулеров (картёжников) в общенародный язык перешло множество слов: *обставить* — обмануть (в аргю — обыграть шулерским приёмом); *для мёбели* — для увеличения числа людей (см. предыдущее значение лексемы *мёбель*); *навёрняка́* — точно» (*верняк* — шулерский при-

ём; *игр́а на верня́к* — игра с использованием шулерских приёмов); *липа* — поддельный документ (от арготизмов *липо́к*, *липо́вое очко́*; см. у С. Есенина: «Купил себе *липу*, / И вот / С такою-то подготовкой / Я встретил семнадцатый год»); *нечем крыть* — нечем возразить; *с óника* — сразу; сейчас; с первого шагу (в аргю — с первой же ставки, с первого раскрытия карт); *тусóвка* — тасовка, раздача карт (в общеуголовном аргю — сбор преступников для решения организационных вопросов; в молодёжном жаргоне — место проведения досуга молодых людей); *пижóн* — в просторечии — криливо одетый молодой человек.

Аргю шулеров носит отечественный характер, тогда как официальные карточные термины — нередко являются иноязычными заимствованиями.

Сидеть на игле (Аргю наркоманов)

Не писать мне повестей, романов,
Не читать фантастику в углу, —
Я лежу в палате наркоманов,
Чувствую, сам сяду на иглу.

В. Высоцкий

Проблема наркомании сейчас остро встала перед страной. Основную часть наркоманов составляет молодёжь в возрасте от 13 до 25 лет. За последние десятилетие число смертей от наркотиков увеличилось в 10 раз, а среди детей — в 42 раза. В студенческой среде наркоманов за последние четыре года стало в восемь раз больше, во многих школах наркотики употребляют до трети старшеклассников.

Аргю наркоманов и сбытчиков наркотиков за короткий срок передвинулось по своему объёму с далёких второстепенных мест на первое: в его состав входит около 2000 лексем и фразеологизмов. Обычно говорят про наркоманов,

что они больные люди. Да, это так. Но они и преступники, так как любой наркоман со стажем является ещё и сбытчиком зелья, вовлекая в наркотическую зависимость других людей. Дело в том, что наркотики стоят очень дорого: стоимость дневной нормы наркотиков колеблется от 300 до 1200 рублей, в зависимости от того, к каким наркотикам пристрастился человек — к «лёгким» или «тяжёлым».

То, что уже шесть миллионов молодых людей в России попробовали или постоянно употребляют наркотики, — реальный факт. Если ваш родственник, ученик, друг, знакомый употребляет хотя бы некоторые слова из аргоса наркоманов и сбытчиков наркотиков — это уже само по себе тревожный сигнал. Значит, у него появился по меньшей мере интерес к наркотикам и наркоманам, которые усиленно вовлекают в сферу своего влияния всё новые и новые жертвы.

Следует констатировать тот факт, что при диагностике наркомании почти не используется её арготическая лексика. А ведь именно благодаря этой лексике можно не только установить приверженность человека к наркотическим средствам вообще, но и пристрастие к определённому наркотику в частности. Например, наркоман-куритель гашиша, как правило, будет пользоваться такими словами, как *балда́* — наркотическое средство, гашиш; *мастьёрка* — папироса, сигарета-самокрутка, начинённая гашишем; *травка* — гашиш. Наркоман, делающий инъекции наркотиков, гораздо чаще использует в своей речи слова: *амну́ха* — ампула с наркотиком; *мороз* — морфий; *агрегат*, *насос*, *самосвал* — шприц. У наркоманов, использующих таблетки, в частом употреблении слова: *ка́лики*, *ка́лики-морга́лики*, *колёса* — таблетки, содержащие наркотическое вещество; *ка́тя* — кодеин. В лексике наркоманов осуждённых бытуют следующие специфические лексемы: *контéйнер* — герметически закупоренная ампула, гильза с наркотиками, которую проглатывают заключённые и таким образом проносят в исправительно-трудовое учреж-

дение; *подогрeв* — наркотики, полученные в местах лишения свободы; *наркомáт* — преступная группа сбытчиков наркотиков.

Следует иметь в виду, что наркоманы нередко используют свою лексику в конспиративных целях. Наркоманы, несколько не опасаясь, что окружающие могут понять их, произносят различные фразы, связанные с наркотиками.

Аргос широко используется в конспиративных целях продавцами наркотических средств. Так, сбытчик наркотиков сообщает: «Тёте Ханум совсем плохо!» (Наркотик оказался некачественным!). Поэтому знание аргоса наркоманов крайне необходимо и правоохранительным органам!

Арготическая лексика не отличается разнообразием. В основном, она состоит из следующих тематических групп:

Обозначения наркотиков: *беда́* — наркотики; *банг* — гашиш; *стекло́* — наркотики в ампулах; *пан* — высококачественный наркотик.

Обозначения шприцов: *агрегат*, *албёрка*, *байн*, *движок*, *лайба*, *машина*.

Обозначения наркоманов: *жильщик* — наркоман, делающий инъекции наркотиков; *лизун* — наркоман, принимающий наркотики внутрь; *старик* — наркоман, давно употребляющий наркотики.

Обозначения продавцов и поставщиков наркотиков: *гонёц* — торговец наркотиками; человек, проносящий наркотики в места лишения свободы; *зверь*, *зверёк* — торговец наркотиками из Средней Азии; *нарком* — поставщик наркотиков.

Обозначения вен человека: *венок*, *веняк*, *венярка*, *жила*, *труба́*.

Обозначения, связанные с употреблением наркотиков: *заразить* — употребить наркотик; *иглится* — делать инъекцию наркотика; *колотить косяк* — начинать папиросу гашишем; *шабить* — курить гашиш; *циклиться* — употреблять цикладон (наркотическое вещество).

Обозначения, связанные с лечением от наркотической зависимости: *спускаться на парашюте* — постепенно прекращать употребление наркотиков; *лэсенка* — постепенное прекращение употребления наркотиков.

Другие тематические группы немногочисленны и обозначают притоны наркоманов, врачей, больницы и т. п.

По своему происхождению арготизмы наркоманов делятся на общерусские, например: *лёд* — кокаин; *насёс* — шприц; *убиться* — накуриться гашиша) и заимствованные: *глюк* — галлюцинация, вызванная наркотическим средством» (нем. *gluk* — счастье); *крёза*, *крёйза* — психбольница; сумасшествие, сумасшедший человек (англ. *crazy* — сумасшедший); *дрáга* — наркотик; аптека (англ. *drug* — лекарство, наркотик). Некоторые названия арготизмов свидетельствуют об их «азиатском» происхождении, см. примеры: *гайн-базар* — место сбыта опиума («На *гайн-базар* прикатили даже находкинские *пацаны*» — Запись 1992); *хылкáчить*, *хэшить* — употреблять гашиш («Я с *друганом* *хылкачил* в армии целый год — сейчас, на гражданке, надо отвыкать» — Запись 1992; «Зря твоя *пацáнка* начала *хэшить*» — Запись 1994).

Множество слов образовано от медицинских терминов, например: *транк* — транквилизатор; *краб* — сиднокарб (наркотическое вещество); *фен* — фенамин; *цикл* — циклодон. Немало слов появилось в результате звуковой мимикрии (уподобления): *мария*, *марфа*, *марфуша* — морфий; *кáтя*, *катóха* — кодеин и т. п. Значительную группу составляют арготизмы, возникшие благодаря переносу значений, например: *лэжбице* — притон наркоманов; *мультки* — цветные галлюцинации от действия наркотиков; *пыль* — гашиш; *обдолбиться* — употребить большую дозу наркотиков; находиться в состоянии сильного наркотического опьянения.

Арго наркоманов — лексика достаточно молодая, и фактически она стала активно употребляться лишь во второй половине XX в. Однако уже в конце XIX–нач. XX вв.

существовали наркоманические слова. Чаще всего они были связаны с кокаином: *марафёт* (*марафёта*), *нюхта*, *нюхара* — кокаин; *загибаться от вольного* — нюхать кокаин, купленный за чужой счёт. Хотя по своему происхождению отдельные слова восходят к седой старине (к XV в.): *дербáн* — сбор мака-сырца для последующего приготовления из него наркотика; *дербáнить* — собирать мак-сырец для приготовления наркотика (в арго волжских разбойников XV–XVIII веков *дербáнить* — грабить, *дербáн* — делёж награбленного, *дербáн дербáнить* — делить награбленное).

Часть слов наркоманов употребляется только в их среде: *беляшка* — морфий; *гута-густрица* — желудочные капли, которые после выпарки вводятся в вену; *заякшить* — начать испытывать эйфорию от действия наркотиков; *кислота* — наркотик ЛСД. Эти и другие лексемы и фразеологизмы проникли и в повседневную речь, и в художественную литературу. См., например, выдержку из романа «Интердевочка» В. Кунина: «Татьяна Николаевна Зайцева — человек физически здоровый. *Травку* не курит, *порошки* не нюхает, укольниками не *задви́гается*».

Нередко можно услышать вопрос: «Все ли наркоманы используют арго?» Все. Только одни больше, другие меньше; одни реже, другие чаще. Арготические слова прочно укоренились в их сознании. Как показывает опрос, многие наркоманы считают арготизмы за вполне нормальные, чуть ли не нормированные слова, они даже употребляют их в их песнях и анекдотах. Приведём в качестве примера один из них (цитируется по статье А. И. Мазуровой «Сленг хип-системы» // По неписаным законам улицы. М., 1991).

Иванушка-дурачок набрёл на четыре заколоченных ящика в лесу. Притащил их к Бабе-Яге. На трёх ящиках ничего не написано, а на четвёртом — «Ни в коем случае не вскрывать». Открыли первый — а там шприцы-*самотёпки*. Все *задви́нулись*, радуются. Открыли второй — а там *колёса-самокáты*. *Нахáвались колёс*, ещё больше радуются.

Третий ящик — *косяки-самопыхи*. Тут самая настоящая оргия началась. Иванушка и четвёртый ящик вскрывает. Ну, а в нём *менты-самовясы*.

По аргоизмам можно определить, какие наркотики пользуются наибольшим спросом среди наркоманов. Анализ показывает, что наиболее распространены наркотики, употребляющиеся посредством курения. Этих слов очень много, некоторые из них восходят к началу XX в. Например, *анашá* зафиксирована в исследовании П. Ильина (1912) как аргоизм в значении *гашиш*; у составителя словаря аргоизмов С. Потапова (1927 г.) данное слово уже имеет несколько иное значение — наркотическое средство, употребляемое для симуляции психоневрастения. В общенародных толковых словарях русского языка имеется разницей в отнесении этой лексемы к определённой пласту лексики. Например, в «Толковом словаре русского языка» (1992 и 1997 гг. издания) С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой *анашá* (без помет) — наркотик из индийской конопли; в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (2000 г.) *анашá* имеет помету *жарг.* и два значения: 1. Однолетнее травянистое растение семейства коноплёвых; дикая конопля. 2. Наркотик, изготовленный из определённых сортов конопли; высушенные листья конопли. Это связано с тем, что в дальнейшем лексема *анашá* использовалась и как аргоизм, и как просторечизм. См. примеры употребления: «Кто-то там проколол свою совесть / Кто-то в сердце вкурил *анашу* / Эх вы парни, про вас нужно повесть; / Жалко, повестей я не пишу» (В. Высоцкий, 1997); «*Анашá, анашá!* До чего ж ты хороша!» (Из блатной песни). У составителя словаря «Жаргон и татуировки наркоманов в ИТУ» зафиксировано трансформированное слово *нашá* — гашиш (Алфёров, 1991).

В арго наркоманов есть слова-«фавориты» (термин Д. С. Лихачёва), с помощью которых образуются большие структурно генетические гнезда, см., например, с корнем *драп*. *Драп* — наркотик; гашиш. Контекст: «*Хозяин на зоне*

был строгий: у него *драп* не покуришь, *цифирём* не побалуешься» (Запись 1990); «У нас в роте некоторые крутые ребята *дряпом* баловались: таджики им продавали» (Запись 1994). *Драпагón* — наркоман: «*Драпагónы* опять здесь курят *анашу*» (Запись 1989). *Драпагónка* — наркоманка: «Облванную *драпагónку* жильцы нашли в подъезде» (Запись 1990). *Драпáрик* — наркоман: «*Пастух драпáрика* загнал в *кондэй на пятерик*» (Запись 1996). *Драпáрить* — употреблять наркотики: «В комнате все бабы уже *драпáрили*» (Запись 1994). *Драпáрная экзекуция* — судебно-медицинская экспертиза, выявляющая использование наркотика: «Всех ребят бросили на *драпáрную экзекуцию*, узнать, *завдигáлись* ли они в тот день» (Запись 1991). *Драпáрник* — курительщик гашиша: «Мы не *кóлемся*, мы курим, мы — *драпáрники*» (Запись 1996). *Драпáрница* — курительница гашиша: «Верку *драпáрницу* сегодня *кумáрило*» (Запись 1996). *Драпáть* — курить гашиш: «*Драпáть* сегодня нечего — *дрáпа* нет, *со сём лáту*, пьём молоко» (Запись 1994).

Слово *кайф* в арго наркоманов имеет несколько значений: 1. Состояние блаженства от действия наркотиков. («Иной раз дети пытались её обдурить, клали в папиросы дозы помельче. Но клиенты этого не простили: не получив должного *кайфа*, били безжалостно окна»; КП, 1998, № 208). 2. Наркотик. («*Затáриться кайфом* можно в любой аптеке»; КП, 1999, № 204. «Вы здесь *кайфа* не найдёте», — раздаётся за спиной»; КП, 2000, № 16).

Слово пришло из XIX в., где *кейф* имело значение удовольствия, см., например: И. Гончаров, «Фрегат «Паллада», Ф. Достоевский, «Неточка Незванова», А. Чехов в письме М. П. Чеховой от 14 июля 1888. В русский язык *кейф* пришло из арабского через турецкий язык, где *keif* — приятное самочувствие, настроение (при курении табака) — см. словарь «Из истории русских слов». В настоящее время лексема *кайф* в арго наркоманов образовала большое структурно-генетическое гнездо, что говорит о популярности данного аргоизма, см.: *врубíть* (*заловíть*, *словíть*, *уловíть*,

поймать, схватить, схавать) *кайф* — почувствовать эйфорию от действия наркотиков; *кайф бычий* — состояние сильного опьянения от наркотиков или алкоголя; *кайф контактный* — психоэмоциональное состояние, напоминающее опийное опьянение, возникающее до приёма опатов или курения гашиша; появляется только у новичка; *кайф-базар, кайф-хата* — притон наркоманов; *кайфовый (кайфешный, кайфный)* — находящийся под действием наркотиков; отличный; *кайфики* — наплыв эйфорического состояния; *кайфист* — наркоман; *кайфить (кайфовать)* — наслаждаться от действия наркотиков; употреблять наркотик; *кайфно (кайфово)* — отлично; *кайфолбв* — наркоман; *кайфолбм, кайфолбмицник, кайфуша* — человек, нарушающий удовольствие от действия наркотиков. Особое место в аргю занимает структурно-генетическое гнездо с корнем *-балд-*. *Балда* — наркотик: «Оставь немножко *балды* докурить! Аптеку *грабанули*, всю *балду* оттуда *увели!*» (Запись 1989). *Балдэж* — состояние эйфории от действия наркотиков: «Такой *балдэж* от *мела!*» (Запись 1994). *Балдэжка* — то же, что *балдэж*: «*Балдэжку* капитальнейшую от этой *дурки* получишь!» (Запись 1992). *Балдэжник* — наркоман: «Этому *балдэжнику* небольшой *передозняк* — и *кранты*» (Запись 1996). *Балдэжница* — женский род к *балдэжник*: «Папаша свою дочку-*балдэжницу* при всей школе избил» (Запись 1994). *Балдэт* — находиться в состоянии алкогольного или наркотического опьянения: «В комнате дым коромыслом: все мальчики и девочки *балдели* от сигарет с гашишем» (Запись 1991).

Специфика слов с корнем *балд-* заключается ещё и в том, что они активно употребляются и в молодёжном жаргоне, но уже с другими значениями, см., например: *балдэт* — наслаждаться: «Мы *балдели* от этой *чувихи*» (Запись 1988); *балдэж* — наслаждение, удовольствие: «Полный *балдэж* от «Лесоповала» (ансамбля — М.Г.) (Запись 1996); *балдэжник* — любитель развлечений: «А этому *балдэжнику* лишь бы бабу или *пузырь*, лишь бы *побалдэт*» (Запись

1988). Как видим, в молодёжном жаргоне слова с корнем *балд-* используются с обобщёнными лексическими значениями.

Любопытно происхождение слов наркоманов с корнем *кум-*: *кум (кума)* — состояние абстинентного синдрома: «*Вколóлся* — и через минуты нет *кума*. *Кума* Саняру терзала целую неделю» (Запись 1993); *кум мучает* — наступило абстинентное состояние после принятия наркотиков: «Сил больше моих нет, *кум* мучает, тошно жить» (Запись 1993); *кум* — то же, что *кумар* и *кумарка*: «Но наша *Олечка* быстро разобралась что к чему и начала кричать и биться, требуя *кайфа*, вполне натурально изображая *кумар*, на который она нагляделась у Селиной» (С. Устинов. Неустановленное лицо); «*Вовка* в дикой *кумарке*, *ломает* его *вовску*» (Запись 1993); *кумар долбит* или *кумар заповить* — испытывать состояние наркотической или алкогольной абстиненции: «*Меня* уже *кумар долбит* — дайте *ширнуться!*» (Запись 1993); *кумарит* — возникает наркотическое голодание: «Перехватив мой взгляд, она криво улыбается и говорит жалобно и непонятно: *кумарит*» (С. Устинов. Неустановленное лицо). «*Кумарит* меня, да так, что скоро все *вальты* *растеряю*» (Запись 1994); *кумариться* — употреблять наркотики для снятия абстинентного синдрома: «*Достал колёс*. Сейчас *кумариться* будем» (Запись 1994); *кумарный (кумерный)* — наркоман, находящийся в состоянии абстинентного синдрома: «*Володе* передайте *колёсики*, а то он *кумарный* с утра. На *хате* все бабы были *кумерными*» (Запись 1994).

Арготизм *кумарить* образован от лексемы *ке(и)марить* (дремать, спать), которая перешла в аргю из условного языка офеней. Позже в аргю, получив новое наполнение, она изменилась в *хумарить* — испытывать наркотическое голодание; употреблять наркотики: «*Врач* сказала, если не *прекращу хумарить* — всё, *кранты* мне!» «*Пацана* второй день *хумарит*» (Запись 1996); см. также *хумар (хумир)* — состояние наркотического опьянения: «*Давай линиям* отсе-

дова потихоньку, пока вся *братва в хумаре*» (Запись 1996); *хумара* — наркотик: «*Братки* мне переслали *хумару* в яблоках» (Запись 1998); *хумир* — состояние наркотической абстиненции: «Есть у меня знакомый доктор, который *хумир* по дешёвке снимет» (Запись 1996).

Большое по объёму структурно-генетическое гнездо с корнем *трав-* способствовало проникновению ряда арготизмов в молодёжные жаргоны и даже в просторечие. Приведём основные слова этой группы: *травá* — табак (С. Потапов, 1927); наркотик, предназначенный для курения: «Я *травой* уже давно не балуюсь» (Запись 1991); *травá бóжья* — гашиш: «*Бóжья травá* в *кíче* на вес золота» (Запись 1991); *травá-муравá* — гашиш низкого качества (Алфёров, 1991); *травка* — гашиш: «А я продиктую, — говорю я. — Татьяна Николаевна Зайцева — человек физически здоровый. *Травку* не курит, *уко́льчиками* не *задви́гается*» (В. Кунин. Интердевочка); *травка бóжья* — гашиш: «А вот и *травку бóжьью* принесли, теперь *балдеем*» (Запись 1991); *травник* — наркоман, употребляющий гашиш: «*Травники* уже не по одному *косяку* *шмальну́ли*», то есть наркоманы уже не по одной самокрутке с гашишем выкурили (Запись 1992); *травяной* — наркоман, употребляющий наркотики посредством курения: «Я *травяной* — *иглой* не балуюсь» (Запись 1991); *зайчик на бóжьей травке* *пасётся* — наркоман употребляет гашиш.

Фактически уже завоевали просторечие многие слова с корнем *шир-*, см. структурно-генетическое гнездо: *шир ширевой* — руководитель сбытчиков наркотика (Алфёров, 1991); *шира* — обработанная растворителем макóвая соломка (Алфёров); шприц: «Ты уже набрал в *ширу* *дрянь?*» (Запись 1992); инъекция наркотика: «Сделал себе *ширу*» (Запись 1995); наркотики, вводимые внутривенно: «*Ширу* купил у *зёрья*» (Запись 1994); *ширакéжник*, *ширакéнщик*, *ширакéт* — наркоман, который вводит наркотики в организм путём инъекции: «Ирка принесла *ширакéжнику*

два *ампулякá* с *морóзом*»; «*Ширакéнщика* сейчас всего *ломáет*» (Запись 1992); «*Ширакéты*, никого не боюсь, *ширя́ются* прямо в подъездах»; «*Ширакéше* скоро *кранты́* — *доко́лбся*» (Запись 1994); *ширану́ться* — ввести в организм наркотик путём внутривенной инъекции: «Чем дольше лечился, тем круче меня *ломало*, тем сильнее хотелось *ширану́тьсяя*» (КП, 1998, № 208); «То ли дело мы: *ширанёшьсяя* — и весь мир становится ярким, цветным и весёлым» (КП, 1999); *ширево* — наркотики, вводимые внутривенно: «Я как-то с ним *ширево* искал, его *ломáло*, он попросил помочь достать за *ба́бки*» (ПК, 2000, № 46); «С *ширево*м ничего не получилось: аптекарша *засекла́ нас*» (Запись 1994); *ширево́й*, *ширик* — наркоман, вводящий в организм наркотик при помощи шприца: «С *ширево́ymi* хуже, им тяжелее *спры́гнуть с иглы*» (Запись 1992); «Наша методика лечения получила международное признание, а самое главное — многие из тех, кто ещё вчера считал себя беспробудным *наркóшей* и *шириком*, а свою жизнь — конченной, сегодня поверили в себя, устроились на работу, восстановились в институты, завели семьи» (КП, 1999, № 144); *ши́рить (ширя́ть)* — делать инъекцию наркотика: «Начал Олечка с *травки*, а сейчас *вовсю ши́рит*» (Запись 1994); *ши́рка* — наркотик вводящийся в организм при помощи шприца: «Девчонка из медучилища *ши́рку* принесла» (Запись 1994); «Было дело, кидали в камеру. Но чаще так — они наркоманов уже в лицо знают — хлоп, взяли с *ши́ркой*. Ты им *чек* отдаёшь и деньги, какие есть» (КП, 1998); «На *ши́рку* я была готова променять и родителей, и друзей, и любовь» (КП, 1999, № 212); «В нём оказывается шприц с *ши́ркой*» (ПК, 1999, № 1); *привязáть на ши́рку* — пристрастить к инъекционным наркотикам: «Твою сеструху этот уголовник и *привязáл на ши́рку!*» (Запись 1994); *ширну́ться (ширану́тьсяя)* — сделать инъекцию наркотика: «*Ширну́лся* — и вроде жизнь стала лучше» (Запись 1994); *ширло́вка* — шприц; инъекция наркотика; наркотик: «*Зарази́лись пацаны́* потому, что одной *ширло́вкой* коло-

лись. Во время *ширловки нарком откинулся*. На *тяжёлую ширловку сядешь — слезешь* только после смерти» (Запись 1998).

В настоящее время арготизмы с корнем *шир-* вытесняют лексемы наркоманов с корнем *шмыг-*: *шмыга*, *шмыгальщик* — наркоман, вводящий в организм наркотик при помощи шприца: «В подвалах на Маяковке полно *шмыг*: *колются*, *козлы*, и никого не боятся» (Запись 1998); «*Шмыгальщики* с серьёзной наркотой дело имеют, им тяжелее *спрыгнуть с иглы*» (Запись 2000); *шмыгать* — делать инъекцию наркотика: «В нашем классе один только Дебил *шмыгал*» (Запись 1998); *шмыгаться* — делать инъекцию наркотика: «*Братёлы класную тусовку на флэте* устроили, *шмыгались*, *забивали косячки*» (Запись 2000).

Употребление некоторых арготизмов, таких, как *абстэнчик*, *абстык* — абстиненция от действия наркотиков; *астрал* — психическое состояние после приёма наркотиков; *атом* — этаминал натрия, употребляемый наркоманами; *фен* — фециклидин (наркотик), является свидетельством, что в среде наркоманов имеются образованные люди.

Арго конокрадов

Воровство лошадей издавна практиковалось на Руси. Однако арго конокрадов стало изучаться лишь в конце XIX в. Их лексемы не встретились ни в ранней специальной литературе, ни в художественных произведениях, описывающих преступный мир XVIII–нач. XIX вв. (см., например, М. Комаров «Обстоятельное и верное описание...»). В знаменитом словаре В. Даля встречаются следующие лексемы конокрадов: *скамейка* — лошадь; *рубашка* — конская сбруя. У Вс. Крестовского в «Петербургских трущобах» использовалось только одно арготическое словосочетание конокрадов: «... сидят и за воровство большое, и за *уго́н скамеек*» (воровство лошадей — М.Г.).

Одним из первых описал арго конокрадов Г. Брейтман в книге «Преступный мир» (1901), см. примеры: *золотая контора* — главный пункт конокрадов; *скамейка блатная* — приученная лошадь, самостоятельно возвращающаяся от покупателя к мошенникам-конокрадам; *панич* — жеребец; *блок* — истязание крестьянами пойманного конокрада: последнему связывают руки и ноги, поднимают за верёвку по блоку и резко отпускают, в результате чего истязаемый падает спиной на землю, ломает позвоночник и отбивает внутренности.

В основном, лексика конокрадов связана с обозначениями лошадей: *осёл*, *тыгари*, *салвак* — лошадь; *шкэпа* — деревенская кляча; *ракзура* — жеребец; с упряжью и повозками: *гамо* — хомут; *чабур-шабур* — упряжь; *круг* — хомут со шлейф; *пояздник* — повозка конокрадов; с обозначением конокрадов: *повадельщик*, *ловашник*, *скамьёвщик*; с наказаниями конокрада: *на туп примочка*, *блок*.

В арго конокрадов очень много заимствований из цыганского языка. По мнению исследователя А. П. Баранникова, «у цыган, преимущественно кочевых... считалось вполне допустимым и несколько не предосудительным воровство, особенно же кража лошадей» (А. Баранников, 1931). «Жизнь цыган, — пишет исследователь В. Д. Бондалетов, — мало чем отличалась от бродячих торговцев, странствующих ремесленников, а также разного рода деклассированных групп» (В. Бондалетов, 1968). Русские и цыганские уголовники образовывали международные шайки конокрадов. Благодаря этому в русское арго воров лошадей проникли цыганские слова: *гра*, *грас*, *грай* — лошадь, конь (цыг. *gra*, *gras*, *graj*); *грасни* — кобыла (цыг. *grasni*); *джюкал* — собака (цыг. *jukel*); *горонни* — корова (цыг. *gurunni*); *калы́нко* — чёрный хлеб (цыг. *kalinko* — чёрный, чёрненький).

Цыганские корни встречаются и в выражениях, зафиксированных С. М. Потаповым в «Словаре жаргона преступников. (Блатная музыка)» (1927), например: *батенни*

грас жен — приёмщик краденых лошадей; *крастен чуэун*, *кхунáмо жабáк* — лошадь, купленная с настоящими (не фальшивыми) документами.

Через тюрьму, через русских конокрадов и скупщиков краденых лошадей большое количество цыганских слов распространилось и в общем арго: *дей* — мать (цыг. *dei*); *мóрэ* — цыган (цыг. *more* — друг, цыган); *пхень* — сестра, брат (цыг. *phep* — сестра); *рúnни* — цыганка (цыг. *romni* — цыганка); *дóхать* — убивать (цыг. *te doxas* — погубить); *марáть* — убивать (цыг. *te mares* — бить, убивать); *смарáть* — украсть, убить (цыг. *smares* — сбить); *комýл* — украл (цыг. *te kames* — хотеть, любить); *хáрить*, *хíрить* — использовать для гомосексуализма, совершать половой акт (цыг. *har* — дыра, дырка); *чинáва* — зарезать (цыг. *te cires* — резать); *рай-бáро* — представитель органов охраны правопорядка (цыг. *rai baro* — большой начальник, большой барин); *чунáрь* — представитель правоохранительных органов, милиционер (цыг. *suknari* — палач); *мордó* — рубль (цыг. *mordo* — рубль); *лавá, лавé, лавё* — деньги (цыг. *lowe* — деньги); *эккало* — один рубль (цыг. *uek* — один). Части тела: *кáра* — мужской половой орган (цыг. *kar, ker*); *менжа* (*минжá*) — анальное отверстие, женские половые органы (цыг. *manja* — задний проход); *шéро* — голова (цыг. *sero*).

Некоторые цыганизмы приобрели популярность и от них в арго образовались многочисленные образования. Взять, например, лексему *чува́* от цыг. *savo* — мальчик; следовательно, *чуви́ха* — мальчикова девочка, проститутка, женщина лёгкого поведения; от *чувы* образованы следующие лексемы и фразеологизмы: *чуви́ха* или *чува́йка* — женщина из преступной среды; любовница профессионального преступника; *чува́к* — молодой мужчина из правопослушной среды; жертва преступления; *чува́к* (*чува́н*) *захарчéванный* — человек, выдающий себя за профессионального преступника; *чува́к с пáузой* — лысый мужчина; *чуви́ха с синкачá* — хромая девушка; *чуви́рка* или

чуви́чка — любовница; девушка; *чуви́рла* — некрасивая девушка; женщина; презрительное название лица женского пола; *чуви́рло* — якут; лицо азиатской национальности; бестолковый человек; *чуви́рло бра́тское* — отвратительная физиономия; отвратительный человек; профессиональный преступник, нарушивший воровской закон.

Арго конокрадов существовало до середины 30-х годов XX в. Не исключено, что сейчас оно может возродиться, однако цыганизмов в нём, думается, уже будет мало, так как цыганские преступные кланы переквалифицировались в настоящее время в более доходную уголовную «профессию» — торговлю наркотиками. Некоторые цыганизмы перешли в просторечие или послужили базой для образования в просторечии новых слов, например, *менжева́ться* — бояться (от *менжá* — анус); *хáрить* — совершать половой акт. Конокрады всегда контактировали с законопослушными людьми и, вероятно, через крестьян перешёл ряд лексем в общенародное просторечие. Вот что пишет об отношениях и контактах крестьян с конокрадами Г. Брейтман: «И очень часто завидуют крестьяне конокрадам, видя их жизнь-бытьё в полном довольстве. Конокрад нередко считается хорошей партией для крестьянской девушки, он пользуется кредитом, перед ним ломают шапки; его благосклонность льстит» (Г. Брейтман, 1901).

ПО ФЕНЕ БОТАЮ —
ТЮРЬМУ СХЛОПОТАЮ
О функциях арго

Многие считают, что арго нужно деклассированным элементам для сокрытия своих целей, намерениях, для того чтобы лучше совершать преступления. «Нередко основной функцией воровского жаргона (арго), — писал об этом исследователь В. Д. Бондалетов, — считают конспиративную. Да, этот тип социальных диалектов может выполнять ее. Но это не единственная его функция» (В. Бондалетов, 1989).

Каковы же основные функции арго? Перечислим их: уже упоминавшаяся конспиративная функция, номинативная функция, функция опознавания и мировоззренческая функция.

О наличии конспиративной функции имеются противоречивые мнения. Ряд исследователей, как отечественных, так и зарубежных (В. Жирмунский, В. Стратен, В. Тонков, Л. Сэнеан), считали арго полностью искусственным и тайным языком. Другие (Д. Лихачев, Р. Данью) отрицали подобные утверждения, считая арготическую лексику своеобразной реакцией деклассированных элементов на окружающую действительность.

Для доказательства тайности арго приводятся следующие аргументы:

- 1) Потребность у деклассированных элементов скрывать свои преступные замыслы и действия.
- 2) Постоянное обновление арготического словаря.
- 3) Использование арго между своими.

Противники же конспиративного характера арго приводят, в свою очередь, контрдоводы:

1) Отсутствие необходимости скрывать названия ряда предметов и действий, которые не относятся к «профессиональной» деятельности деклассированных элементов (то есть обозначения пищи, частей тела, некоторых предметов обихода и т. п.).

2) Трудности в создании арготических слов.

3) Трудность овладения лексикой уголовников.

4) Преступники не заинтересованы в привлечении к себе внимания, а употребление арготизмов в присутствии непосвященных обязательно должно было бы вызвать подозрение у последних.

5) Часть арготизмов была известна тем слоям русского населения, с которыми деклассированные элементы были вынуждены контактировать (моряки, ремесленники, торговцы, музыканты и др.).

Как видим, обе точки зрения являются взаимоисключающими. Думается, что следует учитывать и ту, и другую стороны.

Арго вырабатывалось и вырабатывается стихийно, но оно непонятно для непосвященных (законопослушной части населения), и эту непонятность уголовный мир нередко использует в своих противоправных целях. С таким же успехом можно употреблять молодежные жаргоны и даже иностранные языки (кстати, последние нередко использовали дворяне в присутствии своих слуг). Многочисленные примеры применения арготизмов деклассированными элементами являются подтверждением нашей точки зрения. Приведем в качестве иллюстрации некоторые из них.

Вор-карманник в толпе, не опасаясь того, что окружающие могут понять его, говорит своему напарнику, например: «*Дави гусакá с вторякá!*» (Делай вторую попытку ограбить намеченную жертву).

Вот диалог следователя с потерпевшим:

Следователь: О чем говорили эти люди (грабители)?

Потерпевший: Перед ограблением я слышал только одну фразу, но не понял ее: «Бери за *свисток фуцена*, а я *распрягу* его» (Бери за горло жертву, а я сниму с него одежду).

И еще один любопытный пример: в троллейбусе один гражданин сказал другому, кивнув в сторону женщины: «*Ласкай у шубы крабы*» (Воруй золотые часы у женщины). Эту речь понял стоящий рядом сотрудник уголовного розыска. Преступники были задержаны с поличным.

Иногда уголовный мир использует арготизмы в письмах из мест лишения свободы. Вот характерная выдержка из одного «послания»: «Пришлите Кате триста поцелуев» (Пришлите триста граммов кодеина — вещества, содержащего наркотик).

Наблюдательный читатель скажет, что все это современность. А выполняло ли раньше арго конспиративную функцию? Да, выполняло. Об этом свидетельствуют исследования В. Даля, С. Максимова, об этом говорится в произведениях Вс. Крестовского, В. Дорошевича, в словарях В. Попова и В. Трахтенберга. В книге М. Комарова «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина» имеется любопытный пример употребления арготизмов в конспиративных целях. Знаменитому вору Ивану Осипову по кличке Каин, который был закован в кандалы и заключен в тюрьму, сообщники передали записку, написанную на арго. В ней имелась следующая фраза: «*Трибка качела, стромык сверлюк трактирила*». Стража не поняла, а В. Каин узнал, что «тут ключи в калаче для отпираия цепи». Побег удался. До сих пор эта записка не расшифрована дословно.

Попутно отметим, что это первое зафиксированное в художественной литературе зашифрованное арготическое послание. Чтобы читателю была понятна его предыстория, приведём дословно текст из уже упоминавшейся повести М. Комарова.

«Любимый Каинов товарищ, Камчатка, уведомясь о сем приключении, на другой день накупил немалое число калачей и под видом подаяния милостыни пришёл к той тюрьме, в которой Каин содержался, и, подавая колодникам каждому по калачу, Каину подавал два, в которые запихал разного рода ключей и серебряных монет, и, подавая оные, сказал: «*Трёка калач ёла, стромык, сверлюк трактирила*». Сие значило на мошенническом диалекте: ключи в калаче для отпираия замка».

У исследователей и комментаторов этого выражения имеется разноречивость в написании: у С. В. Максимова: «*Трёка калач ёла, стромык сверлюк трактирила*»; у Д. Л. Мордочева: «*Трибка калач ёла стромык сверлюк трактирила*»; у В. В. Сиповского: «*Трибка качёл ёла, стромык сверлюк трактирило*». В переводе этого выражения разногласий нет — «тут ключи в калаче для отпираия цепи». И с этим можно было бы согласиться, если бы учёные расшифровали дословно данное выражение. Однако никто из исследователей этого не сделал.

Попробуем расшифровать. Несомненно, что *сверлюк* обозначает ключ, образование этого слова произошло путём функционального переноса значений и при помощи суффикса *-юк*: ключ как бы сверлит замок. Однокорневым к арготизму *стромык* является слово *стрёма*, одно из значений которого — всякая оковка или отдельная часть устройства (см. Даль-IV), следовательно, арготизм *стромык* обозначал кандалную цепь. К слову *трёка* (*трибка*) однокорневыми являются лексемы преступников *трёкать*, *трóкать* — ошупывать; *трёкнуться* — заметить, спохватиться; *трóкаться* — тревожиться (Попов, 1912). И можно предположить, что *трёка* (*трибка*) обозначало призыв к вниманию. Непонятным является слово *ёла*: данное слово и его производные не встречаются ни в арготических письменных источниках, ни в диалектных, ни в общенародных словарях. Но в условном языке мелких торговцев города Кашина имеются лексемы *ёла* — есть,

неела — нет (Смирнов, 1902). Вероятно, данная лексема была либо интержаргонным словом (общим для преступников и торговцев), либо какой-то из этих социумов заимствовал у другого. В неопубликованном труде В. И. Даля «Словарь русско-офенский» имеется лексема *эйла* — есть с пометой *кост*, т.е. употребляемого в среде костромских офеней. Кроме того, в его «Словаре живого великорусского языка» встретилась лексема *ель* с пометой *ниж.* (нижегородское) — есть, согласен. Возможно, что данное слово занесли в Нижний Новгород торговцы — вспомним Нижегородскую ярмарку, на которую стекался деловой люд со всех губерний России.

Единственно тёмным словом является лексема *страктёрла(о)*: родственных слов и аналогов для него нет в письменных источниках. Но так как все остальные компоненты анализируемого выражения уже известны, то можно предположить, что оно и было связано с глаголом *оттирать*.

Перевод этой арготической фразы будет несколькими: «Будь внимателен: в калаче есть (находится) ключ для отпирания цепи». Как видим, здесь не только констатация факта, но и призыв к действию.

В настоящее время существует мнение о быстрой смене арготизмов. Будто бы деклассированные элементы, узнав о том, что значение их слова стало известно широким массам людей или даже отдельным представителям правоохранительных органов, стараются заменить его другим. Эта наивная сказка дожила до наших дней по той простой причине, что арго не было полностью исследовано. Если так было на самом деле, то уголовникам пришлось бы очень туго: ни обновляли бы значительное количество слов через короткие промежутки времени, допустим через 2–3 года. Дело в том, что сотрудники исправительных учреждений неплохо знают большую часть общеуголовного и тюремного арго, оперативные работники, специализирующиеся по борьбе с ворами-карманниками, хорошо знают слова своих «подопечных».

А что говорить о знаменитых сыщиках... Иван Путилин, лучший сыщик XIX века, гримируясь под различных представителей деклассированных элементов, должен был в совершенстве знать не только их нравы, обычаи, привычки, но и арго. Иначе нельзя, иначе смерть от безжалостного уголовного мира. И если бы он в притонах, в *магинах*, на *мельницах* (местах, где собираются шулера) не понимал хотя бы некоторых арготизмов, то уже это вызвало бы подозрение у недоверчивых людей «дна»... И, конечно, сами деклассированные элементы хорошо понимают, что значительное количество арготизмов известно их социальным врагам — правоохранительным органам.

Арго не обновляется полностью. Основной костяк слов довольно-таки устойчив. Вот факты. Из 4700 дореволюционных арготизмов, обнаруженных нами, в современное арго перешло около пятисот. Причем есть такие слова, которые пришли от волжских разбойников XVI–XVII вв.

Итак, одна из главных функций арго — конспиративная. Но следует также сказать, что для сокрытия своих замыслов, целей, действий уголовный элемент использовал еще и другие условные обозначения. Например, шулера применяли так называемый тарабарский язык (вероятно, они в какой-то мере не доверяли непонятности арго). Его суть: карточные мошенники разбивали слова на слоги и к каждому слогу прибавляли вставку *-ко-*. В связи с этим, например, фраза «Ты меня не знаешь» на тарабарском языке шулеров имела следующий вид: «Коты комеконя коне коз-накоешь». Этот «язык» они использовали исключительно в присутствии правоохранительных органов, понимая, что последние могут хорошо знать их арго. Что-то подобное имеется и у заграничных «братков». В Гюго в романе «Отверженные» приводит пример тарабарского языка: «Чаще всего, чтобы сбить с толку слушателя, арго ограничивается тем, что без разбора прибавляет ко всем слогам гнусный хвост, окончание *айль*, *орг*, *ерг* или *юш*. Так: Находитайль ли выерг это жаргоюш хорошорг? — находите ли вы это

жаркое хорошим?» Эта фраза обращена Картушем к привратнику, чтобы узнать, удовлетворяет ли его сумма, предложенная за побег.

Искусственный «язык», который существовал параллельно аргю, имелся и в старину. Хотя он носил несколько иной характер. В художественной литературе имеются убедительные подтверждения нашему предположению. В романе А. К. Толстого «Князь Серебряный» встречается любопытный пример использования искусственного языка разбойников:

«Пронзительный свист прервал мысли боярина. Два человека выпрыгнули из-за деревьев и взяли его лошадь под уздцы. Двое других схватили его за руки. Сопrotивление стало невозможно.

— Ах, мошенники! — вскричал Михеич, которого также окружили неизвестные люди, — ах, тётка их подкурятина! Ведь подвели же, окаянные!

— Кто идёт? — спросил грубый голос.

— *Бабушкино веретено!* — отвечал младший из новых товарищей князя.

— *В дедушкином лапте!* — сказал грубый голос.

— *Откуда бог несёт, земляки?*

— *Не тряси яблони! Дай дрожжам взойти, самчетверт урожаю!* — продолжал спутник князя.»

Как видим, писатель А. К. Толстой считал, что у лесных разбойников эпохи И. Грозного (годы царствования (1547–1584) был свой искусственный язык.

В повести «Капитанская дочка» также имеется эпизод с использованием условного языка. Время действия — последняя треть XVIII в.

«Хозяин вынул из ставца штоф и стакан, подошел к нему, и взглянув ему в лицо:

— Эхе — оказал он, — опять ты в нашем краю! Отколе Бог принёс?

Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою:

— В огород летал, коноплю клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?

— Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте.

— Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уже догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмирённого после бунта 1772 г.»

Преступный мир, кроме условных обозначений, использует в целях конспирации и другие средства: жесты, тайнопись, бесцветные чернила (молоко, лимонный сок, жидкий клей-гуммиарабик, раствор фенолфталеина в винном спирте), предостерегающие звуковые сигналы, азбука Морзе — см. подробнее об этом в книге Л. Мильяненкова «По ту сторону закона: энциклопедия преступного мира».

В королевстве кривых зеркал (О морали аргю)

Аргю — язык пребывающих во мраке.

Это загадочное наречие, позорное и бунтарское, волнует мысль в самых ее темных глубинах и приводит социальную философию к самым скорбным размышлениям. Именно на нем явственно видна печать кары. Каждый слог отмечен ею. Слова обычного языка являются в нем как бы покоробившимися и заскорузлыми под раскаленным железом палача. Некоторые еще дымятся. Иная фраза производит на вас впечатление внезапно оголенного плеча вора с выжженным клеймом. Мысль почти отказывается быть выраженной этими словами-острожниками. Метафора бывает иногда наглой, что чувствуется ее знакомство с позорным столбом.

В. Гюго

Убожество речи служит, как правило, внешним признаком убожества духа.

Б. Бартош

Формулой «кто не за нас — тот против нас» и определяется вся жизнь деклассированных слоёв общества. В таких элементах субкультуры преступного мира, как песни, пословицы, поговорки, кодексы «чести» имеются любопытные контрасты: любовь — измена, друг — враг, уголовник — честный человек.

Эти контрасты характерны и для арго. В нём нет полутонов. Есть два цвета: чёрное и белое. Причём белым считается, по мнению профессиональных уголовников, то, что они делают, а всё остальное — чёрное, враждебное. (Хотя оговоримся: для обозначения цвета в арго нет названий). Чёрно-белое восприятие мира — явление, присущее первобытным людям, дикарям.

Эту сторону воровского арго, отражающую дуализм преступника, подметил ещё Д. С. Лихачёв в своей знаменитой статье «Черты первобытного примитивизма воровской речи» (1935).

Но если дикарь боялся грозных явлений природы, то преступник — законопослушного общества, а не могущественных сил природы или мучений в загробной жизни. Полярность первобытного человека, на чём строится его мировоззрение, на чем основаны многочисленные мифы и сказания, это: свет — тьма, небо — земля, мужчина — женщина, правый — левый, свой — чужой, дом — лес. (См. подробнее об этом в работе А. Афанасьева «Живая вода и вещее слово»). Из этих шести антонимических пар три последних присущи и арго, и частично четвёртая — свет — тьма. Но сюда можно добавить ещё одну антонимическую пару: преступник — правоохранительные органы.

По мнению исследователей, оппозиция «свой-чужие» восходит к седой старине, причём «своё» воспринималось у русских как лучшее, а «чужое» как худшее, враждебное. Отсюда пословицы и поговорки: «Свой хлеб сытнее. Своя ноша не тянет. Чужая душа — потёмки. Чужое и хорошее постыло, а своё и худо да мило». (Т. Фомина, 2002). Что-то похожее мы найдём и в арго, но уже со своеобразной спецификой.

«Свой» — это субстантивированное притяжательное местоимение, обозначающее профессионального преступника, появилось в начале XX в. Оно зафиксировано, например, у С. Потапова в словаре «Блатная музыка. Жаргон тюрьмы» (1927 г.). См. контекст: «Мир делится на три класса. *Свой, фраера и легавые. Свой* — это *деляги по ширмаческой, хипесной* и прочим специальностям» (Б. Глубоковский, 1926). «*Глубоко свой*» жулик всегда носит при себе колоду карт и готов играть где угодно и при каких угодно обстоятельствах. *Свой не свой*, а на дороге не стой!» (Д. Лихачёв, 1930). От этой лексемы образованы и другие слова, например, *свой брат* — анархист (в начале XX в. уголовники считали себе равней только анархиста); *свой в доску* — надёжный для уголовной среды человек; верный до смерти человек. «Он улыбнулся неожиданной мысли, подошёл к Сержу и громко сказал: «Мой новый приятель. *Свой в доску*» (Н. Леонов. Трактир на Пятницкой). «Он *налётчик*, он *свой в доску*. Интересовались поведением прокурора и защиты; одни считали Ваньку Графа героем, *своим в доску*, другие — дураком, нюней, простофилей» (В. Шишков. Странники). Арготизм *свой малый, свояк* — то же, что *свой*; *свой* или *своя женщина* — воровка, в том числе и воровка, не выдающая преступников; подруга вора; шулерская карта; *свояченица* — профессиональная воровка.

Можно предположить, что арготизм *свой* появился у преступников ещё в XIX в. Косвенным доказательством этому является утверждение Вс. Крестовского, что уголов-

ники о своих «собратьях» говорят нередко местоимениями: «Замечательно, что *мазурики* не только с посторонними, но даже и между собою в разговоре о каком-либо отсутствующем товарище постоянно избегают называть его по имени, а всегда говорят несколько неопределённо, стараясь выразиться более местоимениями: *тот, этот, наш...*»

Антонимом в философском смысле этого слова является арготизм *чужо́й* и новообразования с этим корнем. Фактически все слова с ним имеют для профессионального преступника отрицательную коннотацию: *чужо́й* — неворовской. «У *воров* есть своеобразное, весьма развитое языковое чутьё, позволяющее, как мы уже отмечали, строго различать между «своими» воровскими и «чужими», не воровскими словами» (Д. Лихачёв, 1931). *Чужежёлтить* — это совершать акт мужеложества: «В нашей *зоне* многие *чужежёлтили*, породнились между собой, одним словом» (Запись 1976); *чужежёлтия* — мужской гомосексуализм: «Мне эта *чужежёлтия* очень противна!» (Запись 1976); *чужежёлтник* — активный гомосексуалист: «*Чужежёлтник отшилóкал* парнишку за милую душу» (Запись 1976); *чужестипник* — человек, живущий за счёт воров и сам не совершающий преступлений; тунеядец: «Я не хочу кормить *чужестипников*» (Запись 1977); «Знаешь, начальник, мне надоело быть *чужестипником* у *матухи* и решил я попросить в последний раз...» (Запись 1979); *чужо́й* — задний карман брюк: «Клиент сунул бумажник в задний — *чужо́й*, как его называют деловые *люди*, — карман и пошёл» (Н. Леонов. Трактир на Пятницкой). В арго много фразеологизмов, в состав которых входит компонент *чужо́й*: *чужо́й груз* — преступление, которое сотрудник правоохранительных органов или влиятельный преступник заставляет взять на себя; *тяну́ть ля́мку за чужо́ю похмэль* — отбывать наказание за преступление, которое не совершал.

Воровская философия, а арго — это её часть, делит всех людей на суперменов и недоразвитых. Суперменом, конечно, является профессиональный преступник, а недо-

человеком — любой, кто не относится к уголовному миру. Это отчётливо проявляется в названиях деклассированных элементов. У них слово *лю́ди* обозначает *воров в законе, честняк (честно́к)* — это *честный вор, вор в законе*, честно соблюдающий воровские традиции, остальные же — даже не люди, а какие-то зоомифические существа: *крьсы, олэни, чёрти* и т. п. Изначально *вор в законе*, входя в камеру или барак, бросал фразу: «*Лю́ди есть?*»

В настоящее время даже молодые преступники считают законопослушных граждан за людей второго сорта, отсюда — высокомерная фраза новичку: «Как там, в *мире животных?*» Т. е.: «Как там, в законопослушном обществе?»

Деклассированный вправе назвать *вора* честным, но ни в коем случае он не может произнести словосочетание *честный фраёр* — жертва преступления или *честный фу́цен* — дурак, *честная чувиха* — девушка, женщина.

У них все мерзавцы, подонки, дураки и предатели. Во всяком случае, в современном арго имеется около шестисот названий подобных категорий людей, например: *валёт* — дурак; *ишак* — подхалим; *лох* — жертва преступления; неполноценная личность.

Этой мизантропической философией пронизана вся субкультура уголовного мира. В одной из блатных песен имеются любопытные строчки, подтверждающие этот тезис:

А мне плевать на белый цвет:
Ведь всё равно мне жизни нет,
А значит — мне свободы не видать!

В арго отражается не просто эгоизм, а эгоцентризм профессионального уголовника.

Л. Гумилёв назвал арго «языком, который ненавидит». Можно добавить: и зло смеётся над тем, что против него и что для него непонятно. «Арго, — писал Д. С. Лихачёв, —

есть явление своеобразного мироощущения. Произносятся арготическое слово, человек символизирует свою нечувствительность к враждебным и неприятным воздействиям. Цель арго — высмеять враждебную стихию» (Д. Лихачев, 1964). Враждебная стихия — все честные люди.

Иногда приходится слышать о том, что для дорогих сердцу реалий преступник использует нормальные человеческие слова, якобы уголовник понимает, что его речь имеет негативный характер, см., например, Н Шарандина, 2000 г.: «Вор осознаёт отрицательную направленность своего языка». С этим нельзя согласиться. Во-первых, для профессиональных уголовников арго — средство общения, во-вторых, только с помощью блатных слов он может выражать своё мировоззрение — а это важно для преступника: ведь он постоянно бравитует! Автор много раз слышал, как уголовники называли арго и мат *родной речью*. До сих пор во время распития спиртных напитков около магазинов, пивных и других злачных мест можно услышать даже от непрофессиональных преступников, как они с удовольствием говорят на языке тюрьмы. Некоторые из деклассированных элементов и рады бы говорить на нормированном языке, но блатные слова уже прочно вошли в их сознание, и им трудно переключиться с одной системы на другую. Действительно, какой может быть речь у человека, живущего в нечеловеческих условиях, какими является ИТУ, шайка, которая его воспитала? Жизнь, в которой подвергнуты сомнению все основные человеческие ценности: общество, семья, любовь, дружба. У профессионального преступника существует *воровская идея* — своеобразный кодекс поведения уголовников, идея, которую он (впрочем, как и профессиональный революционер) ставит превыше всего.

Исследование арго позволяет избавиться от ошибок и заблуждений в отношении некоторых моментов мировоззрения деклассированных элементов. Общепринятым является утверждение, что преступность не знает нацио-

нальных границ, однако арго показывает противоположное: в нем имеется большая группа слов, в которых отражено презрение к другим национальностям; то же самое можно сказать и о политических заключенных, которых преступники якобы защищали.

Некоторые уголовники (например, грузинский вор в законе Джаба Иоселиани) утверждали, что они являлись основной силой, противостоявшей коммунизму с 30-х по 70-е годы XX в. Однако в арго видны неприятие и критика любой власти (см. слова: *романовская поскотина* — Россия; *большая зона* — СССР; *романов хутор* — тюрьма; *берендеево царство* — коммунизм; *зверинец* — стэнд в исправительно-трудовом учреждении с портретами членов Политбюро ЦК КПСС).

Мораль уголовного мира, отраженная в арго, соответствует основным принципам воров в законе. Эти принципы формировались в течение ряда столетий и окончательно утвердились в 30-х гг. прошлого столетия в «кодексе воров в законе».

«Я помню чудное мгновенье...»

Злая насмешка, пренебрежение звучит в арго по отношению к женщине. Блатной язык женофобен — это по преимуществу мужской словарь. Женщина для деклассированных элементов — всего лишь средство для полового удовлетворения. Поэтому в арго много слов, обозначающих женщину лёгкого поведения: *бёлка, ко́шка, коза́, кры́са, ко́бра, ку́рва, бикса, свиномáтка*.

Этот ряд можно продолжать до бесконечности. Но уже и так ясно, что здесь не чудное мгновенье, а настоящий зверинец! В арго нет слов, которые обозначали бы любовь. Вместо *влюбился* деклассированные говорят: *влóпался, втёрлся, виендячился, упал*. Арго избилует названиями половых извращений.

Профессиональные преступники утверждают, что по настоящему они любят только одну женщину — мать. Но так ли это на самом деле?

«Прославление матери, — писал В. Шаламов в цикле очерков «Левый берег», — камуфляж, восхваление ее — средство обмана и лишь в лучшем случае более или менее яркое выражение тюремной сентиментальности. В этом чувстве к матери нет ничего, кроме притворства и театральной лживости. Культ матери, не перенесенный на жену и на женщину вообще — фальшь и ложь. Отношение к женщине — лакмусовая бумажка всякой этики».

Анализ арготизмов подтверждает это наглядным образом. Мать уголовники называют *мотайкой*, *мотайкой*, *матухой*. Как видим, и это святое слово у них извращено, искажено. Но кого же они называют этим прекрасным словом? *Мама* у деклассированных элементов — женщина-главарь преступной группы или дама (игральная карта). Даже татуировка «Не забуду мать родную», выколота на теле преступника, имеет в виду не мать, породившую его на свет, а воровскую шайку, членом которой он является.

Такое негативное отношение к женщине имеется и в блатных песнях. В большинстве своем они циничны, насмешливы и презрительны. Даже те, которые начинаются лирически, обязательно в конце опошляются. В некоторых имеется и угроза смертью. Трагично и с тревогой за женщину звучат печальные строчки блатной песни с лирическим названием «Голубоглазая»:

Я пишу тебе, голубоглазая,
Может быть, последнее письмо.
Никому его ты не показывай:
Из тюрьмы написано оно.

Ну а в конце эта голубоглазая, эта любимая женщина превращается в *дешёвку*:

Но не смейся ты, судьба, напрасно:

Старый урка все равно придет!
Он придет с тоскою и с обидой,
И с блатной наколкой на груди,
И тогда тебе, моя дешёвка,
Никуда от пули не уйти!

Отношение вора к женщине есть не что иное, как атавизм, восходящий к началу патриархата — как тут не вспомнить статью Д. С. Лихачёва «Черты первобытного примитивизма воровской речи», — когда он противопоставлял себя матриархату. Отношение к женщине — это и проявление сакральной функции, то есть стремление сделать её неполноценной, отсюда: *пробитая*, *проколота* — женщина, лишённая девственности, отсюда и мужчины, с которыми совершён половой акт, являются неполноценными, см. названия *опущенный*, *обиженка*, *обиженный*. Групповое изнасилование женщины (*поставить на хёр*, *отхарить паровозом*, *колхозом*) — своеобразный инициальный обряд у профессиональных уголовников (блатарей), то есть сопричастность к единому воровскому братству, единой воровской «семье». Не случайно, по мнению Н. Лескова, у революционеров и преступников ценилась женщина, способная «обслужить» многих членов группы. (См. Н. Лесков. Леди Макбет Мценского уезда).

Баюшки-баю, скорпион!

Писатель И. С. Тургенев оценивал героя по его отношению к женщине. Хорошо он относится к женщине, способен откликнуться на ее чувства, — значит, он положительный герой. Ф. М. Достоевский оценивал героя по его отношению к детям. Как относится деклассированный к женщине, мы только что сказали. А к детям? Я думаю, не стоит приводить многочисленные, леденящие душу истории об убитых, ограбленных и изнасилованных девочках

и мальчиках. Количество таких преступлений — легион. Но, может быть, внешне уголовник благообразен в этом вопросе, то есть в арго имеются более или менее приличные названия детей? Названия имеются. Ребенок в арго называется *скортионом*, *спиногрызом*, *грызунóm*...

Несовершеннолетние очень часто используются для удовлетворения половых извращений. Об этом свидетельствуют арготизмы: *шкíца* — проститутка 8–12 лет; *промокашка*, *вймочка* — несовершеннолетняя проститутка; *плашкёт* — подросток-арестант, используемый для гомосексуализма; *грэдусник* — подросток, с которым совершен половой акт в извращенной форме.

«Всюду деньги, господа!»

Кого же любят преступники, чему поклоняются, кто у них является Богом? Любить они никого не любят, а поклоняются деньгам. Кстати, одно из их названий — *бог*. А всего в арго около 340 обозначений денег: *бабки*, *маньки*, *сара*, *сарёнка*, *лавы*, *лавё*, *лавэшки*, *капуста*, *баксы*, *филки* (*вилки*) и проч. Фактически все эти слова имеются и в жаргоне «новых русских». Для таких слов характерна только положительная экспрессия. Деньги — это вещь, наиболее значимая для преступников. В мире есть только деньги, жизнь только для денег, преступления совершаются ради денег. За деньги можно всё сделать: купить любовь, дружбу, лишить человека жизни... В одной тюремных песен так и поется:

Всюду деньги, деньги, деньги,
Всюду деньги, господа!
А без денег жизнь плохая:
Не годится никуда!
Деньги есть — и ты, как барин,
Одеваешься во фрак,

Франтоватый и шикарный,
А без денег — ты червяк!

Заметим, что на протяжении всего существования арго процент названия денег является высоким.

Издавательство и оскорбление

В арготизме с самого начала заложено критическое отношение к действительности. Деклассированные элементы упрощают и как бы обнажают некоторые стороны жизни, односторонне сгущают нужное им значение слова.

Так, к примеру, общенародное слово *выдавать* в значении «предавать» не нравится уголовникам, так как оно не содержит отрицательной экспрессии. Арготизм же *продавать* охватывает только часть этого понятия — выдавать товарищей по преступной шайке с целью облегчения своей участи. Объем арготического слова гораздо меньше, чем у общенародного. Большинство слов имеет одно значение. Например, слово *убить* в общенародном языке может быть в словосочетании *убить человека*, *убить животное*, *убить целый месяц* (в значении потратить), арготические же синонимы *заделать*, *грóхнуть*, *замочить* могут употребляться со словами, обозначающими человека, и очень редко — со словами, обозначающими животных. Но никогда преступник не скажет, что он *заделал*, *грóхнул* неделку, месяц, год.

В арго очень мало абстрактных существительных, так как уголовники не любят заумные вещи — им нужна конкретность. Блатной язык также небогат словами, обозначающими науку, искусство, литературу. Из названий, относящихся к политике, встречаются лишь лексемы, обозначающие политических заключенных: *контрик*, *политик*, *полит* и т. д. Небогат блатной язык и арготизмами, обозначающих явления природы.

Отсутствие в аргю названий реалий высокой материи свидетельствует о том, что вора, нищего, проститутку окружает чаще всего низменное и циничное. А лексика уголовников, как зеркало, отражает образ жизни этих людей. Бедный язык есть следствие примитивного мышления, узкого кругозора. Конечно, при анализе используется обобщенный образ деклассированных элементов. Нельзя забывать, что среди них имелись и имеются лица с высоким образованием, но в основном — это люди с незаконченным средним, а если брать прошлое — то и совсем неграмотные.

Вдумчивый читатель обязательно задаст вопрос: неужели человеку «дна» достаточно нескольких сотен слов, чтобы выражать свои мысли? В этом случае следует отметить, что речь уголовников не представляет собой только набор арготизмов — они являются лишь вкраплениями в общую речь. И потом: в XIX в. английский крестьянин обходился только пятьюстами словами. Что же говорить тогда о деклассированных элементах?

Но это не значит, что все они являются дураками, умственно отсталыми людьми, хотя заметим, что среди уголовников (особенно среди несовершеннолетних) много олигофренов. В их среде нередко встречаются способные, сообразительные люди или, как они говорят сами, имеющие воровской *хист* (талант). Иначе как бы они совершали преступления? Иначе почему у нас 40–50 преступлений являются нераскрытыми?

Аргю мыслит не абстракциями, а образами, оно больше воздействует на чувства, чем на разум. Не случайно язык деклассированных элементов назывался *музыкой* и позже — *блатной музыкой*. Очень точное название: ведь *музыка* воздействует на эмоции, хотя сразу оговоримся, что настоящая музыка — на возвышенные, а аргю — на низменные.

Аргю похоже на красивую проститутку, которая внешне обаятельна и привлекательна. Она манит, она притягивает к себе. Но бойтесь: внутри неё пустота, обещания ее лжи-

вы и внешность ее обманчива. Она больна всеми пороками и венерическими болезнями. Так же и аргю. Его слова кажутся блестящими и остроумными, метафора неожиданной и привлекательной. Многие попадают в сети этой внешней красоты и оригинальности. Они тонут в аргю, как тонут в трясине, которая привлекает путника, утомившегося от однообразных буреломов, миражом живописной лужайки. Благодаря этой внешней оригинальности и блестящей окраске многие арготизмы проникли в общенародную речь и, прежде всего, в речь молодежи, которая, как известно, более эмоциональна, чем у взрослых.

Но яркая окраска и причудливость арготических слов, в большинстве своем, — издевательство и оскорбление. Достаточно услышать такие слова, как *оторва* — лагерная проститутка; *комендант* — старая проститутка; *придурок* — обслуга из заключенных в исправительно-трудовом учреждении; *змея* — вредный человек; *змееныш* — худощавый вор-подросток, проникающий в помещение через форточку.

Знаменитый криминалист XIX века В. Гавелок писал: «Всё то, что им (преступникам — М. Г.) противно, а обществу дорого, они зовут грубо, а то, что обществу вредно, — хорошо и красиво называют» (В. Гавелок, 1887).

Скоро тапочки откинем

В основе жизни уголовников, какими смелыми и удачливыми бы они ни были, лежит страх. Страх перед законом, страх перед честными людьми. Преступник в глубине души понимает, что совершает плохие, ненужные поступки, что жизнь его никчемна, что он приносит вред и себе, и своим близким, и всем людям. Страх и совесть он глушит водкой, наркотиками, словами. Не случайно в аргю много лихих, удалых, смешных слов, с помощью которых он как бы выражает презрение к болезни, опасности

и смерти, например: *сифилёк* — сифилис; *загиб петрович*, *загиб иваныч*, *курносая* — смерть; *кони бросить*, *тапочки откинуть* — умереть; *засыпаться* — попасться на месте преступления. Характерно, что подобные слова имеются во многих арго мира. Например, в арго английских пиратов: *весёлый рódжер* — черный пиратский флаг с изображением черепа и двумя скрещенными костями; *сушиться на солнышке* — быть повешенным; *жёлтый джек* — лихорадка и др. Такие слова — черный юмор висельника, который ужасно боится смерти.

Я был свидетелем, как один из больных, человек, отбывший в местах лишения свободы более пятнадцати лет, при входе в палату всегда мрачно шутил: «*Крáхи* (инвалиды — М.Г.), вы еще живы? Ну ничего, завтра к вечеру обязательно *в ящик сыграете и кони бросите!*» Парадокс был в том, что он смертельно боялся уколов и последующей операции...

В арго нет слов для раскаяния, нет места для сентиментализма.

Полет на бензопиле

Еще в 30-х годах наш знаменитый соотечественник Д. С. Лихачев отметил любопытную сторону жизни деклассированных элементов: «Одно из интереснейших бытовых явлений, которое нельзя обойти, чтобы понять многие языковые факты, — это хвастовство». Хвастовство везде: в поступках, поведении, символике, арго. Для чего преступники татуируются? В основном, для бравады, хвастовства и бахвальства. Для них характерно стремление казаться намного выше, чем они есть на самом деле. Если он вор-карманник, то (судя по его рассказам) — высшей квалификации, если негодай — то отпетый, если мститель — то неумолимый и жестокий, если драчун — то чуть ли не Брюс Ли.

Многие истории, рассказываемые преступниками, на деле не соответствуют действительности. Да и тематика этих историй довольно-таки узкая (как, впрочем и у всех блатных песен): сверхудачные преступления, трагическая жизнь, половая любовь, необычный побег из мест лишения свободы и что-нибудь еще в этом роде.

Я слышал ряд таких историй. Вот одна из них. В Мох-соголлохе (поселок в 80 километрах от Якутска) в исправительно-трудовой колонии №6 — *шестёрке* на местном наречии, заключенный, бывший инженер-технолог, сконструировал летательный аппарат... из двух бензопил. И улетел из зоны. Его потом долго искали. Но — концы в воду. «Великого» изобретателя так и не нашли. Рассказ о нем я слышал от расконвоированных заключенных этой исправительно-трудовой колонии. Но преступники, отбывавшие наказание в карельских и магаданских колониях, с пеной у рта уверяли, что такой «подвиг» был совершен именно у них... В. Шаламов в «Очерках преступного мира» подчеркивал, что подобные уголовные истории растлевающее действуют на молодежь: «Изложение воровских подвигов, делаемое всегда приукрашено, в прославлении воровских законов и воровского поведения и составляет чрезвычайно опасную для молодежи романтическую приманку».

Каждый факт расписывается такими соблазнительными, такими привлекательными красками (на краски *блатные* не скупы), что слушатель-мальчик, попавший в среду *блатарей* (скажем, за первую кражу), увлекается, восхищается героическим поведением *блатаря*. Этот рассказ сплошь и рядом представляет собой чистую фантастику, выдумку («Не веришь — прими за сказку!»).

Хвастовство и пустая бравада стали причинами появления многих арготических слов.

Преступники всячески стараются даже внешне выделиться среди законопослушных людей. Отсюда — стремление казаться оригинальными. Это и своеобразная манера одеваться, вычурно выражаться с особым уголовным

акцентом. Даже пренебрегая элементарной конспирацией, деклассированные элементы употребляют блатные словечки. Тщеславие и хвастовство порой бывает выше собственной безопасности.

С одной стороны, бравада, с другой — фанатичная вера в своё «неправое» дело. В связи с этим вспоминается рассказ В. Шаламова (см. его кн. «Левый берег»), в котором описывается казнь вора Пушкина: когда *суки* поджаривали его на железном листе, он попросил окружающих: «Эй, фраера, передайте людям, что я умираю воров!» Эта фанатичная вера в *воровской закон* породила столько преступлений... С другой стороны — столько бравады и показного у преступника! «Я — вор», — гордо заявляет какой-нибудь Коля Магаданский, как будто бы он космонавт или, по меньшей мере, эстрадная звезда.

Речь уголовного вычурна. Ей свойственны неожиданные эпитеты, сравнения, обороты. Приведу отрывок из диалога двух уголовников.

— Ты с Федькой Косым в *девятке* (номер исправительно-трудовой колонии) *чапился* (отбывал наказание)?

— Да я его там и во сне не видел!

— А чего же он на тебя кивает? Я мол, с Лаптем четыре года *мотался*, вместе *зону держали* (командовали другими заключенными).

— *Порожняк гонит!* За такую *латиу* (ложь) *рога* ему *посибибю!*

Для арго характерна условность, приверженность к символам. Не случайно арго называют еще и условным языком преступников (деклассированных). Для людей «дна» символ — очень значимая сторона их жизни. А слово — это уже символ. Арготизм же — дважды, а то и трижды символ, так как часто имеет переносное, образное значение. Преступник верит в магическую силу арготизма. *Блатное* слово для него более значимое, чем любое другое слово. «Какой смысл был бы в клятве для вора, — писал Д. С. Лихачева, — если в сознании вора не вкоренилась

скрытая вера в магическую силу слова». Заметим, что у преступного элемента очень много клятв: *век воли (свободы) не видать, легавым буду, гадом буду, падрлой буду, сука (сукой) буду, падрлой буду по-московски, сукой буду по-ростовски...*

Преступники верят и в магию обычного, общенародного слова. В произведении Л. Габышева «Одлян, или Воздух Свободы» имеется интересный пример. Действие происходит в суде. Прокурор потребовал назначить Яну (подсудимому) наказание в виде лишения свободы сроком до четырех лет.

«Судья предоставил последнее слово Яну. В КПЗ Ян несколько дней сидел в одной камере с местным *малолеткой*, который только что освобожден из *бессрочки* (специализированного профессионально-технического училища, куда направляют трудновоспитуемых подростков — М.Г.), и *малолетка* научил Яна одиннадцати магическим словам, которые должны подействовать на судью, и после них, как думал Ян, ему точно дадут условный срок. Слова эти надо говорить в последнем слове, в самом конце.

Одиннадцать магических слов надо было проговорить как можно плаксивей, и он их проговорил:

— Граждане судьи! Дайте мне любую меру наказания, только не лишайте свободы.

Магические слова не помогли: Яна приговорили к трем годам лишения свободы...»

В арго имеется большая группа слов, связанных с понятиями *вода* и *огонь (тепло)*. Такие арготизмы имелись уже у волжских разбойников: *сушить* — пытаться; *измываться* — издеваться (изначально: пытаться при помощи воды); *притон* — место, где находятся волжские разбойники.

Вода и тепло издавна были предметами поклонения и верований древних людей. Они были и счастьем, и бедой. Подобные верования определенным образом отразились в языке, в том числе и арго, см. примеры: *тонить* — пре-

давать; *жара́* — опасность; *сжё́чься, спати́ться* — понасться правоохранительным органам при совершении преступления; *мыть* — воровать; *размы́ть* — разрезать одежду жертвы; *вода́ льётся* — берегись: могут задержать (сигнал); *ого́нь* — оборванец; *ба́ня* — застенок; телесное наказание; *па́риться* — отбывать наказание в местах лишения свободы; *огонёк* — квартира, где шулера собираются играть в карты; *огня́ добы́ть* — вывести человека из себя; *смы́ться* — уйти, не закончив кражу, убежать; исчезнуть и др.

Для арго характерно табуирование. Словесное табу (запрет) восходит к древнейшим временам. Оно было у первобытных охотников. Медведя, например, называли *хозяином, косалатым, мишкой, лежебокой* и т. д. Ни в коем случае охотнику, отправлявшемуся на охоту не говорили «удачной охоты», а обычно: «ни пуха, ни пера». Суеверные люди не произносили (а некоторые и до сих пор не произносят) слово *черт*, заменяя его эвфемизмами: *он, неумытик, анчутка, нечистый, нечистик*. Точно также и у деклассированных элементов. Так, например, они вместо слова *милиционер* говорят *мэнт, мусор, карась, краснощёрый, милók, снегирь*. Никогда они не скажут, что убили человека, а обязательно: *заделали, пришпили, шлёпнули, уговорили*. Не *убийство*, а *мокру́ха, мокринка, преступленье*.

Символы и условность особенно распространены у несовершеннолетних преступников. Как показывают исследования, они употребляют арготизмы гораздо чаще, чем взрослые. Воровской символизм у подростков развит до абсурда. Так, например, они ненавидят красный цвет. Поэтому выбрасывают колбасу, которую им присылают родные в посылке. Она красного цвета! В одной из воспитательно-трудовых колоний Нижегородской области воспитанник с нетерпением ожидал свидания с матерью. Но когда она приехала, то он не подошёл и убежал к себе в барак. Дело в том, что та была в красном платье. И если этот подросток вышел бы к матери на свидание, то был бы

жесток наказан своими товарищами по несчастью. Почему именно красный? *Красный, краснощёрый, красну́ха, красну́ля, красюк* — всё это названия милиционера, *красная зона* — ИТУ, в котором командует *актив* — заключённые, сотрудничающие с администрацией исправительно-трудового учреждения. Автору известен случай, когда осуждённые воспитательно-трудовой колонии отказались есть конфеты «Петушок — золотой гребешок», так как *петух* на арго — заключённый, стоящий на низшей ступени криминальной лестницы; человек, с которым совершили насильственный половой акт.

В воспитательно-трудовых колониях заключенный ни в коем случае не должен прикасаться к *параше*. Если же такое случится, то он станет *миной, чухой, марёхой* (т. е. самым униженным человеком, над которым все будут издеваться, отверженным среди отверженных). Воспитанник не должен что-либо просить у подобного рода парий, так как это сразу же повлечет изгнание из рядовых заключенных и автоматическое включение его в разряд униженных и оскорбленных. Воровское слово *западло* произносится тогда, когда что-либо противоречит морали деклассированных элементов. И сколько этих *западло!* *Западло* работать, служить в армии, общаться с *марёхами*...

Хорошее знание арго позволяет деклассированному утвердиться в своей среде, издеваться над слабыми, презирать законопослушное общество. Уголовник осторожно относится к слову, так как понимает, что за каждое слово нужно «отвечать», см. их выражения: «Следи за *губой (базаром)*», «А за *базар* *ответишь*». Кстати, лексема *базар* образует большое структурно генетическое гнездо:

Базар — разговор: «У меня к тебе *базар* есть» (Габышев. Одян, или Воздух Свободы); шум, скандал: «Кончайте *базар!*» (Вайнеры. Эра милосердия); крик: «Уйми ты эту бабу, а то такой *базар* подняла, что сам *главмент* в Москве слышит!» (Запись 1982); *базар вестнй* — разговаривать: «Пацан, с тобой никто из *деловых людей базар вестнй*

не будет!» (Запись 1982); *базар гнилой* — бессмысленный, никчемный разговор: «Ну хватит, *вяжйте, корифаны*, этот *гнилой базар!*» (Запись 1984); *ложь*: «Всё это *гнилой базар*, и не надо мне *лапшу на уши вешать*» (Запись 1984); *базар держать* — то же, что *базар вести* или *базар иметь*: «Пока *овца базар держала*, я у неё *лопатошник увёл*» (Запись 1982); «Никакого *базара* я с тобой *иметь* не хочу» (Запись 1984); *базар замять* — прекратить разговор: «Давай-те, пацаны, *замнём базар*, а то до греха недалеко!» (Запись 1978); *базар фильтровать* или *базар шлифовать* — следить за разговором и не произносить обидных слов: «Ты бы, мужик, *фильтровал базар-то!*» (Запись 1989); «На *зоне* всегда *шлифуй базар*» (Запись 1990); *въезжать в базар* — понимать разговор: «Я что-то в ваш *базар* не *въезжаю*» (Запись 1988); *базаревич* — то же, что *базар*: «Никто из нас, сидевших рядом и слышавших весь этот в общем-то небезопасный *базаревич*, не мог предположить тогда и на йоту, что вся эта дурацкая болтовня может закончиться так, как она закончилась впоследствии...» (П. Стовбчатый. Записки беглого вора); *базарилка* или *базарило* — болтун: «Этот *базарилка* хуже *стукача*, *точняк* нас когда-нибудь *заложит*, а потом скажет, что нечаянно, мужики, вышло» (Запись 1985); «Ну ты *базарило*, настоящий *базарило!* На *зоне* тебе бы точно *вонючую* *портянку* в *скважину* засунули, чтобы не *трепал* лишнего!» (Запись 1987); *базарить* — разговаривать: «Не надо много *базарить*, всё и так ясно» (Запись 1977); ругаться, ссориться: «Хорош *базарить*, точно *накличите ментов*» (Запись 1977); воровать в людных местах: «*Базарить* на площади и труднее и интереснее» (Запись 1989); *базарный* — громкий: «Лёшка по *бошке отоварил* одного *базарного* *герлопана*, чтобы поменьше *вякал*» (Запись 1983); *склочный*: «Вообще, такая баба у тебя *базарная!* Как ты с ней *живёшь?*» (Запись 1982); *базаровать* или *базарить* — дела делать: «Я *подхожу к свиноматкам*, а они чего-то тихо между собой *базаруют*» (Запись 1980); «*Базаровали* мы тогда понемногу на *гонках*»

(Запись 1989); *следить за базаром* — не допускать в разговоре грубых слов: «А вот за то, что ты, *сучка*, за *базаром* не *средишь*, *бошку открутим!*» (Запись 1984).

Похожими на слова с корнем *базар* являются лексемы с корнем *базл* (*базел*): *базел* — разговор: «*Базел* у нас чего-то нехороший *напоследок* *получился*»; шум: «*Бабка*, после того как *проиграла* в *напёрсток*, такой *базел* *подняла*, что *отдали* ей *рыжее* *колечко*. Иди, *падла*, не *отсвечивай*» (Запись 1978); *базланить* — громко разговаривать: «Тебе никто слова не *давал*. После *будешь базланить*» (С. Зверев. Жиган); «Ну чего ты *разинул* своё *зевало*, *хватит базланить*» (Запись 1978); шуметь: «*Торговки базланили* так, что из *предбанника* пришлось *всех выкинуть*» (Запись 1978); «*Высоко-законно* *ль, керифаны*, / Нам *базар* на *Игорька* *свернуть?* / Да не *фенькой ветушиной* *Бояна* / За его *гастроли* *базлануть!*» (Н. Колпакчи. Слово о полку Игореве); *базлать* — то же, что *базланить*: «Не надо мне много *базлать*, и так всё ясно» (Запись 1978); «*Ша!* *Кончай базлать!*» — резко одёрнул я не в меру *разбушевавшегося* *телохранителя*» (Е. Монах. Братва: Век свободы не *видать*); *базлы* — то же, что *базел* — разговор: «За такие *базлы* *ответишь* перед *братвой!*» (Запись 1978); *базлы двинуть* (*двигать*): «Нам *борнее, кореша*, по *новой* / *Базлы двинуть* про *крутой завал*, / Как *паханил* *Вовик*, *маз фартовый* / Как *делами* *визен* *Игорь* *стал*, / Как он *озверел*, *раздухарился*, / *Разогнал чучмёков...* и *спалился*» (Н. Колпакчи. Слово о полку Игореве); «*Доцент* всегда *ночью базлы двигал*» (Запись 1978).

Близкой к арготизмам *базарить* и *базланить* в фонетическом и семантическом отношении является лексема *базикать* — говорить: «*Гляжу* — в *магазине* *никого*, только *две* *торгашки* *чего-то* *между* *собой базикуют*» (Запись 1991). Синонимом к слову *базикать* будет и арготизм *вякать* (*вякнуть*) — говорить; по мнению В. Даля, он имел в просторечии середины XIX несколько иное значение — *мямлить*, *говорить вяло*, *протяжно*, *заикаясь*;

лгать, болтать, говорить вздор, сплетничать. Данный арготизм широко употребляется в художественной литературе, см. примеры употребления: «Кто-то *вякнул* в трамвае на Пресне: / «Нет его — *умотал* наконец! / Вот и пусть свои чуждые песни / Пишет он про Версальский дворец» (В. Высоцкий. Поэзия и проза); «Че-е-го? — возмутились хором выпивохи. — *Вякает, сука, в рыло* хочет!» (И. Деревянко. Бойцы); «Кисель, попробовавший что-то *вякнуть*, мгновенно получил удар рукояткой по переносице» (С. Зверев. Жиган); «Че-его? — опешил Луна. — Чего ты *вякнул*?» (И. Деревянко. Замусоренные).

От арготизма *вякать* образовалось несколько слов: *вякалка* или *вякальник* — рот: «Девки, а ну-ка быстренько *захлопните* свои *вякалки*, а то хрен влетит» (Запись 1989); «Больше свой *вякальник* понапрасну не *раззевай*» (Запись 1987); *вяканье* — разговор: «До того мне надоело *вяканье* своей *кобры*, что хоть на стенку *бросайся*... Сядь на место, *чмо*, и не *вякай*!» (А. и Г. Вайнеры. Эра Милосердия).

В арготизме проявляется негативное отношение к любителям разговоров (*звонкам, трепачам, дуругонам и фуфлогонам*... (М. Грачев, 1997). Не любят уголовники и крикунов, которые могут привлечь внимание правоохранительных органов: см арготизм *звякала* — крикливая женщина (от укр. *дзявало* — шавка, собака): «*Бродяга звякале* все зубы повышибал» (Запись 1990).

Портняжить с дубовой иглой

Портняжить с дубовой иглой — это значит грабить. Деклассированные элементы уподобляют свою деятельность работе честных людей. Вероятно, уголовники, стараясь показать, что и они тоже специалисты, придумывают различные слова для обозначения противоправной деятельности. И вместе с тем, преступники гордятся, что занимаются кражами, грабежами, мошенничеством, разбоем...

Сам процесс преступления для уголовников не есть что-либо аморальное, антигуманное, а вполне нормальная человеческая деятельность, см. слова: *дело, работа* — преступление; *портняжное* или *швейцкое искусство* — воровское ремесло, основанное на краже платья; *дело грубое* — преступление, совершенное с большим искусством; *работать* — совершать преступление. Казалось, сами названия воровских специализаций говорят в пользу того, что преступники занимаются обычной трудовой деятельностью: *слесарь* — взломщик; *железнодорожник* — вивший, просящий милостыню в вагонах поезда; *охотник* — вивший высшей квалификации; *кассир* — взломщик нестроасных касс; *стрелочник* — сообщник шулера, не играющий, но смотрящий в карты жертвы и сигнализирующий о них шулеру; *стекольщик* — вор, специализирующийся по кражам в квартирах, предварительно проникнув в них через окно; *грузчик* — убийца, лицо взявшее на себя вину другого человека; *комиссар* — вор, совершающий преступления под видом работника милиции. Под стать этим словам и названия притонов деклассированных элементов: *завод, пекарня* — квартира, где изготавливаются фальшивые деньги; *мельница, контора* — место, где собираются шулера для обсуждения карточной игры; *контрой* называют также главный пункт конокрадов. О том, что деклассированные элементы придают большое значение воровской «работе», свидетельствует объёмное структурно-генетическое гнездо с корнем *раб-*: *рабовать* — грабить (перешло из диалектов: *зап., пск., юж.* — *грабит*; *укр. рабувати, блр. рабоваць, польск. rabowac, нем. rauben* — с тем же значением, см. Даль-1); *работа* — преступление: «По-завтракав, мы разошлись, она ушла на работу (Сирье работает в каком-то институте, а я... тоже ушёл на «работу» (А. Леви. Записки Серого Волка); «Пашка прекрасно знал, что пить на *работе* последнее дело, но упрямо зашагал в торговые ряды» (Н. Леонов. Трактир на Пятницкой); объект преступления: «Есть тут для тебя одна очень денеж-

ная *рабóта*» (Запись 1979); *рабóта мóкрая* — убийство: «И все хотят *рабóту*, причём безразлично какую — *мóкрую* или не *мóкрую*. Они же любого убьют не задумываясь» (А. Константинов. Бандитский Петербург); *рабóта на довёрие* — воровство багажа при помощи хитроумной уловки: «Вокзальные воры, называемые *подсáдчиками*, прекрасно умеют разыгрывать спектакль под названием *рабóта на довёрии*» (С. Романов. Воровство в России); *рабóта на землячку*, *рабóта на собáчку* — кража из квартиры с помощью знакомой домработницы: «*Рабóта на землячку* прошла гладко»; «*Клюй* сказал, что ко всему прочему можно повернуть *рабóту на собáчку* у одного *барыги*» (Запись 1988); *рабóта на контóру* — сотрудничество с милицией: «Думаешь, никто не догадывается о твоей *рабóте на контóру?*» (Запись 1993); *рабóта на огонёк* — воровство вечером в квартирах, где не освещены окна: «*Пацаны*, большинство *терпил* укатит на дачу — будет *рабóта на огонёк*» (Запись 1994); *рабóта по отвёртке* — воровство вещей: «Ефимчик специализировался по *рабóте на отвёртке*» (Запись 1986); *рабóта с полóмкой* — картёжное мошенничество в такси: шофер, сообщник шулеров, имитирует поломку, и пассажиры пересаживаются в другое такси, где находятся члены шайки шулеров, и вместе они обыгрывают жертву: «Здесь *таксýрник* в доле по *рабóте с полóмкой*» (Запись 1994); *рабóта с рóписью* — совершение карманной кражи с предварительным разрезом одежды: «*Рабóта с рóписью* на *гóнке* не удалась» (Запись 1989); *рабóта сто́ит* — квартира на замке (Снегов); *рабóта сухáя* — преступление без кровопролития (В. Попов, 1912); *рабóта чёрная* — 1. грабёж (Максимов). 2. воровство. (Д. Мордовцев. В. Каин). «Наше дело с тобой — сторона; мы, знай, только денюгу получай, а *чёрную рабóту подмастёрья* сварганят», — убеждал блаженный» (Вс. Крестовский. Петербургские трущобы); *рабóта чистáя* — высококвалифицированная кража (В. Тонков, 1930); *рабóтать* — совершать преступления: «Потом спросил Копчёного: «Слу-

шай, Бисяев, а где *рабóтает* Кирпич?» (А. и Г. Вайнеры. Эра Милосердия); «Тебе, коли сам *рабóтать* не будешь, двойную *растырбáним*» (двойную долю отдадим — М.Г.) (Вс. Крестовский. Петербургские трущобы); «Два года Чреватых, Голосницкий и покойный Гаврилов *рабóтали* вместе» (Л. Шейнин. Записки следователя); *рабóтнуть* — совершить преступление: «*Оперсós* спрашивает Витька: «Кто *рабóтнул фатёру* на Краснопольской?» (Запись 1992); *рабóтать в до́лю* — брать помощника на совершение преступления: «Один я не справлюсь — придётся *рабóтать в до́лю*» (Запись 1981); *рабóтать на землячку* — совершать кражу в квартире при помощи знакомой домработницы: «Холод *рабóтал* редко, но если *рабóтал*, то исключительно *рабóтал на землячку*» (Запись 1988); *рабóтать на кóжу* — совершать аферу, используя при этом кошелек (С. Потапов, 1927); *рабóтать на контóру* — сотрудничать с правоохранительными органами: «*Западло закóннику на контóру рабóтать*» (Запись 1991); *рабóтать на мали́ну (мали́нку)* — подсыпая жертве снотворное, а затем обворовывать её: «*Дёвки* мало того что приторговывали *мохнáтым сёйфом*, но ещё и *рабóтали на мали́ну*» (Запись 1989); «Я *рабóтал на мали́нку* в экспрессе Москва-Маньчжурия» (Л. Шейнин. Записки следователя); *рабóтать на огонёк* — совершать кражи в квартирах, где нет света, что означает отсутствие хозяев: «*Сóнники* всегда *рабóтали на огонёк*» (Запись 1989); *рабóтать на тóхую* — совершать кражи в незапертой квартире: «Светка толкалась во все двери и незапертую квартиру обкрадывала — в общем *рабóтала на тóхую*». (Запись 1986); *рабóтать по отвёртке* — воровать вещи: «*Корифáны рабóтали* исключительно *по отвёртке*» (Запись 1986); *рабóтать по портя́нкам* — воровать портфели: «Аристократ *рабóтал по портя́нкам* и ни в коем случае не опускался до того, чтобы *вертануть* чей-нибудь *угол*» (Запись 1984); *рабóтать по тóхой* — воровать из открытых помещений: «Мальчишки были ни к чему не приспособлены и умели только *рабóтать по тóхой*» (Запись 1982);

воровать на вокзалах вещи, оставленные без присмотра: «*Бомжи* вдруг начали *рабóтать по тихой, приборахлились*, стали ночевать в гостиницах» (Запись 1982); *рабóтать с конвёртом* — подменивать конверты с деньгами из конверты без денег: «*Урка* был парень *ушлым*: заходил в частные заведения и *рабóтал с конвёртом*» (Запись 1989); *рабóтка* — преступление: «И *дёрнули втихую* по дрова. / Короче, *дело* выдалось *верняк*. / Кой-чо кой-где *почистили*, да как! Ух и была *рабóтка* здорова!» (Ф. Вийон. Баллады); *рабóтница* — процесс совершения кражи (В. Трахтенберг, 1908); *рабóтнички* — пальцы рук: «*Рабóтнички* бы тебе *мэсарем* оттяпать: не мог такой *имель надыбать!*» (Запись 1988); *рабóтяга* — профессиональный преступник: «Все *рабóтяги* *впрягутся* за *закóнника* и такой *хипеш* поднимется!» (Запись 1994); вор-карманник: «Я ведь тоже *рабóтяга* по карманам» (Запись 1994); *рабóчие ба́бки* — деньги, предназначенные для шулерской игры, даже в случае крайней нужды они не тратятся: «*Катра́тчики* *проду́ли* все *рабóчие ба́бки*» (Запись 1978).

Большинство лексем с корнем *раб-* имеют положительную коннотацию, но есть и с отрицательная, например, *рабóтягой* называют также добросовестно работающего осуждённого: «Зверски издевались над простыми *рабóтягами*, обирали их до крошки, раздевали до нитки» (А. Жигулин. Чёрные камни); «Я уже начал привыкать к новым условиям — к ежедневным проверкам, раннему подъёму, к враждебности *рабóтяг*, когда случилось неприятное» (А. Леви. Записки Серого Волка); «Он работал в паре со мной, а со мной *рабóтяги* не хотели работать» (В. Шаламов. Левый берег); *раб* — то же, что *рабóтяга*: «*Рабы* пашут, а *урки* хренами машут» (Тюремная поговорка); *рабóтник кумовский* — осведомитель; предатель: «*Кумовские рабóтники* в *пионерской зоне* через одного, и все *стучат*. И все хотят выслужиться» (Запись 1984); здесь *кум* — заместитель начальника ИТУ по оперативной работе; оперативный работник.

В арго большое место занимает структурно-генетическое гнездо с корнем *дел-*.

Ключевыми словами в нём являются арготизмы *делáть* и *дело*. Собственно арготизм *делáть* имеет значение «совершать преступления», гораздо больше употребляется он в составе фразеологизмов, см.: *делáть вари́а́ву* — уничижать кого-л.: «А на разбой / Берёшь с собой / Надёжную *шалáву* / Потом — за грудь / Кого-нибудь / И *делáешь вари́а́ву* (В. Высоцкий. Сочинения). Возможно, фразеологизм образован от выражения красноармейцев 1920 г., когда Красная Армия подошла близко к Варшаве, т.е. изначально *делáть Вари́а́ву* — брать город Варшаву приступом. *Делáть дело* — то же, что *делáть*: «Ему больше не придётся *делáть дело*» (Запись 1982); *делáть кло́уна* — жестоко избивать; обезображивать лицо: «Сенечке две недели *делáли кло́уна*» (Запись 1991); «Какой-то *отморóзок* в Сочах всем бабам *делáл кло́уна*» (Запись 1997); *делáть козлóm* — совершать насильственный половой акт с женщиной, тем самым ставить его на низшую ступень криминальной лестницы; распускать слухи о связи кого-л. с правоохранительными органами: «*Козлóm* мы тебя *пока* подождём *делáть*, пока всё не разузнаем или ты не *раско́лешься*. *Братва!* Я сам не знаю, кто меня тут *козлóm делáет!*» (Запись 1978); *делáть лóмку* — добиваться признания в совершении преступления силовыми методами: «*Опера* второй день *Рóдычу делáли лóмку*» (Запись 1988); *делáть но́ги* — убежать: «*Делáем но́ги, пацаны!*» (Запись 1976); *делáть опера́цию* — воровать из карманов и сумок при помощи режущих предметов (ножа, бритвы, остро заточенной пятикопеечной монеты: «Сорока уже не впервой *делáл опера́цию*, а тут сплеховал» (Запись 1987); *делáть погóду* — совершать преступления: «*Опер*, ехидная тварь, подсказал, что всё равно я буду *делáть погóду*» (Запись 1976); *делáть прóбку* — создавать толкучку с целью совершения карманной кражи: «*Брига́да* была большая, и *прóбку* *сделáть* — как два пальца обоссать» (Запись 1988); *делáть*

прóпись — то же, что *дéлать опера́цию*: «Давай, Костя, де-лай *прóпись* вон у той стервы!» (Запись 1988); убивать с помощью колющего или режущего оружия: «*Отморóженный* Аркан уже *дéлал бугру прóпись затóчкой*» (Запись 1991); *дéлать рейд* — обворовывать дома в деревнях, где имеют-ся старинные и ценные иконы; скупать в деревнях иконы у населения: «Когда мы *дéлили рейд*, какая-то бабулька *звякнула* из своего селпо в *ментóвку*»; «Придётся пере-квалифицироваться и самому *дéлать рейды в глушнякэ*» (Запись 1980); *дéлать стéнку* — загораживать жертву при карманной краже: «Я подмигнул, и Ржавик с Сусликом тут же *сдéлили стéнку*» (Запись 1989); *дéлать чéстные* — воро-вать деньги без кошелька: «Крючонок *наблoи́нился дéлать чéстные*» (Запись 1976).

Как видим, фразеологизмы с компонентом *дéлать* обо-значают исключительно воровскую специфику — совер-шение преступлений. Под стать им слова и фразеологизмы с компонентом *дéло*. В арго интересно обыгрываются два омонима: *дéло* — преступление и *дéло* — папка с назва-нием «Дело», заведённая на подследственного; возможно, что первый омоним в определённой степени повлиял на второй; итак, арготизм *дéло* (преступление) — наиболее распространено в художественное литературе и субкуль-туре преступного мира, см. примеры употребления: «Но чтобы *дéло* вышло *клёвое*, то есть удачное, они стараются *рабóтить наворачьяка*» (А. Куприн. Вор); «Клоп-Циклоп, подмигнув единственным глазом Инженеру Вошкину, ска-зал: «Разрисуй мне морду, чтоб страшнее некуда. Завтра утром на *дéло* пойду. *По-сухóму*» (В. Шишков. Странни-ки); «В старом году погиб *псих* — застрелили полицей-ские, конечно, при *дéле*» (А. Леви. Записки Серого Волка); «После очередного *дéла* он утаил какой-то чемодан — не сдал его в общий *котёл*» (Г. Медынский. Честь); «Как-то шли на *дéло* / Выпить захотелось. / Мы зашли в шикарный ресторан. / Там сидела Мурка / В кожаной тужурке, / А из-под полы торчал наган» (Блатная песня «Мурка»); *дéло*

вёрное — игра с мечеными картами; хорошо подготовлен-ное преступление.

«— Так ты считаешь, стоит *брать хату*?»

— *Дéло вёрное! Выгорит, в натуре тебе говорю!*» (За-пись 1985).

Дéло в рóзницу — преступление, при котором всё до-бытое отдаётся одному участнику, сильно нуждающемуся в деньгах: «*Дéло* было в *рóзницу*, и все *бáбки* забрал Кри-вой, ему нужно, чтобы брата *вытащить*» (Запись 1994); *дéло дармовоé* — лёгкое преступление: «*Дармовоé-то делá* все *мастакá* делать, а ты вот кассу *возьми!*» (Запись 1986); *дéло дéлать* — совершать преступления: «Будешь и дальше так *делá дéлать* — всю жизнь в *зоне* будешь сидеть» (Запись 1978); *дéло дóхлое* — неудачное престу-пление: «*Дéло дóхлое*, тут больше нечего *ловить!*» (Запись 1978); *дéло зарúченное* — преступление, в котором всё согласовано заранее: «*Дéло* наше было *зарúченным*, а вот всё равно *проколóлись!*» (Запись 1980); *дéло клéить*, *дéло клепáть*, *дéло крутíть*, *дéло лепíть* — осуждать (часто незаконно) к лишению свободы; *дéло лихóе* — уголовное преступление: «Ваши (княжеские и боярские) люди ездят в митрополичи сёла по праздникам и по пирам, и по бра-тишнам незваны, а в них чинится душегубства, и *татьбá* и иных *лихих дел* много. А доведут на кого *татьбу*, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное ка-кое *лихóе дéло*... боярину казнити смертной казнью» (Сло-ря); *дело мокрое* — убийство: «Был случай, когда я вырва-ла финку из рук спеца по *мокрому дéлу* и бросила в море» (Ф. Гладков. Энергия); «Нет, судари мои! — сказал он ре-шительно. — На экое *дéло* нет вам моего благословения: это уж уголовщиной называется — *дéло мо́крое*, смерть, убийство» (Вс. Крестовский. Петербургские трущобы); «Не будет серьёзный *делёц* организовывать *мо́крое дело*» (Н. Леонов. Ещё не вечер); «Впрочем, для воров убийство не является ни обязательным, ни желанным само по себе. Они без охоты идут на *мо́крое дéло* (убийство)» (В. Чалид-

зе. Уголовная Россия); *дело на зеке* — хорошо продуманное преступление.

«— Как там, успели что-нибудь *накрутить*?»

— *Всё ничтёк! Дело на зеке!*»

Дело давать, давать по делу, дело накрутить, дело намотать, дело нахомутить, дело оформить, дело состряпать, дело срабатывать, дело стряпать, сунуть нахальное дело, дело хомутить, дело шить, дельце пришить, крутануть с делом, пришить к делу — осудить (осуждать) или подготовить (подготавливать) материалы к лишению свободы; *дело печатное* — гомосексуализм: «*Корячится Золотому сто двадцать первое за его печатное дело*» (Запись 1981); *дело пришитое, дело пришлое* — незаконное обвинение в преступлении: «*Моё, ведь сам знаешь, дело пришитое, а пришлось тройк отчалить*» (Запись 1976); «*Мне судья шьёт дело пришлое*» (Запись 1978); *дело сухое* — грабёж без убийства, преступление без кровопролития: «*На сухое дело я, конечно, подпишусь, а на мокрую — никогда!*»; *дело тухлое* — преступление, не приносящее ожидаемых результатов: «*Здесь бабок больших не ждите — дело тухлое*» (Запись 1978); безнадежное преступление: «*Из-за этого тухлого дела чуть не погорели такие люди!*» (Запись 1978); опасная ситуация: «*Дело тухлое! Надо линять отсюда!*» (Запись 1980); *деловар* — деловой человек: «*Шеф вышел на группу картёжников-деловаров, один тип из этой компаечки уже у нас*» (В. Безмянный. Тени в лабиринте); спекулянт: «*Лсы на барахолке охоту на деловаров устроили*» (Запись 1984); преступник по линии службы БХСС: «*Деловары с законными не связывались*» (Запись 1984); *деловой* — профессиональный преступник: «*Так они и без этого могли бы спать спокойно: на кой деловому их нищенские гроши*» (В. Безмянный. Алиби для автора); «*Прибывший, если он действительно деловой, встречался здесь с почётком*» (В. Гиляровский. Москва и москвичи); «*Корней же кофий заканчивал, когда увидел Лёву Натансона, известного среди деловых под кличкой*

Алмаз» (Н. Леонов. Агония); ироничное обращение к светливому или хитрому человеку: «*Ты что, деловой? Ишь, деловой какой выискался?*» (Запись 1977); *деловой* — связанный с профессиональной преступностью: «*На то он и был Пашка Америка, фартовый вор, известный каждому деловому человеку на Пятницкой, Ордынке и даже Сухарёвке, чтобы не разменивать себя на пятаки*» (Н. Леонов. Трактир на Пятницкой); *делодаватель* — преступник, указывающий на объект преступления; *дель* — воровская добыча: «*Я завидел — в чистом поле сырой дуб стоит / Сырой дуб стоит в чистом поле крякостивый. / Что пришёл я, добрый молодец, к сыру дубу, / Что под тем под дубом под крякостивым / Что казаки они дель делят, / Они дель делят, дуван дуванили*» (Трахтенберг, 1908). *Дельта* (появилось в результате контаминации слов: арг. *дело* — преступление + лит. *дельта*) — неучтённая выручка: «*Парень вез дельту — неучтённую выручку казино*» (Е. Караваешникова. Ставок больше нет); *дельцы* — хозяин шулерского дома и его подручные: «*Таким образом, весь круг общества, собирающийся в шулерском доме, делится на три категории. К первой принадлежат дельцы, то есть сам хозяин и его компанейские подручники, ко второй — обстановка, которую составляют люди, хотя и не играющие в карты, но благодаря своей известности или светскому положению могущие отличнейшим образом служить мошенническим целям, часто даже не подозревая об этом*» (Вс. Крестовский. Петербургские трущобы); *делюга* — делёж продуктов, купленных в ларьке ИТУ: «*Семья послала гонца в ларёк, а потом во время делюги кинеш устроили*» (Запись 1994); другие значения *делюги* — уголовное дело: «*Представь: 28 мужиков и у каждого своя делюга: у кого-то за грабёж, у другого за убийство*» (К, 2001, №12); обвинение в суде: «*Во время делюги вальтонутая баба не выдержала и шмальнула из дуры в Серого*» (Запись 1991); преступление: «*Но давай взвесим всё как следует и сделаем делюгу чисто*» (П. Стовбчатый. Записки беглого вора); *дельга* —

выскачка: «Я пообещался *дельге* *бестолковку* *отремонтировать*, чтоб не *китшился* зря и не выскакивал вперёд батьки» (Запись 1978); второе значение *дельги* — деловой: «*Дельга* тут же дал *оборотку* *кумовским* *прихвостням*» (Запись 1988); *дельга* *сушёный* — вор, живущий под чужой фамилией: «Ты Мишку знаешь, правда, он сейчас *сушёный дельга* и у него другая фамилия» (Запись 1978); *дельянка* — карцер: «Ты слышал, Жуковский? — прочистив горло, сказал он. — Ему месяц на *дельянке* *париться*, а он спрашивает, где его шапка» (С. Зверев. Жиган); *делатель марок* (*ремарок*) — фальшивомонетчик (С. Потапов, 1927); *делаш* — торговый работник: «Кто *навёл отморозков* на Славку-*делаша* — ума не приложу!» (Запись 1980); *делец* — профессиональный преступник (Д. Мордовцев, 1876); авторитетный преступник: «*Дельцы* сразу же *придавили* в бараке всю мелкоту» (Запись 1986); представитель *тенево́й* экономики: «В числе *дельцов* — спекулянты, должностные преступники, расхитители, *валютчики*, *цеховики* — лица, занимающиеся противоправной частнопредпринимательской деятельностью, создавшие цеха по выпуску неучтённой продукции» (А. Гуров. Профессиональная преступность); крупный расхититель социалистической собственности: «*Дельцу* наш «справедливый народный суд» *отвалил* за его аферы *дикашку*» (Запись 1986); лицо, имеющее большую сумму денег: «Бабы *дельца* заманили к себе на *блатхату*» (Запись 1986); *делец крjúковый* — сотрудник правоохранительных органов, связанный с преступным миром: «У меня есть в *ментóвке* один *делец крjúковый*, вот он *прозвóн* пусть и устроит» (Запись 1992).

Думается, что использование таких больших гнёзд (с корнем *раб-* и *дел-*) не случайно: наблюдается влияние общей ментальности русского народа (например, в словарях русского языка В. Даля, С. Ожегова (Н. Шведовой), под ред. Д. Ушакова также много лексем с корнями *дел-* и *раб-*). Но в арго — со знаком минус, а в законопослушной среде — со знаком плюс, т. е. с положительной коннотацией.

В благном языке имеется ряд слов, связанных с торговлей: *кутёц* — вор-карманник (заметим, что это слово уже активно употреблялось в XVIII веке); *кутить* — украсть; *товар* — ворованная вещь; *покупка* — карманная кража; *покупать* — воровать из карманов; *торговать* — воровать; *торговец* — вор-карманник.

Но не все названия профессий у преступников содержат положительную коннотацию. Нередко они имеют презрительный, насмешливый характер: *глиномёс*, *кочегар*, *трубочист* — активный гомосексуалист; *акробат* — пассивный гомосексуалист; *мясник* — лицо, совершившее убийство с особой жестокостью.

Некоторые обозначения честных профессий являются страшными оскорблениями, например, слово *шахтёр*. «У воров в законе, — пишет об этом лексеме С. Снегов, — самое страшное ругательство. Крепче любого мата. После выпада: «Ты, *шахтёр!*» — надо бросаться в драку. Словами такое оскорбление не смыть. И тот, кто способен профессионально работать под землей, — ниже всяких критериев». Внесём небольшое уточнение: здесь чувствуется и влияние арготизма *шахна* — женский половой орган.

А что касается мата... В некоторых ИТУ наложено табу на использование нецензурной брани. «Вот это да! — скажет неискушённый читатель. — У нас все ругаются: и политики, и журналисты, и шестилетние дети, и семидесятилетние седовласые старцы! А они вот какие культурные, культурнее нас!» И сами преступники поддерживают это мнение: «Мы не хотим обидеть мать, поэтому и не ругаемся. На самом деле объяснение этому феномену другое: если кто-то из преступников посылает своего товарища куда-то далеко, то последний номинально становится *пехóм* (*півнем*, *кóчетом*, *крéчетом* и т. д.), т. е. человеком, с которым совершили насильственный половой акт, тем самым поставив его на низшую ступень криминальной лестницы. Отсюда — частые разбирательства, драки, убийства... Зачем нужна эта лишняя головная боль *вору* в

законе, управляющему зоной да к тому же договорившемуся с администрацией о порядке в ИТУ? Не лучше ли договориться со всеми уголовниками о таком хитром правиле? К тому же очень полезном для *воровской идéи*. Ведь какой-либо *мужик-работяга*, вышедший на свободу, будет на всех углах кричать: «Мы даже матом там не ругались! Вот что такое *воры в законе!*»

Преступники необычайно гордятся своей принадлежностью к уголовному миру, и многие не мыслят себе жизни без преступной деятельности. Профессиональные уголовники всячески стремятся усовершенствовать свое «ремесло». Помните, в рассказе «Последняя кража» П. Нилина есть место, где повествуется, как главный герой Бурнин стремился стать высококвалифицированным вором. И подростки, попавшие под влияние уголовного мира, тоже хотят быть профессиональными преступниками, точно так же, как законопослушная часть молодежи — предпринимателями, летчиками, врачами...

Большинство преступников (пусть даже и непрофессиональных) гордится тем, что они побывали в местах лишения свободы. Тюрма, исправительно-трудовая колония для уголовников (как они утверждают) — своеобразная школа жизни. Совсем как для законопослушной части населения — армия.

Так как деклассированные элементы не хотят честно трудиться, то названий «непреступных» специальностей у них очень мало. Чаще всего они обозначают профессии, которые имеют место в системе правоохранительных органов и исправительно-трудовых учреждений, например: *вертухай* — контролёр исправительного учреждения; *всеведущий* — прокурор; *спиногрыз* — врач в ИТУ; *бóнищца* — бухгалтер в ИТУ; *кормило* — повар в исправительно-трудовой колонии.

Незначительное количество представляют арготизмы, обозначающие «вольные» профессии, вне системы правоохранительных органов: *гужá* — гужевой извозчик; *му-*

кíрь — колхозник; *золотáрь* — ювелир; *вста́вщик* — стекольщик.

У людей «дна» всегда было презрительное, негативное отношение к труду. Это и понятно: красть, грабить, нищенствовать, заниматься проституцией намного легче, чем жить честным трудом. Так, знаменитый преступник Ванька Каин, обокрав своего хозяина, оставил ему записку: «Пей воду, как гусь; ешь хлеб, как свинья, а работай у тебя чёрт, а не я».

В арго нет ни одного слова, которое бы одобряло труд, как, кстати, нет ни одного воровского рассказа, поговорок, блатной песни, в которых бы он воспевался. Те, кто добросовестно трудятся, называются *бёсами*, *ишакáми*, *работягами*, *дурьндами*.

Сила чистая и нечистая

Бог создал вора, а чёрт — мента и прокурора.

Блатная пословица

В арго имеется большая группа слов, которая связана с религиозным культом и мистикой.

Прежде всего встает вопрос: верят ли деклассированные элементы в Бога? Да, верят, но очень своеобразно. Думается, не стоит говорить о десяти библейских заповедях, которые уголовниками тщательно не выполняются. Не убий, не укради — это не для них. И все-таки на шеях профессиональных преступников 20–50-х годов XX века висел крестик. Более того, профессиональный уголовник был обязан его носить. «Он один наш защитник, — говорили про Бога закоренелые убийцы и воры. — Больше у нас нет заступников».

«Бог навстречу, — так приветствовали *братки* товарищей и «коллег», идущих на совершение преступления. При приеме в *воры в законе* также нередко произносили это пожелание. «Хотя он и молодой (кандидат в *вора в законе* — М.Г.), но мысли у него только существенные и *воровские*, — писали поручители. — Мы рады, что к нам в семью прибывают новые *воры*».

Первая камера ответила: «Будет *вором* этот *пацан*. Бог ему навстречу!» Вторая камера также была не против, «если душа у него чистая» (А. Гуров, 1990). Нередко преступники делают на теле татуировки с изображением святых, Бога, Богородицы и культовых зданий. Испокоин веков на Руси (а это отразилось и в фольклоре, и в художественных произведениях) преступники, много грешившие, много совершавшие преступлений, под старость идут в монастырь замаливать грехи.

Любопытное заявление деклассированного находим в рассказе А. Куприна «С улицы»: «Что? Страшно вам, что я крещусь? Нет, вы подумайте: я к ночи в Господа Бога очень верую. Днем, правда, впопыхах и в пьянстве забываю его, моего благодетеля». И еще: «Никакое зло на сем свете не пропадает. Если ты еще мальчишкой у жука крылья оторвал, то и то тебе зачтется и приложится. Господь Бог нам всем, у себя наверху, двойную итальянскую бухгалтерию ведет: приход и расход — все у него разнесено по графам».

Вера в Бога у деклассированных элементов уживается с жестокостью и крайним цинизмом.

Наиболее распространенным среди «культовых и оккультных» арготизмов является слово *черт*. *Чёрт* — это и следователь, и начальник уголовного розыска, и недельной человек, и человек, который честно работает, и человек, который не относится к миру профессиональных преступников, и лицо, выдающее себя за профессионального уголовника, и преступник-новичок; *черт чистой воды* — человек, не имевший дела с уголовниками, а потому и не знающий их обычаев и порядков; *черт мутной*

воды — человек, склонный к совершению преступлений; *чёртик* — флакон одеколona; *рота чёртова* — уголовный розыск; *чёртова пята* — приклад огнестрельного оружия; *чертоваться* — делать облаву на преступников (действия правоохранительных органов). В арго много слов, номинативно связанных и с другой нечистой силой: *асмодей* — арестант, отказывающийся для накопления денег от самого необходимого; *дьявол, демон* — человек, не связанный с уголовниками, но выдающий себя за профессионального преступника; умственно отсталый человек; *вампир* — налетчик; насильник; *ведьма* — шуба; матрац; *колдунья* — кладовая; *антихрист* — помощник пристава.

Нередко арго заимствует названия нечистой силы для обозначения каких-либо отрицательных реалий в их быту из территориальных и социальных диалектов. Например, слово *скес* во владимирском и шуйском территориальных диалектах обозначало чёрта, а в начале XX в. перешло в арго (возможно, через условный язык офеней — там также имеется лексема *скес* — чёрт) со значениями «жадный человек», «неартельный человек», «трус». От него было образование *скесить* — жадничать; обижаться; струсить; упасть духом. В исследовании П. Ильина (1912 г.) данное слово имело несколько иной вид: *скисовать* — струсить; ошибиться. Второе значение у данного слова появилось под влиянием биллиардного термина *скисовать* — нанести неправильный удар кием (от *кикс* — неверный удар кием, в свою очередь восходящий к слову *кий*). В настоящее время *скесовать* употребляется только с первым значением, а слово *скес* используется в среде наркоманов как компонент фразеологизма *скес муло* — жадный человек.

Слово *отпётый*, которое со временем перешло в общенародный язык, первоначально обозначало в арго дерзкого, отчаянного преступника, которому нечего терять, буквально: тот, кто *отпёт*, т. е. умер. Иными словами, — покойник, подготовленный к погребению. Заметьте, не отпеваемый, не обречённый на смерть, а именно *отпётый* — уже

мёртвый. Но в арго он продолжает жить, и не только жить, но и совершать преступления. Напрашивается параллель с названием романа В. Гюго «Отверженные» и с арготизмом *отвёрница* — арго. Но по В. Далю *отверница* — иноречие, иносказание, намёк; противоположное.

Волжских разбойников, по свидетельству С. Максимова, суеверные крестьяне считали за волшебников. См. также прозвище преступника Кудеяра, буквально: тот кто творит чудеса. Возможно, из-за суеверия уголовников в арго появилась лексема *урки* — профессиональные преступники; *зэпать* — кричать (тем самым привлекать к себе внимания); *озычить* — заметить (действия правоохранительных органов). А. Афанасьев, говоря о большом значении слов в суеверии, писал в книге «Живая вода и вещее слово»: «Точно также от глаголов *реку* (*речь*): *речить* — заговаривать, колдовать и сложные с предлогами: *ворёчье* — заговариванье, нашептыванье; *урёки, урёки, сурок* (*осурочить, изурочить*) — сглаз, насланная болезнь; *врёк* — болезнь, несчастье, приключившееся человеку или скотине от чужих слов, от недоброй похвалы. В Архангельской губернии о недуге, происшедшем от неизвестной причины, говорят: *урёки взяли*; тот же смысл соединяют и со словом *нарёк*, как видно из клятвы: «Нарок бы ты изнырял!» *Огольчить* (*оголобсить*) — наслать болезнь оговором или сглазом: от *зыкать, зычать* (звучать) происходят: *озык* — сглаживанье; *озычать* — сглазить, равно как *озёва* — порча; *озеать* — испортить, от *зев* — рот (*зевать* — раскрывать рот и шуметь, кричать); *озён* — болезнь с испугу или сглазу; *озёпать* — сглазить, от *зэпать* кричать».

Некоторые вору, специализирующиеся по кражам из нестораемых шкафов и сейфов, а также вору-домушники верили в начале XIX века в так называемую *разрыв-траву* — волшебную траву, с помощью которой можно открыть любой замок. По мнению исследователей, этим суеверием пользовались ловкие мошенники и продавали своим «собратьям» по правонарушениям... обыкновенный

порох с примесью какого-нибудь сорняка (С. Романов. Воровство в России).

Любопытно происхождение некоторых «нечистых» арготизмов. Слово *каин* в арго обозначает скупщика краденного. Каин по Библии — старший сын Адама и Евы, убивший из зависти доброго брата Авеля и ставший первым убийцей, первым преступником на земле. Он был проклят Богом и осужден на вечное скитание. Но что же общего между скупщиком краденного и Каином? Общего мало, хотя и тот, и другой являются преступниками. Но скупщик краденного — не убийца. Нам кажется, что арготизм *каин* этимологически связан не с библейским персонажем, а восходит к литовскому слову *kaina* — цена. Скупщик краденного дает цену ворованной вещи, оценивает ее.

Арготизм *оборотень* связан со словом «обратно». Вот что пишет о происхождении этого слова С. Максимов: «В каторжных тюрьмах сходство приемов и правил с тюрьмами русскими и сибирскими пересыльными поразительно: и в них бродяга — почетный человек, любимое и нежное детище всей тюремной общины, хотя в каторжной он уже носит название *оборотня*, — не в смысле зверя мифического, но по тому обстоятельству, что бродяга, попавший на нерчинскую каторгу, был уже когда-то здесь, жил в одной из здешних тюрем и теперь *оборочен* (обращен), возвращен назад после полученного им наказания где-нибудь в России или в той же Сибири».

Арготизмы, связанные номинативно с нечистой силой, прежде всего обозначают разряды преступников.

Разнообразны по своей тематике слова «чистой силы»: *бог* — деньги; *бóжья трава* — наркотики; *рай* — притон разврата, милиция; *бесогон* — лжец; *икона* — внутренний распорядок в ИТУ, правила внутреннего распорядка в исправительно-трудовом учреждении, написанные на бумаге и оформленные в рамку; *святцы* — карты; *митрополит* — председатель суда; *дьячок* — младший судебный пристав; *моци* — спящий человек.

Вот любопытный диалог с использованием арготизмов и фразеологизмов, относящихся к «чистой силе»:

«— Хватит тебе *бэса гнать!* (притворяться дураком — М.Г.). Займись каким-нибудь стоящим делом.

— Каким?

— Хотя *делись с бóгом* (обкрадывай культовые здания — М.Г.) или *религией занимайся* (собирай о целью продажи предметы религиозного культа — М.Г.). Редко, когда *полено сломаешь* (не доведешь преступление до конца, потерпишь неудачу — М.Г.). Обычно все с рук сходит».

В аргю нет слов, которые обозначали бы Бога, ангелов, чертей, ведьм и проч. Есть только ряд арготизмов для обозначения церковной утвари и то у особой группы преступников (*ма́клей*), занимающихся кражами из культовых зданий, скупкой и перепродажей антиквариата: *ва́нька* — икона с изображением Иоанна Предтечи; *па́пка*, *ко́ля* — икона с изображением Николая Угодника; *а́йка*, *поле́но* — икона; *середина* — недорогие иконы; *яма* — ковчег; *ма́мка*, *де́вка* — икона с изображением Богородицы.

«*Кинул девчонку восемнадцати-девятнадцати лет*», — говорит *ма́кля*, когда украдет или продаст икону Богородицы XVIII–XIX веков.

Как видим из приведенных выше примеров, у преступников-маклей не только пренебрежительное отношение к Богу, религии, но и к предметам старины и искусства, которые служат им лишь средством обогащения. Всё это лишний раз подтверждает, что у всех деклассированных элементов вера в Бога показная, а не истинная.

Козёл, осёл, мартышка и косолапый мишка (Зооморфизмы и фитоморфизмы в русском аргю)

Перенос названий животного и растительного мира на человека и на предметы — явление далеко не новое. Оно очень распространено в общенародном русском языке. Хи-

трого человека мы порой называем *лисой*, неуклюжего и неповоротливого — *медведем*, а то и *слоном*, коварного и подлого — *шакалом*, храброго и сильного — *львом*, глупого — *дубом*.

Зоо- и фитоморфизмы употребляются в конкретных речевых ситуациях. «Эх ты, осёл», — грубо говорят человеку, совершившему глупый поступок.

«Вались, *дерево* на дерево», — говорит учитель бурсы Павел Федорович ученику-лодырю (Н. Помяловский. Очерки бурсы). У Н. Гоголя в «Ревизору»:

«Держиморда. — Был по приказанию...

Городничий. — Чш! (Закрывает ему рот.) Эх, как *каркнула ворона!* (Дразнит его.) Был по приказанию!»

Как видим, в приведенных примерах для характеристики человека используются зооморфизмы *осёл*, *ворона* и фитоморфизм *дерево*.

Эти языковые процессы уходят в глубокую древность, когда человек не отделял себя от природы, а считал себя ее частью, частью животного и растительного мира. Не случайно у многих племен были тотемы-животные: медведь, волк, рысь, россомаха и т. д. Люди нередко сравнивали себя с животными и растениями. Например, в Древней Руси красивую девушку сравнивали с лебедушкой, статного юношу — с соколом. Простолудинов даже называли «зверинными» именами: Волк, Тур, Бобр. Так что языковая почва перенесения названий с животного и растительного мира на человека была благодатная.

В аргю имеется ряд особенностей употребления зоо- и фитоморфизмов. Удельный вес подобных слов в аргю намного выше, чем в других системах русского языка. Явление зоо-фитоморфизмов распространяется как на людей, так и на неживые предметы. На этот любопытный факт ещё в 1935 г. обратил внимание Д. С. Лихачёв (см. его статью «Черты первобытного примитивизма воровской речи»). Он утверждал, что преступник стремится «анимализовать» некоторые материальные предметы, с которыми ему при-

ходится иметь дело. Предметы эти изображены как животные: *медведь*, *медвежонок*, *воробей* — замок и др. Затем анимализации подвергаются и люди. Это явление должно быть поставлено в несомненную связь со стремлением вора предугадать те или иные поступки».

В нашем арготическом материале 73% зоо-фитоморфизмов относится к живой природе и 27% — к неживой.

При образовании данных зоо-фитоморфизмов чаще всего используются обозначения млекопитающих животных — 70%: *зайчики* — спички; *бычок* — заключенный, которого берут в побег, чтобы съесть во время возможного голода; птиц — 11%: *орёл* — заключенный, совершивший побег из ИТУ; *потугай* — лектор, агитатор, докладчик; *ястреб* — опытный следователь; растений — 10%: *овёс* — мелкие деньги; *маслёнок* — пистолет; *одуванчик* — венерологический диспансер, больница; рыб — 5%: *карась* — жертва преступления; богатый человек; *сазан* — хитрый и изворотливый человек; *налим* — опытный вор; насекомых — 4%: *вошь* — десять рублей; *вошка* — молодая воровка; *моль* — гашиш.

В группу зоо-фитоморфизмов входят названия представителей правоохранительных органов: *жаба*, *клуха* — чин полиции; *барбос* — городской; *легавый* — сотрудник правоохранительных органов; *судак* — член суда; *лягушка* — агент уголовного розыска; *кукушка* — часовой, постовой, милиционер; *филин* — милиционер, тюремный надзиратель; *наседка* — секретный сотрудник правоохранительных органов; *умный мамонт* — умный, деловой начальник исправительно-трудового учреждения; *паук*, *мушка* — надзиратель полицейского участка; разряды деклассированных элементов: *кошка* — проститутка, мелкая воровка; *зубр* — авторитетный заключенный; *кот* — сутенер; *аллигатор* — опасный преступник, имеющий большой опыт и способный на любое преступление; *жучка* — воровка-проститутка; *баклан* — хулиган, неопытный вор; *глухарь* — грабитель пьяных; *бык*,

рогомет — осужденный, хорошо работающий на производстве; *обезьянка* — начинающий вор-карманник; жертв преступников: *корова* — заключенный, которого берут в дальний побег, чтобы съесть; *грач* — человек, не подозревающий, что вступил в контакт с ворами; *дельфин* — жертва преступника; *гусак* — жертва вора-карманника; людей по их физической, психической, национальной, половой и возрастной характеристике: *форель* — психически неполноценный человек; *тюльпан* — глупый человек; *удаёв* — обжора; *овца* — женщина, человек, который не умеет защитить себя; *рыба* — хитрый человек; *стриж* — пожилой человек; *ворона* — женщина; *хорёк* — женщина, намеченная для полового удовлетворения; *укроп* — неграмотный крестьянин, никогда не бывавший в городе; *кобёл* — активная лесбиянка; *крёчет*, *петух*, *тёвень* — пассивный гомосексуалист; *бурундук* — житель Урала; оружие преступников и орудие преступлений: *выдра* — отмычка, ключ для отпираания замков; *маслёнок с маслятами* — пистолет с патронами; *птичка* — часть инструмента, предназначенного для взлома несгораемых касс; *кочан кукурузы* — револьвер; *жало* — нож; *лапа гусиная* — инструмент для взлома сейфов и металлических шкафов; *перо* — перочинный нож, кинжал; *курица с цыплятами* — пистолет с патронами; *пчелы* — патроны; *банан* — ломик, используемый для взлома; *плавник* — наган; *камышовка* — большой лом; деньги и кошельки: *капустя* — деньги; *рыжик* — десятирублевая золотая монета; *червяк* — червонец; *поросёнок* — кошелёк, туго набитый деньгами; *шмель* — кошелёк; *собака* — сторублевый кредитный билет; *лёбедь* — двадцатипятирублевая купюра; *косуля* — сто рублей; *белуги* — серебряные деньги.

Обозначая предметы и явления окружающей действительности метафорически переосмысленными словами, человек употребляет наименования наиболее близких ему понятий, к числу которых необходимо причислить образы животных. Многие в анимализации зависят от образова-

ния человека, степени его информативности. Так, в дореволюционном арго (до революции было много неграмотных преступников) использовались названия животного и растительного мира средней полосы России: *медвѣдь*, *бекѣс*, *барѣн*, *бугѣй*, *бык*, *собѣка*, а в современном арго уже появляются и номены экзотических животных и растений: *акула*, *дельфин*, *кашалот*, *удѣв*, *эдельвѣйс* и проч.

В арго имеется любопытное явление — употребление одного названия животного (насекомого) вместо другого: *волк* — лошадь; *рак* — бык; *дракон* — собака; *бекѣс* — клоп. Это основные группы зоо- и фитоморфизмов, хотя в арго имеются и другие, но они малочисленны.

В этом разряде арготизмов имеется множество омонимов — больше, чем в какой-либо другой группе слов: *лягушка* — агент уголовного розыска, и *лягушка* — свобода, есть также *лягушка* со значением «подушка»; *ишѣк* — подхалим, и *ишѣк* — человек, который хорошо работает; *мышонок* — мелкий ворышка, и *мышонок* — лицо, которое не имеет наказаний в исправительно-трудовой колонии, третий *мышонок* — пьяный человек; *собѣка* — сторублевый кредитный билет, и *собѣка* — колокол, созывающий арестантов на работу; *селѣдка* — сабля, и *селѣдка* — галстук.

Зоо- и фитоморфизмы могут образовывать необычные с точки зрения нормальной человеческой логики устойчивые словосочетания, например: *бык доѣный* — жертва, имевшая много денег, которыми завладели шулера; *рвать кѣгти* — убежать; *семья жукѣв* — группа лиц, выполняющая роль телохранителей шулеров; *сбрѣсать хвост* — уйти от преследования; *дом сыроѣжки* — отделение милиции; *комѣр долбит* — голова болит с алкогольного или наркотического похмелья; *волки позѣрные* — сотрудники правоохранительных органов, ничтожные люди; *лось сохѣтый* — осужденный, работающий в хозяйственной службе исправительно-трудовой колонии; *взять медвѣдя на лапу* — взломать несгораемый сейф.

«Звериные» названия людей в арго по значению далеко не соответствуют басенным и сказочным персонажам: если медведь — символ неповоротливости, неуклюжести, то в арго — это сейф или несгораемый шкаф, если лиса — символ хитрости, то в арго *лиса* — полуторапудовая железная полоса, которая надевается на руки заключенному, прикованному к цепи, чтобы тот не мог передвигаться по камере (это наказание использовалось до конца XIX века), муравей — символ трудолюбия, в арго *муравѣй* — это вор-карманник. Вероятно, этим и объясняется, что общенародные зоо-фитоморфизмы в арго почти не проникают. Наблюдается обратный процесс: арготические зоо-фитоморфизмы активно переходят в просторечие, см.: *малина* — место, где собирается публика сомнительного поведения; в арго — притон деклассированных элементов; *водить волѣ* — говорить вздор; *дуба врѣзать (дать)* — умереть; *ишѣчить* — работать; *лезть на рогѣ* — рисковать, провоцировать скандал. Но некоторые образы несомненно берутся в арго из общенародных загадок и поговорок, например: *барѣн* — шуба (отгадка загадки: по горам, по долам ходит шуба да кафтан), второй *барѣн* — денежная взятка низшим чинам полиции и тюрьмы за право проноса запрещенных вещей (поговорка: принести *барѣшка* в бумажке); *собѣчка* — замок (отгадка загадки: маленькая собачка не лает, не кусает, а в дом не пускает).

Ряд зоо-фитоморфизмов образует в арго структурно-генетические гнѣзда. В их составе наиболее часто используются номены животных, встречающихся в средней полосе России (вероятно, как наиболее известные, привычные). Это слова, родственные лексемам: *гусь* — провокатор, жертва преступления; *гусѣк* — жертва вора карманника; начальник караула воензированной охраны; *гусиная лапа (лапка)* — приспособление в виде консервного ножа большого размера, используемое для вскрытия сейфов, металлических шкафов; *гусиные лапки* — таблетки, содержащие наркотическое вещество; *гусыня* — начальник отряда

в женском ИТУ; *кот* — сутенёр; сообщник проститутки, обворовывающий её клиентов; мужчина, живущий на иждивении у женщины; сожитель; *кóшка блатная* — воровка-проститутка; *котова́ть (кото́вить)* — завлекать мужчину с последующей кражей (действия воровки-проститутки); *кóшки* — наркотики, *коты́* — обувь заключённого; валенки с обрезанными голенищами; *кóшкин дам* — женское общежитие; студгородок; *конь* — ложка; трамвай; приспособление в виде удочки для передачи мелких предметов из одной камеры в другую; отец; *кóни* — сапоги; сало; *кóни малые* — ботинки, туфли; *кóни (коньки) отбро́сить (откíнуть, шáркнуть)* — умереть; *ко́ня гнать* — передавать что-л. из камеры в камеру, используя *ко́ня*.

Ряд зоо- и фитоморфизмов образован по созвучию, см. примеры: *соро́ка* — сорочка; *скворе́ц* — кварц; *чесно́к* — вор в законе, честно соблюдающий воровские традиции; *тюльпа́н* — глупый, недоразвитый человек (от арготизма *тюлькаго́н* — тот, кто говорит ерунду, ложь).

Происхождение других арготизмов сильно затемнено. Трудность выявления истинных корней состоит в том, что они нередко образованы от других арготизмов, таким явился, например, арготизм *кобы́ла* — рядовые арестанты. Почему именно *кобы́ла*? Дело в том, что раньше в арго *кобы́лой* называлась скамья, на которой происходило наказание арестантов (см. фразеологизм *кирю́шкина кобы́ла*: *кирю́шка* — палач; *кобы́ла* — скамья). Затем *кобы́лкой* стали называть каторгу, в которой отбывали наказание арестанты и потом уже — рядовых арестантов. Любопытно, что в арго есть слова *скамья́* — лошадь, и *скамё́вчик* — конокрад. *Дятел* — это осведомитель. Почему именно *дятел*? А не шакал или змея? Дело в том, что *дятел стучи́т* — доносит на кого-л.

Проанализируем также происхождение арготизма *мураве́й* — вор-карманник. Неискущённый читатель полагает, что это слово возникло в арго из-за юркости вора-карманника, его способности, как и у муравья, везде про-

лезать, однако происхождение здесь совсем иное: были в дореволюционной *фэне* слова *марви́хер* и *марави́хер* со значением «вор-карманник», «мелкий воришка», кстати, заимствованное из польского блатного жаргона, где *marwicher złodziej* — высококвалифицированный вор-карманник. В 60-х годах XX в. они превратились в *муравьи́хорь*, а в 70–90-х — в *муравья́*. Из польского жаргона было заимствовано и слово *медве́дь* — сейф, несгораемый шкаф: польск. жаргон *niedźwiedz* (медведь) с теми же значениями; читатель прекрасно знаком со словом *медвежа́тник* (взломщик сейфов), образованного от блатного слова *медве́дь*.

Происхождение других слов настолько затемнено, что порой трудно определить их этимологию. Понятно, например, почему неопытного заключённого, которого берут в побег профессиональные уголовники, для того чтобы съесть во время возможного голода, называют *бычкóм*, *коро́вой* или *барáном* — идти по тайге приходится не один день, а кушать хочется всегда. Но совсем непонятно, почему *дельфи́н* — жертва преступления или *леона́рд* — опустившийся заключённый, отказывающийся даже от ношения одежды.

Арготические зоо-фитоморфизмы показывают, каким духовным и материальным ценностям деклассированные элементы отдают предпочтение, кого ненавидят и ругают. Именно в этой «звериной» группе больше всего оскорблений, слов с отрицательной коннотацией: *пудель* — модно одетый человек, неполноценный человек; *шака́л* — заключённый, ворующий у своих сокамерников; *кашало́т* — прозорливый человек. Тех людей, которые являются наиболее презираемыми или опасными, преступники именуют уничижительными названиями насекомых или земноводных: *жа́ба* — коварная женщина; *гад* — палач; сотрудник правоохранительных органов; *пау́к* — таможенник; *паучи́на* — оскорбление в адрес мужчины. См. контекст: «А если не нарисуеть, — продолжал за товарища Беге-

мот, — мёртвым позавидуешь за то, что умерли, а тебе, *паучине*, ещё долго помучиться придётся перед смертью!» (Ф. Бутырский. Вороньё).

К некоторым «звериным» названиям уголовники до того привыкают, что порой не считают их за оскорбления. По мнению С. Снегова *Господá во́лки! Господá удавы!* — дружески шутливое обращение к товарищам. С их точки зрения считаются нейтральными лексемы: *рысь* — хитрый человек; *волк* — главарь шайки воров-карманников; *глухárь* — заключённый тюрьмы. Но всё это не значит, что преступники роднят себя с животными. Зверями они считают законопослушных людей. «*В мире животных или по фэне бóтаешь?*» — так преступники, находясь в местах лишения свободы, спрашивают вновь прибывшего, интересуясь, кто перед ними: новичок или человек, занимающий определённое положение в уголовном мире, — при этом *ми́ром живóтных* называют законопослушных граждан» (О. Дубягина, Г. Смирнов, 2001).

Среди зоо-фитоморфизмов имеется группа слов, к которым деклассированные относятся крайне отрицательно: они являются самыми страшными оскорблениями: *дýтел*, *козёл*, *крýса*, *петух*, *півень*, *кóчет*, *шакáл*, *наседка*, *клýха* и проч.

В местах лишения свободы не следует упоминать пернатых и собак, ибо *петух* (*петушóк*), *кóчет* (*кочетóк*), *півень*, *крéчет* — это низшая каста заключённых, с кем насильственно совершили половой акт, *опустили*. Кстати, *петух* — изначально: тот, кто *поёт* — кричит о пропаже чего-л. *Наседка*, она же *клýха*, *клýшка*, *кúрица* — подсаженный в камеру осведомитель. Изначально *легавый* — это сыщик, слово очень часто использовавшееся в среде уголовников XIX в. По мнению криминалистов, на форменной одежде, на рукаве, у них было изображение собаки. Что ж, этому можно поверить. Вспомним, что у опричников Ивана Грозного к седлу были приторочены собачья голова — символ верности — и метла: всех врагов госуда-

ревых выметем из государства Российского! По аналогии с лексемой *легавый* возникло слово *борзóй* с тем же значением, это уже потом в других жаргонах оно получило значение «наглый человек»; *пёс* — городской; *Дружóк* (кликча собаки) стала обозначать милиционера; *сýка* — предатель преступников. Последнее слово, появившееся в начале XX в., в конце 40-х годов приобрело необычайную «популярность». В это время началась так называемая *сúчья война*, подробно описанная В. Шаламовым в книге «Левый берег». Формировались бараки, состоящие из *сук* или *ворóв*. Не дай Бог было *суке* или *вору* попасть в противоположный лагерь: в лучшем случае *опустят*, в худшем — отпилят голову. Война между *ссúчившимися* — изменившим воровскому закону — и *ворами* шла не на жизнь, а на смерть. Кроме того, *сукой* называли ещё и представителей правоохранительных органов. *Сúкой щенячьей* именуют преступники инспектора по делам несовершеннолетних. В немецком блатном языке тоже есть что-то похожее. Во всяком случае имеется слово *Sucher* — собака-ищейка; сыщик, полицейский. Любопытно, что этот арготизм послужил для образования в русском дореволюционном блатном языке слова *шухер* — жандарм; сигнал опасности. Слово *сýка* в криминальном мире было страшным оскорблением, таким же, как современное слово *козёл*. «А вот за *козля́ ответишь*», — так говорят преступники, если кто-то их оскорбит этим словом. Данная лексема появилась в ходу у русских уголовников в 30-х годах XX в., а заимствовано было из французского языка, точнее, не само слово, а перевод: французские «собратья», а лучше сказать, *братки* называли так жандарма. Русские же несколько сместили акцент: первоначально это слово обозначало ненавистных им милиционеров, а затем стало именовать активистов из числа заключённых в местах лишения свободы и даже всех тех, кто встал на путь исправления, а потом и представителей низшей касты — *опущенных*, хотя в ряде мест лишения свободы старые *вóры в законе*, борющиеся

не только за чистоту своих рядов, но и за чистоту нравов и фени, говорят: «Козёл — это ещё не *пéтух*, а *козёл!*» То есть у *козля* ещё имеется слабая надежда стать *челове́ком*, только не в воровском смысле этого слова, так как *челове́к* на арго — это вор в законе, у *кочетка* же такой надежды нет. Любопытно, что это слово получило негативную окраску по многим причинам: по мнению В. И. Даля, *козёл* — щеголеватый, надменный пустой, неумный человек. Кроме того, *козёл* — одно из названий дьявола. Произошло наложение значений — и поэтому данное слово стало иметь такую негативную окраску.

В противовес *козлю* в криминальном мире с уважением произносят слово *волк*, имея в виду опытного, бывалого преступника. «Иногда люди по легкомыслию опускались на дно, теряли себя и сами становились *рысями*, *волками* или мелкой швалью» (Г. Медынский. Честь); «*Вólка мáзали все бойцы*» — то есть главаря защищали все рядовые члены банды (Запись 1991); *волк* — это также преступник-одиночка, умеющий себя защитить (Ж. Росси. Справочник по ГУЛАГу). Однако *волк* — это также и работник правоохранительных органов. «Сапа, ну какая нам разница? Для нас все одинаковы, но лучше, конечно, когда изнасилованных больше, ведь они быстрее идут на контакт с администрацией и, главное, работают как трофейные кони, потому что им больше делать нечего, как забыться и искать помощи от *волков*» (А. Экштейн. Исповедь стукача); и шофер: «У *волков* есть тоже свой *общак*» (Запись 1992); *волк* — это даже... лошадь (см. С. Потапов, 1927); а *волки позорные* — это обозначение преступников, изменивших *во́рам в закóне*, или название милиционеров: «Он, *волк позорный*, заложил нас всех и теперь живёт припеваючи»; «*Вólки позорные* здорово тогда *отчекрýжили* (избили — М.Г.) *пацанóв*» (Запись 1993). Нередко этот фразеологизм используется и как оскорбление, см. контекст: «И тогда начинал подвывать, пену пускал, рвал у ворота рубаху и кричал с натугой, как бы страх свой отпугивая: «Нате, *во́лки*

позорные, берите всех!» — и совал шпанцирей и монахов (порода голубей — М.Г.) врагам своим» (В. Высоцкий. Поэзия и проза). *Волк серый* в арго также обозначает сотрудника правоохранительных органов (Ж. Росси. Справочник по ГУЛАГу), а *волкодáв*, по мнению того же автора, — наглого и опасного человека; в последнее время у этой лексемы появилось ещё два значения: физически сильный человек: «С *закóнником* ходили всегда два *волкодáва*» (Запись 1994); и инспектор уголовного розыска: «*Волкодáв* с прокурором были в плохих отношениях» (Запись 1994).

В книге С. Зверева «Жиган» встречается ещё один любопытный фразеологизм с компонентом *волк* — *волк засушенный* — отставной офицер ВДВ.

«— Это *во́лки засушенные!*

— Отставники, что ли? — спросил Жиган.

— Да, да!»

Человек в арго, если судить по зоо-фитоморфизмам, представляет какое-то страшное существо: *арбуз*, *ты́к-ва* — голова; *клов* — нос; *жа́ло* — язык; *клы́ки* — зубы; *жа́бры* — горло; *хо́бот* — шея; *копы́та* — ноги; *кры́лья* — руки.

Ещё Д. С. Лихачёв в начале 30-х годов писал о животном атавизме уголовников, но сейчас наблюдается ещё больший всплеск использования блатных слов, в основу которых легли «звериные» названия. Если сравнивать эти обозначения со словами, например, XIX в., то в XX в. «зверских» обозначений в два с половиной раза больше. Да и преступлений, перед которыми меркнет кровожадность животных, сейчас совершается намного чаще. Преступники нередко называют себя *волками*, «санитарами» общества. И — удивительное дело — сейчас резко увеличилось число преступников в обществе и, как бы их дублируя, резко увеличилось и количество волков в лесах! Совсем так же, как и в воровской среде появилось много *отморозков*, т. е. преступников, не брезгающих никакими средствами для обогащения, убивающих людей из-за де-

нег, пытающие их, то и среди волков имеется сейчас очень много бешеных особей. Преступников, не соблюдающих воровские законы, называют ещё *волками отвязанными*. Так что волк волку — товарищ и брат (это, кстати, воровская татуировка-высказывание).

Вот уж воистину «братки» озверели!

«Технический человек»

Человек в арго может быть не только звериным существом, но и «техническим» монстром, см. слова: *афиша* — толстое лицо; *вывеска*, *циферблат*, *карточка* — лицо; *дудка* — горло; *паяльник* — рот; нос; *котелок*, *шарабан* — голова; *метла* — язык; *шары*, *шнифты* — глаза; *хомут* — шея; *румпель* — нос; *грабли* — руки; *кувалда* — кулак; *движок* — сердце человека; *буфера* — женские груди; *седло* — седалище; *наволочка* — маленький живот; *штыки* — колени ног; *катушки*, *подставки*, *ходули* — ноги; *кожаная игла*, *болт* — мужской половой орган; *телеграфный столб* — позвоночник.

Для литературного языка свойствен перенос названий, относящихся к характеристике человека, на явления природы, как бы ее очеловечивание, одухотворение, например: «небо ворчало», «отговорила роща золотая», «море смеялось», «и стоит себе лес, улыбается», «тихо шепчет камыш». В арго же нередко происходит обратный процесс: названия неживых предметов (техники) переносятся на живые, в частности, на человека. Деклассированные как бы стараются умертвить и человека, и природу (хотя бы номинативно). Это подтверждается множеством примеров: *звонок*, *колокольчик* — собака; *долото* — мальчик; *лампа* — полицейский (он *засвечивает* преступника, т. е. обнаруживает); *штра* — жандарм; *баллон* — от выражения *катить баллоны*: показывать своё мнимое превосходство; задевать кого-л. своим поведением; *кочерга* — ми-

лиционер; *колун* — заключенный, которому поручено совершить убийство; опытный следователь, способный заставить уголовника рассказать правду о преступлении — *раколотья*; *семафор* — высокий человек; *бревно* — человек; *корзина* — пожилая женщина; *трактор* — сотрудник исправительно-трудового учреждения; *фуганок* — лицо, сообщающее администрации исправительно-трудового учреждения о нарушениях режима, допускаемых другими осужденными: от аргоизма *фугать* (доносить) восходящего к междоветному *фу*, образованное по аналогии с аргоизмом *дышать* (говорить); *молоток* — худощавый человек; *фитиль* — истощенный человек. Такой «технический» человек не убегает, а *нарезает винта*, не убивает собаку, а *завязывает звонк*, не лечится в наркологическом диспансере, а *ремонтится по пятому номеру*.

Большинство «технических» аргоизмов имеет отрицательную экспрессию, является словами-ругательствами.

ИВАН-ДА-МАРЬЯ

Использование в арго имен собственных
в значении нарицательных

Явление это далеко не новое в лингвистике. Оно имеет большое распространение и в общенародном русском языке. Известно, например, что немцев в Великую Отечественную войну именовали *гансами*, *фрицами*, немцы, в свою очередь, называли русских *иванами*. Терминология изобилует бывшими именами собственными: *иван-да-марья*, *анютины глазки*, *ампер*, *вольт*, *ом*, *кюри* и т. д.

В молодежном жаргоне употребляются слова: *леха* — колхозник; *василий* — неумный человек; *лялька* — девушка легкого поведения; *дуня* — глупая девушка (в Нижнем Новгороде льнопрядильная фабрика называется *дунькиной фабрикой* или просто *дунька*). Возможно, что жаргонизм *дуня* образовался по фонетическому сходству со словом «дура».

Особенно много имен собственных в значении нарицательных используется в арго. Их основные значения:

1) Разряды деклассированных элементов: *ни́на* — проститутка; *жорж* — мошенник; *ка́ин* — конокрад; *максим* — добродушный арестант, весельчак; *мака́р* — неизвестный преступник; *клеме́нт* — наркоман; *ка́ин-бла́тырь* — ростовщик, скупщик краденного.

2) Представители правоохранительных органов: *мю́ллер* — начальник оперативной части исправительно-трудового учреждения; *миро́шка*, *миро́н никитич* — мировой судья; городской судья; *тимофе́й*, *тимо́шка* — палач; *си́дор* — дворник (до революции в обязанности дворников входила помощь полиции); *михлю́тка* — жандарм.

3) Места лишения свободы: *го́род ката́ев* — тюрьма; *дядя митя́й* — арестантские роты; *рома́нов ху́тор* — тюрьма.

4) Оружие преступников и орудия преступлений: *дру́жба и́ова* — поддельный ключ; *абаку́мыч* — лом, используемый для взлома; *фо́мка*, *хо́мка* — небольшой ломик, употребляемый для взлома.

5) Жертвы преступников: *ми́ша* — жертва воровки-проститутки; *воло́дя* — жертва преступления; *матве́й* — мужик, крестьянин, невор.

6) Люди по их профессиональной, физической и психологической характеристике: *але́шка*, *алексе́й алексе́евич* — лакей; *ле́нька* — прислуга; *кирю́ха* — пьяница, собутыльник; *зо́я* — растяпа; *марга́ритка* — пассивный гомосексуалист; *фи́гаро* — парикмахер.

7) Деньги: *гри́шка* — гривенник; *петру́ха* — пять рублей; *дядя воло́дя* — десять рублей; *ка́тя* — сторублевый кредитный билет; *пе́тя* — пятисотрублевый кредитный билет.

8) Карты: *дунька* — двойка; *свято́й па́вел* — валет; *вели́кая варва́ра* — дама; *господи́н (ста́рик) блино́в* — туз; и) предметы обихода: *три́фон* — мешок; *ле́ля* — рубашка; *про́шка* — нюхательный табак; *мака́рка* — ржаной хлеб; *ка́тя* — пальто с большими карманами, куда воровка складывает краденые вещи.

9) Отвлеченные понятия: *захáр* — благородный поступок; необыкновенный случай; обман администрации исправительно-трудового учреждения; *генерáл куку́шкин* — свобода; *мо́тя* — доля краденного.

В современном арго имеется большое количество имен собственных, употребленных в значении нарицательных, фонетически или этимологически связанных с именами *Иван* и *Мария*.

Например, с именем *Мария* соотносятся следующие арготизмы: *мару́ха* — девушка, женщина, любовница вора; *мару́шка* — бабенка, молодая проститутка; *мара*, *марья-*

на — женщина, проститутка; *марьяна* — удача; *марёсса* — любовница из преступного мира; *марёха* — представитель низшей категории заключённых. Но уже для арготизмов *мария*, *марьяна* (общее название наркотиков) отправным будет слово *морфий*, см. следующую семантическую цепочку: *мóрфий* — *морфуша* — *марфуша* — *мáрфа* — *мария* — *марьяна*. Здесь не исключена и контаминация двух слов: Мария + морфий. Слова *морфуша* (*марфуша*) и *мáрфа* в значении «морфий» являются распространенными у деклассированных элементов, особенно — в среде наркоманов. Слово *морфуша* встречается, например, у В. С. Высоцкого в стихотворении (песне), в котором описывается палата наркоманов: «Кто-то там проколол свою душу, / Кто-то просто остался один... / Эй вы, парни, бросайте *морфушу* — / Перейдите на апоморфин!»

Другим распространенным в арго именем собственным, употреблённым в значении нарицательного, является лексема *иван*. *Иváнами* называются бродяги, скрывающие свое имя или не помнящие родства, главари преступных шаяк, азартные игроки, воры, находящиеся на нелегальном положении. См. у В. И. Даля в «Толковом словаре живого великорусского языка»: *ивán не помнящий родствá, ивán где день где ночь, ивán безрóдный, ивán с воли* — бродяга. Благодаря некоторым писателям, данный разряд уголовников стал даже вызывать определённые симпатии, см., например, М. Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки. Однако на самом деле эта была одна из высших и привилегированных каст в преступном мире, которая в местах лишения свободы командовала каторжанами. Всё это можно проследить по документальной, художественной и публицистической литературе, см. контекст: «К *ивáнам* причисляли себя заключённые, которые занимались грабежами, терроризировали каторжан, стараясь утвердить своё влияние» (А. Гуров. Правители преступного мира). «Верховодили в тюрьме *блатные*, которых возглавлял *авторитет* или, как его тогда называли, *иван*» (ЛС, 1999, № 41). «А над

всей этой нестройной шатней, над *шпаной* и *кувыркалами* (мелочью, недостойной внимания), гордо возвышались рецидивисты *ивáны* — повелители тюрем и каторг; слово которых — закон для всех» (В. Пикуль. Каторга). «Это или разудалые *ивáны*, поработившие своих слабохарактерных возлюбленных, или злополучные типы, вроде облезлого Барона, которых держат «так, для чучелы», более энергичные «дамы», удовлетворяющие этим и своё самолюбие, сознавая, что и хуже их люди есть» (В. Гиляровский. Трущобные люди). То есть можно предположить, что арготизм *иван* был зафиксирован В. Далем не в полном объёме, а лишь частично, фактически обозначив только одну деталь, один приём авторитетного профессионального преступника, который, чтобы скрыть свои грехи (преступления), притворялся непомнящим. Хотя у В. Попова в «Словаре воровского и арестантского языка» (1912) *ивán* — арестант из профессиональных преступников, подчинивший в местах лишения свободы других заключённых. Устаревшее устойчивое словосочетание середины XIX в. *ивán с воли* трансформировалось во фразеологизм *ивán с во́лгой* — хулиган, держащийся гордо и разыгрывающий роль много испытывавшего и знающего человека — так стали презрительно называть деклассированные элементы начала XX в. самозванца, см., например, С. Потапов, «Словарь жаргона преступников (блатная музыка)» (1927). С этим же значением данный фразеологизм употребляется и сейчас. Синонимичен ему современный фразеологизм *разыгрывать ивáна* — выдавать себя за *вора в законе* или за авторитетного преступника.

Между тем именно *ивáны* были прообразом *воров в законе*. Не случайно и *ивáны*, и *вóры в законе* называли себя *бродягами*, *бродяга* — арготизм, обозначающий профессионального преступника, неукоснительно соблюдающего воровские традиции и законы; нередко *ивáном* называли и *вора в законе*. *Вóры в законе* старой формации (конца 20-х — нач. 30-х годов XX) не имели личного иму-

щества, жены, семьи, постоянного места жительства; они не работали, в местах лишения свободы всегда занимали привилегированное положение (А. Гуров. Профессиональная преступность) — фактически выполняли то же самое, что и их предшественники — *иваны* или *бродяги*.

Профессиональных уголовников во второй половине XIX в. называли ещё и *иван иванычами*. См. также отношение этнографов к этой категории преступников: «А есть молодцы: *кругом шестна́дцать*, или *кругом Ива́н Ива́ныч*, значит весь в клеймах» (С. Турбин. От Тюмени до Томска).

Ива́нами ива́новичами уголовники в 30-х годах XX в. именовали политических заключённых-интеллигентов, а также это было прозвище всех людей, которые не принадлежали к преступному миру. «С тобой как с *ива́н ива́нычем*, а ты...», — выражение, обычно предшествующее агрессии», — писал Ж. Росси в книге «Справочник по ГУЛАГу». Последних также в насмешку называли *фан фа́нычами* (см. также арготизм *фа́ныч* — чайник). *Ива́н ива́нович* — это ещё и прокурор.

Симулянты и жертвы преступлений имеют следующие названия: *ва́нька* — человек, симулирующий сумасшествие (*валя́ть ва́ньку* — симулировать сумасшествие, притворяться); *ванёк* — простак; *вана́к* — законопослушный человек, который не знает, что имеет дело с ворами.

Почему имена собственные Иван и Мария, использованные в значении нарицательных, являются наиболее распространенными в арго? Эта пара имен распространена в сказках славян, но назначение персонажей, которые обозначались этими именами, скорее дуалистические, противоположные (несмотря и на некоторую общность в достижении целей) По мнению исследователя Ю. Петухова, «Иван олицетворяет собой жизнь. А Мария в этом дуэте — олицетворение смерти» (Ю. Петухов. Тайны древних русов). Ещё резче это отражено в арго: *ма́рия* — контаминация имени Мария + ранне арготического слова

ма́ра — женщина, бабёнка, а последнее, в свою очередь, восходит к южному территориальному диалектизму *ма́ра*, что означает «видение; привидение; ведьма; кикимора; туман, марево». Но диалектизм *ма́ра* образован от названия славянской богини смерти — Мары (Моры), Марухи, Марены (этимологически родственными будут слова «мор, мёртвый, смерть, морок (наваждение) (В. Иванов, В. Топоров. Мара; М. Юсим. Мара). Думается что данное слово индоевропейского характера, ср. с укр. *мо́ра* — нечистый дух; болг. *мо́ра*, польск. *mára* — кошмар; франц. *cauchemar* — кошмар и англ. *nightmare* — ночной кошмар; в индийской буддийской мифологии *ма́ра* (убивающий, уничтожающий) — персонифицирующее зло и всё то, что приводит к смерти (Л. Мьяль. Мара).

Несомненно, к имени Марена восходит и имя собственное Марина, фигурирующее в былинах про Добрыню Никитича (там она выступает в ипостаси ведьмы, чародейницы, см., например, былинку «Три года Добрынюшка столыничел»). «*Ма́ра* — имя чучела, которое сжигают на костре в ночь на Ивана Купалу. Поэтому Марью в купальских песнях-легендах можно считать трансформацией образа Мары» (М. Юсим. Мара). Несомненно, древние верования и обряды оказали своё влияние на мировоззрение уголовников. Слово *ива́н-тоску́н* преступники нередко употребляли вместе с арготизмом *ма́рья-икотница*, см., например, у Ф. Достоевского «Записки из Мёртвого дома»: «В брюхе у меня, братцы, сегодня *Ива́н-Таску́н* (через *а* — М.Г.) да *Ма́рья-Икотница*». Женщина всегда расценивалась уголовниками как вредоносное существо (М. Грачёв, 1997). Доказательство этому находим и в арготизмах, связанных с именами Иван и Мария: в первой группе (в лексемах, образованных от имени собственного Иван) больше положительной коннотации, во второй — отрицательной. (Не случайно чёрный милицейский автомобиль чёрного цвета, предназначенный для перевозки заключённых, назывался *чёрная ма́руся*). Но, с другой стороны, преступник

не может существовать без женщины. Предводительница шайки женщин-воровок называется *мáша*. Таких преступных группировок мало. В. Чалидзе писал по этому поводу: «Отмечу здесь, что самостоятельные от мужчин женщины-воровки, составляющие правильно организованные группы, явление редкое; к таким женщинам, однако, воры относятся с некоторым уважением и отличают их и от воровских жён-шалáв и от проституток» (В. Чалидзе. Уголовная Россия). Однако арготизм *мáшка* у преступников обозначает пассивного гомосексуалиста, а *мáрька* и *марёха* — человека, принадлежащего к низшей касте заключённых.

Личные имена Иван и Мария были распространены в XIX–XX вв. Да и в настоящее время они лидируют среди имён пожилых людей. Несомненно, на деклассированных сильно повлиял фольклор: Иван и Мария — имена, часто фигурирующие в сказках. Причём Иван (Иван-царевич, Иванушка-стрелец, Иванушка-дурачок) — ипостась культурного героя, борющегося со злом за счастье, — выступает как активная сила, а Мария — женщина, нередко наделённая волшебством, в качестве пассивной. Перед Иваном часто возникает проблема — найти исчезнувшую женщину (жену), что он и делает, преодолевая сотни препятствий и побеждая могущественных многочисленных врагов. В конце сказки — обязательная свадьба Ивана с Марией: «и стали они жить-поживать да добра наживать». (См., например, «Русские народные сказки» и «Восточнославянские народные сказки»). Но разве это не духовная смерть культурного героя, как смерть Геракла, который, во время самосожжения, возносится на Олимп и становится, женившись на Гебе, — богине вечной молодости, одним из второстепенных богов? Именно на этом его подвиги заканчиваются, и он духовно умирает. Не случайно Мария нередко имеет ещё и отчество Моревна, т. е. либо дочь славянской богини смерти, либо сама Смерть (в некоторых источниках Моревна — дочь моря (А. Афанасьев. Живая

вода и вешее слово). Духовная смерть Ивана — сказочного героя — как нельзя лучше отражает элементы менталитета профессионального уголовного, который, по воровскому закону, не должен иметь жену.

Несомненно, в сказках мы сталкиваемся с остатками матриархата. Но и арготизм отражает отдельные моменты первобытного мышления и обычаев. (См. подробнее об этом в статье Д. С. Лихачёва «Черты первобытного примитивизма воровской речи»). Думается, что на правила *воров в законе* повлияли и обычаи некоторых военизированной-криминальных социумов. Например, изначально у казаков был запрет на семейную жизнь (А. Пушкин. История Пугачёва).

Прослеживается определённое влияние ментальности деклассированных элементов на мировоззрение солдат. Так, в жаргоне русских солдат, воевавших в 1914–1918 гг. во Франции против Германии, употреблялось слово *Марена*. См., например, у В. П. Коровушкина: «Марена. «Крестная мать» — женщина, обычно немолодая, желавшая оказать внимание и заботу солдату или офицеру, согреть их своим участием, принять у себя дома во время отпусков и позаботиться о них как о сыновьях; каждый мог иметь подопечных сколько угодно, находя адреса по объявлениям в журналах и из их писем в действующую армию; обычно это француженки (< сокр. франц. *marraine de guerre* + *a*)» (В. Коровушкин. Словарь русского военного жаргона). Здесь мы наблюдаем, возможно, отголоски старого отношения уголовников к женщине, а может, и перенос по внешнему виду: и Смерть, и богиня смерти Морена изображались в виде старой женщины.

Арготизм *мару́ха* (женщина, бабёнка; любовница; проститутка) перекликается с именем собственным Маруся, вероятно, он в определённой степени и повлиял на его образование, т. е. можно предположить контаминацию двух слов: имени собственного *Мария* + арготизма *мару́ха*. Не случайно имя *Маруся* часто фигурирует в кабацко-блатных песнях 20–50-х гг. XX в. См. отрывок одной из них:

На Дерибасовской открылась пивная
Там собиралась компания блатная.
Там были девушки *Маруся*, Роза, Рая,
И с ними Вася, Вася *Шмаровоз*.

В одном из вариантов знаменитой «Мурки» также упоминается имя *Маруся* — имя знаменитого агента МУРа Маруси Климовой: «*Маруся* Климова — прощай, любимая!»; см. также название песен «Как-то по проспекту с *Маней* я гулял», «*Маруся* отравилась» («В нашу гавань заходили корабли»).

В аргю имеется отличительная особенность перехода имен собственных в разряд нарицательных: русские де-классированные элементы использовали их и для конспиративных замыслов и целей. По мнению В. Д. Бондалетова, процесс перехода имен собственных в нарицательные «в типологическом плане сходен с метонимией и синекдочой и представляет частный случай этих семантических законов» (Бондалетов, 1980, 86). Но, думается, здесь несколько сложнее. И если в русском литературном языке и просторечии происхождение бывших имен собственных, в основном, известно, то в аргю определить мотивацию некоторых слов очень трудно, а то и невозможно. Совершенно непонятна мотивация, например, таких лексем, как *макарка* — ржаной хлеб; *сидор* — дворник. Хотя происхождение части имен собственных в значении нарицательных все-таки можно установить, см., например: *романов хутор*, *романовский хутор* (тюрьма) — по фамилии царствующей династии Романовых); *ката* (стورублевый кредитный билет) — название дано по изображению на казначейском билете императрицы Екатерины II.

В аргю также наблюдается не прямое использование имени собственного в значении нарицательного, а наоборот, звуковое уподобление нарицательного слова имени собственному, например: *мишю́ка*, *мишю́ха* — мешок; *алешка* — лакей; *кирю́ха* (пьяница, собутыльник) — об-

разовано не от собственного имени, а от глагола *киря́ть* (выпивать); *го́род Ката́ев* (тюрьма) — от глагола *ката́ть* (бить, убивать, наказывать), *пéтя* — пятисотрублевый кредитный билет; *гри́шка* — гривенник; *ката́* — кодеин (наркотическое вещество). И названия из других языков, за немногим исключением, не были именами собственными, но русские уголовники сделали их похожими на личные имена, например: *мо́тя* (франц. *moitié* — половина — доля краденого; *ми́ша* (франц. аргю *micet* — простофиля, разиня, простак) — жертва преступления. Цыганский (французский) корень наблюдается в слове *ду́нька* (цыг. *dui* — два, франц. *deux* — два) — двойка (в картах). Некоторые бывшие имена собственными (или уподобленные им) образуют большие структурно-генетические гвёзда, см., например, существительные с корнем *гар/гер*: *га́рри* — героин: «Жека сегодня без *лавёшек*, все *ба́бки* за *га́рри* ушли» (Запись 1995); *га́рри дурно́й* — героин низкого качества: «*Бары́га* всучил Натахе *дурно́й га́рри*» (Запись 1994); *гарриба́льди* — героин. «С *гарриба́льди* не так-то просто *спры́гнуть*» (Запись 1994); *ге́ра*, *ге́рка* — героин: «Ясно, что девка *ге́рой* накачалась»; «*Ге́рка* в *кайф-база́ре* дорого стоит» (Запись 1995); *ге́расим* — героин: «Четыре *порца́йки ге́расима* для нас будет мало, смотри, какая *ко́дла!*» (Запись 1995); *ге́рфа* — 1. героин: «*Ге́рфу* из Европы везут тоннами» (Запись 1995). 2. Лекарство *герфонáл*, содержащее наркотические вещества: «Аптекарьша *ге́рфу* почти в *открытку толка́ла*» (Запись 1995); *герыч* — героин: «Если в Москве один грамм стоит около 100 долларов, то здесь транзитный *ге́рыч* можно взять по 200 рублей за грамм» (КП, 2000, №45); «Один телеведущий рассказывал, как лихо он ведёт программы под *ге́рычем*» (МК, 1997, 115); «В 1999 году, пожалуй, только олениводы на Крайнем Севере всё ещё отдавали предпочтение «огненной воде», сушеному мухомору, а не шприцу с *ге́рычем*» (ПК, 2000, №10). В аргю наркоманов имеется еще любопытный пример с уподоблением имени нарицательного имени соб-

ственному — отчеством: *соплёвич* — эфедрин (наркотик): «Из *кальки соплёвича приволок*» — то есть из аптеки эфедрин принёс (Запись 1992).

Три арготизма образовались по сходству изображений святых на иконах с изображениями на игральных картах: *святой павел* — валет; *великая варвара* — дама; *святой николай* — король.

Любопытно происхождение слова *пара́ша*. Оно восходит к далеким временам, когда на Руси начали отмечать праздник святой Параскевы. Он бывает осенью, когда идет дождь и на улице — непролазная грязь. Поэтому в народе праздник святой Параскевы стали называть Прасковей-Грязницей, позднее — Парашею-Грязницей или просто Парашей. Заметим, что имя Параша было распространено среди русских женщин-простолюдинок. Помните, у А. С. Пушкина в поэме «Медный всадник» возлюбленную чиновника Евгения звали Парашею:

Он кое-как себе устроит
Приют смиренный и простой
И в нем Парашу успокоит.
Пройдет, быть может, год — другой
Местечко получу, — Параше
Препоручу хозяйство наше...

Затем *пара́шею* стали называть всё грязное, в том числе и отхожее место. С последним значением это слово было распространено на юге России. Слово *пара́ша* перешло в тюремный язык со следующим значением: ведро, бадья, ушат, которые ставились в камеры для испражнений.

В 30–40-х годах XX века у слова *пара́ша* развилось новое значение — сплетня, клевета, слухи. С таким значением оно встречается у А. Жигулина в романе «Черные камни»:

«— Долго ли она там еще будет, в *больничке*?»

— О! Долго! Наверное, еще целый яр, год. Она должна кормить ребенка. Говорят, может быть, это *пара́ша*, но так

говорят, что иностранцев скоро отпустят на родину, в свои страны.»

Имеется и фразеологизм, одним из компонентов которого является это слово: *пускать пара́шу* — распускать слухи, сплетни; клеветать. Арготизм *парафинить* (оскорблять, клеветать) также образован от слова *пара́ша*. Имелось и другое значение у глагола *парафинить* — с целью унижения сокамерника (чтобы его презирали другие заключенные) надевать ему на голову *пара́шу*. Для уголовников *пара́ша*, или, как ее юмористически величали дореволюционные уголовники, *пра́сковья фёдоровна* — была символом унижения. Не случайно хозяин камеры, авторитетный преступник, спал в самом дальнем углу от *пара́ши*, а униженный, всеми презираемый заключенный имел спальное место рядом с *пара́шей*. Сейчас емкостей для испражнений в камерах нет, но *пара́ша* существует. Ею называются унитаз, туалет в камере или в бараке для заключенных. То есть значение слова *пара́ша* опять возвращается на круги своя, которое у него было в XIX в. — отхожее место, туалет.

Однако, если судить по языку-источнику, первоначальное значение у этого слова не такое уж и плохое. Слово *Параша* (Прасковья, Параскева) восходит к греческому языку, где оно обозначает — пятницу (день недели).

Нарицательное значение имен собственных развивалось в арго по следующим линиям:

1) Лицо-лицо: *агафён* — глупый осуждённый из сельской местности; *алексэй алексеевич* — лакей; *алик* — алкоголик; *анджéла дэвис* — смуглый кудрявый пассивный гомосексуалист; *ано́ха* — дурак; *анжелика* — молодая валютная проститутка, сотрудничающая с правоохранительными органами; *да́ша* — пассивный гомосексуалист; *гапён* — милиционер; *джон* — иностранец; *кири́лл* — цыган.

2) Лицо-предмет: *абакүмыч* — ломик; *арка́дий* — столбы с перекладиной, между которыми, следуя примете,

не проходят воры; *василёк* — десятикопеечная монета; *кэтка* — пальто с большими карманами, куда воровка складывает ворованные вещи; *люба* — пистолет; *сидор* — саквояж; мешок, чемодан, корзина; *кёля* — икона с изображением Николая Угодника; *трифон* — топор.

3) Лицо-болезнь, смерть: *венёра* — венерическая болезнь; *луис* — сифилис; *загиб петрович*, *загиб иванович* — смерть.

4) Лицо-отвлечённое понятие: *генерал кукушкин* — свобода; *вася* — опасность; *вась-вась* — приятельские отношения; *захар* — необдуманный поступок; благородный поступок; фокус; обман; *сónька*, *сófья павловна* — советская власть; *мóтя* — доля краденого.

5) Место-место: *индия* — камера в которой отбывают наказание авторитетные преступники; карцер; *луна* — Коляма.

6) Лицо-место: *анóха* — психиатрическая больница; *матрёна* — завод, фабрика; *пара́ша* — парадное крыльцо; *иван елкин* — кабак.

7) Место-лицо: *воркута́*, *колымá* — осуждённый, имеющий длительный срок заключения; *луна́* — доносчик; секретный сотрудник правоохранительных органов.

8) Место-смерть: *сóчи*, *ялта*, *луна́* — смерть (см. выражения: *отпра́вить в со́чи*, *отпра́вить на луна́* — убить); и) место-отвлечённое понятие: *во́лга* — сигнал опасности; сигнал о начале драки; *магадан* — большой срок тюремного заключения.

9) Кличка животного — лицо: *ба́рси́к* — молодой человек, имеющий половые связи с пожилыми женщинами; *жу́чка* — профессиональная воровка; *баги́ра* — красивая проститутка — жительница Азии; *бо́бик* — милиционер; предатель, ничтожный человек.

10) Лицо-половые органы: *валёрка* — мужской половой орган; *лю́ся* — женские половые органы.

Большинство арготизмов, перешедших из разряда собственных в разряд нарицательных, имеет ярко выражен-

ную эмоционально-экспрессивную окраску: иронически-насмешливую по отношению к правоохранительным органам, предметам тюремного обихода, презрительную — по отношению к жадным людям и смерти.

В качестве насмешки арготирующие иногда используют неодушевленные существительные для обозначения отдельных категорий людей, например: *асфа́льт тротуа́рович*, *баклажа́н помидоро́вич*, *укро́п помидоро́вич*, *я́кус помидоро́вич* — заключённый, не приспособленный к тюремно-лагерной жизни; заключённый, имеющий значительные продовольственные запасы. Данные слова не являются именами собственными, так как обозначают не конкретное лицо, а целый разряд заключённых, имеющих определённый признак (М. Грачёв, 1997).

Иногда названия придумываются на манер иноязычных фамилий или имен: *залупе́ску* — молдаванин; *жюлье́н* (французское имя) — простак, жертва преступления (буквально: тот, кого можно обжудить); *бельмондо́* — психически ненормальный человек; *дурдамошви́ли* — умственно отсталый грузин; *ким*, *тян* — кореец; глупый человек.

Для названия сотрудников правоохранительных органов используются имена собственные, обозначающие государственных деятелей или сотрудников гестапо, эссовцев, прославившихся своей жестокостью, например: *аракче́ев* — следователь; прокурор; *бо́рман*, *мю́ллер* — заместитель начальника ИТУ по оперативной работе. Иногда для обозначения неавторитетных преступников и пьяниц придумываются уничижительные фамилии нередко с титулом «граф»: *граф вертибуты́лкин* — неавторитетный заключённый; *граф карто́шкин* — кладовщик овощехранилища; *граф обсериголя́шкин*, *граф табуре́ткин* — трусливый заключённый, прислуживающий авторитетным преступникам; *запива́хин*, *запиво́хин* — алкоголик, пьяница; *тихоми́ров* — предатель; *записной жорж* — профессиональный преступник, член шайки уголовников. Для названия проституток чаще используются иноязычные женские

имена: *зоу́ля, ла́йма, лау́ра, лу́иза*. Это связано с традицией в среде проституток — называться экзотичными нерусскими именами (см., например, произведения А. И. Куприна: «Яма» и «Штабс-капитан Рыбников»); наиболее распространенные названия пассивных гомосексуалистов — *катя, кáтька, ма́шка, ма́нька, да́ша, на́ташка, лю́ська* (в арго *лю́ся* — ещё и обозначения женских половых органов). В противовес этому активных лесбиянок называют мужскими именами, например: *воло́дя, валéра, э́дик*.

В арго имеются слова, появившиеся благодаря фамилиям тюремщиков, см. выражение *попа́сть к некрасову в го́сти* — быть закованному в кандалы; быть осуждённому. Фразеологизм образовался, по мнению П. Ильина, от фамилии старого надзирателя Петербургской тюрьмы, заковывавшего в течение 30 лет всех арестантов.

Среди имён собственных, употребленных в значении нарицательных, преобладают существительные мужского рода, и это одно из доказательств, что арго — мужской словарь. Как видно из примеров, среди бывших имён собственных преобладают антропонимы (всего они составляют 90%, топонимы встречаются реже — 10%. Среди антропонимов преобладают имена (84 процента от всего количества антропонимов), реже имена и отчества — 7%, фамилии — 7%, отчества — 2%.

Особое место среди имён собственных в значении нарицательных занимают аббревиатуры-тагуировки: *але́нка* — а любить её надо, как ангела; *и́ра* — ищи, режь актив; *лев* — люблю её вечно; *ло́ра* — любовь однажды родила ангела; *но́на* — наркоман, очень нужна анаша; *то́ня* — тайное общество наркоманов; *ми́ла* — мои интересы: люблю *абиа́биться*, правильнее *обиа́биться* — употребить гашиш, т. к. образовано от глагола *шабить* — курить гашиш); *и́рка-ентр* — и разлука кажется адом, если нет тебя рядом; *сату́рн* — слышишь, а тебя уже разлюбить невозможно; *хри́сто́с* — хочешь, радости и слёзы тебе отдам, слышишь; *япо́ния* — я прощаю обиду, не измену, ясно? Следует под-

черкнуть, что появились они в преступном мире сравнительно недавно — 25–30 лет назад и, как видно из примеров, они нередко обращены на самого владельца.

Иногда деклассированные элементы превращают аббревиатуры в имена собственные в значении нарицательные, например, *григо́рий борисович, гали́на борисовна* — от ГБ, КГБ (государственная безопасность); *борис фе́дорович* — клей БФ. Возможно, эти арготизмы использовались для конспирации.

Нередко имена собственные в значении нарицательных употребляются во фразеологизмах: *ано́ху стрóить* — прикидываться глупым, непонимающим; изображать из себя простачка; *валя́ть ва́ньку* — симулировать болезнь; *свято́й па́вел* — валет (игральная карта); *вели́кая варва́ра* — дама (игральная карта); *дружба иова* — поддельный ключ; *ле́ди грин* — тюремный священник; *ада́мово лы́ко* — плеть, нагайка. Исследования показывают, что большинство таких фразеологизмов использовалось в дореволюционном прошлом.

АРГОТИЗМЫ-ТОПОНИМЫ И КТЕМАТОНИМЫ

Ах, Жигули вы, Жигули вы, Жигули!
Ах, до чего вы пол-России довели!

Из народной песни

«Ктематонымы (от греч. *ктематос* — имущество, богатство) — названия предприятий, учреждений, организаций, исторических событий, праздников органов печати, издательств, произведений литературы и искусства, парходов, поездов, спутников, театров, магазинов, отдельных предметов и др.» (В. Бондалетов, 1983).

Как-то совершенно случайно автор этой книги оказался свидетелем не совсем обычного разговора, который происходил на Северном поселке Автозаводского района г. Нижнего Новгорода. Интеллигентно одетый молодой человек спрашивал своего сверстника, местного жителя, как добраться до спецкомендатуры для условно-досрочно-освобожденных женщин. Парень недоумевающе пожимал плечами. Интеллигент ему объяснил подробнее, но тот опять ничего не понял. Наконец, у его собеседника терпение лопнуло и тот сказал: «Ну, *Химпрокат*, понимаешь?» «Так бы сразу и сказал!» — ответил местный и живо объяснил месторасположение этого несчастного «Химпроката» — женского общежития-спецкомендатуры, находящегося по адресу: ул. Газовская, д. 17 и д. 19.

Химпрокат — сложносокращенное слово, образованное от арготизма *химик* (*химичка*) и литературной лексемы *прокат*. Слово *химик* (*химичка*) появилось в 50–60-х годах прошлого столетия и обозначало условно-досрочно-освобожденного человека, работающего на вредной работе, где

производили химические вещества, позднее — на стройках народного хозяйства. А *Химпрокатом* эти два общежития прозваны за веселый и легкомысленный нрав их жилищ. Кстати, недалеко от *Химпроката* имеется и Поле Чудес — пустырь, где совершаются сомнительные дела: выпивки, азартные игры и т. п.

При образовании народных топонимов существенную роль играет арготическая лексика. Благодаря словечкам преступного происхождения, были образованы следующие топонимы: *Жмурня* — морг; *Белый Дом(ик)* — здание милиции; *Дуборезка* — судмедэкспертиза (*дуб* на арго — покойник); *Бан* — Московский или Канавинский вокзал; *Нахаловка* — микрорайон гаражей неразрешенной застройки.

В Ленинском районе г. Нижнего Новгорода всем жителям известна *Дунькина фабрика* — прядильно-швейная фабрика в пос. Молитовка. Среди местных жителей есть две версии о происхождении этого названия. 1. Изначально хозяйкой этой фабрика была женщина по имени Дуня. 2. На месте, где стоит фабрика или рядом с ней, находился шинок, хозяйкой которого была Дуня. Но, думается, название это появилось из-за того, что в этом заведении всегда работало много женщин, именно они — *дуня*, во всяком случае так обозначаются в молодежном и блатном жаргонах женщины и девушки. Кстати, такие обозначения прядильно-швейных или прядильно-ткацких фабрик встречаются и в Москве, и в Санкт-Петербурге, и в Иванове...

БОМЖАТНИК — железнодорожные платформы Московского вокзала. Название дано по наличию там большого количества *бомжэй* (лиц без определённого места жительства). там они занимаются сбором пустых бутылок. Нередко в Канавинском районе можно услышать: «Ты что какой грязный? В *бомжэатнике* месяц был?»

ШЕСТАК — шестой микрорайон Автозаводского района. Для большинства автозаводцев выражение «живу на *Шестакé*» совершенно понятно.

ШАНХАЙ — центр Сормовского района. Название дано из-за криминогенной обстановки, царящей там по ночам. В разговорах сормовичей нередко можно услышать: «После одиннадцати часов ночи в Шанхай лучше не соваться: мигом голову открутят!» Также нередко Шанхаём называют и поселки с ветхими одноэтажными домикам.

Но Шанхай — слово достаточно распространённое: оно имеется практически в любом городе. Например, в г. С.-Петербурге Шанхаем называют: 1. Пос. Большое Замостье, Гатчинский район Ленинградской области. 2. Жилые пассажирские вагоны на Варшавском вокзале. 3. Район Витебского вокзала (место обитания бродяг), Ленинский район. 4. Микрорайон частных гаражей на берегу р. Луги в районе ул. Загородной, г. Кингисепп Ленинградской области. Данные названия взяты из «Словаря тюремно-лагерно-блатного жаргона» (1992) (см. раздел «Словарь народно-блатных топонимов Ленинграда и области» — хотя оговоримся: большую часть его всё-таки составляют просторечные, не уголовные обозначения), а также из книги Л. Мильяненко «По ту сторону закона» (см. раздел «Жаргонные и бытовые наименования»). Несомненно, основная часть неофициальных названий придумана деклассированными элементами, так как по своему происхождению они восходят к арго, см. примеры: *Пса́рня* — 1. Казармы конвойного полка внутренних войск МВД СССР, Красногвардейский пер. 3, Октябрьский район. 2. Питомник служебно-розыскных собак Управления уголовного розыска, проспект Динамо, 1, Приморский район. 3. Институт усовершенствования следственных работников прокуратуры и МВД, Литейный проспект, 44, Дзержинский район (в арго *пса́рня* — учреждение или здание правоохранительных органов, от *пёс* — сотрудник правоохранительных органов; *Рыжуха* — ювелирный магазин «Сапфир», проспект Энгельса, 7, Выборгский район (в арго *рыжуха* — золото; золотые изделия); *Страда́лка* — женская исправительно-трудовая колония №2, пос. Саблино, Колпинский

район (в арго *страда́лка* — профессиональная преступница); *Финба́н* — Финляндский вокзал и площадь Ленина, Калининский район (в арго *бан* — вокзал); *Финба́нское Чучело* — памятник В. И. Ленину у Финляндского вокзала, Калининский район (в арго *чучело* — памятник).

Любознательный читатель скажет: это все современность, а было что-либо подобное в прошлом?

Было. Например, некоторые официальные названия улиц в крупных городах восходят к арготизмам. Часть дореволюционной Рождественской улицы (нынешняя ул. Маяковская) г. Нижнего Новгорода называли местным арготизмом *Миллибишкой*. Вот как об этом писал исследователь Н. Д. Русинов: «*Миллибишка* — дореволюционное название той части Нижнего Новгорода, которая примыкает к Ивановской башне местного кремля и начинается улицу Маяковского, бывшую Рождественскую. Эта часть в прошлом была местом, где ютились нижегородская гольтыба, босяки. Рядом (на «Скобе») для них существовала ночлежка — то самое «дно», которое изобразил М. Горький в своей пьесе «На дне». Рождественская улица в Нижнем Новгороде за пределами *Миллибишки* до Октябрьской революции была средоточием местных богачей, «ворочавших миллионами», и представляла собой «нижегородское сити». Начало же этой улицы, обжитое беднотой, стали именовать *Миллибишкой* иронически. Но со временем иронический оттенок смысла был забыт» (Н. Русинов, 1994). Да что там улицы — названия гор восходят к арготизмам!

О происхождении топонима *Жигули* существует несколько точек зрения.

1. Лингвист Ш. Р. Бахтиев считает наиболее близким к этому названию слово *джигуле* (в старинной форме *джи-гули*), что в татарском означает «запряжённый, запряжной» (*джигу* по-татарски — запрягание, а *-ли* — суффикс). Учёный утверждает, что «это название относится как к горам, так и к населённому пункту, последний мог быть одним из мест пристанища и сбора бурлаков. Таким образом, горы

джигули — это горы бурлацкие, то есть район, к которому имели отношение бурлаки» (Ш. Бахтиев, 1970).

2. По мнению Е. С. Отина, «Самарская лука у русского населения Поволжья в более позднее время получает название *Жегуля*. Данная лексема как нарицательное существительное (народный географический термин) в говорах не засвидетельствована и восстанавливается на основе топонимов». Исследователь считает, что изначальным значением лексемы *жегуля* является «изгиб, извилина, речная лука» (Е. Отин, 1994). Однако подобных водных изгибов, речных лук на российской территории очень много, но топоним *Жигули* — единственный. И Жигулёвские горы тянутся дальше речной излучины.

3. В журнале Министерства внутренних дел от 1838 года утверждается, что название *Жигулёвские горы* происходит от фамилии знаменитого разбойника Жигулина. Но, скорее, это не фамилия, а кличка разбойника, и вряд ли из-за одного, пусть и знаменитого разбойника могли быть названы горы.

3. Интерес представляет утверждение В. А. Никонова, который высказывал предположение, что слово *Жигули* образовано от слова *жиган* — опытный острожник (В. Никонов, 1966).

Признавая справедливость предположений предыдущих исследователей, мы решили дополнить и развить некоторые аспекты этимологии лексемы *Жигули*. В данном слове явно вычленяется этимологический корень *жиг-* и суффикс *-ул*. Поэтому, на наш взгляд, вполне реальна связь лексемы *Жигули* со словами *жечь*, *выжига* — пройдоха; *прожженный* — опытный; *жох* — мошенник, и *жиган* — опытный острожник. Важны в связи с этим и наблюдения В. И. Даля, см. фрагмент словарной статьи: «*Жиган, жиганка* — пройдоха, старый, тёртый острожник; *жигало ниже* — поджигала, подбивала, зачинщик, коновод в гульбе, шляске, возмущении; *жигли пск.* — плутни; *жигонуть* — убежать; *жэга, жига, жиганка* — брань, по-

бои, наказание; *жех, жох кал.* — жулик, плут, воришка, карманник; бывалый, опытный дока и наглый плут».

Лексема *жиган*, употребляемая для обозначения каторжника, имеющего большой авторитет в уголовной среде, была распространена в преступном мире в XIX в. «Данный арготизм был родствен словам *жечь*, *выжига* — пройдоха; *прожженный* — опытный (палачи ставили на лоб и щеки клеймо ВОР), отсюда — *прожженный* и *жиган*» (М. Грачёв, В. Мокиенко, 2000). См. также слова *жигало*, *жесло* — калёное железо для прижига; вероятно, оно использовалось и палачом. Можно предположить, что лексема *жи(е)гуля* — изначальное либо «беглый», либо «преступник» (возможно, волжский разбойник) — незафиксированный арготизм деклассированных элементов. Косвенным доказательством этого являются многочисленные топонимы в районе Жигулёвских гор, свидетельствующие о местопребывании преступников: с. Отважное, Молодецкий курган, Кудеярова гора, Воеводино урочище, Воровское Городище, с. Обшаровка и др. Лексема *молодэц* имела ещё и арготическое значение — удалой преступник, а Молодецкий курган — излюбленное место волжских разбойников для нападения на государевы и купеческие суда; Обшаровка — от арготического глагола *обшарить* — обобрать, забрать во время грабежа ценности.

Сравните также названия современных населенных пунктов Жигалово, Жиганск в Якутии, мест отбытия наказания преступников, и Жигули, Жигулёвск, Жигулёвские горы, места скопления волжских разбойников.

Арго послужило источником для образования ряда топонимов (см., например, название ул. Ошарская в Нижнем Новгороде — месте, где грабили, *ошаривали* (*обшаривали*); эту улицу ещё называют Ошарой).

Суффикс *-ул* является достаточно продуктивным для образования существительных с отрицательной коннотацией в просторечии и арго, см. примеры: *бородуля* — бородатая женщина; *свекруля* — свекровь; *дуруля* — дурак;

баруля — любовница вора. Существуют и названия множества населённых пунктов с данным суффиксом: Бородулино, Гришулино, Каракулино и т. п.

Возможно и такой вариант образования топонима Жигули: на арготическое значение наложилось диалектное значение лексемы *Жегуля* — название Самарской луки. (См. предыдущие рассуждения Е. С. Отина.)

Названия ряда улиц, переулков крупных городов ведут своё происхождение от старого арго. Больше, конечно, кетонимов. Например, арготизм *крест* в 20-х годах использовался в Самаре для обозначения тюрьмы (название дано по её форме), см. отрывок из блатной песни «Крики, и стоны, и вечный покой...» (Маро, 1925):

Встал с койки он,
Легонько шатался
И что-то сказал про себя.
И вышел на *крест* и окликнул:
«Братва, вспоминайте меня!»

Знаменитая Петербургская тюрьма также имеет название Кресты.

Глава 7

ТОРГОВЦЫ, РЕМЕСЛЕННИКИ, МОРЯКИ, МОЛОДЕЖЬ ... И УГОЛОВНИКИ

Арго тесно связано с городом и оказывает влияние на речь различных групп населения и, прежде всего, на речь ремесленников, торговцев мелких товаров (офеней), матросов, молодежи.

Эти группы населения сблизило в речевом плане то, что у них имелись «свои» слова, применявшиеся для конспиративных целей или бравлады. Представители многих слоев населения попадали в места лишения свободы, где также происходил языковой обмен.

«Товарищеская тюремная община, — утверждал писатель С. Максимов, — не допускает взаимных секретов: какой-нибудь конокрад или шерстобит недолго наскрывает со своим *ламáнским* или бродяга-нищий со своим *кантióжным* языком, когда увидят настоятельную необходимость его применения на всякие вылазки и прикрытия». Наиболее интенсивный словарный обмен проходил между деклассированными элементами и офенями. Уже сам характер деятельности данных групп русского населения предполагал их тесную связь. Часть офеней в определенной мере была той средой, которая порождала преступников. Этому способствовала «бродячая» профессия, обман покупателей, мелкие кражи.

В тюремном фольклоре можно найти указание на то, как офени становятся преступниками. (Не каждый социум удостоивался такой «чести»!) Приведем в качестве иллюстрации отрывок из блатной песни:

Кругом темно, всё потемнело.
И спит Москва во мгле ночной.

Уныло песенку заводит
В тюрьме преступник молодой:
«Мне быть преступником с рождения
Сама назначила судьба.
Я был торговец, был офеней,
И торговал я завсегда.
Я долго по свету скитался,
И много видел я людей.
Но надоела эта доля,
Зависть брала на богачей».

Людям «дна» также было очень удобно сбывать краденый товар офеням: ведь коробейники — это бродячая профессия.

Связи между деклассированными элементами с офенями способствовали появлению в арго и в условно-профессиональном языке «общих» слов. В настоящее время трудно определить, кто у кого заимствовал слова: офени ли у деклассированных или же наоборот. Тем более, что офени функционировали, в основном, до революции. Общими являются, например, следующие лексемы: *бус* — пьяница; *бусать* — пить вино; *косать* — бить; *скамейка* — лошадь; *клёвый* — хороший, красивый, дорогой, выгодный. От офеней перешло в арго слово *лох*: у них оно обозначало мужика, крестьянина, у деклассированных элементов, с их вечным презрением к труду, в частности, крестьянскому — *лох* означало жертву преступления, дурака, а в настоящее время в молодёжном жаргоне имеет значение — «неполноценная, ущербная в каком-л. отношении личность».

Доказательством связи лексики уголовников с лексикой офеней является арготический фразеологизм *по фёне бóтать* — говорить на воровском языке; изначально: *по офёне болтáть (бóтать)* — говорить на условном языке офеней.

Лексемы из условного языка офеней переходили не вдруг и не сразу, а постепенно с XVIII в. до 40-х годов XX века. Например, *вѳтерка*, *вѳдерга* — проездной

билет; документ; письмо (Потапов, 1927); поддельный рецепт на лекарство, содержащее наркотическое вещество: «Глюколовы подсунили аптекарше *вѳтерку*» (Запись 1992); *вѳторка* — проездной билет: «Я сунул в морду контролёра свою *вѳторку*»; фальшивый рецепт на получение наркотиков: «Бѳлая крѳса выписала мне *вѳторку на мороз*» (Запись 1984). *Вѳторка* восходит к офенскому *вѳтерка* — грамота. См. также: *вѳвѳтерка* — выписка; *завѳтерка* — записка; *безвѳтереиный* — беспаспортный; *вѳтерник* — билет; *вѳвѳтерить* — выписать (Даль-2).

Арго было связано и с условно-профессиональными языками ремесленников, которые так же, как и офени, вели бродячую жизнь. Чтобы скрыть секреты своего ремесла, сделать речь непонятной для окружающих их людей (например, для хозяина, в доме которого они находились на постое) ими был придуман условно-профессиональный язык. Ремесленники волей-неволей сталкивались с различными группами населения, в том числе и с деклассированными элементами. Некоторые из них попадали и в места лишения свободы. Между ремесленниками и людьми «дна» происходил лексический обмен. Например, общими для портных и деклассированных слоев общества явились слова: *губáся* — девушка; *гамѳира* — вино; *пыль* — мука; *ламѳишник* — полтинник; для шубников и носителей арго — *грáбки* — это руки (у шубников — *грáбылки*); *химáть* — спать; *хруст* — серебряный рубль.

Имелась также определенная связь между арго и жаргоном матросов. Матросы контактировали с городскими низами и нередко сами принимали участие в контрабанде, скупке и перепродаже краденых вещей. Особенно сблизились люди «дна» и матросы во время революции и гражданской войны.

Общаясь с деклассированными элементами, матросы усваивали их привычки и слова; деклассированные, в свою очередь, также пополняли свой лексикон морскими жаргонизмами.

В годы революции и гражданской войны в жаргон матросов перешли следующие лексемы: *стремить* — стоять на страже и предупреждать товарищей об опасности; *крупá* — солдаты; *шемонять* — обыскивать, смотреть; *смола́* — матросы. От матросов к деклассированным — *полу́ндра* — некрасивая девушка (в жаргоне матросов — опасность); *дрéйфить* — трусить; *дрeфлó* — трус; дредноуты — грубые каторжанские башмаки и др.

Особенно интенсивно аргó взаимодействует с молодежным жаргоном. Так, например, в жаргоне бурсаков имелись слова и сочетания, сходные с арготическими: *сбóндить* — украсть; *свя́тцы* — игральные карты; *три ли́стика* — карточная игра; *юла́* — азартная игра (в аргó — костяной или деревянный конус с очками по сторонам, заменяющий игральные кости); *бардады́м* — ругательство (в аргó — король (игральная карта)).

В 20–30-х годах XX века в молодежном жаргоне имелся пласт слов арготического происхождения. «Вот, например, — писал исследователь молодежного жаргона В. Стратен, — ряд слов из словаря беспризорных, употребляемых, по-видимому, повсеместно, так как они попадают, если не во всех названных материалах, то хоть в некоторых, а с другой стороны, встречаются в параллельных словарях школьного жаргона: *у́рка, ширма, кича, кичман, хаза, бан, майдан, перó, фóмка, шпáлер* и мн. др.» (В. Стратен, 1931).

В настоящее время наблюдается примерно такой же языковой процесс, который имел место в 20–30-е годы XX века: массивное проникновение арготизмов в молодежный жаргон. Напрасно считают некоторые языковеды, педагоги и психологи, что это увлечение экзотичными воровскими словами пройдет с возрастом. Дело в том, что частое употребление арготизмов становится привычкой, и человеку порой трудно заменить словечко преступников литературным словом. Любопытно, что даже у пожилых людей, которые никогда не были связаны с деклассирован-

ными слоями общества, нередко проскальзывают в речи такие слова, как *канáть* — идти; *канать* — доносить; *хáвать* — есть, питаться; *кóбра* — проститутка; *чува́к* — парень; *чуви́ха* — девушка; *морга́лы* — глаза. Всё это идет из юности.

Имеется ряд факторов, которые способствуют проникновению арготизмов в речь молодых людей: их необычность, экзотичность, причудливость звучания, романтика и субкультура преступного мира. Молодые люди, попавшие под влияние взрослых преступников или ровесников, побывавших в местах лишения свободы, стараются подражать им и начинают употреблять в речи блатные словечки.

Одну из причин употребления жаргонно-арготической лексики молодежью подметил исследователь социальных диалектов Д. С. Лихачёв: «Ещё старые английские аргó (жаргоны) подчёркивают юмористический, шутливый его характер... Сленг (жаргон) в редких случаях ставит вещи на свои места» (Д. Лихачёв, 1964). Следует заметить, что элемент смешного, который заключён в молодежном жаргоне, вне живого употребления не существует. Но остроумие жаргонного слова не обязательно, в значительной мере оно может быть стёрто в процессе длительного употребления. Чаще всего это не шутка, а лишь намёк на неё.

Юношей и девушек отчасти привлекает к жаргонизированию выраженное в слове пренебрежение к случаю опасности, смерти, например: *засы́паться* — не сдать экзаме́н; *откры́ть рот* — погореть.

Только за XX век имели место четыре заметных изменения молодежного жаргона, три из них связаны с арготизацией лексики: 1-й этап — 20–30-е годы; 2-ой этап — 50–60-е годы; 3-ий этап — конец 80-х–нач. 90-х годов. И одно изменение связано с появлением жаргонных слов английского происхождения. Наиболее активно английская лексика переходила в 70-х — первой половине 80-х гг., в конце 80-х–нач. 90-х гг. данный процесс замедлился, и в настоящее время преобладает арготическая лексика.

Арготизмы используют практически все социальные группы и группировки молодежи. Так, например, общемолодежными словами являются: *ба́бки* — деньги; *ша́йба* — мелкая разменная монета; *база́р* — разговор; *газова́ть* — употреблять спиртные напитки; *га́снуть* — бить до потери сознания; *дохо́д* — глупый и слабый человек; *ду́ркова́ть* — бездельничать; *разбо́рка* — разбирательство; в школьном и студенческом жаргоне имеются арготизмы: *петрофа́н* — оценка пять (в арго — пять рублей); *засыпа́ться, завали́ться* — не сдать экзамен или зачет, получить неудовлетворительную оценку (в арго — попасться правоохранительным органам при совершении преступления); в жаргоне молодых музыкантов: *башиля́ть* — платить; *жмурови́к* — музыкант, играющий на похоронах; *жмур-трэ́ст* — похоронное бюро (в арго *жму́рик* — покойник); *халде́й* — официант; *кара́сь* — деньги, получаемые музыкантами за исполнение заказанной песни или мелодии (в арго *кара́сь* — богатый клиент, жертва преступления).

В конце 80-х — начале 90-х гг. в солдатско-матросский жаргон начали активно переходить арготизмы, связанные с неуставными отношениями, см., например, названия солдат: *слон* — солдат-новобранец (в арго — осведомитель; заключённый, не знающий тюремных обычаев); *шнуро́к* — солдат от полугода до одного года службы; офицер от младшего лейтенанта до капитана (в арго — подросток, прислуживающийся профессиональным преступникам); *поц* — солдат от одного года до полутора лет службы (в арго — дурак; мужской половой орган); *тиха́рь* — необщительный солдат; солдат-осведомитель (в арго — оперативный сотрудник МВД; доносчик; осведомитель); *чуха́н* — неопрятный и ленивый солдат (в арго — неопрятный, грязный заключённый, вследствие этого унижаемый сокамерниками); *лы́жник* — солдат, самовольно покинувший место службы (в арго — беглец из мест лишения свободы).

Употребление арготизмов в солдатском жаргоне характерно и для других стран. «Американские и английские во-

еннослужащие, — пишет Г. А. Судзиловский, — наиболее часто употребляют гангстерские жаргонизмы, причём, как правило, без переосмысления» (Г. Судзиловский, 1973). В большом количестве блатные слова русские матросы использовали в начале XX века (см., например, произведение А. Веселого «Реки огненные»). Но так как жаргон матросов начала века не был зафиксирован в полном объёме, то мы лишены возможности глубокого анализа функционирования в нем арготизмов.

Проникновению арготизмов в жаргоны матросов и солдат в настоящее время способствует увеличение процента военнослужащих с уголовным прошлым, вследствие чего неуставные отношения в армии и на военно-морском флоте становятся похожими на взаимоотношения между заключёнными в ИТУ, *дедовщина* также способствует усилению криминальных порядков и проникновению арготизмов в речь социально нормальной солдатской и матросской среды. Арготизмы переходят в общесолдатский жаргон и через военнослужащих внутренних войск, занимающихся охраной и этапированием заключённых.

Условия службы и отбывания наказания в местах лишения свободы имеет ряд общих внешних атрибутов: мужской состав, вынужденное подчинение, жёсткая иерархия и распорядок дня. Поэтому не случайно гауптвахта в жаргонах служащей молодёжи называется *китчей*, *кичей* (в арго *ки́ча* — тюрьма); *зек* (*зекá*) — солдат, отбывающий наказание на гауптвахте; *пáйка* — приём пищи; кусок хлеба с котлетой, мясом, маслом, сахаром для солдата, который по каким-либо причинам не пошёл в столовую (в арго — хлебный паёк). Арготизмы в солдатском и матросском жаргонах затрагивают в основном бытовую сферу и не переходят в чисто военную (например, не обозначают уставы, новейшие виды вооружения и т. п.)

В солдатском и матросском жаргонах имеется ряд арготизмов, связанных с сигналами тревоги и наблюдением: *ва́ссер* — сигнал опасности во время неустав-

ных матросов срочной службы (в арг — сигнал тревоги), аналогично в солдатском жаргоне — *пáлево* (в арг *пáлево* — сигнал тревоги, опасности; задержание с поличным); *палить* — наблюдать, следить за командирами (действия солдат), (в арг — доносить, предавать).

А. Д. Швейцер, описывая военный жаргон США, считает, что «жаргонизмы охватывают более широкую понятийную сферу, чем официальная уставная терминология» (А. Швейцер, 1983). И арготизмы, перешедшие в жаргоны солдат и матросов, нередко используются в качестве номинаций для тех реалий, которые имеются в жизни военных людей и отсутствуют в других социумах.

Как видно из приведённых примеров, арготизмы, перешедшие в солдатский и матросский жаргоны, не меняют своего фонетического облика, хотя при переходе они либо сужают, либо расширяют лексические значения. Жаргоны солдат и матросов срочной службы «выбирают» из арга нужные слова. Например, из нескольких однокоренных слов, имеющих одинаковое значение в арге, в солдатский жаргон переходит одно какое-либо слово с одним специфическим значением, ср.: в арг — *дубáк*, *дубáн*, *дубняк* — сторож, надзиратель, охранник, часовой, милиционер; в солдатском жаргоне *дубáк* — часовой.

Арготизмы иногда выступают в солдатском жаргоне в качестве приложений или являются частью сложных слов: *дэдушка-стукáч*, *тиходэд* — солдат более полутора лет службы, являющийся осведомителем; *дэдушка-чмо* — грязный, опустившийся солдат, прослуживший более полутора лет.

В последнее время в составе лексики криминогенной среды наблюдается появление солдатских жаргонизмов, см. примеры: *дэмбель* — освобождение из мест лишения свободы (в солдатском и матросском жаргонах — увольнение в запас); *губá* — карцер (в солд. жаргоне — гауптвахта); *туджáк* — заключённый, которому остался небольшой срок до освобождения из мест лишения свободы;

осуждённый, имеющий небольшой срок (в солд. жарг. — солдат, служащий после приказа министра обороны об увольнении в запас).

Арготизмы используют и некоторые неформальные молодежные группировки. В зависимости от интересов, выделяется ряд объединений молодых людей: хулиганствующая молодёжь, хиппи, панки, брейкеры, люберы, металлисты, волнисты, мажоры, наци, пацы, чистильщики, фанаты, скинхеды и т. п. Они характеризуются определённой атрибутикой, символикой, лозунгами. Их члены гораздо чаще совершают противоправные поступки, чем молодёжь, не входящая в неформальные группировки. Например, хулиганствующая молодёжь, в основном, употребляет общеуголовное арг. Хиппи часто используют слова: *ксива* — документ; *ксивник* (*ксивняк*) — мешочек, который хиппи носят на шее и в котором хранится паспорт (в арге *ксива* — документ, письмо, бумага, на которой можно что-либо написать); *кíнуть* — украсть, обмануть; *мóйка* — бритва; *лох* — жертва преступления, дурак, глупый человек; *клифт* — пиджак, пальто; *кíпиши* — суета, шумное празднество (в арге — шум, скандал); *чмо* — плохой человек (в арге — опустившийся человек, не способный себя защитить); *мáза* — возможность (в арге — дружба); *утакóвка* — милицейская автомашина; *голяк* — отсутствие чего-либо; *писáть* — резать бритвой.

Следует отметить, что в некоторых случаях жаргонные элементы неформальных молодежных группировок тесно смыкаются с арготическими. Например, жаргон панков наполовину состоит из арготических слов, очень много их в жаргоне хулиганствующей молодёжи (здесь есть одна проблема: порой трудно отличить преступника от представителя этой неформальной молодёжной группировки). Другой неформальной группировкой, в жаргоне которой употребляется много арготизмом, являются хиппи. Заметим, что хиппи как движение появилось в Советском Союзе в конце 60-х — нач. 70-х годов. Однако его элементы уже

были и в конце 50-х — начале 60-х годов. Хиппи, в определённой мере, — «дети стиляж»: те же длинные волосы, небрежность в одежде, а иногда и её экстравагантность. Философия хиппи сродни философии Диогена — всё моё ношу с собой. Поэтому хиппи часто, не имея денег, путешествуют, по их выражению, *автостопом* по России. Хиппи ведут беспорядочный половой образ жизни, употребляют наркотики. Всё это вместе взятое отражается в их лексике. Именно из стиляжского жаргона они и почерпнули часть слов. В жаргоне хиппи имеется и множество жаргонизмов, обозначающих наркотики и связанные с ними реалии, причём слова как собственно русского происхождения, так и английского, вот примеры: *кислотá* — наркотик ЛСД (сильное психотропное средство); *комóт* — отвар маковых головок с сахаром; *краб* — сиднокарб (психостимулятор); *лист* — упаковка таблеток; *беда́* — наркотик; *первиту́н* — наркотик, который вводят в организм шприцом; *бодяжить* — готовить, разводить, размешивать наркотическое вещество; *глюк* — галлюцинация, вызванная наркотическими средствами, см. контекст из песни: «В полтолке открылся глюк — это глюк. На стене большой паук — тоже глюк»; *продвину́ться* — вколоть наркотическое вещество. В жаргоне хиппи много слов с отрицательной коннотацией, имеющих ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску, например: *клю́ха, клюка́* — Клуб любителей хиппи — человек, сочувствующий хиппи, но сам им не являющийся (хотя нередко под них подделывающийся). Часть слов хиппи заимствовали из арго, например: *контóра* — отдел милиции, КГБ, который занимался работой с хиппи (в арго — милиция); *подписа́ться* — вовлечь человека в какое-л. мероприятие (в арго — согласиться на что-л.); *ма́за* — удачная возможность (в арго — заступничество; поддержка друг друга); *ксивник, ксивня́к* — мешочек на шее у хиппи, в котором хранятся деньги, документы и разная мелочь (в арго — внутренний карман пиджака, куда прячут *ксиву* — документы); *мойка* — лезвие бритвы

(в арго — лезвие бритвы, используемое ворами-карманниками для разреза одежды, сумок, портфелей-дипломатов с последующей кражей. Кстати, уголовники называют хиппи *волосатыми*. Характерно, что и это слово вошло в жаргон хиппи).

Чрезмерное увлечение иностранщиной приводит к тому, что некоторые русские лексемы молодёжь воспринимает как заимствования из английского языка. В частности, это касается ряда арготизмов. Так, например, слово *мент* — милиционер, по их мнению, будто бы образовано от английского слова *tend* (исправлять, чинить) или от *mental* (умственный); *клёвый* (хороший, отличный) — от *clever* (умный). Любопытно, что приведённые слова русскими преступниками действительно заимствованы, но не из английского языка: *клёвый* — из условного языка офеней, а *мент* — из польского арго, где *mente* обозначало солдата.

И вот парадокс: молодёжь, не знающая даже самых распространённых слов английского языка, воспринимает ряд лексем уголовного мира как английские заимствования. Типичный случай — пример с модными сейчас в молодёжной среде словами *тусовка* и *тусоваться*. Анализ словарей арго 20-х — 70-х гг. XX столетия и наша картотека показывает, что слова *тусовка* и *тусоваться* заимствованы из лексики деклассированных элементов, где лексема *тусовка* имела несколько значений: драка, воровская сходка, место встреч преступного мира, а глагол *тусоваться* имел значение — курить, ходить без определённой цели, общаться друг с другом, собираться компанией. Параллельно с этими арготизмами использовались их варианты: *тасовка* и *тасоваться* с теми же значениями.

«Англо-нижегородские» слова, столь обильно употребляющиеся молодёжью, причудливо сочетаются с блатными лексемами. Особенно это касается жаргона хиппи, который, в основном, и состоит из англизмов и арготизмов. Вот отрывок из разговора: «*Фáзер* этого *торчка́* так *гасил,*

что тот чуть *коньки* не *отбросил*, Хорошо, что *герлуха ринганула* в *полис*, оттуда *мелодия прикатила* и *повинтила* обоих»; перевод: «Отец так бил этого наркомана, что тот чуть не умер, хорошо, что его девушка позвонила в милицию, оттуда приехала милицейская автомашина и обоих арестовали».

Лексика молодёжи — своеобразный индикатор, показатель того, что общество болеет и сильно болеет. В настоящее время наблюдается определённая криминализация правосознания молодёжи: перенимаются привычки уголовного мира, манеры поведения, речь. Горько становится от того, что значительная часть молодёжи знает или употребляет арготизмы наркоманов и сбытчиков наркотиков. К примеру, слова: *дурь женатая* означает папиросу с табаком и гашишем; *байн* — это шприц; *кайф-базар* — притон наркоманов.

Эти и им подобные арготизмы употребляются целенаправленно, нередко в противоправных целях и не являются речевой забавой, игрой. Для определения наркоманов в школьной среде нами был составлен в 1996 г. краткий словарь-справочник «Жаргон и татуировки наркоманов» — ведь школьник, не употребляющий наркотики, не будет использовать их лексемы.

Современный молодёжный жаргон (в том числе и школьный) агрессивен. Вот как об этом говорят исследователи: «Заимствования из тюремно-лагерного арготизма создают особый образ школьного мира, для которого характерны жестокость, отчуждение, насилие, ср.: *крематорий* — школа; *чипок*, *рыгаловка* — школьная столовая; *пахан* — директор школы; *эшафот* — место у доски; *гестано* — кабинет директора (Николина, 2000). До сих пор ещё существуют спецшколы и спецПТУ для правонарушителей до 16 лет, где активно используются молодёжные жаргонизмы, похожие на арготизмы, см.: *путёвый*, *никто*, *параша*, *прописка*, *синока*, *чурек*, *шестак*. Все эти слова — свидетельство о том, что их носители живут по тем же законам, что и взрослые

правонарушители, современные профессиональные преступники.

Общество заблуждается относительно того, что будто крупные профессиональные преступники или преступники, совершающие высококвалифицированные преступления, не употребляют арготизмов, есть, мол, в их среде воры-интеллигенты, не позволяющие в своей речи блатного слова. Но это не так: для преступника блатное слово — неотъемлемая часть его жизни, оно, как хорошо сделанная татуировка, с ним до конца дней. Вот любопытный пример: газета «Комсомольская правда» приводит перечень венков, присланных профессиональными уголовниками как последний прощальный поклон покойному вору в законе Джему (Евгению Васину, жителю г. Комсомольск-на-Амуре): «107 венков с надписями в основном следующего содержания: «Евгению от камчатских *братков*» (профессиональных преступников — М.Г.), «Евгению Петровичу от *бродяг* (профессиональных преступников — М.Г.) Николаевска», «Бате — от *шпаны* (преступников — М.Г.) Красной речки», менялись лишь обращения и географические названия. Были и личные — «от Глота», «от Башмака и Стаса», а также просто «от *спортсменов* (преступников, бывших спортсменов — М.Г.)». Казалось бы, уж на похороны можно прислать и человеческие послания, без арготизмов и собачьих кличек, но привычка — вторая натура...

Уже доказано юристами, что в процессе вовлечения молодёжи в преступную деятельность профессиональные уголовники используют весь арсенал своей субкультуры: и рассказы о необыкновенных похождениях представителей криминального контингента, и блатные песни, и арготизмы. «Пример уголовно-воровских традиций, обычаев, — утверждает известный юрист А. И. Гуров, — поддерживается также на общебытовом уровне. Свидетельство тому — живучесть воровского жаргона и воровских песен. Причём и то и другое в большей мере распростра-

нено в среде несовершеннолетних правонарушителей и на первоначальной стадии способствует самоутверждению личности» (А. Гуров, 1990).

Опрос представителей различных молодёжных объединений показал, что значительное количество арготизмов в их речи не воспринимается ими как заимствования из арго.

Мы далеки от неприятия всего молодёжного жаргона: в нём есть и много безобидных слов, действительно являющихся определённым средством самоутверждения, речевой игрой, тем более что для молодёжи они и признак сверстников. Исследователь молодёжного жаргона В. Малаховский ещё в начале прошлого века писал: «Юность не безразлично относится к слову. Наоборот, вкус к слову, к его выразительности чрезвычайно повышается в период юности. Особенное внимание юношество отдаёт качественной стороне речи: её яркости, эмоциональности, избретательности» (В. Малаховский, 1927). Однако нельзя согласиться с тем, чтобы речь молодёжи полностью состояла из жаргонных словечек, особенно если это бывшие арготизмы, отражающие воровское мировоззрение. Это не только порча языка, но и трудности в общении, нарушение коммуникативных связей между людьми. Между тем бывшие арготизмы (такие, как *козёл*, *лох*, *отстой*, *гон*) могут быть и причинами конфликтов между подростками — ведь они нередко используются как оскорбления.

Ученик должен как можно больше знать о русском языке и не только о литературном, нормированном, но и о просторечных его формах, в том числе и об арго и жаргонах. Однако педагог, говоря об этом, должен быть особенно корректным, чтобы не впасть в другую крайность: он не имеет права давать рекламу словам-сорнякам. С другой стороны надо воспитывать вкус к литературе и языку литературного стиля. «Постепенное сближение с Толстым и Тургеневым достаточно обогатит речь, чтобы человек мог находить экспрессию не только в ругательстве, но и в чём-то другом»

(М. Рыбникова, 1927). Учитель-словесник должен довести до сознания ученика мысль, что овладение литературным языком не только сделает его культурным человеком, но и принесёт ему в будущем практическую пользу в какой-либо деятельности. Педагог должен объяснить ученику, что «в основе жаргонных, циничных выражений и ругани лежит слабость», так как люди, которые их произносят, «потому и демонстрируют своё презрение к травмирующим их явлениям жизни..., что они чувствуют себя слабыми, не защищёнными против них» (Д. Лихачёв, 1989).

В настоящее время преступники активно взаимодействуют и со многими другими социальными группами, в первую очередь со спортсменами (боксёрами, борцами, каратистами, дзюдоистами, биатлонистами и т.п.), сотрудниками правоохранительных органов, бывшими агентами спецслужб, и солдатами, воевавшими на территории Афганистана и Чечни. Дело в том, что многие разветвлённые шайки профессиональных уголовников создаются по образцу военизированных или полувоенизированных структур, где есть своя разведка, контрразведка. Они занимаются не только выяснением гипотетических угроз для их криминальных бригад, но и «чистотой» своих рядов, а также устранением конкурентов или социальных врагов, причём делают это профессионально. Их взрывают (а это делают профессионалы-подрывники), отравляют, убивают из огнестрельного оружия, имитируют несчастные случаи. Доказательством таких связей являются многочисленные элементы жаргонов в арго. Например, автор ещё в 1994 году слышал от мафиозных структур в г. Нижнем Новгороде любопытную фразу: «Мы на *городе* (на городской воровской сходке) пока этого пацана решили не трогать». Говорящий, несомненно — бывший спортсмен, выражение *на городе* употребляется в специфических спортивных фразах, например: «Занять на *городе* (на городских соревнованиях) первое место». Очень много имеется жаргонизмов из военизированных структур, см. об

этом подробнее в «Словаре русского военного жаргона» В. П. Коровушкина (Екатеринбург, 2000).

В аргю проникло также значительное количество территориальных диалектизмов. Особенно интенсивное заимствование из диалектов наблюдалось до 40-х годов XX в. Сейчас этот процесс по многим объективным причинам замедлился.

В местах лишения свободы находятся представители из разных местностей, которые привносят свои лексемы в аргю. Приведем в качестве примера ряд «бывших» дореволюционных территориальных диалектизмов (для сравнения с дореволюционными арготизмами использовался труд В. И. Даля «Толковый словарь живого великорусского языка»):

«Балáнда *ряз., смб., тмб.* — холодец из заквашенной на муке свекольной и иной ботвы с крошкой (в аргю — тюремная похлебка); **зэпать** *кстр., пенз., пск.* — кричать, зевать, вопить во все горло (в аргю — кричать); **пара́шник юж.** — золотарь, занимающийся очисткой отхожих мест (в аргю *параша* — емкость для нечистот, ставящаяся в камеру); **храп кур., нвг.** — нахал, наглец, буян, драчун, каторжник с рваными ноздрями (в аргю — каторжник, завоевавший авторитет среди заключенных красноречием); **челдбн ирк.** — бродяга, беглый, вожак, каторжник (в аргю — постоянный житель Сибири); **поднять на шарáп нвг.** — разграбить, расхватать (в аргю — взять грудью, приступом); **шмáра вост., юж.** — тина, ряска, цвет воды (в аргю — сожительница воров, соучастница по краже; в этом примере видно и влияние арготизма *мáра* — женщина).

Из территориальных диалектизмов уголовники выбирали больше всего слова с пейоративной окраской, см., например, *вьд́ра* — женщина лёгкого поведения; проститутка; некрасивая женщина. Даль-1: **ВЫ́ДРА** *тмб.* — болезненный, исхудалый человек, особенно женщина.

Взаимный обмен происходил не только между аргю, условно-профессиональными языками, жаргонами, терри-

ториальными диалектами, но и с просторечием. Аргю черпало из просторечия наиболее эмоциональные, хлесткие слова. В свою очередь, некоторые арготизмы переходили в просторечие. Так, например, в 30-е–40-е годы XX века в просторечие перешли и закрепились следующие слова: *бары́га* — спекулянт (в аргю — скупщик краденого); *валя́ть ваньку* — обманывать (в аргю — не платить долю в шулерской игре); *загна́ть в бутылку* — вывести из себя, разозлить (в аргю — уличить во лжи); *кимáрить* — спать, дремать; *ле́вый* — незаконный, побочный (в аргю — краденый); *во́лынить* — бездельничать (в аргю — затевать ссору); *ли́па* — подделка, обман (в аргю — липкая паста, с помощью которой можно склеить две игральные карты); *мандражи́ть* — бояться; *загна́ть* — продать; *телéга* — жалоба, заявление (в аргю *толка́ть телéгу* — жаловаться); *зэка́ть* — смотреть.

В 60-е–80-е годы в просторечие перешли арготизмы: *мент* — милиционер; *ментóвка* — милиция; *ка́пать* — доносить; *стукáч* — доносчик; *отовáрить* — ударить; *кати́ть* — идти; *рва́ный* — рубль; *посади́ть на иглу́* — сделать наркоманом; *припáять* — присудить (в аргю — определить высший срок наказания по данной статье); *па́чка* — удар по лицу.

Арготизмы иногда проникают и в литературный нормированный русский язык. Еще в 30-е–40-е годы туда перешло слово *деуру́шник* — человек, который под личиной преданности кому-либо или чему-либо, действует в пользу враждебной стороны (в дореволюционном аргю — нищий, который протягивает две руки за подаванием). Как оно появилось? Можно представить следующую картину: церковь, нищие, сидящие на паперти в два ряда. В церковь проходит важная барыня и, не глядя на страшных, омерзительных, тошнотворных нищих, подает им в руки милостыню. Все нищие как нищие: протягивают за подаванием одну руку, но один из них протянул две руки. Естественно, он получил двойную милостыню, в два раза больше, чем

ГУТЕН МОРГЕН — УТРЕННЯЯ КРАЖА В ГОСТИНИЦЕ

Иноязычные заимствования в арго

остальные. Мало того, он еще и хвастается своей находчивостью, насмехается над своей же братией! И «коллеги» презрительно стали именовать его *двурушником*.

Примерно в это же время в русском литературном языке появилось слово *очковтирательство* — обман. Слово *очковтирательство* перешло из лексики шулеров (карточных мошенников). *Втирать очки* означало с помощью особой пасты замазывать очки на игральных картах или, наоборот, стирать эту пасту с очков. Таким образом, набиралось нужное количество очков при игре в «двадцать одно».

В настоящее время в русский литературный язык настойчиво стучится слово *беспредел*. Первоначально (примерно конец 30-х годов прошлого столетия) в арго оно имело значение «грубое нарушение воровских законов». За тем в сороковых годах добавилось новое — «группировка преступников, не соблюдающая воровских законов». Членов этой группировки стали называть *беспредельщиками*. Затем *беспределом* в арго начали именоваться все рядовые заключенные. Оно имело также и значение «неограниченное количество чего — кого-либо».

Среди деклассированных элементов слово *беспредел* и его производные являются очень распространенными и нередко употребляются в письменной речи. Вот выдержка из письма бывшего *вора в законе*: «Шукшин очень хорошо поставил «Калину красную», но в конце опять неправда. Якобы Губа стал мстить и преследовать его за то, что он хотел *завязать* и честно жить *мужиком*. Это ложь! В жизни *воровской* такого не было. Тем более, что в фильме показали, что Губа приехал убить его и при нем была женщина. Если бы в жизни какой-либо *вор в законе* сделал это, то его бы самого за такой *беспредельный* проступок воры обязательно бы *зарезали*».

Вероятно, в русский литературный язык слово *беспредел* перейдет с двумя значениями: «высшее беззаконие» и «неограниченное количество чего/кого-либо».

В арго имеется значительное количество слов, пришедших из других языков.

Каковы основные причины заимствований? Наиболее четко их сформулировал языковед Б. А. Ларин: «Уже бродячая жизнь носителей арго в феодальную эпоху, а затем переменный (подвижный и разнонациональный) состав городского населения при капитализме — заставляют предположить широкий международный языковой обмен. Но есть и другая, вполне имманентная причина разноязычного состава арготической лексики: почти все арго, по крайней мере в прошлом, были тайными языками, средствами социальной самозащиты и противопоставления. Гонимые деклассированные имели постоянную нужду опознавать «своих» и скрывать свою коммуникацию от «чужих», от социальных врагов. Для этого можно было деформировать элементы общего языка, либо употреблять неизвестные в данной стране слова из другого языка» (Ларин, 1931). Единственно, что требуется уточнить: арго никогда не было тайным языком, но его непонятность деклассированные элементы использовали в качестве конспирации. И добавим, что еще одной причиной заимствований является всеобщая «мода» на тот или иной язык. Как сейчас, например, «мода» на английский язык.

Слова заимствуются из языков, бытующих как на территории России, так и за её пределами. Русское население

издавна находилось в соседстве с другими славянскими, тюркскими, финно-угорскими народами. В России имелось (и имеется) значительное количество евреев и цыган. Между всеми этими народами происходил языковой обмен. Представители высших классов, знавшие иностранные языки, опускаясь на дно жизни, привносили западноевропейские лексемы в среду деклассированных элементов. Иноязычные элементы привнесли в аргó слуги и дворовые, усвоившие от своих господ некоторые иностранные слова.

Не последнюю роль в иностранных заимствованиях сыграли портовые и приграничные города. В XIX–XX вв. это особенно Одесса, один из главных южных портов России, — настоящий южный Вавилон, который населяют и русские, и украинцы, и греки, и евреи, и жители Кавказа и Закавказья. Кроме того, там у профессиональных преступников были очень сильные позиции; помимо этого, данный город был благодатным местом для других деклассированных элементов: проституток, нищих, босяков. Например, именно оттуда пошла мода на смягчение твёрдых согласных шипящих звуков.

Именно в конце XIX–нач. XX вв., когда преступность стала носить интернациональный характер, наблюдается широкий взаимный лексический обмен между русскими и зарубежными преступниками. Интенсивный обмен идет и сейчас.

Следует указать и еще один фактор. В исправительно-трудовые учреждения попадают и лица, хорошо знающие иностранные языки. Они также способствуют появлению в аргó «заграничных» слов.

Возможно, в какое-либо время иноязычные воры образуют язык пиджин для общения, а уже потом лексемы переходят в общее аргó или специализированное осколками его являются цыганско-русские арготизмы, еврейско-русские. Известно, например, про русско-китайское кяхтинское наречие, которое создали русские и китайские купцы в пограничной Кяхте для удобства общения, рус-

ско-норвежский пиджин — «норск» — был создан русскими и норвежскими рыбаками (моряками) для общения. Его основа: смесь русских, немецких и норвежских слов. Исследователи свидетельствуют, что пиджин чаще всего появлялся в пограничных и портовых городах. Но почему этот пиджин был характерен только для законопослушного населения? Несомненно, пиджин был и у людей «дна». Были и центры такого пиджина. В частности, для России таким центром была Одесса — своеобразный российский Вавилон, где проживали русские, украинцы, татары, армяне, греки, молдаване, евреи, цыгане. Но все они говорили на русском языке, однако элементы их языков встречаются во многих аргó. Несомненно, именно в Одессе были воровские русско-английские, русско-французские и русско-итальянские пиджины, из которых большое количество лексем перешло в аргó. К сожалению, об этом имеются только косвенные данные, см. арготизмы, зафиксированные П. П. Ильиным (1912): *судбóй* — половой; *инглишимéнка* — проститутка, знающая английский язык; *опрайт* — всё хорошо. И таких слов — можно предположить — было очень много. Может быть, поэтому некоторые лексемы известны в разных аргó: русском, французском, немецком, польском, английском: *мандрó* — хлеб; блат — преступление и др.

Относительно происхождения *мандрó*. Возможно, что оно восходит к седой древности, даже к индоевропейскому периоду. *Мандрó(á)*, впервые зафиксированное С. Потаповым (1927), означает хлеб, продукты; см. также А. Миртов (1929), у исследователей В. Тонкова (1930) и у Б. Ларина (1931) данная лексема имеет несколько иной характер — булка. С. Снегов данный арготизм фиксирует со значением «хлеб». В современном аргó используется *мантрó* — хлеб: «Вы, сучары, *мантрó* собакам кидаете, а у нас в Чуркестане им клянутся!» (Запись 1992). *Мáро* с тем же значением: «Беглецам *разводной* дал три буханки *мáра*» (Запись 1992). По мнению А. Баранникова (1931), данная лексема заимствована из цыганского языка, где *mandro* (хлеб), возможно,

восходит к хинди, где *mantra* (в индуизме) — священное заклинание, которому приписывается волшебная, сверхъестественная и исцеляющая сила. То есть можно предположить, что цыганское *mandro* первоначально — хлеб, полученный в качестве подаяния, милости, после молитвы. Но, может быть, всё гораздо проще: данное слово имеет диалектную основу: так, есть арготизм *мандрувать* в значении «бродяжничать» (см. В. Стратен, 1929): «Почёт тебе, как волку бешеному: ни тебе работы, ни тебе ночлега — *мандруй* без остановок, пока не сдохнешь!» — объяснил откровенно один из таких» (В. Гиляровский. Москва и москвичи). Слово восходит к южным и западным диалектам (нем. *wandern*), где имеет значение «странствовать, идти в путь» (см. Даль-1); у Н. Лескова в рассказе «Заячий ремиз» встречается лексема *мандривать* со значением «бродить, странствовать». Не исключено, что изначально: бродить с целью подаяния. В современном арготизме имеется лексема *мандруха* — пицца: «На хате *мандрухи* навалом, как будто спецом для нас приготовили» (Запись 1994); это также продукты: «Бабок мы в магазухе не нашли, зато *мандрухой* отварились вволю» (Запись 1994); еще одно значение — самодельные наркотики, приготовленные из таблеток: «Обе пацанки дуба дали от *мандрухи*» (Запись 1994).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля имеется лексема *мандры́ка*, что в южном диалекте означает лепёшку из теста с творогом, род ватрушки, приготовляемой к Петрову дню.

Исходя из значений лексем *мандро́* и *мандрува́ть*, можно объяснить происхождение и других арготизмов и арготических фразеологизмов с корнем *мандр-*: *мандро́ се́рое* — чёрный хлеб; *ма́ндрáж*, *ма́ндражé* — холод (во время бродяжничества часто мёрзнут): «Его *ма́ндражé* трясёт» (Ж. Росси, 1990). Затем от этого значения происходит перенос, и данное слово получает дополнительное значение — испуг: «А ну, мужик, подходи. Без *ма́ндражá* раскрой *халя́ву*, отвечай — *чернота́* ты или *вор?*» (Ю. Фи-

дельголец. Тот Ванинский порт); *ма́дрáж бьёт* — замёрзнул: «Меня уже *ма́ндраж бьёт*, совсем замёрз!» (Запись 1976); испугался: «Вижу, девчонку и так *бьёт ма́ндраж*. Чего с неё возьмёшь!» (Запись 1976). Происхождение других слов будет понятно и без комментариев, см.: *ма́ндражёр*, *ма́ндражист* — трус: «Все вы *ма́ндражёры*, ссыте всего» (Запись 1980); «*Ма́ндражист* тут же ноги сделал и не стал связываться» (Запись 1981); *ма́ндражить*, *ма́ндражировать* — бояться: «Да ты не *ма́ндражйруй*, пацан! Дай ему прямо в глаз!»; «Что ж ты, *па́дла* сивая, *ма́ндражйшь?*» (Запись 1981). Единственное слово, которое выпадает из системы, это *ма́ндрéха* — проститутка: «*Ма́ндрéха* утром *слиняла*, даже не поблагодарила за *сто́льник*» (Запись 1992). Однако обращение к общенародному украинскому языку всё расставит на свои места: укр. *ма́ндрéха* — бродяга; потаскуха, проститутка. Данное слово образовано от лексемы *ма́ндрувати* — бродяжничать, т. е. *ма́ндрéха* изначально — бродяга, а затем — потаскуха, проститутка: с последним значением оно перешло в русское арготизм.

Трудно определить, из какого славянского языка была заимствована лексема *ры́паться* (*ри́паться*) — вмешиваться в чужие дела. См. контекст: «Так у меня к тебе дело, *сиди* в номере, не *ры́пайся*, скоро вернусь» (Н. Леонов. Ещё не вечер). «Скажи, говорит, старику, чтобы весь день *сидел* дома и никуда чтобы не *ри́пался*» (А. Куприн. Конокрады). В в.-луж. глагол *гура́с* — ковырять, в переносном смысле — грубо, со злостью накидываться на кого-л.; в чеш. *гу́рати* — ковырять чем-л. что-л., толкать; придирааться к кому-л., задевать кого-л. (П. Черных, 1994); в болг. *ри́пам* — мечусь, подпрыгиваю.

Множество западноевропейских заимствований в конце XIX–начале XX вв. перешло через южные города страны: прежде всего Одессу, Ростов-на-Дону, Херсон и Севастополь. Именно они были на протяжении многих лет центрами русской преступности, босяков, бродяг и проституток. Затем Москва и Петербург, в которых, правда,

преобладают отечественные арготизмы, хотя и много полонизмов. Нельзя забывать, что Польша, находясь в составе Российской империи, была своеобразным проводником западноевропейских арготизмов (прежде всего, немецких). Но если анализировать заимствования в зависимости от временных характеристик, но нетрудно заметить, что до начала XIX в русское арго переходили тюркизмы, украинизмы (особенно их много было в арго волжских разбойников), в середине XIX — полонизмы, лексемы из цыганского и еврейских языков, а в конце XIX—нач. XX вв. наблюдается большое количество заимствований из западноевропейских языков, из еврейского и польского.

Немногочисленные работы о заимствованиях в русском арго имеют ряд неточностей и спорных моментов (см. основные из них: А. Баранников, В. Бондалетов, Н. Дмитриев, П. Ильин, Б. Ларин, М. Фридман). Одним из крупных недочётов исследователей, изучавших заимствования в русском арго, является то, что к ним были причислены (без указания на это) иноязычные слова, уже функционировавшие в общенародном языке или в территориальных диалектах. Например, Н. К. Дмитриев включил в состав заимствований следующие слова: *бaбáй* — ростовщик, старик, дед (баш., пов.-тат. *babai* — старик, дед); *баш* — голова (общетюрк. *bas* — голова; начало; край); *гайтáн* — тесьма или шнурок (азерб., осм., ткм. *gaitan*); *махани́на* — баранина; конина (пов.-тат. *mahan* — мясо) (Дмитриев, 1969). Между тем эти слова функционировали либо в общенародном языке, либо в территориальных диалектах.

Рассмотрим основные группы заимствований, имеющие место в арго русских деклассированных элементов.

Тюркизмы в русском арго

В настоящее время трудно определить, в какое время заимствовался основной пласт тюркских лексем. Можно

лишь предположить, что заимствования тюркизмов в общенародный язык происходило на протяжении всего периода русской истории. Легко заметить, что тюркизмы больше относятся к бытовой лексике арго. (При выявлении тюркизмов были использованы материалы монографии В. А. Тонкова «Опыт исследования воровского языка» (1930) и статьи Н. К. Дмитриева «Турецкие элементы в русских арго» (1931). Используя эти источники, мы вынуждены сохранить латинскую графику (чтобы не было разнобоя при использовании собственных примеров), хотя в настоящее время у тюркских народов России имеется русская графика. Их основные значения:

1) Числа: *алт́и* (пов. — пятнадцать); *анб́ири* — пятнадцать (пов.-тат. *unbis* — пятнадцать); *едь* — семь (осм. *jedi* — семь); *ж́ирма беш* — двадцать пять (пов.-тат., баш. *zijirma bes* — двадцать пять); *и́ки* — два (общетюрк. *iki* — два).

2) Деньги: *сáра* — деньги (общетюрк. *sari* — жёлтый); *аб́иш* — пятнадцать рублей (пов.-тат. *unbis* — пятнадцать); *áкча* — деньги (азерб., крым.-тат., пов.-тат., баш. *aqca* — серебряная монета, ценность которой варьируется по местностям); *алт́миш* — шестьдесят рублей (азерб., крым.-тат., пов.-тат., башк., ткм. *altmis* — пятьдесят); *бáк-ра* — грош, две копейки (азерб., башк., пов.-тат. *baqir* — красная медь).

3) Люди по их психологической, национальной, профессиональной и возрастной характеристике: *адáша* — братишка (азерб., башк., крым.-тат., осм., пов.-тат., ткм. *adas* — тёзка); *бик*, *б́ике* — женщина (пов.-тат., узб. *bik*, *bike* — госпожа, дама, княгиня); *бил́иш* — знакомый, приятель (баш., пов.-тат. *bilis* — знакомый, приятель); *кúчик* — малыш, маленький (азерб., крым.-тат., осм. *kucuk* — малыш; *югáн* — цыган (общетюрк. *jugen* — уздечка).

4) Части тела: *а́йка* — нога (пов.-тат. *aiag* — нога); *кудáк* — мужской половой орган (каз., пов.-тат. *qutaq* — мужской половой орган); *ял́ман* — язык (осм. *jelman* — кончик сабли).

5) Пища: *бурчак* — горох (пов.-тат. *burcaq* — горох); *халбур* — овес (азерб., крым.-тат., осм. *halbur* — решето); *яуро* — яйцо (общетюр. *jauru* — птенец).

6) Животные и насекомые: *агер* — жеребец (общетюрк. — жеребец); *бабак* — червяк (азерб., осм., башк., пов.-тат. *babak* — зрачок, бутон); *донгус* — свинья (азерб., южно-крым., ткм. *donguz* — свинья).

7) Стрoения, учреждения, места нахождения деклассированных элементов: *балчик* — город, базар (азерб., пов.-тат., узб. *balciq* — грязь, глина, глинобитные постройки); *батыш* — ночлежка (осм., пов.-тат. *batis* — захождение солнца, руины); *кабурка* — камера в тюрьме (монг., осм., пов.-тат. *qabirqa* — остов, ребра; лагы); *каня* (*кань*) (азерб., осм., узб. *kan* — постоянный двор); *кюса* — церковь (крым.-тат. *kélisa* — церковь); *шалман* — притон деклассированных элементов (каз. *salman* — аркан с петлей, кашне); *кича* — тюрьма, штрафной изолятор, карцер (пов.-тат. *kisa* — ночь, мрак).

8) Одежда и ткань: *азык* — сукно (пов.-тат. *aziq* — сукно); *бурма* — шуба (азерб., осм. *birma* — складки, фалды, завиток).

9) Прочие реалии: *ашманаш*, *ашиналаш* — обыск (башк., пов. *asnalas* — ознакомление); *бирга* — идти в долгу (башк., пов.-тат. *birga* — вместе, заодно); *бирь* — давать (башк. *bir* — дай); *баски* — ножницы (общетюрк. *baski* — пила); *шамать* — кушать (общетюрк. *asamaq* — есть, кушать); *кимши* — серебро (башк., пов.-тат., азерб., ткм., узб. *kotos* — серебро); *чубарда* — кнут (общетюр. *cibirdi* — кнут).

Арготизм *шамать* (есть, кушать), возможно, образовался и от русского слова *шамкать*. Слово *тумак* — глупый человек (каз. *tutaq* — зимняя шапка) могло возникнуть и на базе мордовского *тумо* — дуб; сравните с русским просторечным словом *дубина* — дурак, глупый человек.

Лексема *пула* — полкопейки; цена (перс., узб., ткм. *pul* — деньги) (Дмитриев, 1931); тюрк. *pul* — медная мо-

нета Золотой Орды (Фасмер, 1973), могла перейти и из древнерусского языка, где *пул* — мелкая татарская монета. Слово *чурек* — казенный хлеб, черный хлеб (азерб., крым.-тат. *surek* — булка, хлеб) и *киса* — кошелёк с деньгами, портмоне, кисет — могли перейти и из общенародного русского языка.

Ряд тюркских заимствований послужили исходным материалом для образования в аргo новых слов, например, от лексемы *алты* — шесть рублей (общетюрк. *alti* — шесть) образовались *алтыш*, *алтыха* — шесть рублей; от *жирма беш* (пов.-тат., баш. *zjirma bes* — двадцать пять рублей) — двадцать пять рублей; *жирманник*, *жирманник* — гривенник; от *кича* (ночь, мрак, в аргo — тюрьма, штрафной изолятор, карцер) — *кичман*, *кичара*, *кичуха* с тем же значением; от *сары* (деньги) — *сарга*, *сармак*, *сора* — деньги; *са(о)рэнка* — двадцатипятирублевый кредитный билет.

Займствования украинского происхождения

Трудность в их разграничении от русских лексем заключается прежде всего в том, что частично некоторые украинизмы функционируют в речи населения приграничных с Украиной областей, см., например, арготизм *ховать* — прятать, скрывать. В украинском языке сохранилось ещё часть древнерусских слов, которые отсутствуют в общенародном русском языке, но активно употребляются в аргo, см., например, *вязень* — и в украинском, и древнерусском языках — заключённый; в общерусском аргo *вязень* употребляется с тем же значением; кроме того, в украинском языке имеется и ряд полонизмов, и порой трудно установить, где исконный украинизм, а где полонизм: возможно, данная категория слов образует так называемую диффузную зону.

В основном, украинизмы обозначают разряды деклассированных элементов и представителей правоохрани-

тельных органов: *мандрёха* (укр. *мандрюха* — бродяга, босяк; потаскуха) — проститутка; *блудяга* — бродяга; *мантяр* (укр. обманщик, мошенник) — аферист, мошенник; *цукан* (укр. *оцуканець*) — обманщик; *кодла* (укр. *кодло* — племя) — шайка преступников; *гапка* (укр. простореч. — ягодицы) — милиционер; *похоронник* (укр. *охоронник* — охранник) — сотрудник вневедомственной охраны; *халамидник* (укр. *халамидник* — босяк, оборванец) — базарный воришка, босяк.

К украинизмам также относятся оружие преступников и орудия преступлений, различные обиходные вещи, некоторые действия и проч., см. примеры: *хóмка* (укр. *хомка* — от собственного имени *Хома*) — нож, ломик; *ховы́ра* (укр. *ховы́ра* — тайник) — место, куда складывают краденое; *причанда́лы* (укр. *причандалы* — вещи, принадлежности) — принадлежности, вещи; *хавать* (укр. *ховать* — прятать, скрывать) — есть, питаться. Однако слово *хавать* (питаться) может быть связано с цыганским языком, где *te haz* — есть, питаться.

Немецкие заимствования

В русское аргó интенсивный переход германизмов начался в конце XIX—нач. XX вв. Заимствовались слова как из немецкого литературного языка, так и из немецкого аргó. Этот процесс наблюдается и сейчас. Несомненно, трудности в определении немецких заимствований является то, что они переходили порой не напрямую (т. е. при непосредственных контактах русских и немецких уголовников), а через польских или еврейских правонарушителей. Порой трудно отличить германизм от идишизма.

Немецкие заимствования имеют следующие значения:

1) Разряды деклассированных элементов: *бурч* (нем. *Bursch* — парень, малый) — сообщник вора, использующий для совершения преступлений кошелёк, который под-

брасывают на улице предполагаемой жертве; *шнйфэр* (нем. аргó *Schniffer* — вор) — взломщик, ночной вор; *шпанá* (нем. аргó *spannen* — следить, высматривать) — рядовые арестанты, мелкие воры; *вёшер* (нем. аргó *Wascher*) — железнодорожный вор; *шварцмáхер* (нем. *Schwarzmacher* — мастер по черным делам) — взяточник, расхититель государственного имущества.

2) Виды преступлений: *шнйф* (нем. аргó *Schnif* — кража со взломом) — кража со взломом; *кáбер* (нем. аргó *kabbern* — подкапывать) — кража через подкоп и пролом пола; *рыхт* (нем. аргó *Richt*) — приготовление к краже; *цёрлих* (нем. *zierlich* — изящный) — особый род кражи у лиц, проживающих в гостинице.

3) Жертвы преступников: *фра́йер* (*фра́ер*, *фрайнд*) (нем. аргó *Freier* — жертва шулера, мошенника или вора) — общее название жертвы; модно одетый человек; вор-новичок.

4) Фальшивые документы: *лínка* (нем. аргó *Linke* — фальшивый паспорт) — фальшивый паспорт; *лínкен* (нем. лит. *linken* — левый) — паспорт на чужое имя.

5) Оружие преступников и орудия преступлений: *шпáлер* (*шпáллер*, *шмáлер*, *шпáйер*, *шпéйер*) (нем. аргó *Speier* — пистолет) — пистолет, револьвер; *мэсарь* (нем. *Messer* — нож) — нож.

6) Сигналы опасности: *шухер* (нем. аргó *Sucher* — полицейский, жандарм) — сигнал опасности; *зекс* (нем. *sechs* — шесть) — опасность; *вáссер* (нем. *Wasser* — вода) — сигнал опасности.

7) Пища: *фшш* (нем. *Fisch* — рыба) — рыба; *фляш* (нем. *Fleisch* — мясо) — мясо.

8) Прочие реалии: *клифт* (нем. аргó *Kluft* — одежда) — пальто, пиджак, костюм; *шпíлить* (*шпíлять*) (нем. *Spíelen* — играть) — играть; *флюхт* (нем. *Flucht* — бегство, побег) — пролётка; *бан* (нем. *Bahn* — вокзал) — вокзал; *кабáр* (нем. аргó *Kabar* — место, где прячут краденое) — стена (но, возможно, на немецкое заимствование повлиял

и русский арготизм *хаба́р, хаба́ра* — краденое, доля краденого).

В русском арго имеются любопытные параллели русских и немецких фразеологизмов, см. лексические пары: *гүтен моргэн* (нем. *guten Morgen* — доброе утро) и *доброе утро* — особый вид кражи у лиц, проживающих в гостинице; *вейс-шварц* (нем. *weis-schwarz* — белое-чёрное) и *белое-чёрное* — паспорт на чужое имя; незаполненный письменный бланк. Эти словосочетания были характерны для дореволюционного арго, и в настоящее время трудно определить, являются ли они кальками с немецкого языка (арго), или же русские арготизмы переведены на немецкий язык (Грачёв, 1997).

Некоторые заимствования немецкого происхождения являются спорными.

Спорным является заимствованное слово *шпана*. По мнению лингвиста Б. А. Ларина, лексема *шпанá* образовалась в русском арго от немецкого арготизма *spannen* — следить, высматривать. Но можно предположить и то, что слово *шпанá* образовано на русской почве от слова *шпанка*. В арготических словарях и в художественной литературе слово *шпанка* имеет то же значение, что и слово *шпанá*, причем арготизм *шпанка* употребляется гораздо чаще, чем арготизм *шпанá*. Вполне вероятно, что арготизм *шпанка* со значением «мелкие воров, рядовые арестанты» образован от общерусского слова *шпанка* — шпанская (испанская) мушка (см. соответствующую словарную статью В. И. Даля) способом метафорического переноса наименования. Следует также при этом заметить, что в словаре В. И. Даля отсутствует слово *шпанá* в значении «шпанская мушка». Возможно и то, что на образование арготизма *шпанá* повлияли два слова: и немецкое арготическое *spannen* (следить, высматривать; подготавливать преступление), и общерусское *шпанка* (шпанская мушка), и таким образом, слово *шпанá* первоначально обозначало рядовых арестантов, выполняющих при совершении преступления второ-

степенную роль: указывали на объект преступления, продавали краденые вещи скупщикам, предупреждали об опасности и т. п.

Некоторые арготизмы, казалось бы немецкого происхождения, могли быть образованы и от русских слов: арготизм *бурч* (нем. — малый, парень) — сообщник вора, использующий для совершения преступлений кошелёк, который подбрасывается на улице предполагаемой жертве, — мог быть образован от русского литературного слова *бурчать* (невнятно, брюзгливо говорить) либо от русского арготизма *бурчить* (отвлекать внимание разговорами).

В арго имеется ряд слов и словосочетаний, образованных от немецких заимствований: от заимствования *бан* (нем. *Bahn* — вокзал) образован арготизм *бáнщик* — вор, специализирующийся по кражам на вокзалах; от *шпíлить* (нем. — играть) образован арготизм *шпíльщик* — заядлый игрок в карты; от нем. *drei* (три) — арготизм *дрáйка* — три рубля; от *фра́йер* (нем. арго — жертва шулера, мошенника или вора) — общее название жертвы вора, модно одетый молодой человек, вор-новичок; *фраерóк, фраерóга* — с теми же значениями; *бíтый фра́йер* — человек, имевший дело с ворами и поэтому узнавший воровские законы.

Некоторые русские арготизмы являются кальками с немецкого языка. Так случилось с лексемой *Fisch* (рыба). В арго немецких проституток середины XIX в. *kalte Fische* (холодная рыба) — это неактивная в половом отношении девушка; (см. роман. Вс. Крестовского «Петербургские трущобы»); в русском арго начала XX века имеется арготизм *рыба* — барышня (Потапов, 1927); женщина, девушка: «Бери *рыбу*, — приказал Кутьков. — Все по пролёткам! Я сейчас» (Г. Рябов, Л. Нагорный. Повесть об уголовном розыске).

Соблазном является отнесение лексемы *фра́йер* к просторечному русскому слову *фря* — кривляка, воображала; (см. контекст: «А это что за фря?») Здесь можно говорить о сближении в том случае, что данное слово способствова-

ло заимствованию лексемы *фра́йер*). Близко по семантике и фонетическому облику просторечно-арготическое слово *ферть*, в просторечии — это молодеватый, щеголеватый и развязный, самодовольный человек (БТС); в арго — жертва преступления, см. контекст (И. Сельвинский. Вор):

И я в себя пришел как какой-нибудь *ферть*
Вынул *джонку* и подмигнул глазом.
«Вам сегодня не везет, дорогая мадам Смерть
Адью до следующего раза.

Заемствования французского происхождения

Французский язык был распространен среди русских дворян в XVIII–XIX вв. Думается, что именно русские дворяне, опустившись на «дно» жизни, принесли в арго значительную часть галлицизмов. Французские заимствования, как и немецкие, двоякого рода: из литературного языка и из арго. Они имеют следующие значения:

1) Деклассированные элементы: *альфóнс* (франц. арго *alphons* — эксплуататор и защитник проститутки) — защитник и эксплуататор проститутки, живущий на её содержании; *ню́шка* (франц. *nie* — голая) — профессиональная преступница.

2) Предметы тюремного обихода: *манéлы*, *мамéлы* (франц. арго *manicle* — кожаная рукавица, рукоятка) — кандалы.

3) Деньги: *серсо́* (франц. *cercle* — круг, окружность) — серебряный рубль; *фо́рцы* (франц. *force* — сила, крепость) — деньги.

4) Прочие понятия: *кíтте* (франц. *quitter* — покидать, бросать) — конец; *понт* (франц. *ponte* — понтер; влиятельное лицо) — обман; *пижóн* (франц. арго *pigeon* — жертва вора-карманника) — жертва шулера; *адья́* (франц. *adieu* — прощай) — уходи; *ата́нда* (франц. *attendant* — ожидающая) —

сигнал опасности; *мо́тя* (франц. *moitié* — половина) — доля краденного.

Происхождение некоторых арготизмов является спорным.

Арготизм *алю́ра* (проститутка) от франц. *allure* (плутватый) мог быть образован не только от французской лексемы, но и от русского слова *алюр* — разновидность конского бега.

Французские заимствования послужили исходным материалом для образования новых слов и устойчивых словосочетаний: от арготизма *мо́тя* было образовано слово *мотиéнт* — преступник, эксплуатирующий крупных воров-карманников; от арготизма *понт* образовано *по́нтцик* — вор, специальность которого, собрав толпу скандалом или мнимой дракой, совершить кражу у любопытных; *понтовáть* — отвлекать внимание окружающих при совершении кражи, обманывать; *готовить понта* — искать жертву для игры в карты; *взять на по́нт* — обмануть; *понт рва́ный* и *понт по́рченый* — жертва, уже побывавшая в переделке у шулеров; *понт це́лый* — жертва, еще не бывавшая в переделке у шулеров; *брать на по́нт* — обманывать, запугивать; от слова *пижóн* образованы фразеологизмы: *готовить пижона* — искать жертву для игры в карты; *запустить пижона* — залезть в карман; *пижон рва́ный* — жертва, побывавшая в переделке у шулеров; *пижон це́лый* — жертва, еще не бывавшая в переделке у шулеров.

В последнее время в связи с резким увеличением проституции несколько лексем из французского языка (или французские слова) послужили в блатном языке сырьевым материалом для образования новых слов, например. *ню́шка* (франц. *nie* — голая) — профессиональная преступница: «*Ню́шка* всю жизнь ворует, ее мать родная не переделала, а куда уж тебе, *менту́ поганому!* (Запись 1992); проститутка: «*Блатные* забрали всех *нюшек* к себе в *шалма́н*» (Запись 1993); развратная женщина: «*Ню́шка* замучила

Серого, у него уже *на полшестого*, а она всё кричит ещё да ещё!» (Запись 1993); девушка, употребляющая наркотики (Алфёров, 1991); *нюшить* — заниматься проституцией: «Девки в нашем классе все *нюшили* и с *чурками*, и с *дальнобойщиками*» (Запись 1992); развратничать: «Соломон второй день *нюшил* у себя на *хате* с *шалашовками*» (Запись 1993); *шершеляфамицик* (франц. *chercher la femme* — ищите женщину) — сутенёр: «*Блатной* пригрозил *шершеляфамицику*, что баб они берут только бесплатно» (Запись 1992); поставщик женщин в публичные дома Европы и Азии: «*Шершеляфамицики* на наших девках такие *баксы* наживают!» (Запись 1992).

Заемствования английского происхождения

Наиболее интенсивные заимствования из английского языка происходили (и происходят) во второй половине XX века. Это связывается, прежде всего, с общей модой на английский язык, с многочисленными заимствованиями из него в русский язык.

В послереволюционном аргю наблюдается множество английских заимствований: *шоп* (англ. *shop* — магазин) — вор, специализирующийся по кражам в магазинах; *бацциллы*, *базила* (англ. *butter* — масло) — высококалорийные продукты: сливочное масло, сало, колбаса; *бол* (англ. *ball* — мяч) — игральные карты; дат (англ. *dad* — папа, отец); *дринк* (англ. *drink* — спиртной напиток) — вино; *лэйба* (англ. *label* — этикетка) — этикетка; *гёрла*, *гёрла* (англ. *girl* — девушка) — девушка; *мáни* (англ. *money* — деньги) — деньги.

Некоторые английские слова послужили отправной точкой для образования новых арготизмов. Например, от слова *шкет* (англ. — подросток; арестант, исполняющий пассивную роль при гомосексуализме) были образованы лексемы *шкетик*, *шкетенок*; от *гёрла*, *гёрла* — *гирлúха*,

гирлúха, *гирлёнок*; от *дринк* — *дринчить*, *задринчить*; от *мáни* — *мáньки*, *мáнечки*.

Финно-угорские заимствования

Казалось бы из угро-финских языков должно быть в русском аргю много заимствований, так как русские всегда находились в постоянных контактах с мордвой, финнами, удмуртами, коми и др. (ср., например, с тюркскими народами). Однако лексем из этих языков заимствовано очень мало. Возможно, что заимствования происходили на более раннем этапе и исчезли. Так, у новгородских разбойников в ходу была лексема *ушкуй*, которую они заимствовали из древневепсского языка (древневепс. *usko* — небольшая лодка) — судно, да и сами они назывались *ушкуйниками*.

Из мордовского языка были заимствованы слова *зеп* (*зепь*) (морд. *zepa*) — карман; *чáкмо* (морд. *чатмок*, *чатъ-мек*) — молчи.

В русском аргю имеется несколько финских слов: *юке* (финск. *uksi* — один) — один рубль; *рёка* (финск. *rikos* — преступление); *конькú* (финск. *kenka* — ботинок) — сапоги.

Однако следует считаться с тем, что арготизм *коньки* может быть русским оловом *коньки*, использованным в переносном смысле. Имеется несколько производных от арготизма *коньки* (сапоги) и уже от него — *лошади* — сапоги; *кони* (*конькú*) *отбросить* (*бросить*, *кинуть*, *откинуть*) — умереть.

В русском аргю имеется слово венгерского происхождения: *хаз* (*хáза*) (венг. *haz* — дом) — разбойничий притон, притон деклассированных элементов, квартира. Это слово употреблялось еще в XVIII веке, см. фразу В. Каина: «Когда атаман разбойников вошел в дом, то и свет погас» — М.Г.). Однако можно предположить, что арготизм *хаз*, *хаза* мог образоваться и от немецкого слова *Haus* (дом), возможно, что переходу в

арго способствовало уже существовавшее русское слово *хозя* (господин), отмеченное в памятниках XVI в. и заимствованное из тюркских языков (см. И. Шанский, В. Иванов, Т. Шанская, 1960).

Но *хаза* могло перейти в русское арго не прямо из венгерского языка, а через посредство условно-профессиональных языков ремесленников и офеней, во всяком случае, оно употреблялось и в этом социальном диалекте. В русском арго имеется образование от слова *хаза* — *хазка* с тем же значением.

Греческие заимствования

В арго встречаются слова греческого происхождения. Нам кажется, что большинство греческих лексем пришло в лексику деклассированных элементов через условно-профессиональные языки ремесленников и торговцев. Во всяком случае, почти все греческие слова, имеющиеся в арго, можно встретить также и в лексике ремесленников и торговцев. Можно предположить, что лексемы греческого происхождения (непосредственно или опосредованно) перешли в арго не позднее второй половины XIX в. Во всяком случае, в более позднем арго греческих заимствований не наблюдается. Грецизмы относятся к бытовой лексике и имеют следующие значения:

1) Деньги: *дикан*, *дикн* (греч. — десять) — десять копеек; *пéнда* (греч. — пять) — пять копеек.

2) Пищу: *сумар* (греч. — булочка) — хлеб.

3) Другие понятия: *кемáть*, *кимáть*, *кимáрить* (греч. — логовище) — спать, дремать; *косáть*, *косáть* (греч. — рублю) — бить; *дéкать* (греч. — показывать, указывать) — дать; *здюм* (греч. — два) — вдвоём, двойка (карта).

От греческих заимствований в русском арго был образован ряд новых лексем и фразеологизмов. От слов *кимáть* (*кемáть*), *кимáрить* были образованы слова *кемáрка*,

химáнь (ночлежка); от слова *дикан* (десять) — *дикáнка* (десять лет каторги), *дiкий* (десять рублей), *дiкий дикiх* (сто рублей), *дикáша* (десятирублевая ассигнация); от аргоизма *косáть* образовано слово *космырiть* (бить). Некоторые греческие лексемы были использованы при контаминации. Так, например, лексема *хер* (пьяный человек) образовалась слиянием двух слов: греч. *keros* (пить вино) + прост. *хер*: «*Хéра* (пьяного) не боялись, *жéха* (ничего) подбивали в свою компаню и давали слам» (Максимов, 1872). Лексема *сумар* (хлеб) может быть образована и от русского слова *сума*, то есть буквально — то, что носят в *суме*; может быть, здесь и контаминация русского и греческого слов.

Заимствования еврейского происхождения

Особое положение в русском арго занимают еврейские заимствования. Дело в том, что наряду с рядом цыганизмами они, они являются интераргоизмами, то есть употребляются в ряде арго.

Русское арго располагает значительным количеством еврейских слов. «Это обстоятельство, — писал исследователь М. Фридман, — можно объяснить, быть может, тем, что некоторые профессиональные группы еврейского населения по роду своей деятельности весьма близко стояли к миру профессиональных преступников, являясь неизбежным, посредником во взаимоотношениях уголовных элементов с обществом».

До революции политическое и экономическое бесправие вынуждало отдельных евреев вступать в воровские шайки. Еврейские преступники консолидировались с русскими уголовниками, пополняя лексикон последних своими словами. Характерно, что в последнее время заимствований из еврейских языков в русском арго не наблюдается.

«Еврей, — указывал М. Фридман, — говорят на немецком диалекте, усвоенном в средневековье, когда евреи

густо населяли Германию». Этот язык называется идиш. В нем имеются и древнееврейские элементы. Древнееврейский язык именуется иврит, который в настоящее время является государственным языком Израиля.

Из древнееврейского языка (иврит) были заимствованы слова, которые имеют следующие значения:

1) Разряды и объединения деклассированных элементов: *галáx* (древнеевр. *galach* — бриться, стричься) — босняк; *хэвра* (древнеевр. *hevrah* — общество, содружество) — воровская компания, шайка; *хавир* (древнеевр. — друг) — лицо, которому во время тревоги и возможного обыска в карман опускается украденный бумажник; в аргослово *хэвра* трансформировалось в *хиврю*, см. контекст из благой песни «Канает мент, насадку ливирюя: Фуфло отставил и *хиврю* заложил»). Но в данном случае уже чувствуется влияние украинского имени собственного *Хивря*.

2) Представители правоохранительных органов и сторожа: *мýсор* (древнеевр. *tuser* — наставление, указание) — агент уголовного розыска, сотрудник милиции, сыщик, доносчик; однако здесь могут быть и другие варианты: от аббревиатуры 20-х годов МУС (Московский уголовный сыск) или от литературной лексемы *мусор*; *шмíра* (древнеевр. *shuter* — стеречь) — сторожа во время совершения преступления; думается, что общеизвестная лексема *шмáра* (женщина, любовница вора, проститутка) появилось благодаря контаминации двух слов: рус. арг. *мáра* + древнеевр. *шмíра* (женщин нередко использовали как сторожей во время совершения преступлений); *самáx*, *самáx* (по названию древнееврейской буквы, соответствующей русской букве «с») — следователь.

3) Прочие понятия: *елд*, *ёлд* (древнеевр. *eled* — ребенок, мальчик) — человек, не принадлежащий к преступному миру; хотя не исключено и влияние русского просторечного слова *ялда* (мужской половой член), в свою очередь заимствованного из персидского языка, где *yalda* — мужской половой член, тем более, что уголовники людей отно-

сящихся к законопослушному обществу всегда называли нехорошими словами; *ксíва* (древнеевр. — писать) — паспорт, документ, записка, письмо; *хáла* (древнеевр. *chalo* — кухня) — взятка; (древнеевр. *chipo* — свадьба, свадебный балдахин) — женский половой орган; *псíра* (древнеевр. *posar* — выдавать) — собака; *плейтовáть*, *плетовáть*, *плайтовáть* (древнеевр. *pleto* — спасение) — убежать, убежать с каторги; *хáзер* (древнеевр. *chasir* — свинья) — свинья.

Из идиш в русское аргослово перешли следующие слова: *фрайнд* — сообщник, помощник карманного вора высшей квалификации (идиш — сообщник вора); *зуктёр* — эксплуататор проститутки (идиш — любовник); *нухгэйер* — эксплуататор проститутки (идиш — сзади идущий); *фрэйгер* — общее название жертвы (идиш — жертва вора, мошенника или шулера); *ингер* — замок (идиш — вешалка).

Вызывает сомнение происхождение некоторых заимствований: слово *псíра* (собака) могло быть образовано и от русского слова *псина*; *мýсор* — агент уголовного розыска, доносчик (древнеевр. — наставление, указание) может быть и переосмысленное русское слово *мусор*; *плетовáть*, *плейтовáть*, *плайтовáть* (убежать) могли быть образованы и от русского слова *плеть* (по мнению С. В. Максимова, преступников, которых ловили во время побега, наказывали плетью).

От ряда еврейских заимствований были образованы новые слова. От заимствования *шмíра* образовано слово *шмíрник* — сторож; от *хавир* образовано *хавировать* — класть.

Польские заимствования

Польское государство издавна граничило с Россией. Оно являлось (и является) в определенной степени страной-проводником между Западом и Россией. Именно че-

рез польский в русский язык проникло множество западноевропейских слов. Речь населения в русских областях, сопредельных с Польшей, имеет значительное количество полонизмов. И через представителей этих областей, и через польских преступников в русское арго попал ряд польских слов. Следует подчеркнуть, что лексемы заимствовались как из польского общенародного языка, так и из польского арго.

Они обозначали:

1) Людей по их социальной, профессиональной и психологической характеристике: *жлоб* (польск. *źłób* — жлоб; ясли, кормушка для скота) — крестьянин; жертва преступления; плохой, жадный человек; жандарм; *мент* (польск. арго *mente* — солдат) — надзиратель; милиционер; контролер в исправительно-трудовом учреждении; *шник* (польск. *szpieg* — шпион) — секретный сотрудник, сыщик; *кот* (польск. арго *kot* — любовник проститутки, живущий на ее средства) — любовник проститутки, живущий на ее средства, сообщник воровки-проститутки; *марвіхер*, *маровіхер* (польск. арго *marwicher złodziej* — вор высшей квалификации) — высококвалифицированный вор-карманник; *капáрник*, *капóрник* (польск. арго *kapac* — предавать) — предатель, доносчик.

2) Части тела: *лох* (польск. арго *loch* — лицо) — лицо (в арго имеется омоним *лох* — жертва шулера); *гáбки* (польск. арго *grabki* — руки) — руки.

3) Животных: *бýдло*, *бýдла* (польск. *bydło* — скотина) — корова; *икап*, *икапа* (польск. *szkapa* — кляча) — доревенская кляча.

4) Прочие понятия: *глаз* (польск. арго *glaza* — паспорт) — паспорт; *киéня*, *кишэня* (польск. *kieszén* — карман) — карман; *вб́дел следя́чий* (польск. *wydział sledczy* — следственный отдел) — уголовный розыск; *шибéница*, *шибíница* (польск. — виселица) — виселица; *пéнзы* (польск. *pieniądze* — деньги) — деньги; *вéтошный* (польск. арго *witus-sny* — доверчивый, простоватый) — доверчивый, просто-

ватый; *засы́паться* (польск. арго *zasypać się* — попасться на месте преступления) — попасться на месте преступления; *скок* (польск. арго *skok kradzież pokojowa* — запертая квартира) — квартира, которую удобно обокрасть; *кóрова* (польск. арго *krowa-fajka* — трубка) — трубка; *ка́пать* (польск. арго *kapac* — доносить, выдавать) — доносить, выдавать; *газ* (польск. *gas* — керосин) — керосин; *медвéдь* (польск. арго *niedźwiedz* — несгораемый шкаф) — несгораемый шкаф, сейф.

Происхождение ряда польских заимствований нуждается в уточнении.

Слова *засы́паться* (попасться на месте преступления), *глаз* (паспорт), *вéтошный* (доверчивый, простоватый), *скок* (квартира, которую удобно обокрасть), *газ* (керосин), *гáбки* (руки), *кот* (любовник проститутки, сообщник воровки-проститутки) могли образоваться и от соответствующих русских слов — *засы́паться*, *ветошный*, *глаз*, *скок*, *газ*, *грабки* (от *грабить*).

Возможен и такой вариант, что данные арготизмы образовались в польском арго на основе русских арготизмов.

Арготизмы *ка́пать* (выдавать, доносить), *капáрник*, *капóрник* (доносчик, предатель) могли быть по происхождению немецкими (нем. арго *verkappen* — поймать; выдавать, продавать) либо русскими — от глагола «капать».

Арготизм *пéнзы* мог быть образован и от английского слова *penze*.

Часть польских заимствований послужила в русском арго базой для образования других слов. Например, от слова *марвіхер* (высококвалифицированный вор-карманник) образовалось *марвіхерша* (воровка-карманщица), *муравіхорь* (вор-карманник), *марвіхер-аристократ* (вор-карманник высшей квалификации), от арготизма *кот* (любовник проститутки, живущий на ее средства) — *котóвить* (следить за любовницей, завлекающей будущую жертву ограбления); от лексемы *ка́пать* (доносить, выдавать) — *кап-кап* (доносчик); от слова *медвéдь* (несгораемый шкаф,

сейф) — *медвежонок* (несгораемый шкаф, сейф), *медвежатник* (вор, специализирующийся по кражам из сейфов и несгораемых шкафов), *медведя заporоть* (вскрыть несгораемый шкаф, сейф).

Иноязычные заимствования указывают на определённые контакты русских уголовников с деклассированными элементами других народов. В частности, исходя из того, что в составе русского аргосредины XIX—начала XX вв. заимствования из западноевропейских языков представляли собой не столько «бытовую», сколько «профессиональную» лексику, можно предположить, что западноевропейская преступность в определённой степени повлияла на рост русской преступности. Кроме того, по заимствованным арготизмам можно судить, что западноевропейская, польская преступность была намного изощрённее в совершении преступлений, использовала особые способы и приёмы; именно с Запада в Россию перешла профессиональная проституция.

Глава 9

ШУХЕР!

О словах-сигналах деклассированных элементов

Условные сигналы имеются во многих профессиях: у моряков, шоферов, водолазов, спортсменов и т. д. Так, например, моряки одного судна, манипулируя сигнальными флажками, договариваются с моряками другого судна. Иное дело слова-сигналы. Их достаточно много в русском языке. Употребляются они в различных ситуациях.

Наличие слов-сигналов в аргосредине, как и в общенародном языке, следует объяснить потребностью в резких и кратких языковых единицах. В аргосредине они имеют засекреченный характер и обновляются по мере надобности. И, вероятно, только эта группа арготизмов заменяется уголовниками упорядоченно, вполне сознательно, особенно если дело касается слов, обозначающих опасность.

В большинстве своём сигналы очень короткие (один-два слога), например: *ю* — сигнал предупреждения; *ша* — возглас, означающий: тихо, спокойно, достаточно; см. контекст: «*Ша!*» — прошипел Мрачный и вынул наган. «*Ша, ша, ша!*» — раздаётся со всех сторон предупреждающий шёпот (В. Шишков. Странники).

Условные арготизмы-сигналы обозначают:

1) Призывы к совершению преступления: *сарынь/сорынь на кичку* — бить (убивать) всех; *стой, руки вверх*; *тыц* — делай, воруй.

2) Специфические знаки воров-карманников: *бей* — расстегни пальто или пиджак у жертвы при краже; *шестнадцать* — сигнал об окончании кражи; *тыр* — сигнал по-

мощнику, который дает вор-карманник, когда схватит бумажник.

3) Сигналы-знаки опасности (самая многочисленная группа слов): *шесть, зекс, зéко, атас, шухер, шуба* — сигнал опасности.

4) Призывы к молчанию, осторожности, вниманию: *дзет* — берегись; *закан* — смотри; *вер* — тише; *пад* — будь осторожен; *рейс* — знак предупреждения.

5) Призывы к окончанию совершения преступления и к исчезновению с места происшествия: *адья* — уходи; *айва, вались* — убегай; *пад* — уходи; *рикши* — скрывайся немедленно; *авыло* — довольно.

В арго есть также два слова (*сорок* и *цек*), которые означают — оставь докурить!

Как видно из приведенных примеров, у деклассированных элементов имеется ряд сигналов с цифровыми обозначениями. Некоторые из них ведут свое происхождение из дореволюционного прошлого. Это касается, прежде всего, арготизмов *шесть, зекс* — сигнал об опасности. *Зекс* — слово немецкого происхождения (нем. *sechs* — шесть). Но оно не заменяло русское *шесть*, а существовало параллельно ему, хотя и появилось несколько позже. Сигнал *шесть* стал употребляться в арго во 2-й половине XIX в., а *зекс* — в начале XX в.

От слова *шесть* появились новообразования — *шестая, шестна́дцать, двáдцать шесть*. Арготизм *шестая* как сигнал опасности широко употреблялся в 20-х годах XX века. Одной из первых фиксаций этого слова было стихотворение И. Сельвинского «Вор»:

Вышел на арапа. Канает буржуй.
А по пузу золотой бамбер.
«Мусью, сколько время?» — легко подхожу.
Дзззызь промеж роги... и амба.
Только хотел было снять часы,
Чья-то шмара кричит: «Шестая!»

Я, понятно, хода. За тюк. За весы.

А крючков-то чёртова стая.

И дореволюционные и современные деклассированные являются приверженцами роковых чисел. Но это не цифры типа 13 или 666. Чаще всего, они связаны со знаками отличия на одежде представителей МВД или с адресами наиболее крупных правоохранительных учреждений. Например, у дореволюционных преступников фразеологизм *два с бо́ку* обозначал сначала тюремного надзирателя, а потом уже стал сигналом опасности. (У надзирателя были две нашивки на рукаве).

В практике Московского уголовного розыска имел место следующий случай. Оперативники долго не могли задержать с поличным хорошо организованную шайку воров-карманников, которые промышляли в городском общественном транспорте. Только нападут на след, только начинают к ним присматриваться, как преступники моментально скрываются. И арестовали эту шайку лишь тогда, когда стал известен их условный сигнал.

Как известно, профессиональные вору-карманники предпочитают совершать кражи не в одиночку, а группой. Каждый из членов воровской шайки выполняет определенную функцию. Одни загораживают жертву от посторонних глаз и отвлекают ее внимание, наиболее ловкий вор-карманник совершает кражу и незаметно передает кошелек и ценные предметы своему «коллеге», который быстро уходит с места происшествия. Это стандартная схема карманного воровства. Но московские вору-карманники усовершенствовали технологию кражи, обезопасив себя от неприятных столкновений с милицией. Оказываясь, за переодетыми в штатское оперативниками, которые должны были выявлять и задерживать карманников, следил член этой «модернизированной» воровской шайки. (А многих оперативников МУРа, специализирующихся по борьбе с карманными кражами, он знал в лицо). Он входил

вслед за работниками милиции в общественный транспорт и громко кричал: «Два — тридцать восемь, три — тридцать восемь или четыре — тридцать восемь» и т. д. Первая цифра того сигнала обозначала количество оперативников, а две вторых — Петровку-38, где и находится МУР..

Представляется, что в глубокую древность уходит арготизм *водá* — сигнал опасности. Возможно, что он восходит к древнему аргю волжских разбойников: у них было большое количество слов, связанных с понятием *вода*. Этот сигнал был особенно распространен в среде деклассированных элементов в XIX в., приведем отрывок из исследования С. М. Максимова «Несчастные»: «Там (в Тобольском остроге — М Г.), если кричали со двора «унтер-офицер!» значило *вода*, начальник идет, берегись! Кричат «ефрейтора» — продолжай *майдán*, идут люди неопасные, свои, купленные. Часть условных тюремных слов, судя по внешним знакомым признакам, введена московскими *жуликами* или петербургскими *мазуриками*; другая часть, по всему, вероятно, оставлена арестантам в завещание волжскими и другими разбойниками, не так давно наполнявшими тюрьмы Сибири и Забайкалья».

Составители «Толкового словаря уголовных жаргонов» считают, что арготизм *вассер* (аналог слову *водá*) был заимствован из терминологии немецких моряков, где он якобы обозначал сигнал опасности. «Вассер!» — будто бы кричали они, когда появлялась течь в судне. Ну что же, логичное объяснение. Все бы так, но арготизм *водá* появился гораздо раньше, чем слово *вассер*. Арготизм *вассер* пришел в русское аргю в начале XX века, а *вода* упоминается в письменных источниках середины XIX в., хотя и восходит к более древним временам. К аргю волжских разбойников относится и фразеологизм *сарынь на кичку*. Одним из первых письменных свидетельств об этом выражении является уже упоминавшееся произведение С. М. Максимова. При этом автор неправомерно роднит слова *сары* (деньги) и *сарынь/сорынь* (простой люд). Приведем его рассуждения:

«В памяти народной из разбойничьего языка сохранилось лишь только роковое выражение, страшное своим значением. При лозунге *ясыке* или *ясаке* бурлаки были обязаны пасть ниц и не шевелиться, пока разбойники не ограбят и не разведаются с хозяином судна. По объяснению В. И. Даля значило: *чернь на нос*, т. е. иди бурлаки на нос судна (*сарынь* — чернь, *кичка* — нос судна); можно толковать и так: клади деньги на голову, на шапку (*сары* у разбойников деньги серебряные, а *кичка* иносказательно очень легко могло быть с головного убора перенесено на самую голову), по обычному примеру всех подобных искусственно сочиненных языков».

Рассуждение С. В. Максимова о том, что *сарынь на кичку* означало «клади деньги на голову» представляется нелогичным по следующим причинам. Предметом разбоя могли быть не только деньги, но и вообще все вещи, представлявшие какую-либо ценность. Деньги XV–XVII веков (когда свирепствовали волжские разбойники) на голове или головном уборе не удержались бы. В то время не было бумажных ассигнаций, а круглые металлические деньги могли бы легко соскользнуть.

Слово *сарынь* или *сорынь* в значении «простой люд», а не «деньги» бытовало в русском просторечии середины XIX века. Вот как об этом пишет В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка»: **Сарынь** (сор?): Толпа мальчишек, шалунов, ватага черного народа; сволочь, чернь. *Сарынь* по улице гомонит. *Сарынь на кичку*! = Бурлаки, на нос судна! — По преданию, приказ волжских разбойников, завладевших судном».

Дополнительно В. И. Даль объясняет: «*Сарынь/сорынь* и ныне местами значит чернь, толпа; *кичка* — нос судна; это было приказание бурлакам убираться в сторону и выдать хозяина, что всегда исполнялось беспрекословно».

Арготизм *са(о)рынь*, как и предполагал В. И. Даль, происходит от слова *сор* и образовано с помощью экспрессивно-собирательного суффикса *-ынь-*, который име-

ется в словах *жарынь*, *полынь*, *светлынь* и т. п. И тогда *сарынь* (*сорынь*) первоначально должно было обозначать *сор*, *мусор*, а позднее переносно — опустившиеся люди. В русском языке имеется ряд слов, в которых выражено презрение к низам общества и беднякам: *голытьба*, *смерды* (те, кто смердят — дурно пахнут), *босяки*, *голодрáнцы*, *свóлочь*, *хáмы* и т. д. Выражение *сарынь на кичку* имело не одно, а несколько значений. Так, «Московский телеграф» указывал на бытование у фразеологизма *сарынь на кичку* совершенно иного значения, чем то, о котором писали В. И. Даль и С. М. Максимов: «У волжских разбойников были слова и выражения: *сарынь на кичку* — бей всех». Возможно, что у этого выражения было и еще одно значение — разбойники, грабьте, нападайте на судно! С течением времени, оно превратилось в междометное выражение (точно так же, как и выражения *черт возьми*, *боже мой*) и стало боевым кличем волжских разбойников, наподобие боевого возгласа «ура».

Читатель спросит: а как же быть со словом *сáры*? Аргоизм *сáры* (деньги) заимствован из тюркских языков (общетюрк. *sary* — желтый).

К XIX восходит сигнал *Дождь идёт!* — Полиция! (Тонков, 1930); ср. с аргоизмом XIX в. *дождь* — неудача: «Снег, дождь — неудача» (Вс. Крестовский. Петербургские трущобы).

Любопытно появление в арго слов-сигналов *чек* и *сорóк* (оставь докурить). Возможно, они возникли из-за того, что профессиональному преступнику стыдно просить, находясь рядом с обыкновенными, рядовыми арестантами. А тут сказал *чек* или *сорóк*, и всё ясно товарищу. А может быть, потому, что эти сигналы произносятся быстрее, чем выражение «оставь докурить». А кто первым произнес, тому и оставляют.

Слово *чек* произошло от глагола *цáвкать*. В дореволюционном арго оно имело значение «курить». Но не вполне ясно, от какого слова образован аргоизм *сорóк*. О непо-

нятности его происхождения В. Шаламов писал: «И не один заискивающий голос скажет за его спиной заветную формулу «покурим» или воспользуется загадочным синонимом этой формулы *сорóк*».

У А. Миртова аргоизм *сорóк* имеет несколько иное значение — возглас, означающий «оставь докурить половину папиросы»; у Ж. Росси — «оставь докурить 40% твоей папироски». Но нам кажется этимология лингвиста А. Миртова и писателей Ж. Росси и А. Солженицына неубедительной: ударение падает на второй слог; семантика далека от аргоической, поэтому совпадение здесь чисто фонетическое. Думается, данный аргоизм восходит к древнеевр. *sorah* (бросать). Любопытно, что в семидесятих годах аргоизм *сорóк* приобретает еще одно значение — окурок; см. контекст: «Мы тогда вдвоём докурили *сорóк* с анашой» (Запись 1976 г).

Как видим, большинство слов-сигналов отражает как противоправную, так и бытовую деятельность деклассированных элементов.

ПАПА, ГИТАЕР и ТУЗ

О татуировках деклассированных элементов

Знаю я, своих друзей чернить неловко,
Но ты мне ближе и роднее оттого,
Что моя — верней, твоя татуировка
Много лучше и красивше, чем его!

В Высоцкий

Слово «татуировка» пришло в русский язык из французского языка (франц. *tatouage*), но языком-источником явился полинезийский язык (см. «Большой толковый словарь русского языка», 2000). На факт заимствования из полинезийского языка (полинез. слово *tatau*) указывают составители Малого энциклопедического словаря и некоторые криминалисты. Например, Л. Мильяненков утверждает, что слово «татуировка» происходит от полинезийского *tatu*, что означает «рисунок» или от *Тики* — имени полинезийского бога, по преданию явившего татуировку миру (Л. Мильяненков, 1992). Другие исследователи считают, что лексема «татуировка» произошла от явайского корня «тау», соответствующего полинезийскому «тату» и переводящегося как «рана», «раненый». (Ю. Дубягин, 1991) Но корни татуировки уходят в седую древность. По мнению некоторых историков, татуировка была известна еще до нашей эры (Ю. Петухов, 2001)

Сами уголовники называют татуировку по-разному: *вшивкой*. «На двух телах не было обнаружено ни татуировок, ни каких-либо других особых примет. На третьем синела *вшивка*, означающая *ходьку в зону*» (Е. Караваешникова, 2001); *регалкой* «Вот иду я *шопенфильер-наховёрку* / *Пушка* в *шкёрнике*, *регалка* над бедром. / Так

врасив, что у *марухи* сводит *дырку* / И *наколота* *хазовка* за *уголом*» (А. Щуплов, 2001); а то еще ласково *тáтка* «Сергей Петрович давно уже свою *тáтку* свел» (Запись 1991); *татуша*: «Парень по незнанию согласился, чтобы ему *эту татушу* на спине накололи» (Запись 1991); *татушка*: «Баба с *татушкой* совсем не смотрелась» (Запись 1991).

Татуировки встречаются у различных социальных групп, чаще всего, у солдат, матросов, преступников. Типичная татуировка матросов — *якорь*, для солдат характерны буквенные сокращения (аббревиатуры) — обозначений тех мест, в которых они служили, например, татуировка *ЗГВ* (Западная группа войск) говорит о том, что ее владелец служил в бывшей ГДР. Особую роль татуировки играют для уголовников. К сожалению, татуировки преступников, так же, как и арг, не были основательно изучены не только в России, но и в мире в целом. Мы лишены какого-либо исторического сравнения.

Одним из первых исследователей, кто начал изучать татуировки, был Чезаре Ломброзо. Он доказал, что стремление татуироваться — это один из способов преступников и солдат самоутвердиться в своей среде. Ч. Ломброзо приводил любопытные факты. Так, по его мнению, среди уголовников имелось всего 7,3% татуированных, тогда как среди солдат итальянской армии их насчитывалось до 45%. Вероятно, татуировки не были характерными для русских дореволюционных уголовников.

Источником материала для данной главы послужил ряд работ криминалистов и юристов (см. Ю. Дубягин, 1991; Ю. Дубягин, Е. Теплицкий, 1993; А. Конев, О. Парилков, 1995; А. Кучинский, 1998; Ч. Ломброзо, 1892; Д. Балдаев и др., 1992), а также наши ранние работы (см. М. Грачев, 1996, М. Грачев, 2000) и личная картотека и альбом автора.

До сих пор татуировки деклассированных элементов оставались вне поля зрения лингвистов. Имеются лишь немногочисленные высказывания о важности и актуальности их изучения. Они были объектом изучения крими-

налистов, литераторов, психологов, хотя и там изучение шло, в основном, на описательном уровне. «Вряд ли какой-либо другой области в криминалистике, — пишет Л. Мильяненко, — было уделено так мало внимания, как изучению символики татуировок у судимых за уголовные преступления» (Л. Мильяненко, 1992).

По ряду причин русское языкознание до сих пор не обращало внимание на татуировки: трудность в сборе материала, «закрытость» данной темы для исследования, отношение к ним как к «недостойному» предмету изучения и др.

В чём представляется интерес изучения татуировки для лингвиста? Она — своего рода пиктографическое письмо. Некоторые лингвисты считают, что воровские татуировки представляют собой своеобразную графическую систему, которая называется «пиктографически-идеографической» (Н. Шарандина, 2001). Следует добавить, что материал, куда наносятся татуировки, необычен — человеческое тело. Татуировки-аббревиатуры и татуировки-высказывания — часть русского языка — должны быть изучены, иначе знание русского языка будет неполным без них. Их исследование может дать дополнительные сведения о развитии письма в целом. Кроме того, они могут пролить свет на различные стороны жизни преступников, в частности, на их ментальность. Восстановление истории татуировок деклассированных элементов поможет определить многие аспекты их мировоззрения. Например, отношение криминального мира к религии. Известно, что религиозная тематика занимает большое место среди татуировок. Она появилась в 30-х годах XX в., когда возникла элита уголовного криминалитета — *воры в законе*. Изначально признаком *вора в законе* была татуировка в виде креста с ангелом или ангелами, выколотая на груди. Количество куполов на храме обозначало число лет, проведённых в ИТУ. Нередко заключённые наносят на тело татуировки в виде Богородицы с младенцем и Святого семейства; изображение Бога на

небе с крестом в руках обозначает воровской оберег: «спаси от легавых и суда». Данный разряд татуировок — ещё и символ «святости воровского дела».

«Вовлечение Бога в соучастники преступлений — это не кощунство для преступника, а вера в то, что высшая сила (Бог, Совесть), не должна осуждать его, он верит в своё «правое» дело (М. Грачев, 1992).

Татуировки-высказывания, татуировки-изображения и арготизмы тесно связаны между собой. Например, высказывание-татуировка «Было счастье — черт украл» может иметь аналог — рисунок с изображением чёрта с мешком за плечами, в котором находится счастье преступника! Но здесь наблюдается и соотнесение с арготизмами: *чёрт* — следователь; *мешок* — ИТУ. Швы на заплате — годы лишения свободы, которые провёл (проведет) преступник. Но татуировки-изображения наносятся всегда без «вспомогательных» высказываний, без комментариев на тело хозяина. С одной стороны, этот факт говорит о личном характере татуировки, с другой — о конспиративном её характере.

Отдельные исследователи татуировок русских деклассированных элементов относят их появление к рубежу XVII–XVIII вв. (А. Кучинский, 1998), хотя конкретных доказательств не представляют.

По мнению некоторых криминалистов, татуировки были присущи русским преступникам уже во второй половине XVIII в. Нередко в этом случае ссылаются на А. С. Пушкина (Ю. Дубягин, 1991), см. отрывок из его повести «Капитанская дочка»: «А в бане показывал (Пугачёв — М.Г.) царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орёл, величиной с пятак, а на другой персону его». Это может косвенно подтверждать, что россияне уже в XVIII в. знали о татуировках, хотя сотрудниками правоохранительных органов того времени они не собирались и не исследовались. Что касается «царских знаков» Е. И. Пугачёва, то они не являлись татуировками, а были родимы-

ми пятнами. Доказательством этого является утверждение... самого А. С. Пушкина, см. «Историю Пугачёва», приметы вождя крестьянской войны: «... на обеих грудях, назад тому третий год, были провалы», т. е. своеобразные дефекты тела, но не татуировки.

Практически ничего не говорится о татуировках деклассированных элементах в художественной литературе конца XVIII–XIX вв. В справочной литературе нач. XX в. указывается, что татуировки характерны для негров, японцев, некоторых религиозных сект и ничего — о татуировках деклассированных элементов (см. «Малый энциклопедический словарь»). Криминалисты отмечали тот факт, что профессиональные уголовники конца XIX–нач. XX вв. в большинстве своём избегали татуироваться, чтобы не создать лишнюю улику (Л. Мильяненко, 1992). В целом же у деклассированных этого периода они имели следующий вид: имена собственные, якоря, целующиеся голубки и некоторые другие художественные рисунки (Г. Брейтман, 1901).

Фактически настоящее изучение татуировок началось с 20-х годов XX в.

Русские татуировки деклассированных элементов прошли путь от пиктографического до идеографического письма (Н. Шарандина, 2001), т. е. до своеобразных высказываний и аббревиатур. Заметим, что объём материала, куда наносятся татуировки — ограничен. Известно, что изначально татуировки в России были присущи только деклассированным и морякам (А. Кучинский, 1998). По косвенным данным (в разговорах с учёными-криминалистами, см. также художественное произведение Л. П. Нагорного и Г. П. Рябова «Повесть об уголовном розыске») татуировки (как отличительный и опознавательный знак) накалывали себе и полицейские. У бойцов Красной Армии татуировки отсутствовали. Говоря о татуировках в современной армии, то следует отметить, что солдаты, воспринимая романтику профессиональных преступников,

нередко наносят воровские татуировки. Из специфически солдатских можно отметить татуировки, изображающие парашют (принадлежность к военно-десантным войскам), группу крови, резус-фактор и др.

Криминалисты вначале использовали татуировки, в основном, для идентификации и опознания. В первые годы Советской власти была даже введена обязательная регистрация татуировок криминального контингента (Л. Мильяненко, 1992).

Как считает юрист А. И. Гуров, в настоящее время «татуировки не играют той коммуникативной роли, которая отводилась им до начала 70-х годов» (А. Гуров, 1990). Это утверждение нуждается в расшифровке. Действительно, татуировки-изображения с 30-х по 70-е годы XX в. были достаточно устойчивы. Позднее они теряют свою устойчивость. Это было связано прежде всего с сильными позициями элиты преступного мира — *воров в законе*, когда за татуировку, не соответствующую действительности, её обладатель мог поплатиться даже жизнью. В 70-е годы ряд татуировок теряет свой первоначальный смысл, особенно это касается татуировок-рисунков. В современных татуировках по их соответствию действительности можно выделить ряд устойчивых групп:

1. Татуировки, свидетельствующие от отбывании наказания в ИТУ: четыре точки, напоминающие квадрат, внутри них ещё одна точка; колючая проволока.

2. Татуировки наркоманов: паук в паутине — наркоман; изображение джина, курящего гашиш — курильщик гашиша.

3. Татуировки, которые накалываются насильно: синяк под глазом; три точки около губ; корона вора в законе, выколота на спине; роза на бедре или ягодице — все они обозначают *опущенных* — низшую касту криминального мира.

4. Татуировки-аббревиатуры.

5. Татуировки-высказывания.

Как утверждает криминалист Л. Мильяненко, в настоящее время особое внимание следует обращать на лиц, имеющих следующие татуированные изображения: череп, корона — символы стремящихся к власти; тигр или другой хищник — ярость, непримиримость; кинжал, нож, меч, топор — месть, угроза, твёрдость, жестокость; ключ — сохранение тайны; палач — чти закон воров (Л. Мильяненко, 1992).

В ходе анализа выяснилось, что татуировки русских уголовников формировались во время всевластия в преступном мире *воров в законе*. Именно в ранних татуировках отсутствуют политические мотивы: воров в законе не должны были иметь никаких контактов с официальной властью: не выступать свидетелем на суде, не выполнять общественной работы, служить в армии и проч. Хотя некоторые уголовники вытатуировывали на груди профили В. И. Ленина и И. В. Сталина, считая при этом, что исполнители судебных приговоров в вождей стрелять не будут. В дальнейшем профиль В. И. Ленина стал расшифровываться следующим образом: Вождь Октябрьской Революции — ВОР, т.е. это татуировка профессионального уголовника. При размывании *воровской идеологии* (конец 70-х годов XX в.) в татуировках появляются политические мотивы. Особенно много «политических» татуировок появилось в конце 80-х — нач. 90-х гг. XX в. Чаще всего это рисунки с изображением К. Маркса, В. И. Ленина, Ф. Э. Дзержинского, И. В. Сталина, Л. И. Брежнева в виде чертей или вампиров; татуировка, изображающая Р. Рейгана, расшифровывается следующим образом: «товарищ Рональд Рейган — большой друг советского зэка»; татуировки, изображающие карту СССР, опоясанную по границе колючей проволокой или черепа на ней. Примеры из политических высказываний-татуировок (чаще всего накальваются на ногах): КПСС приведёт всех в могилу; они тащат меня под конвоем в рабство — ГУЛАГ МВД СССР; они устали от долгого пути в светлое будущее — коммунизм; ВКПб — всероссийское крепостное

право большевиков. Несомненно, такие татуировки стали возможны лишь во время «перестройки» и «гласности». Именно тогда профессиональные уголовники, почувствовав себя «борцами» против существующего режима, стали наносить себе политические татуировки.

В основном, татуировки деклассированных элементов выполняют следующие функции: опознавательную, мировоззренческую, конспиративную, номинативную, сакральную, функцию бравады и устрашения. «Чем больше татуировок — тем больше меня будут бояться новички-заключённые и законопослушные люди», — так порой отвечает на вопрос о множественности татуировок часть осуждённых. Как видим, функции татуировок во многом схожи с функциями в арго. Однако на первых местах в системе татуировок стоят опознавательная функция и функция бравады, тогда как в арго — номинативная и мировоззренческая функция.

Несомненно, большое место занимают так называемые сакральные татуировки, в которых нередко языческое начало перемешивается с христианским. «Забавно, что ангелы-хранители воровского мира — могут изображаться в виде обнаженных женщин с гипертрофированными сексуальными формами. Свойственная фольклору акцентуализация именно сексуальных функций прародительницы мира здесь неожиданно христианизируется» (Спаси от лягавых и суда. Татуировки заключённых. СПб.: Лимбус-Пресс, 2001). Купола храмов обозначают не только количество «ходов» в ИТУ, но и являются своеобразным оберегом. Оберегами является также изображение Богородицы с младенцем Иисусом Христом, нередко сопровождающееся надписью: «Мать Божья, спаси и сохрани своего сына». Любопытно, что данная татуировка иногда бывает у профессиональных преступников-мусульман. Нередко Богородицу преступники превращают в свою покровительницу (и соучастницу), см. татуировку: «Принеси мне воровскую удачу, царица небесная!» Изображение креста

в звезде обозначает: «Да хранит меня Бог от холода, нищеты, ментов, мусоров и коммунистов!» «Расшифровки некоторых татуировок звучат, как молитва» (Н. Шарандина, 2000). Изображение ангелов по сторонам креста — татуировка вора в законе — не только его своеобразный знак или символ святости воровского мира, но и оберег. Отсутствие названия Бога в аргументе заменяют многочисленные татуировки с его изображением. Наиболее распространённая: распятый на кресте Иисус Христос, символизирующий мучения преступников (в ИТУ или на свободе).

Татуировки уголовники, в зависимости от их назначения, наносят на различные участки тела. Например, те татуировки, которые накалываются насильно, располагаются на спине, на лице и на пальцах (так называемое *подлое кольцо*). Их владельцами обычно являются заключённые, принадлежащие к низшим кастам осуждённых. На видных местах накалывают татуировки наркоманы, чтобы опознать себе подобных, а также воры в законе. Есть татуировки (доперестроечные), которые накалывались под мышкой — например, изображение свастики со значением «ненавижу Советскую власть».

Для уголовников также характерны «звериные» татуировки. Звери, нарисованные на теле преступника, не всегда соотносятся в символическом значении с басенными и сказочными животными. Из хищных зверей (а они преобладают в татуировках) профессиональные преступники предпочитают выкалывать изображение льва — символ власти. Тигр, гепард, леопард — символы агрессивности, жестокости и ненависти к правоохранительным органам (их оскаленная пасть — признак так называемых *отрицал* — тех, кто систематически нарушает порядки в ИТУ и борется с осуждёнными, ставшими на путь исправления, — *активом*). Кот — символ хитрости и коварства. Уголовник сознательно (а в ряде случаев и подсознательно) выбирает себе тотема, который сможет его защитить, и выражает свою сущность, единство с данным зверем.

Фактически татуировки-рисунки играют ту же роль (они и внешне похожи), что и экипировка древних дикарей. Последние обвешивались амулетами с изображением зверей-тотемов, а то и надевали шкуры своих убитых покровителей.

В настоящее время авторитетные уголовники почти не накалывают изображение быка, так как арготизм *бык* обозначает рядового преступника, беспрекословно выполняющего приказание главаря воровской шайки (раньше изображение быка — символ силы и власти). В 20-х–50-х годах XX в. нередко можно увидеть на теле изображение целующихся голубков. В настоящее время такие татуировки не практикуются, так как арготизм *голубок* — это милиционер или *голубой* (гомосексуалист). Нет татуировок с изображением петуха, курицы, собак, так как арготизм *петух* — представитель низшей касты ИТУ, с которым совершили насильственный половой акт; *курица* (*насёдка*) — подсаженный в камеру осведомитель; *собаки* (*легавый, борзой*) — сотрудники правоохранительных органов. Татуировка с изображением крысы накалывается насильно и обозначает заключённого, который ворует у сокамерников (сравни также с арготизмом *крыса* с тем же значением). Изображение жуков-скарабеев символизирует воровскую удачу, здесь татуировка соотносится не только со священным для древних египтян насекомым, но и с арготизмом *жук* (профессиональный преступник) — от *жулик* — и с аббревиатурой *ЖУК* — желаю (желание) удачной кражи.

Как видим, у преступника тотемные татуировки вполне уживаются с языческими и христианскими.

В последнее время большое распространение среди осуждённых получили татуировки-высказывания. Среди них имеются:

1. Собственно воровские татуировки, которые подразделяются, в свою очередь, на татуировки, в которых отсутствуют арготизмы, см. примеры: *закон — тайга, медведь* —

хозяин; умри ты сегодня, а я — завтра; они устали ходить под конвоем; не верь, не бойся, не проси; и татуировки, в которых используются блатные слова, например: *недолго музыка играла — недолго фрайер танцевал; амур — мой кюри́оха* (друг — М.Г.); *дави делашей, стукачей и сук* (убивай предпринимателей, работников торговли, доносчиков и предателей преступников — М.Г.); *спаси от лягавых и суда*.

2. Татуировки-афоризмы, не носящие криминального характера. Они, в свою очередь, делятся на высказывания, взятые из литературных произведений, в частности, из стихов С. Есенина: *Умру бродягою и вором; Как мало пройдено дорог — как много сделано ошибок*; из Евангелия, а также придуманные в криминальной среде: *Кто не без греха; Дайте в юность обратный билет — я сполна заплатил за дорогу; Работа — ты меня не бойся — я тебя не трону; Боже, я помню, что у меня есть мать; Работает круглосуточно* (татуируется на животе); *Если ты не знаешь горя — полюби меня; Пусть ненавидят — лишь бы боялись; Рождён для мук — в счастье не нуждаюсь*.

3. Татуировки-высказывания, заимствованные из других языков. Из латинского: *Faciam ut mei memineris* (Сделаю так, чтобы ты обо мне помнил); *Contra spem spero* (Без надежды надеюсь); *Homo homini lupus est* (Человек человеку волк); *Nil inultum remanebit* (Ничто не останется неотмщенным); итальянского: *Cercando il vero* (Ищу истину); *Guai chi tocca* (Горе тому, кто её коснётся); *Sono nato libero — e voglio morire libero* (Я родился свободным и хочу умереть свободным); английского: *Battle of life* (Борьба за жизнь); *Help yourself* (Помогай сам себе); немецкого: *Leben und leben lassen* (Живи и жить давай другим); *Wein, Weib und Gesang* (Вино, женщины, песни); *Du sollst nicht erst den Schlag erwarten* (Не жди, пока тебя ударят); *Macht geht vor Recht* (Сила выше права); французского: *Dieu et liberté* (Бог и свобода); *La bourse ou la vie* (Кошелёк или жизнь); *Tous les moyens sont bons* (Все средства хороши).

Как видно из примеров, татуировки-высказывания чётко отражают ментальность деклассированных элементов: их запросы, устремления, привычки и жизненное кредо.

Без знания арго, без знания татуировок-высказываний невозможно изучить аббревиатуры-татуировки, так как они содержат в себе зашифрованную воровскую «мудрость», афоризмы.

Аббревиатуры-татуировки — «письменная» разновидность арго — получили своё широкое распространение в 60-х–90-х годах XX. Преимущественно их наносят на тело мужчины, хотя имеются и чисто женские аббревиатуры-татуировки. Если для части мужских аббревиатур-татуировок характерно обозначение агрессии, то в женских она отсутствует. Женские татуировки обозначают, в основном, любовь, причём как к мужчине, так и лесбийскую, см. примеры: **ГИТЛЕР** — Где искать тебя, любимый(ая), если разлучат; **ЛИМОН** — Любить и мучаться одной надоело; **ЯХОНТ** — Я хочу одного тебя; **ТОМСК** — Ты один моего сердца коснулся; **ТУАЛЕТ** — Ты ушёл, а любовь ещё тлеет.

Все сокращения делятся на буквенные и звуковые. Примеры буквенных татуировок: **ВЛКСМ** — Возьми лопату и копай себе могилу; **НМНК** — Нам менты не кенты. Нередко аббревиатуре-татуировке соответствует рисунок-татуировка, например, аббревиатура-татуировка **КОТ** (коренной обитатель тюрьмы) иногда заменяется изображением кота. Объём использованных слов при расшифровке небольшой, многие лесемы повторяются. Например, татуировки-аббревиатуры, начинающиеся с буквы **Б** нередко связаны со словом «бить» и «бить»: **БЕРЛИН** — Буду её ревновать, любить и ненавидеть; **БЕС** — Бей, если сможешь; **БОСС** — Был осуждён советским судом; с буквы **В** — со словами «вернись» и «вор»: **ВЕРМУТ** — Вернись, если разлука мучает уже тебя; **ВИМБЛ** — Вернись и мне будет легче; **ВНТЧС** — Вор не торгует своей честью; **ВОРОН** — Вор — он рождён одной ненавистью; с буквы

Ж — со словами «жить», «жизнь»: **ЖЕРН** — Жизнь есть рабская неволя; **ЖНПСМ** — Живу на помойке, спаси меня; **ЖНССС** — Жизнь научит смеяться сквозь слёзы; с буквы **Л** — имеют корень «люб» (любл): **ЛБЖ** — Люблю больше жизни; **ЛОМ** — Люби одного меня; **ЛСД** — Любовь стоит дорого; **ЛУЧ** — Любимый ушёл человек; с буквы **Т** — с местоимением «ты»: **ТЕНИС** — Ты есть нежность и слёзы; **ТИНД** — Ты и никто другой; **ТРОН** — Ты радость одна навеки; с буквы **Я** — обозначают местоимения «я»: **ЯВТПК** — Я выпью тебя по капле; **ЯДРО** — Я дарю радость однажды; **ЯРМО** — Я рождена мучиться одна.

Аббревиатуры-татуировки, в основном, имеют следующие значения:

1) Клятвы и заверения в любви: **КЛЁН** — Клянусь любить её навеки; **ЛОТОС** — Люблю одну/одного тебя очень сильно.

2) Разряды преступников и заключённых: **ЮГ** — Юный грабитель; **ТУЗ** — Тюремный узник.

3) Воровская «мудрость»: **БОГ** — Будь осторожен, грабитель; **ТИГР** — Тюрьма — игрушка; **ТУЗ** — Тюрьма учит закону.

4) Угрозы в адрес правоохранительных органов и предателей: **БАРС** — Бей актив — режь сук; **СС** — Смерть сукам/стукачам; **ЗЮ** — За всё легавым отомщу; **СЛИЧЖВР** — Смерть легавым и чекистам — жизнь ворам-рецидивистам; **ИРА** — Ищи, режь актив.

5) Реалии, связанные со свободой: **БЛИЦС** — Береги любовь и цены свободу; **ЛТВ** — Люби, товарищ волко; **ПАПА** — Привет авархистам — позор активистам.

Также, как и среди татуировок-изображений, в составе татуировок-аббревиатур имеются «обереги»: **БОМЖИЗ** — Богом охранённый, молитвой живущий и замордованный; **ХЛЕБ** — Христос любит, лелеет бедолаг.

Имеется особая группа «политических» татуировок-аббревиатур: **ДИССИК** — Дави иуд, сексотов, сук и коммунистов; данное образование напоминает слово «дис-

сидент»; **РЭВЧЯП** — Революция — это вытряхнутый чёрный ящик Пандоры; **СС-КГБ** — Суки сыны — колда государственных бандитов; **ЯНПТС** — Я не продажная тварь совка (Советской власти).

Нередко сокращения расшифровываются как обобщённо-личные, определённо-личные и номинативные предложения: **НЕВМ** — Не верь мужчинам; **ЛОРД** — Люблю один родимый дом; **ЖУК** — Желая удачной кражи; **ЛИС** — Любовь и слёзы; **ОМСК** — Отдалённая местность сибирской каторги; **ЛТВ** — Люблю тихо воровать; **ЛЕС** — Люблю её сильно.

Среди аббревиатур-татуировок имеется большой процент многозначных сокращений.

СЛОН — 1. Смерть легавым — они не уйдут. 2. Смерть легавым от ножа. 3. Соловецкий лагерь особого назначения.

БОГ — 1. Был осуждён государством. 2. Буду опять грабить. 3. Будь осторожен, грабитель.

Некоторые из них могут расшифровываться как в прямом, так и в обратном порядке: **ТИГР** — Товарищи, идёмте грабить ресторан; в обратном порядке: Ресторан ограблен — идёмте тихариться (прятаться, скрываться); **КОТ** — Кто он такой?; в обратном порядке: Теперь он колонист.

Пятнадцать процентов сокращений составляют зоонимы и фитонимы: **БАРС**; **КОТ**; **ПИНГВИН** (Прости и не грусти — виноватого искать не надо); **КЛЁН** (Клянусь любить её навеки); **ЖУК** (Желание удачной кражи); **ЛИСТ**; **ЛЕВ** (Люблю её вечно); **ВОЛК** — (Вору отдышка — легавым крышка) и др.

При расшифровке ряда аббревиатур используются арго-готические слова, например: **ЗЛЮБО** — За всё легавым очень больно отомщу; **ИРА** — Иду резать актив; **СЧАК** — Суки — часто активисты; **СЛЖБ** — Смерть легавым — жизнь блатным.

В последнее время (80–90-е годы) среди преступного сообщества получили распространение так называемые

сложные татуировки, например: **НЕБО-ЗЯВР** — Не грусти, если будешь одна, знай — я всегда рядом; **ИРКА-ЕНТР** — И разлука кажется адом, если нет тебя рядом; **АМУР-ТНМН** — Ангел мой ушёл рано — так начались мои несчастья; **КИС-Б-Т** — Как истосковалось сердце без тебя; **КЛИН-ОБОЗ** — Как люблю и ненавижу — один Бог об этом знает; **УЗ: ВУСК** — Узник зон: Воркуты, Урала, Сибири, Колымы; **СС-ММ** — Суперсекс — моя мечта, или Суперсексотов мочу (убиваю) молча; **ШП-ДЗМ** — Шали, пацан, да знай меру.

Опросы представителей криминальных групп показывают, что аббревиатуры-татуировки не несут в себе какого-либо тайного смысла и наносятся исключительно для бравады, а также являются стремлением выразить своё «Я», тем более, что они не имеют адресата и нередко обращены на самого же владельца. Однако выделяется группа аббревиатур-татуировок, для которых присущ опознавательный (тайный) характер, благодаря им наркоманы узнают друг друга, что приводит их к консолидации в местах лишения свободы, например: **ТОН** — Тайное общество наркоманов; иногда добавляется буква **Я** (Я его член). **РИСК** — Родные, идите скорее *кумариться* (употреблять наркотики для снятия абстинентного синдрома).

Часто в них содержится информация о приверженности или отвращению к конкретному наркотику, например: **НОНА** — Наркоман; очень нужна анаша; **НИНА** — Не был и не буду анашистом (омоним к общеуголовной татуировке — Не был и не буду активистом); **МИЛА** — Мои интересы — люблю *абишэбиться* (правильнее *обшэбиться*, так как данная лексема образована от арготизма *шэбить* — употреблять гашиш); **ПИСК** — Пошёл искать себе *кукнар* (наркотик, приготовленный из мака).

В предыдущих рассуждениях речь шла, в основном, о мужских татуировках. Женщины делают их гораздо меньше, да и по художественному выполнению и содержанию, по мнению исследователя Л. Мильяненко, они намного

беднее мужских. Это связано со специфической идеологией русского уголовного. Например, женщина-преступница, каким бы авторитетом не пользовалась среди *братвы*, никогда не станет воровкой в законе или держательницей *общака*, со всеми вытекающими отсюда благами и льготами в преступном мире. В женских ИТУ нет таких каст осуждённых, как среди заключённых-мужчин. Если мужчина-преступник бравитует татуировками, то есть наносит их на открытую часть тела, то женщина их делает с таким расчётом, чтобы они были, в основном, скрыты от посторонних. Женские татуировки указывают на сентиментальность их носительниц и обычно отражают любовные переживания или похождения, например: целующиеся голуби — символ любви; изображения птиц (кроме хищных) — вера в светлое будущее; изображение женщины с ребенком — тоска по дому. Много татуировок наносят на своё тело лесбиянки: изображение спасательного круга с яхтой внутри него, глаз в треугольнике — знаки пассивной лесбиянки; женщина с гитарой — лесбиянка; изображение сердца обвитого змеей — несчастная любовь, без взаимности.

Большинство аббревиатур-татуировок отражают мировоззрение и психологию заключённого, степень его авторитета в среде преступного мира.

Татуировки являются достаточно устойчивым элементом субкультуры преступного мира. Вот данные криминалистов: 45% осуждённых наносят татуировки на тело во время первой судимости. После второй судимости этот показатель достигает 75%, после третьей — 89%. (А. Гуров, 1990). Большинство рисунков, указывающих на кастовость преступника, принадлежность его к определённой группировке, накалываются после второй судимости.

Это объясняется тем, что татуировки нередко наносятся под влиянием воровской романтики, позиции которой очень сильны не только среди правонарушителей, но и среди законопослушного населения. Определённая группа

татуировок распространена и среди законопослушной молодежи. Наиболее характерными для них являются аббревиатуры: **ВОСК, ЗЛО, КОТ, СЛОН, ТУЗ**. Здесь налично стремление подражать преступному миру, своеобразная игра под уголовников. И еще: молодежь равнодушна к символу, а татуировки-аббревиатуры — своеобразный символ, знак, причем тайный знак, смысл которого известен сверстникам (хотя и не всем) и непонятен взрослым.

В настоящее время перед лингвистами стоят следующие задачи:

Воссоздать и описать татуировки деклассированных элементов.

Проследить путь воровской татуировки в зависимости от развития криминальных сообществ, в частности, воров в законе.

Определить отражение в татуировках мировоззрения деклассированных элементов.

ПРОДЁРНИ, ЖУЧКА!

О фонетических особенностях речи деклассированных элементов

Для речи людей «дна» свойственна особая интонация, тембр, произношение отдельных звуков.

Как известно, тембр голоса меняется оттого, если человек много пьет и курит. Эти вредные привычки — необходимые атрибуты деклассированных элементов. В итоге (хотят они того или не хотят) их голоса становятся хриплыми и сиплыми. Некоторые подростки, которые хотят быть похожими на уголовников, тоже стараются говорить с хрипотцой. «Они в открытую курили и разговаривали между собой сдавленными искусственно-хриплыми, приклатненными голосами», — писал В. Кунин в «Интердевочке» о подростках, подражающих преступникам.

Воровской речи свойственно удлинение согласных звуков, например: *коззёл, профффёра, паххán, кккёрва* и т. д.

В некоторых случаях согласные звуки смягчаются, а гласные становятся более передними по месту образования, при этом нижняя челюсть выдвигается вперед, придавая лицу «зверское» выражение.

Иногда в словах не произносятся безударные звуки. Преступники как бы глотают их. И слова *мотыль* (пьяный человек), *соловёй* (милиционер), *шакáлить* (воровать у своих) звучат примерно так: *мтыль, словéй, шкáлить*.

Заметим, что особая манера говорить принадлежит не только уголовникам, она характерна и для других социальных групп. Для дворян конца XIX — нач. XX вв., например, было характерно картавое произношение звука [г], фа-

товской тон и некоторые другие особенности. Приведем в качестве примера диалог двух офицеров из «Поединка» А. И. Куприна:

«— Ме, мон ами! — Бобетинский поднял кверху плечи и брови и сделал глупые глаза. — Но... мой друг, — перевёл он по-русски. — С какой стати? Пуркуа? Право, вы меня .. как это говорится?.. Вы меня удивляете!

— Дорогой мой, пожалуйста ..

— Пойдите .. Во-первых, без фэмильярностей. Чтэ это такое — дорогой, тэкой-сякой е цетера?»

Московские парикмахеры старались говорить на «французский манер». Вот как об этом пишет В. Гиляровский. «Москва шиковала вовсю, и налезли парикмахеры-французы из Парижа, а за ними офранцузились и русские, и какой-нибудь цирюльник Баранов на Ямской не успел еще переменить вывески: «Цырюльня. Здесь ставят пивьяки, отворяют кровь, стригут и бреют Баранов», а уж тоже козлиную бородку отпустил и тоже кричит, завывая приказчика из Ножевой линии: — Мальшик, шипси! Шевелись, дьявол!»

Для того чтобы выделиться, обособиться от других, представители многих слоев населения искажали русский язык, но никто так не коверкал его, как уголовники. «Они (профессиональные преступники — М.Г.) кривят рты, будто собираются куснуть тебя сбоку, — писал А. И. Солженицын, — они при разговоре и шипят, наслаждаясь этим шипением больше, чем гласными и согласными звуками речи, и сама речь их только окончаниями глаголов и существительных напоминает русскую, она — тарабарщина» (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ).

У преступного элемента одна «мода» произношения сменялась другой. В 20-х годах XX века уголовники смягчали твердые шипящие звуки [ж] и [ш]. В связи с этим, фраза «Жора, шепни ему на ушко» звучала бы так: «Жёра, щепни ему на ушко». Мода на смягчение твердых шипящих возникла на юге страны и в короткий срок «завоевала

умы» всех блатных. По крайней мере, уже в 30-е годы так разговаривало большое количество деклассированных элементов. В это же время была и другая манера произношения: замена шипящих звуков [ж] и [ш] на свистящие [с] и [ц]. Любопытный прием такого произношения приводит В. Шаламов в книге «Левый берег».

«Доктор задает вопрос, почему профессиональные преступники стали убивать врачей. Блатарь ответил, ломаясь и выворачивая слова с непередаваемым блатарским акцентом: «Закон зизни, доктор. Разные бывают положения. В одном случае — так, а в другом — совершенно иначе. Зизнь меняется».

Вероятно, этим произношением и объясняется появление таких слов, как *съявка* (мелкий ворюшка): оно образовано от слова *шъявка* (значение то же).

Порой, чтобы выразить особое презрение к собеседнику, уголовник переходит на гнусавый тон. Вот образец речи профессионального уголовника, зафиксированный в художественной литературе — у И. Дервянко в «Отморозках»:

«— Ребята, развяжите! — жалобно попросил Лавров. — Клянусь мамой, не буду больше!

— Он больше не будет! — нарочито гнусавя передразнил Бобров. — Станет хорошим мальчиком.»

Как видно из предыдущих рассуждений и приведённых примеров, речь деклассированных элементов имеет свои фонетические особенности. Правда, некоторые из лингвистов их отрицают или не считают актуальными, утверждая о том, что они свойственны и просторечию, и жаргонам, и территориальным диалектам, и разговорному языку (см., например, В. Быков, 2001). Однако исследования показывают, что в настоящее время население, особенно молодёжь, перенимает не только слова преступников, но фонетические особенности их речи, как перенимает и манеру их поведения: например, бизнесмены переняли у преступников моду на ношение золотых цепочек («Златая

цепь на дубе том...»). Молодежь в 60-е — 70-е годы ходила, втянув голову в плечи, а современные молодые люди при общении нередко сидят на корточках. И это все объяснимо: до недавнего времени осужденным не положено было носить шарфы в ИТУ, и они, чтобы не простудиться, таким образом защищали горло; при этапировании им не на чем сидеть, поэтому они и сидят на корточках. Эти и им подобные манеры, а также фонетические особенности были переняты населением. Изучение фонетических особенностей прольёт свет на различные стороны жизни уголовников. Например, мода на смягчение твердых шипящих согласных может указать на влияние одесского арготизма (и не только фонетического!) на преступный мир всей России.

Читатели могут задать вопрос. «Для чего деклассированным элементам нужно так искажать речь? Для конспирации — не годится. Для чего же?» Причина одна: показать свою принадлежность к блатному миру, противопоставить себя всем честным людям.

Глава 12

ТАЙНЫ АРГО

Об этимологии арготизмов

Установление происхождения арготизмов — задача чрезвычайно трудная, так как исследователь встречается с необычным лексическим материалом. Долгое время существовало ошибочное мнение, что лексемы деклассированных элементов создаются целенаправленно, волевым способом. То есть непонятность арготизма, неизвестность его происхождения способствовали появлению этого ложного тезиса.

Однако тщательные исследования доказывают, что блатные слова возникают стихийно, вне зависимости от воли отдельных личностей. Анализ показывает, что происхождение ряда слов лежит на поверхности, прозрачно, см., например. *тыква* — голова; *легавый* — сыщик, милиционер. Этимология же других арготизмов затемнена, двусмысленная и является спорной. См., например, *мухлевать* — тасовать карты шулерским способом; *мошенничать*; *обманывать*. По мнению В. Даля, слово восходит к территориальным диалектам, см. словарную статью *мухлевать* — владим., зап., ряз., твр. — обманывать. М. Фасмер же считает его германизмом. нем. арг. *moheln* — метить карты, откуда нов.-в.-н. *mogeln* — плутовать, надувать, от др.-еврейск. *Mahal* — подрезать (карты? — МГ), разбавлять вино. Казалось бы, происхождение блатной лексики *капусты* не является сложным — по внешнему сходству с пачкой денег, однако её образование не такое уж и простое, см. словообразовательную цепочку. арг. *филки* — арг. *вилки* — арг. *капусты* — деньги, где *филки* — темное слово, может быть, как-то связанное со словом *филон* — лентяй.

Т. е. *филки* (деньги) дают возможность жить, не работая при этом, но это — уже на уровне предположения или догадки.

Нельзя понять происхождение блатного слова, наблюдая за ним со стороны, не пытаясь понять мироощущение социума криминогенной среды. Действительно, трудно представить в арго функционирование слов, обозначающих представителей правоохранительных органов, с положительной коннотацией и высшую касту преступного мира — *воров в законе* — с пейоративной окраской. Этимологи по своим методам анализа подразделяются как бы на два разряда: одни ищут «там, где близко», «другие — там, где далеко». Нам кажется, что арго — русский социальный диалект — это тот лингвистический объект, происхождение элементов которого нужно искать, в основном, внутри общенародного языка, хотя и не игнорируя иноязычные заимствования.

Словопроизводство в арго гораздо шире, чем в литературном языке, тем более, что в основе арготизмов — элементы различных лексических систем. Это:

1) Литературный язык, например: *арбуз* — голова; *ласточка* — проститутка; *скрипка* — пила, используемая для перепиливания тюремной решётки.

2) Просторечные лексемы, например: *барахольщик* — скупщик краденого; *мордоплой* — пистолет; *рожак* — лицо; *соплёвич* — капли эфедрина (лекарства, содержащее наркотическое вещество).

3) Территориальные диалектизмы, например: *бобочка* — рубашка (от *боба*, *бобка* — кур. детская сорочка, рубашка; *балешник* — попойка, пьянка (от *бал* — дон. собрание молодёжи для угощений, развлечений).

4) Слова других социальных диалектов, например: *литёрка* — лейтенант внутренних войск (от солдатского жаргонизма *ли́тер* — лейтенант); *керосин* — спиртное (от лексемы условного языка офеней *кэро*) — брага; *крутильщик* — шофёр (от жаргонизма водителей автомашин *крутилка* — руль).

5) Иноязычные лексемы, например: *шопник* — вор, специализирующийся по кражам из магазинов (англ. *shop* — магазин); *фляшник* — убийца (нем. *Fleisch* — мясо); *икушка* — два (общетюрк. *iki* — два); *нюшка* — проститутка; голая женщина (франц. *nue* — голая).

6) Арготизмы, например: *гасіловка* — драка (от *гасіть* — драться); *цинтовать* — отбывать наказание в тюрьме (от *цинта* — тюрьма); *юлальщик* — мелкий шулер, играющий в общественных местах в карты, кости (от *юла* — деревянный кубик с очками для игры в кости).

При установлении происхождения слов в арго важно учитывать субкультуру преступного мира, его обычаи, привычки, мораль, увлечения. Например, на происхождение ряда арготизмов повлияло враждебное и пренебрежительное отношение к правоохранительным органам. Так, среди уголовников начала XX в. была мода называть чиновников правоохранительных органов существительными женского рода. «Нужно заметить, — пишет по этому поводу исследователь арго П. П. Ильин, — что многие враждебные преступному миру лица чиновничьей среды именуются с прибавлением окончаний женского рода (и суффикса *ш* — М.Г.): *прокурóриша* вместо *прокурор*, *слéдовательша* вместо *следователь* и т.д.» (Ильин, 98). Феномен такого словопроизводства кроется в морали деклассированных элементов. Называя мужчин существительными женского рода, преступники как бы уподобляют их пассивным гомосексуалистам, что является большим оскорблением в криминогенной среде, особенно начала XX века. В современном арго продуктивным является суффикс *ек*, см. слова: *начальничек* — представитель правоохранительных органов; *защитничек* — адвокат.

В арго имеются слова, появившиеся благодаря именам и фамилиям тюремщиков, см., например: *кирюшка*, *кирюха* — палач; *кирюшкина кобыла* — скамья, на которой наказывались провинившиеся (по имени петербургского палача Кирюшки, см. Вс. Крестовский «Петербургские

трущобы»); попасть к *некрáсову в гóсти* — быть осуждённым на каторжные работы, быть закованным в кандалы (фразеологизм образовался от фамилии старого надзирателя Петербургской тюрьмы, заковывавшего в течение 30 лет в кандалы арестантов (Ильин, 172).

Знание тонкостей некоторых увлечений также поможет установить точную этимологию ряда арготизмов. Например, некоторые карты: *провоkáтор* — король; *сибёрская язва* — семёрка. Как пишет Ильин, они названы так потому, что неудобны при игре в «очко». Шансы набрать двадцать одно очко в случае, если первой придёт одна из этих карт, очень незначительны.

В арго имеет место табуирование. Д. С. Лихачёв понимает его широко: как языковой запрет, нарушение которого грозит неудачей для вора. Но табуирование — это и один из факторов, способствующий появлению новых слов. К примеру, в некоторых местах лишения свободы верхушкой заключённых запрещено употреблять арготизмы *шесть*, *шестёрка* (подхалим, прислужник вора). Однако такой разряд людей существует, и он нуждается в номинации. Поэтому для их обозначения используются лексемы *шесть*, *двенáдцать на два*, *двáдцать четýре на четýре*. На слово *свидетель* также наложено табу (оно ненавистно уголовникам), вместо него употребляется арготизм *очевíдец* с тем же значением. Появлению ряда арготизмов способствовало и табу общерусского характера.

В современных языках имеется тенденция не говорить прямо о смерти, тяжёлых болезнях, избегать названий неприличных вещей. Для деклассированных элементов неприличными названиями могут быть обозначения правоохранительных органов, предателей.

Имеется также определённая связь между эвфемизмами, появившимися в результате табу в общенародном языке и табу в арго. И те, и другие обладают пейоративной окраской. Ср., например, в общенародном языке обозначения чёрта (*немьтик*, *недобрик*, *окаяшка*, *анчутка бес-*

пятьи́й) с арготическими обозначениями милиционера: *болван*, *гад*, *злыдень*, *зуботыка*.

Для установления этимологии нужно знать реалии того времени, когда данный арготизм появился. Например, название денег *бáбки* возникло по изображению Екатерины II на ассигнациях XVIII–нач. XIX вв.; наименования игральные карт конца XIX–нач. XX вв. даны по сходству рисунков на них с изображениями одноимённых святых на иконах: *святой пáвел* — валет; *святой никола́й* — король; *вели́кая варва́ра* — дама (Ильин, 82). Нередко обозначения имеют юмористический характер, см. арготизмы: *портрёт те́щи* — сигареты «Лайка»; *портрёт участко́вого* — сигареты «Друг» (на пачках изображены собаки).

В появлении новых арготизмов огромную роль играет аналогия, см. словообразовательные цепочки: арготизм конца XIX–нач. XX вв. *стрелóк* (высококвалифицированный нищий) — совр. арготизмы *сна́йпер*, *бомб́ист* (нищий). Сравним аналогичные глаголы *стреля́ть* и *бомб́ить* (просить милостыню); *те́лка* (особа женского пола лёгкого поведения), слово появилось в арго примерно в 60-х годах XX в., и арготизм 80-х гг. XX в. *вол* с тем же значением.

Образование некоторых лексем происходит по уже существующим моделям. Например, арготизм *цýрва* (девушка лёгкого поведения) образован по аналогии с арготизмами *кúрва*, *лýрва* (проститутка, женщина лёгкого поведения) — от *цýпа* (девушка; подруга вора).

Важно знать арго в диахронии. Если не учитывать звенья семантической цепочки, то можно уйти по следу ложной этимологии. Е. Д. Поливанов писал по этому поводу: «Когда мы располагаем двумя данными, из которых нам предстоит восстановить действительный психический процесс, приведший к созданию рассматриваемого нами блатного словоупотребления, именно располагаем — 1) исходным значением слова в общенародном языке, 2) конечным пунктом в виде блатного его значения, то это далеко не всегда бывает достаточным, чтобы вскрыть все

подлинные ассоциации, имевшие место при данном акте словотворчества» (Поливанов, 1931). Например, в современном арго имеется слово *ту́ча* (рынок). У человека, не знающего арго в диахронии, при этимологическом анализе могут возникнуть ассоциации о массе людей на рынке. Примерно так объяснили автору статьи происхождение данного слова коллеги и... носители арго. Однако этимология здесь совершенно иная, см. словообразовательную цепочку: *толкучий рынок* — *толкучка* — *тульч* — *ту́ча*. В современном арго *держáть ту́чу* (*ту́чку*) означает совершать кражи на рынках. Знание арго в диахронии поможет понять, как появились слова *стриж* (старик): в 20-х годах XX в. имелась лексема *штрик* (старик) и также *штру́ха* (старуха) (Тонков, 53). *Мильй*, *милóк* — от арготизма 20-х–60-х годов *мильтóн* (милиционер); *петух* (жертва преступления, доносчик, опозоренный и презираемый человек, с которым совершили насильственный половой акт) — от арготического глагола *петь* (кричать о краже).

Нужно хорошо знать в диахронии не только арго, но и другие пласты русской лексики. Например, в языке преступного мира имеется лексема *варя́жить* (бродяжничать): «Мужики *варя́жили* на Севере четыре года» (Запись 1990); *варя́жка* (бродяжничество): «Мужик за *варя́жку срок схлопотáл*» (Запись 1990). Можно предположить, что данное слово образовано от историзма *варя́г* — воин-наёмник скандинавского происхождения. Он — бродяга? В какой-то мере да. Но русские крестьяне *варя́гом* (*воря́гом*) называли скупщика мелкого товара в деревнях, офеню; при торговле он часто перемешался из одного населённого пункта в другой. *Варя́г* (*воря́г*) — от слова *вор* и суффикса *-яг*, т. е. крестьяне указывали ещё на одну особенность корбейников (ходебчиков) — частое воровство (или обман).

Трудность в установлении происхождения арготизмов имеется и в случае образования слов на основе тех ассоциаций, которые известны лишь арготирующим. Например, слово *лях* (преступник, изменивший вора в законе)

возникло от устойчивого словосочетания 40-х годов XX в. *польский вор* с тем же значением: *ля́хами* старые воры в законе изначально называли фронтвиков, бывших уголовников, служивших в штрафных батальонах, которые были, в основном, в войсках маршала Рокоссовского, поляка по происхождению — *ля́ха*; по их мнению, преступник, взявший оружие, уже начал сотрудничать с официальной властью.

Иногда возникновение некоторых арготизмов является следствием каких-либо особых условий преступников, например, этапирования: до революции одних заключённых вели пешком через всю Сибирь к месту отбывания наказания, которое находилось на Сахалине, другие же перевозились на кораблях; этот тип заключённых назывался *галётниками*: «Что они там делали — только галеты ели», — презрительно говорили каторжане, добравшиеся до Сахалина пешком через всю Сибирь» (В. Дорошевич, 1903).

Порой появление арготизмов связано с постановлениями правительства, касающихся уголовного законодательства. Например, после принятия в декабре 1973 г. постановления Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении наказания за мелкое хулиганство», в среде преступного мира родилось слово *декабри́ст* — человек, осуждённый за мелкое хулиганство.

Нередко деклассированные элементы вводят в систему арготической лексики непонятные для них слова, услышанные ими от более образованных заключённых, см. примеры: *плюс*, *минус*, *глобус* — политические заключённые (Фабричный, 178); *брокгаузы* — очки: «Вот с такими *брокгаузами* на *сопáтке!*» (Ильин, 1912).

Спорными кажутся и некоторые из существующих мнений о языке-источнике заимствованных слов. Например, о происхождении слова *шкет* (арестант-подросток; мальчик; человек низкого роста) имеются следующие мнения:

1) Его считают заимствованием из чешского языка. *шкет* (просторечное, бранное, из воровского арго) из чеш. *sketa*, *cketa* — болван; зверь, изверг (Трубачёв, 1964).

2) *Шкет* происходит от итальянского слова *schietto* (откровенный, чистосердечный), которое восходит к германскому *slihts, schlicht* — простой (Фасмер, 1973).

Нам же представляется, что наиболее верно подходит мнение Е. Д. Поливанова, который считал слово *шкет* заимствованием из английского языка, где *scout* — член организации скаутов (Поливанов, 1931). Кроме того, в русском арго и английском общенародном языке есть однокоренное слово *плашкет* = *шкет* (*play-scout* = *scout*). При переходе в русское арго звук [s] изменился в звук [ш] и получился арготизм *шкет* (аналогично тому, как голландское слово *Zwabber* превратилось в русское *швабра*. Лексическое значение английского слова *scout* — «член организации скаутов» гораздо ближе к значению русского арготизма, чем итальянское слово *schietto* (откровенный, чистосердечный) или чешское слово *sketa, cketa* — болван; изверг; зверь (Грачёв, 1997).

И уже совсем непонятным является отнесение А. П. Баранниковым арготизма *дзет* (берегись) к цыганскому языку, где *dzet* — растительное масло (Баранников, 1931). В этом случае цыганская лексема лишь фонетически совпадает с блатным словом.

Деклассированные при заимствовании иноязычного слова стремятся сделать его похожим на русское, уже существующее, см. примеры: *аржэн* — деньги (франц. *argent* — серебро; деньги) и *ржаной* (хлеб); *мордó* — один рубль (цыг. *tordo*) и *мóрда* — лицо.

В арго при словотворчестве широко используется словесная игра: каламбур, обыгрывание наиболее употребительных слов, шутка и т. п. Одним из наиболее распространенных слов является контаминация. Слова, использованные при контаминации, могут быть из разных лексических систем: арго, жаргонов, просторечия, литературного языка и т. д. Например, *канáлья* (бродяга), от *канáть* (бежать; идти; бродить) + *канáлья* (плут): арготизм + просторечное слово. *Оперáция* (хирургическое вмешательство) + *перó*

(нож): одна лексема из литературного языка, другая из арго; *дермафродит* (ничтожный человек): *дермó* + *гермафродит*, просторечное слово и лексема из литературного языка. *Пикадор* — хулиган, осуждённый за нанесение ножевых ранений: *пика* (нож) + *тореадор* (общее название бойца в корриде), арготизм и слово из литературного языка. *Ментáер* (конный милиционер): мент (милиционер) + *кентавер* (мифическое существо: получеловек-полуконь), арготизм + литературное слово. *Шкицнóрик* — молодой гомосексуалист: *шкíца* (несовершеннолетняя проститутка) + *жнурик* (опустившийся, слившийся человек), арготизм + интержаргонное слово. *Амóра* — цыган: *амáра* (проститутка) + цыг. *more* (цыган), арготизм + иноязычное слово.

Иногда уголовники изменяют старый арготизм на какое-либо близкое им по созвучию общенародное слово, так случилось, например, с лексемой *уркагáн* (старый опытный вор), которая трансформировалась в лексему *урагáн*: «Мальцы с раскрытыми ртами слушали блатные рассказы *урагáна*, как он брал кассы и сейфы и не залетáл» (Запись 1990).

Нередко контаминация возникает благодаря созвучию какому-либо ругательному слову общенародного языка, например: *кíдра* — девушка: *вíдра* (ругательство) + *кáдра* (девушка, женщина); *секритóтка* — молодая красивая женщина-секретарь: *секретарь* + *проститутка*; *чмырь* — неопрятный, всеми презираемый заключённый: *чмо* с тем же значением + *хмырь* (ругательство).

Некоторые непонятные слова преступники заменяют более удобными для их произношения. Так случилось с арготизмом *абрóтник, обрóтник* (конокрад), которое деклассированные превратили в *абóртника*. См. контекст: «И четверть смирновской водки, выставленная Гоберманами родному брату — *абóртнику* Павлу Павловичу за знакомство с ювелиром — не больше, чем символическая плата» (В. Смирнов. Гроб из Одессы). Тем самым они создали омоним для лексемы *абóртник* — врач, занимающий-

ся незаконными абортами: «После *откідки* из *зоны* я сразу к своей *кобре*, а у ней уже *бѣлая крѣса*, *абортник* поганый Васька Широков» (Запись 1978). См. также лексему *воздушник* — вор, крадущий с возов (Досталь, 1904; Потапов, 1927); вор, крадущий продукты питания с лотков на рынке: «Например, такие разновидности воров, как лица, кравшие сохнувшее бельё (*голубятники*) или продукты питания с лотков на рынке (*воздушники*), могли бы дискредитировать группировку, поскольку во все времена они относились к мелким правонарушителям» (А. Гуров. Профессиональная преступность). Возможно, первоначально *возушник* — от слова «воз», затем контаминация двух слов — *возушник* (от «воз») и *воздушник*, т. к. преступник, моментально скрылся с места преступления, «испарялся», как воздух.

Часть арготизмов сохранила старинные названия реалий. См., например, лексему *командир* (надзиратель в ИТУ). В 20-х—30-х годах XX в. заключённые в местах лишения свободы делились на роты, по принципу военных, отсюда и *каналоармеец* (заключённый, строящий Беломорканал); см. также дореволюционные названия исправительных мест лишения свободы — арестантские роты (Лихачёв, 1993):

Вдруг, как кошки, разбежались,
Шухер, братцы, — мы горим,
Два несчастные попались,
Захватил их *командир*.

На основе этого значения образовалось ещё два: во-первых, это сотрудник правоохранительных органов: «Не твоё дело, *командир*! Давай хотя бы накануне моего освобождения ссориться не будем. Лады? (Е. Монах. Братва: Век свободы не видать). «*Командир*, тебе моей справки об освобождении недостаточно?» (Запись 1992). Во-вторых, это обращение к мужчине (чаще к сотруднику правоохранительным органам): «А в чём дело, *командир*?» — про-

изнёс он нараспев. В его голосе явно слышались блатные интонации» (С. Зверев. Жиган). «На Волгоградском проспекте патруль в поздний час окликнул подозрительного прохожего: «Документы? Сейчас, *командир*». Вместо бумажника бандит вытащил из кармана пистолет Макарова» (Н. Модестов. Москва бандитская). «Когда ты прекратишь, наконец, меня *командиром* величать? Западло!» (Е. Монах. Скала молчания).

Другим распространённым способом образования новых слов в арго является фонетическая мимикрия (звуковое уподобление одного слова другому), например: *червяк* — червонец; *грѣшка* — гривенник; *пѣтя* — пятисотрублёвый кредитный билет; *фургѳон* — фуражка; *маргѳо* — маргарин.

В арго наблюдаются и другие фонетические процессы, например, дизреза: *сидр* (мешок) — от *сидор* (дворник; мешок, саквояж); *бибѳры* (часы) — от *бимбѳры* с тем же значением; эпентеза: *отдѳкнуть* — отдать; *сиделѳкать* — сидеть; *саргѳа* — деньги — от *сѳра* с тем же значением; замена одного звука (комплекса звуков) другими: *бѳдра* (отмычка) — от *вѳдра* с тем же значением; *гурѳха* — старуха; *брушлѳты* (соединительные связки-наручники) — от *браслѳты* (наручники).

Если в молодёжном жаргоне широко используется метатеза, то для арго она почти не характерна: в нём имеется лишь одно слово, образованное данным способом: *маргѳѳон* — граммофон. Все эти арготизмы, рождённые в результате словопроизводства, следует отличать от лексем, заимствованных из тарабарских языков, которые появились в результате механического засекречивания слов; см. образования при помощи маскировочного звукового комплекса *шу-*: *шур* — вор; *шурѳвка* — воровка; *шурѳвать* — воровать.

Нужно принимать во внимание то, что на происхождение ряда арготизмов повлияло русское просторечное и диалектное произношение, а также произношение представителей нерусских национальностей, см. примеры:

вардалак — налётчик; убийца детей; *хувать* (от *ховать*) — прятать; *марилут* (от *маршрут*) — мешок с провизией, который несёт беглый каторжник (Попов, 1912).

Одной из особенностей словопроизводства в языке деклассированных элементов является арготическая энантиосемия, то есть появления у слова лексического значения, противоположного самой номинации. Это так называемые слова-наоборот, например: *всхрапнуть* — не спать; *застегнуть* — расстегнуть верхнюю одежду жертвы при карманной краже; *грубо* — хорошо.

Некоторые арготизмы возникли как омонимы к устаревшим литературным словам, см., например, *ярыга*, *ярыжник* — половой партнёр; насильник: «Я замочил и ярыгу, и свою кобру». «Десять раз сунул ярыга — червонец в крытке получи, да ещё и опустят, сделают первую ночь на кичмане первой брачной ночью» (Запись 1988); «Нахалку шьёшь? За придурка держишь? Не был я, никогда не был мохнорылым целочником-ярыжником!» (ЛС, 2000, № 11). «Блатовать Декабристу на зоне никто не дал: тут же узнали, что он ярыжник, и хором отдрючили!» (Запись 1997); *ярыжить*, *ярыжничать* — совершать половой акт; насиловать: «Стал я бабу ярыжить, а та кричит, что красненький вымпел у неё» (Запись 1997); «Вздумали прямо в парке девчонку ярыжить, та орёт, а мужички — ноль внимания» (Запись 1997); «Федька сразу с двумя бабами ярыжничал. Менты его буквально с пацанки стащили, которую он ярыжничал» (Запись 1998); *ярыжный* — развратный: «За такое ярыжное дело не только опустить тебя надо, но и печёнками заставить рыгать!»

В этимологическом словаре М. Фасмера: «*Ярыга*, олонец. — низший полицейский чин; пьяница, мошенник; бойкий человек. Но в древнерусском языке *яриться* — возбуждаться в половом отношении; см. также у В. Даля *ярить* — разжигать похоть.

При этимологизации арготических слов важно учитывать данные русских территориальных диалектизм

и определённый круг языков — источников (английского, немецкого, французского, еврейских, тюркских, финно-угорских, польского, украинского, латинского, греческого, литовского, латышского).

«УМРИ ТЫ СЕГОДНЯ, А Я — ЗАВТРА»

О блатных пословицах, поговорках и крылатых выражениях

Первые свидетельства о пословицах и поговорках уголовного восходят к седой старине. Часть из них уже перешла в общенародный язык. Например, *подлинная правда* — изначально это показания преступника, добытые при помощи особой пытки — порки *линём*, т. е. толстой верёвкой; аналогично и с *подноготной правдой* — сведения, полученные благодаря деревянным иголкам, вводимых уголовнику под ногти; заметим, что в то время существовал и арготизм *подноготник* — соглядатай.

Известно, что поговорками украшал свою речь знаменитый московский вор и сыщик Ванька Каин, см. примеры употребления: «Я не вор, не тать, только на ту же статью»; «Пей воду, как гусь; ешь хлеб, как свинья; а работай у тебя чёрт, а не я».

Особый интерес представляют пословицы и поговорки, собранные В. И. Далем. При внимательном анализе оказалось, что часть из них сочинена преступным миром. Это не значит, что данные афоризмы не подходят к названию произведения — «Пословицы русского народа»: ведь русский народ неоднороден по своему составу — в нём есть и законопослушные люди, и преступники. Вот их образцы: «Вору терпит; вор на вора не доказчик; вор на воре не ищет; на всякого *майдáнника* (игрока в *орлянку*, *зернь* — М.Г.) по семи олухов; плохой тот вор, что около себя *огребáет* (ворует — М.Г.); у кого пропало, а к нам с обыском; добром уору всё впору; добрый вор ничему не даст спуска;

сидеть поо мостом за *углом стоять* (т. е. грабить), этот человек мастеровой: *заугольничает* по постоянным дворам; он ни плут, ни картежник, а ночной *придóрòжник* (грабитель — М.Г.). Как видим, в них встречаются и арготические слова: *майдáнник*, *придóрòжник*, *стоять за углом*, *заугольничать*».

Волжские разбойники, если судить по книге, себя называли *честными людьми*, *поволжáнами*.

Особый интерес представляет «Исследование жаргона преступников» П. П. Ильина. Пословицы и поговорки, использованные в исследовании, имеют отчётливо криминальный характер, см. примеры: «Раньше был товарищ до гроба, теперь — до первого следователя; *обратник* (беглец из мест лишения свободы — М.Г.) лишний век живёт — давно убить следует; *одинадцатую заповедь помни* — не зевай; на воле тележного скрипа боялся, в тюрьме тона разбирать стал».

Учитывая, что ряд пословиц и поговорок для читателя будет непонятен, П. Ильин даёт им пояснения: «Бей, пока болен, а выздоровеет — сам отдуёт (в смысле — пользуйся случаем); за полбутылку весь Петербург купишь (намёк на продажность и взяточничество петербургской полиции); карта не кобыла — к рассвету повезёт (т. е. счастье в игре изменчиво); бродяга за луну, за звёзды держался, только солнце мало-мало рукой не схватил (намёк на хвастовство старых бродяг). Кому каторга — кому мать родная (о неравенстве положений каторжан)». Ряд пословиц содержат арготизмы: На стервец мы маз кладём, крбем арнаутку (На чёрный хлеб мы член кладем, едим белый хлеб — М.Г.); На хитрую шмáру (проститутку — М.Г.) — посельга с когтём.

Пословицы и поговорки ГУЛАГа указывают в большинстве своём на выживаемость в лагере: Умри ты сегодня, а я — завтра; День кантóвки — месяц жизни; Сосну пилить или балáны грузить — всё равно легко; День прошёл — ближе к смерти и свободе; Всех не пересажаешь,

но к этому надо стремиться; Голову под мышкой принеси — получишь освобождение» (поговорка: даже тяжело больным отказывают в освобождении от работы — Ж. Росси, 1991); Дали ему год, а он 24 месяца отсидел и досрочно освободился (прибаутка, которая появилась в 1936 г., когда были отменены зачёты и многих досрочно освобождённых вернули в лагерь); Сперва посадим — потом разберёмся (Ж. Росси, 1991).

Особенно много пословиц и поговорок, свидетельствующих о воровских правилах поведения, или, как говорят профессиональные преступники, *понятнях*; время появления — 30-е–90-е годы XX века: Не верь, не бойся, не проси; Лучше украсть, чем выпросить; Лучше уснуть фрайером, а проснуться вором; Бог не фрайер — всё простит; Вор ворует — остальные пашут; За стукачом топор гуляет; Чтоб самому жить, надо других давить; Бляди и вору долго оправдываться.

Во многих воровских пословицах и поговорках звучит чёрный юмор, негативное отношение к работникам правоохранительных органов: Гуляш по коридору, отбивные по рёбрам; Тяжелее стакана рука не поднимает; Мент — это клад, который нужно хранить в земле; Если зайца долго бить, его можно научить спички зажигать; Бей дневально-го — пайка найдётся; Раньше сядешь — раньше выйдешь и раньше по нóвой сядешь.

В пословицах и поговорках (как и в аргó) нет жалости к человеку, так как Жалость человека к человеку унижает блатнóго; Жалко, а как подумаешь, так и хрен с ним; Умер максим, да и хрен с ним.

Некоторые воровские поговорки (см., например, название данного параграфа) наносятся в виде татуировок на тело.

Фактически все тюремные поговорки (прибаутки) содержат определённый намёк на что-л. плохое, обозначают какую-либо отрицательную реалию: «У нас тут коммунизм: ничего вашего не будет» — с такими словами встре-

чают в камере профессиональные уголовники новичка. Или обращение к законопослушному гражданину: «Что твоё — то наше, а что моё — то не твоё, а моё». «Житуха горькая, зато весёлая: днём живём», — хвастаются блатные перед законопослушными людьми.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРГОТИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Вопрос о допустимости арготизмов в языке литературы, который так остро встал в прошлом (XIX) веке, то и дело возникает в литературной критике и филологических работах, являясь поводом для взаимоисключающих суждений. Между тем процесс проникновения арготизмов происходит на наших глазах, и необходимо объективно разобраться в его особенностях. Это углубит наше представление о стиле художественной литературы, об эволюции художественной речи.

Э. М. Березовская

Язык художественной литературы издавна испытывал влияние арготической лексики. Писатели и поэты нередко стояли перед проблемой: употреблять или не употреблять в своих произведениях арготизмы. Если употреблять, то как? В каких случаях?

В советской литературе арготизмы наиболее часто встречаются в произведениях Л. Леонова, П. Нилина, Г. Медынского, В. Шаламова, братьев А. и Г. Вайнеров, Н. Леонова.

Писатели, поэты, драматурги используют арготическую лексику в различных художественных целях.

Часто арготизмы вводятся для социальной характеристики героя. Так, напримр, в повести В. Каверина «Конец хазы» литературный герой произносит следующее: «Ему *ба́бки* для *де́ла*, он после отчитается, во что пошло, а ты *хе́вру* поганишь, *жигáн!*» По этому отрывку речи, зная, что такое *ба́бки* (деньги), *хе́вра* (воровская шайка), *жигáн* (здесь: бандит, непрофессиональный преступник), *фай*

(крупный мошенник), можно догадаться о принадлежности персонажа к преступному миру.

Арготическая лексика привлекается художниками слова для создания колорита, обстановки людей «дна». См отрывок из очерка В. Гиляровского «Хитровка»:

«А ещё совсем недавно круглые сутки площадь мельтешила толпами оборванцев. Под вечер метались и галдели пьяные со своими *марухами* (любовницами — М.Г.). Не видя ничего перед собой, шатались нанюхавшиеся *марафэту* (кокаину — М.Г.) кокаинисты обоих полов и всех возрастов. Среди них были рождённые и выращенные здесь же подростки-девочки и полуголые *огольцы*» (несовершеннолетние мальчишки-преступники — М.Г.) — их кавалеры. Степенью выше стояли *поездбиники*, их дело — выхватывать на проездах бульваров, в глухих переулках и на тёмных вокзальных площадях из верха пролётки саки и чемоданы... За ними *фортачи́*, ловкие и гибкие ребята, умеющие лазить в форточку, и *ширмачи́*, бесшумно лазившие по карманам у человека в застёгнутом пальто, *зато́ркав* и *заты́рив* (затолкав и обокрав — М.Г.) его в толпе. И по всей площади — нищие, нищие... А по ночам из подземелий «Сухого оврага» выползали на *фарт* (преступление — М.Г.) *деловые ребята* (профессиональные преступники — М.Г.) с *фомками* и револьверами... Толкались и *портяночники* (мелкие преступники — М.Г.), небрезговавшие сорвать шапку с прохожего или у своего же *хитро́вана-нищего* (нищего, обитающего на Хитром рынке — М.Г.).

Арготизмы могут быть приметой определённой эпохи, определённого времени, см. например, следующие лексемы: *полит* — политический заключённый: «Но с тех пор, как все мы — *ка́зры*, а социалисты не удержались на *политах* — с тех пор только смех заключённых и недоумение надзирателей мог ты вызвать протестом, чтоб тебя, политического, не смешивали с уголовными» (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ); *политик* — политический за-

ключенный: «Мат, конечно, продолжались и визги, и непотребные песни, но активная агрессия против *политиков* была приостановлена (Е. Гинзбург. Крутой маршрут); *литёрник* — политический заключённый: «Единственный сын Косточкина, учившийся в Харбине и ничего, кроме Харбина, не видевший, в свои двадцать пять лет был осуждён как чс, как «член семьи», как *литёрник* на пятнадцать лет» (В. Шаламов. Левый берег). Эти слова употреблялись деклассированными элементами в 30-х—нач. 50-х годов прошлого столетия, когда в местах лишения свободы было много репрессированных политических заключённых.

Слова деклассированных элементов могут использоваться для экономии языковых средств, особенно в тех случаях, когда для арготизма нет эквивалента в общенародном русском языке (см. примеры: *гастроль* — поездка в другую местность для совершения преступления; *медвежатник* — вор, специализирующийся по кражам из сейфов).

Все произведения, описывающие мир уголовников, в зависимости от характера изображаемого, делятся на пять групп. Деление это очень условно, так как по характеру изображаемого произведение трудно втиснуть в рамки той или иной группы, но при классификации мы учитывали, что в нём преобладает.

1) Произведения, дающие общую картину социального «дна» в его естественном состоянии, сюда относятся произведения Л. Леонова «Вор», В. Каверина «Конец хазы» и др.

2) Произведения, показывающие мир деклассированных элементов и борьбу с ним правоохранительных органов, это «Эра Милосердия» А. и Г. Вайнеров, «Неустановленное лицо» С. Устинова, «Агония» Н. Леонова и т. д.

3) Произведения, описывающие жизнь преступников в местах лишения свободы; наиболее показательной для такого разряда произведений является повесть Л. Габышева «Одлян, или Воздух свободы».

4) Произведения, рассказывающие о жизни политических заключённых и профессиональных преступников в местах лишения свободы — произведения А. Солженицына, В. Шаламова, А. Жигулина и др.

5) Произведения, посвящённые проблеме преступности среди подростков и путям перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей; к этой группе произведений можно отнести, например, «Педагогическую поэму» А. Макаренко, «Честь» Г. Медынского.

Особенно большое количество арготизмов в литературе использовалось в 20-х—нач. 30-х гг. XX в. Например, очень много блатных слов было употреблено в повести В. Каверина «Конец хазы», в романе Л. Леонова «Вор». (Во второй редакции Л. Леонов исключил множество арготизмов, справедливо считая, что последние засоряют язык художественного произведения, делают его малопонятным).

Для произведений, описывающих мир деклассированных элементов, характерно употребление арготизмов как в авторской речи, так и в речи героев произведений. Авторское толкование даётся не всегда, не всегда смысл, лексическое значение арготизма можно понять из контекста. Всё это затрудняет понимание произведения. Приведём в качестве примера несколько предложений: «Там, понимаешь, чистый *шухер* на *бану*» (Л. Шейнин. Записки следователя); «*Шмонáет* на равных, будь *спок!* *Тёртая перетьирица!*» (И. Поляк. Песни задрипанного ДПР); «Помогай, братишка! Да что уж, всё равно. *Талан на майдан, братишки, шайтан на гайтан! Гореть!*» (В. Каверин. Конец хазы).

При использовании арготизмов в языке художественных произведений большинство писателей (до 90-х годов XX в.) соблюдало чувство меры (то ли «внутреннее писательское чутьё» подсказывало, то ли хорошая редакторская правка и цензура, а может и то, и другое — во всяком случае, это было хорошо). Вот факты: с 1920 по 1989 гг. в произведениях использовалось около одной тысячи блатных слов, тогда как с 1990 по 1995 — более пяти тысяч.

Конечно, были и такие произведения, которые буквально пестрели арготическими словами. Например, в 1989 появилась интересная, волнующая повесть Л. Габышева «Одлян, или Воздух Свободы». Проблемы, затронутые в ней, актуальны и злободневны. Но, к сожалению, она перенасыщена арготизмами. Причём некоторые автор (с уголовным прошлым) даже не объясняет, считая, вероятно, что они понятны читателю. Однако это не так. Читателю непонятны, например, такие слова, как *марёха* (представитель низшей категории заключённых), *курковать* (прятаться, скрываться), *зачушить* (унизить; сделать так, чтобы заключённый попал в низшую касту), *коблѣха* (активная лесбиянка).

Писатели по-разному вводят и употребляют арготическую лексику в своих произведениях. Проследим приёмы и способы у некоторых из них.

Так, например, в рассказе П. Нилина «Последняя кража» блатные словечки — одно из средств обрисовки характера героя, его принадлежности к преступному миру. Автор (редакторы?) не выделяет арготизмы графически: кавычками, скобками, курсивом и т. д. Они употребляются чаще всего в авторской речи. Почти все воровские слова, использованные П. Нилиным в рассказе, обозначают ряды преступников, например: *ширма́ч* — вор, специализирующийся по карманным кражам; *гро́мщик* — преступник, занимающийся грабежами и разбоем; *шнѣффер* — взломщик сейфов и несгораемых шкафов. Часть арготизмов писатель объясняет сам, значение других слов видно из контекста. В произведении при помощи арготизмов выражается ироническое отношение автора к своему герою, развенчивается его мнимая воровская честь (см., например, фразу: «Никто не встанет со своего места, чтобы добровольно уступить его *пахану́* — мастеру, гроссмейстеру воровского ремесла, и нет ни одного порядочного человека, который знал бы в совершенстве ремесло *фармазони́чика, гро́мщика* или *ширма́ча*»).

Если арготизмы у П. Нилина употребляются, в основном, в авторской речи, то у Л. Шейнина в «Записках следователя» они исходят из «уст» героев, и по этой причине их значение выясняется лишь из контекста, что представляет собой определённую трудность для читателя. Арготизмы у Г. Медынского в повести «Честь» включены как в авторскую речь, так и в речь персонажей. Некоторые из них автор заключает в кавычки, чаще всего те, которые он объясняет сам. Часть воровских словечек «объясняют» его герои.

Интересен тот факт, что в речи преступников, вставших на путь исправления, арготизмы отсутствуют. Это, несомненно, является одним из средств изображения духовного роста героя. И наоборот, у героя повести «Одлян, или Воздух Свободы» Глаза, по мере того как он духовно опускается, вовлекается в преступную сферу деятельности, количество арготизмов в речи увеличивается.

В произведениях, описывающих мир деклассированных элементов, употребляется арготическая лексика, относящаяся как к «бытовому» словарю арго, так и к «профессиональному». У писателей Л. Леонова, Л. Шейнина, Н. Леонова «профессиональная» лексика преобладает над «бытовой», причём значительная её часть используется в авторской речи. Перевес «профессиональной» лексики над бытовой в произведениях упомянутых авторов можно объяснить тем, что они показывают жизнь деклассированных элементов в наиболее острых ситуациях — моментах совершения преступлений.

«Бытовая» лексика арго полнее представлена в произведениях Г. Медынского, Л. Габышева, А. Жигулина, В. Шаламова и некоторых других писателей. Они изображают жизнь преступников в местах лишения свободы, где нет того широкого поля деятельности для правонарушений, где большое значение для заключённых имеет бытовая сторона.

Для создания фамильярности в общении арготизмы могут употребляться в своей речи сотрудники правоохранитель-

ных органов. Причём в арготизмах, произносимых этими персонажами, чувствуется явная насмешка, ирония, порой даже презрение. Так, например, Хан, герой повести Н. Леонова «Агония», сотрудник уголовного розыска, произносит следующую фразу: «Ты сам-то, Корней, не забыл, что на вашем обезьяньем языке *митрополитом* председателя суда зовут?» Следователь Жур, герой рассказа «Последняя кража», иронически обращается к шайке пойманных им преступников: «Ну что же, общее собрание *шнифферов* можно считать открытым» (П. Нилин. Последняя кража).

Также иронически, насмешливо относится к арготической лексике главный герой мемуарной повести А. Леви «Записки Серого Волка». Вот некоторые его высказывания: «Румяный и Ташкентский начали меня усиленно обучать «русскому», и я тут же узнал, что *мелодия* — это милиция, *лопáтник* — кошелёк, а *фраёр* — личность мужского пола недоразвитая». «Позавтракав, мы разошлись, она ушла на работу (Сирье работает в каком-то институте, а я ... тоже ушёл на *работу* (преступление — М.Г.)).»

Если брать дореволюционное прошлое, то в ранних художественных произведениях отношение писателей к арготизмам либо нейтральное, либо ироническое, см., к примеру, произведения Ф. М. Достоевского «Записки из Мёртвого Дома», С. В. Максимова «Несчастные», А. И. Куприна «Вор», «Яма». Такое же отношение к ним у Л. Шейнина в «Записках следователя». И лишь немногие из писателей в своих произведениях осуждают использование арготизмов. Примером тому являются рассказы В. Шаламова, объединённые в сборник «Левый берег». Честнейший писатель, знавший преступный мир не поверхностно, а изнутри, неоднократно сталкивавшийся с *блатарями*, открыто заявивший о том, что преступный мир должен быть уничтожен, он писал, что арготизмы — это яд, которым был заражён каждый человек, побывавший в местах лишения свободы.

Само собой разумеется, приведённые критические замечания не свидетельствуют о том, что арготическую лек-

сику не нужно допускать в художественные произведения. Привлечение арготизмов писателями, поэтами в язык художественной литературы является вполне закономерным и неизбежным процессом.

Произведения, повествующие о деклассированных элементах, без арготизмов были бы бедны, литературные персонажи — недостоверны и фальшивы. Действительно, трудно представить, чтобы рецидивист, *вор в законе*, который полжизни провёл в местах лишения свободы, разговаривал бы только на нормированном литературном языке, не употребляя при этом арготизмы! Кроме того, некоторым блатным словечкам нет эквивалента в русском литературном языке, см., например: *бацýлла* — пищевой продукт, в котором имеется много жира; *взросляк* — место лишения свободы, где отбывают наказание совершеннолетние преступники; *вольняга* — вольнонаёмный рабочий в местах лишения свободы; *гастрóль* — поездка уголовного с целью совершения преступления; *задник* — задний карман брюк.

Фактически все произведения гулаговской литературы содержат арготизмы — в основном тюремные. Многие писатели, бывшие в ГУЛАГе, поддались обаянию тюремной речи и очень часто использовали блатные словечки не по назначению. «В. Т. Шаламов, — справедливо замечает Н. И. Халитова, — единственный из писателей лагерной прозы, кто стоял на твёрдых эстетических позициях в отношении к лагерной речи. Если единицы *блатной фэни* появляются в авторской речи, то в большинстве случаев за этим следует замечание, которым В. Шаламов маркирует данные единицы: «как говорят блатные», «так говорят блатные», «по-блатному» и т. п.». По мнению Н. Лейдермана, «к циничному лагерному жаргону Шаламов относился с откровенной брезгливостью».

Думается, что при использовании арготизмов в языке художественной литературы важно учитывать характер выбираемых лексем (чтобы они не были вульгарными,

чтобы чётко отражали то или иное явление и т.д.). Важно также, чтобы литературное произведение не было ими перенасыщено.

В настоящее время арготизмы — лексика деклассированных элементов — активно проникают в стиль художественной литературы. Фактически ряд произведений детективной литературы являются «памятниками жаргонологии» (слова В. В. Виноградова). В ряде случаев их большое количество определяется и симпатиями авторов тому или иному персонажу. См., например, цикл романов Е. Сухова «Я — вор в законе».

Художественная литература из-за перенасыщения арготизмами проигрывает не только в эстетическом, но и в коммуникативном плане, т.е. читатель порой не понимает текста произведения. В качестве доказательства приведём выдержку из романа С. Зверева «Жиган: Жестокость и воля»: «Это я на *зоне подсел* (стал наркоманом — М.Г.). Пробовал даже *кирять* и *ициряться* (выпивать и делать инъекцию наркотика — М.Г.) одновременно. Один раз чуть *мотёр* не *сдох*. Ты чё, так всю ночь на *мошке* (матраце — М.Г.) и *сепёл*?»

Если раньше писатели показывали инородность арготизмов курсивом, кавычками и другими графическими средствами, то сейчас это почти не используется. Авторы и редакторы ошибочно считают, что лексемы преступного мира и так понятны массовому читателю, лишь некоторые писатели пытаются объяснять арготизмы либо сносками, либо контекстно (см., например, сборник повестей И. Дервянко «Отморозки»).

Часто словники арготизмов, которые прилагаются в конце произведения, дают неправильное толкование лексем. Приведём в качестве примера объяснение арготизмов из книги Е. Монаха «Братва»: *бродяга* — свой парень, с *понятиями* (правильно: профессиональный преступник, строго соблюдающий воровские законы); *включить счётчик* — возрастающий процент на просроченный долг (пра-

вильно: начислять пени за просроченный долг); *голимое* — наврядка (правильно — верное).

В современной детективной литературе функционирует много «агрессивной» и грубой арготической лексики со значениями «убить», «огрابتь», «пытать», а также слов, обозначающих половые извращения, причём частотность этой лексики в ряде произведений чрезвычайно высока. Нередко такие слова унижают человека или упрощают и опошляют его высокие чувства. Если до середины 80-х годов, в основном, использовалась «бытовая» арготическая лексика, то в настоящее время преобладают профессиональные лексемы преступников. Причём, если раньше их употребляли, в основном, профессиональные уголовники, то сейчас они используются и сотрудниками правоохранительных органов, законопослушными людьми (даже жертвами преступления). Возможно, это связано и с одной общей идеей многих современных детективных произведений: только профессиональный преступник наведёт порядок в стране. Характерно, что сейчас больше употребляется арготизмов, обозначающих профессиональных уголовников; часто такие слова имеют положительную коннотацию: *человек* — профессиональный уголовник, честно соблюдающий воровские законы; *правильные люди*, *воры в законе* — профессиональные преступники, строго соблюдающие традиции и законы уголовного мира; с другой стороны, слова, обозначающие сотрудников правоохранительных органов, имеют отрицательную коннотацию, см. примеры: *мусор* — сотрудник правоохранительных органов; *пётка*, *вертухало* — надзиратель в ИТУ. Возможно, это противопоставление делается авторами ряда произведений преднамеренно.

На грустные размышления наводит аннотация к книге «Я — вор в законе. На зоне»: «По сфабрикованному приговору *смотрящий* России, *вор в законе* Ваят, отбывает срок в глухих северных краях. Начавшийся на воле *беспредел* и жажда мести заставляют его решиться на отчаянный

шаг и, преодолевая суровые испытания, совершить побег. Добрые люди помогают Варягу выжить в критической ситуации, спасая ему жизнь после тяжёлых ранений. Поправившись, Варяг возвращается в Санкт-Петербург, где освобождает свою жену и сына, наказывает предателей и начинает устанавливать жёсткий и справедливый порядок в России». Идея, дорогой читатель, понятна: только *вор в законе* может навести порядок. Да ведь такие мысли бродили в начале 90-х даже в стенах российского парламента... Кстати, эта книга перенасыщена арготизмами.

В ряде произведений писатели допускают такие прочёты, над которыми смеются *фартёвые ребята*. Приведу отрывок разговора с одним из *братков*: «Ты помнишь, как Инженер говорит Ивану — королю каторги: «Ну ты, *сучье вымя*, подвисься!» Плохо знал Пикуль наши повадки! Да не мог этого сказать Инженер! Потому что за такие слова ему бы тут же *перо* под ребро! А если бы Иван смолчал (что он и сделал в романе), его тут же бы *опедерáстили*. *Опустили* бы!»

Арготизмы сейчас реже используются для шуточного обыгрывания определённых ситуаций. («Переводы» на блатной язык «Евгения Онегина», «Слова о полку Игореве» и проч. в жанр детективной литературы не входят). Намного чаще арготизмы стали употребляться и в авторской речи, особенно, когда повествуется как бы от лица героя.

Увлечение блатными словами у нашего общества зашло далеко. Так, например, узнаёшь из газеты «Комсомольская правда», что журналист перевёл на тюремный язык... роман «Евгений Онегин» (см. название газетной статьи «Мой дядя, *падла*, *вор в законе*...»). Узнаю недавно о переводе на жаргон преступников... «Слова о полку Игореве». Что всё это значит? Пародия или уничтожение наших духовных ценностей? Ведь есть же какие-то рамки, граница, через которые мы не должны переступать, над чем нельзя смеяться. Хотя... у нас свобода, всё дозволено. Как тут не вспомнить фразу С. А. Есенина — «нас отравившая

свобода!» Одним словом, во имя нашего будущего «сожжём Рафаэля, растопчем искусства цветы». Осталось лишь перевести на блатной язык Библию.

Но перевод на тюремную лексику таких классических произведений — это даже не перевод, это обезьянничанье, это потворство криминальным авторитетам: ведь в блатном языке нет таких слов, с помощью которых можно было бы отразить всю гамму и оттенки эмоций, идей, тем. Вот три перевода «Плача Ярославны» из «Слова о полку Игореве»:

Оригинал

Ярославна рано плачет
Въ Путивль на забраль аркучи:
«О вѣтръ, вѣтрило!
Чему, господине, насильно вѣши?
Чему мыгчеши хиновскыя стрѣлки
На совею нетрудною крилцю
На моя лады вои?
Мало ли ти бѣшет горь надъ облакы вѣйти,
Лельючи корабли на синь морь?
Чему, господине, мое веселие
По ковылькo развѣя?»

Перевод А. Н. Майкова

Там она, в Путивле, раным рано
На стене стоит и причитает:
— Ветр-ветрило! Что ты, господин,
Что ты веешь, что на лёгких крыльях
Носишь стрелы в храбрых воев лады!
В небесах, под облаки бы веял,
По морям кораблики лелеял,
А то веешь, веешь — развеваешь
На ковыль-траву мое веселье...

Перевод Н. А. Заболоцкого

Далеко в Путивле, на забрале,
Лишь заря займётся поутру
Ярославна, полная печали,
Как кукушка, кличет на юру:
— Что ты, Ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у реки
Стрелы половецкие вздымаешь,
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать,
Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны кольхать?
Ты же стрелы, вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем моё веселье
В ковьялях навек развеял ты?

«Перевод» Н. Колпакчи

Хай стоит в Путивле спозаранку,
То по *фэне* бѳтает *шкирлѳ*,
Ярославна, *клѳвая жигѳнка*,
С ветром свои *бѳзлы* завела:
— *Стопорнѳ* ты стрелы, *поддувало!*
Не *сифѳнь* ты *жѳстѳчке* вразрез!
Не ему — в *чумѳксѳе* едѳло
Надувай *тикѳвый интерес*.

Комментарии, как говорится, излишни. Арго преступников — сама грубость и низость. Вставьте хотя бы один арготизм в стихотворение «Я помню чудное мгновенье», и стихотворение сразу разрушится. Изменится смысл, идея, стиль.

В поисках нового слова, новых средств выразительности авторы нередко «перегружают» речь героя, заставляют его говорить только на языке преступного мира, хотя из-

вестно, что арготизмы являются, в основном, лишь вкраплениями в общей речи. Писатель (поэт) является вольным или невольным пропагандистом лексики уголовников. Всё это противоречит традициям русской литературы, бережно относившейся к слову.

Мы не за то, чтобы исключить арготизмы из ткани художественного текста: произведения, повествующие о деклассированных элементах, без них были бы бедны, литературные персонажи недостоверны и фальшивы, многие реалии, бытующие исключительно в преступном мире, без арготизмов пришлось бы переводить описательно, несколькими литературными словами. Но при этом надо учитывать следующие факторы: текст должен понятен массовому читателю, арготизмы не должны нарушать эстетики произведения, а также подаваться навязчиво. Важно учитывать характер выбираемых тюремных лексем, среди них должно быть как можно меньше вульгарных и непонятных слов. Причём автор должен графически показывать их инородность в тексте, объяснять их. Арготизмы должны быть лишь вкраплениями в общую речь.

Читатель спросит: неужели все писателей неудачно использовали арготизмы? Нет, далеко не все. Л. Леонов, Г. Медынский, И. Лазутин, Астафьев — этот ряд можно продолжать до бесконечности. Но мы хотим показать удачное использование произведений на примере книги Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» и произведения В. Высоцкого.

Одна из главных целей Вс. Крестовского — изобразить уголовный мир середины XIX века. И с этой точки зрения «Петербургские трущобы» — фактически первая книга. Так как тема для литературы того времени была новая, то писатель знакомит читателя с фольклором преступников (отрывками тюремных песен, пословицами, сказками), с языком деклассированных элементов. Выход романа Вс. Крестовского в свет почти совпал хронологически с романом В. Гюго «Отверженные» (1871 г.), в котором так-

же наглядно показано арго, правда, в несколько иной плоскости — в философской.

Вс. Крестовский достаточно удачно вводит арготизмы в ткань художественного произведения. Учитывая, что большинству читателей слова уголовников будут непонятны, он ввёл систему сносок (хотя и не ко всем словам). Функционирование арготизмов в книге показано очень естественно. Чаще всего арготизмы являются лишь вкраплениями в общенародную речь, однако имеются и целые диалоги на арго, которые ведут представители уголовного мира, см. пример:

«Клей (ворованное — М.Г.) не дёшево стоит; поди-ка. Сунься в магазин у немца купить — колёс (рублей — М.Г.) в пятьдесят встанет.

А какой клей-то?

Да канарейка с путинной (часы с цепочкой — М.Г.), как есть целиком веснушские (золотые — М.Г.)»

Большинство арготизмов, использованных в произведении, звучит в речи профессиональных уголовников. Они применяют их в момент совершения преступлений и в местах лишения свободы. Нередко лексемы «дна» присутствуют и в повествовании автора, когда тот описывает героя, преступную среду.

Отношение автора к арготизмам либо нейтральное, либо ироническое: с одной стороны, писатель воспринимает речь уголовников как неотъемлемую часть их мира, образа жизни, с другой, посмеивается над исковерканными словами русского языка. См. контекст: «Еришóвцы же в Александровском театре не столько искусством артистов пленялись, сколько *рыболовному промыслу* себя посвящали — *удили камбáлы и двуглázым* спуску не давали (воровали бинокли и лорнеты — М.Г.).

В речи профессиональных преступников и лиц, случайно попавших в тюрьму, арготизмы отсутствуют. Почти не употребляют воровские лексемы «благородные» и крупные преступники (за исключением шулеров), например, члены

шайки «золотая рота». Возможно, из-за того что верхний эшелон преступного мира в силу объективных причин не мог быть исследован писателем, больше всего арготизмов встретилось в первой книге, где автор знакомит читателя с миром мелких уголовников.

По мнению некоторых литераторов и языковедов, В. Высоцкий в своих произведениях использовал великое множество арготизмов. Однако... автор насчитал всего лишь 160 блатных лексем и фразеологизмов (правда, некоторые из них употребляются часто, другие редко).

Мастерство любого писателя и поэта часто заключается в том, что ему удаётся слить в единое гармоничное целое лексические средства из разных систем национального языка: нормативной лексики, просторечия, социолектов и территориальных диалектов.

Характерно, что использование арготизмов у поэта приходится на раннее творчество. И, если быть точным, то впервые блатные слово бард употребил в стихотворении (песне) «Красное, зелёное», см. отрывок:

Красное, зелёное, жёлтое, лиловое
Самое красивое — на твои бока!
А если что дешёвое — то новое, *фартóвое*,
А ты мне — только водку, ну и режу — коньяка.

Здесь арготизм *фартóвое* употреблён в значении «хорошее». В стихотворении имеются также блатные лексемы *всáпаться* — попасться правоохранительным органам при совершении преступления; *рýпаться* — порываться что-л. сделать, предпринять. Наиболее часто арготизмы употреблялись в стихах с 1961 по 1964 годы. В них — дань блатной тематике, описание преступного мира. Но это не значит, что В. Высоцкий воспевал преступное сообщество. Наоборот, он изображал его сатирически. И использование арготизмов — одно из лингвистических средств для достижения данной цели. Это отчётливо наблюдается, например, в стихотворениях «Я был душой дурного обще-

ства», «Вот раньше жизнь!» Но в то же время В. Высоцкий высмеивает и другую сторону — сотрудников правоохранительных органов, которые злоупотребляют властью, и доносчиков. Очень удачно это показано в стихотворениях «Зэка Васильев и Петров зэка», «Рецидивист». Причём для характеристики героев автор подбирает самые хлёсткие арготические лексемы: *мусора́* — милиционеры («Это был воскресный день, но *мусора́* не отдыхают: / У них тоже — план давай, хоть удавись» — стихотворение «Рецидивист»); *продать* — выдать правоохранительным органам; донести на кого-л.; *па́дла* — последний человек; подлец («Правда ведь, обидно — если *завязал*, / А товарищ *про́дал*, *па́дла*, и за всё сказал...») — стихотворение «Правда ведь, обидно»). Введение арготизмов усиливает сатирическое изображение начальника ИТУ в стихотворении «Зэка Васильев и Петров зэка»:

Потом — приказ про нашего полковника:
Что он поймал двух крупных уголовников, —
Ему за нас — и деньги, и два ордена,
А он от радости всё бил по морде нас.
Нам после этого прибавили срока́,
И вот теперь мы — те же самые зэка́ —
Зэка Васильев и Петров зэка.

В. Высоцкий использует лексемы деклассированных элементов в следующих целях: для социальной характеристики героев, в качестве создания колорита, обстановки людей «дна», как средство приметы времени, определённой эпохи.

Причём, в основном используются общеуголовные арготизмы: *домушник* — вор, специализирующийся по кражам из домов и квартир; *зацапать* — арестовать; *скурвиться* — изменить преступному миру; и тюремные арготизмы: *да́ча* — исправительно-трудовое учреждение; *отмотать срок* — отбыть наказание в ИТУ; *кумовья́* — охрана в ИТУ. Из специализированных арготизмов преоб-

ладают слова наркоманов: *морфуша* — морфий; *приход* — состояние эйфории от действия наркотиков; *шировóй* — наркоман, производящий инъекцию наркотиков.

Арготизмы используются в следующих произведениях: об уголовниках («Рецидивист», «Сивка-Бурка»), алкоголиках и тунеядцах («Милицейский протокол», «Лекция о международном положении»), штрафных батальонах («Все ушли на фронт», «Штрафные батальоны»), осведомителей («Песня про стукача», «Попутчик»). Иногда блатные слова встречаются и в стихотворениях-песнях философского характера.

Для стихотворения «Райские яблоки» характерно противопоставление, принижение («приземление») райского и возвышение земного (верность друзей, жены и самого лирического героя). Поэтому используются и определённые лингвистические средства. Здесь наряду с высоким стилем — библеизмами и старославянизмами (душа, убиенный, распятый) употребляется жаргонно-просторечная лексика (*беспредел*, *братва*, *ржанёт*, *зяблый*, *прорва*, *малина*). Причём слово *малина* своеобразно обыгрывается: то ли это арготизм (притон деклассированных элементов), то ли это просторечное слово (хорошее место):

Здесь *малина*, братва,
Нас встречают малиновым звоном!
Всё вернулось на круг,
И Распятый над кругом висел.

В варианте «Песня о райских яблоках» употреблён арготизм *комисса́рил* (командовал) и окказионализм *бесемечных*.

Некоторые лексемы используются в ином, чем в арго, значении, см., например, лексическое значение слова *беспредёл*:

Прискакали — гляжу — пред очами не райское что-то:
Неродящий пустырь и сплошное ничто — *беспредёл*

И среди ничего возвышались литые ворота,
И огромный этап — тысяч пять — на коленях сидел.

В арг *беспредёл* — 1. преступники, не соблюдающие принципов и традиций воров в законе; 2. несоблюдение воровских законов; 3. вопиющее беззаконие. Казалось бы, арготизмы должны внести разрядку в стихотворение, сделать его «смешным», однако точно выбранное слово, наоборот, сгущает краски, делает ситуацию более трагичной.

В стихотворении имеются слова с неправильным ударением и окончанием: *покрасивее, просят овсу, отдад*; употребление старого, редко встречающегося предлога *понад*. Для стихотворения характерны повторы. См. пример из стихотворения «Райские яблоки», которое популярно у *братвы* (автор видел строчки из него в нескольких *блатных* альбомах):

Я когда-то умру — мы когда-то всегда умираем,
Как бы так угадать, чтоб не сам — чтобы в спину ножом.

Арготизмы — одно из средств создания иронии, сатиры и юмора. В основном, это в песнях про уголовников, таких, как «Я был душой дурного общества»:

Свой человек я был у *скокарей*, свой человек у *щипачей*, —
И гражданин начальник Токарев из-за меня не спал ночей...

Песня «О нашей встрече»

И если б ты ждала меня в тот год,
Когда меня отправили на *дэчу*, —
Я б для тебя украл весь небосвод
И две звезды Кремлёвские в придачу.

Песня «Зэка Васильев и Петров зэка»

А в лагерях не жизнь, а темень-тьмушная,
Кругом *майданчики*, кругом *домушники*,

Кругом ужасное к нам отношение
И очень странные поползновения...

Песня «Город уши заткнул»

Только зря: не спасёт тебя крепкий замок,
Ты не уснешь спокойно в своём доме,
Потому что я вышел сегодня на *скок*,
А Колька Дёмин — на углу на *стрёме*.

В стихах-песнях о преступниках нередко смешивается комическое и серьёзное, насмешка и сочувствие. И это — одно из доказательств, что нельзя причислять произведения данной тематики к так называемым *блатным* песням, где наблюдается однотонность. Практически стихотворений-песен, стилизованных под *блатные* песни очень мало: «Город уши заткнул», «Позабыв про дела и тревоги...», «Весна ещё в начале...» и некоторые другие. Среди них выделяется стихотворение-песня «Весна ещё в начале», которая действительно выдержана в одной тональности. Но в ней употребляется лишь два арготизма: *расколоть* — узнать правду о содеянном; *суки* — сотрудники правоохранительных органов. Причём последнее слово мастерски обыгрывается поэтом:

А на вторые сутки
На след напали суки —
Как псы на след напали и нашли, —
И завязали, суки
И ноги, и руки —
Как падаль по грязи поволокли.

Любопытно сравнение: сука — в общенародном языке — самка собаки, пёс — синоним к слову «собака» и в то же время в арг *сука* и *пёс* — сотрудники правоохранительных органов. С помощью языковых средств в песне удивительно точно показана психология преступника, то-

ска по свободе, отчётливо выражено его отношение к правоохранительным органам. Однако и эта песня по своей эмоциональности намного превосходит собственно блатные песни.

Значительное количество арготизмов используется в стихотворениях про женщину-изменницу, таких, например: «Что же ты, зараза, бровь себе подбрила...», «Я женщин не бил до семнадцати лет», «Наводчица», «О нашей встрече»): *пáдла* — женщина-изменница; *лечь на дно* — затаиться; *реши́ть* — убить; *зара́за* — женщина (первоначально — женщина, больная венерическими болезнями); *шалáва* — женщина лёгкого поведения и проч. Казалось бы, что В. Высоцкий поёт в один голос с уголовниками. Однако это не так: все блатные песни на данную тематику — серьёзные, у поэта — сатирические: он высмеивает и героя-преступника, и нередко — его подругу (жену или любовницу).

Отдельно стоит прозаическое произведение «Роман о девочках». В нём используется речь разных групп населения: преступников, проституток, охранников, подростков, близких к уголовной среде. В романе функционирует около сорока слов общеуголовного, тюремного и специализированного арго: *золотой щипáч* — высококвалифицированный вор-карманник; *канáть* — идти; *шмон* — обыск; *обшмонáть* — обыскать; *фармазón* — мошенник и др. Если в стихотворениях-песнях арготизмы использует лирический герой, то в романе слова уголовной среды часто звучат и в авторской речи, прежде всего, при описании преступной среды, характеристики героя. См. пример: «Здесь Шурик был уже третий или четвёртый раз, проходил он по делам всё больше мелким и незначительным — *карман* да *фармазón* (карманные кражи и мошенничество — М.Г.) — и считался человеком неопасным, заключённым сносным, хотя и баламутом».

Большинство арготизмов использовано в ранних произведениях В. Высоцкого, это время, когда поэт создаёт

свой стиль. Употребление арготизмов в стихах в период застоя было определённым новшеством и смелостью.

При употреблении блатных слов В. Высоцкий соблюдает чувство меры и такта, что не характерно для большинства современных произведений, описывающих преступный мир. В то же время его персонажи жизненны и убедительны. Он часто «цитирует» своих героев. Отсюда — смешение различных стилей, употребление лексики из разных пластов русского национального языка; см., стихотворение «Был побег на рывок...»). Здесь и высокие слова (знаменьё), и окказионализмы (лизолятор), и арготизмы: *зона* — ИТУ; *врезать* — ударить; *побег на рывок* — побег на виду охраны; *кумовья* — работники ИТУ.

В большинстве своём арготизмы, использованные в произведениях поэта, понятны массовому читателю. Часть из них представляет собой слова, стоящие на границе с общенародным просторечием или входящие в диффузную зону лексики деклассированных элементов и просторечия, например: *кумпол* — голова; *тюряга* — тюрьма; *чинáрик* — окурок.

Лексическое значение ряда арготизмов подсказано контекстом, см., например, лексемы: *мусора* — милиционеры; *понт* — высокомерие:

Это был воскресный день, но *мусора* не отдыхают:
У них тоже — план давай, хоть удавись, —
Ну а если перевыполнят, так их там награждают —
На вес золота там вор-рецидивист...

У начальника Берёзкина —
Ох, и гонор, ох, и *понт*!
И душа крест-накрест досками,
Но и он ушёл на фронт...

Большинство блатных слов образовано от общенародных лексем, арготических образований от иноязычных заимствований почти не наблюдается. И это — одно из до-

казательств, что поэт подбирает слова, понятные читателю и слушателю.

В. Высоцкий использует и профессиональные арготизмы. Например, при описании квартирных воров: *скок* — квартирная кража (стихотворение «Город уши заткнул»); воров-карманников: *ципать* — воровать из карманов (стихотворение «Вот раньше жизнь...»); шулеров: *стос* — азартная карточная игра (стихотворение «Помню, я однажды и в очко, и в стос играл...»); грабителей: *делать варшаву* — уничтожать (стихотворение «Вот раньше жизнь»). В произведениях поэта почти нет грубых арготизмов. И лишь отдельные единицы встречаются в речи хулиганов, например, в «Лекции о международном положении»:

Церковники хлебальники разинули,
Замешкался немного Ватикан...

В стихах-песнях поэта используется и ряд бывших арготизмов, то есть тех, которые нейтрализовались в общенародном языке. Например, в «Песне лётчика» («Две песни об одном воздушном бое») они используются наряду с карточными терминами:

Их восемь, нас двое, — *расклад* перед боем
Не наш, но мы будем играть!
Серёжа, держись! Нам не *светит* с тобою,
Но *козыри надо равнять*.

Среди частей речи, представленных арготизмами, в стихах В. Высоцкого значительное место занимает глагол — 25% (для сравнения: в арготизмах деклассированных элементов он составляет 15,4%). Возможно, что тенденция преобладания глаголов характерна для всех пластов лексики, использованной в произведениях поэта, но это — задача отдельного исследования.

Существует проблема перевода иноязычных арготизмов на русский язык. Трудности заключаются прежде

всего в том, что в русском литературном языке не всегда можно найти названия для реалий, которые встречаются в среде иноязычных арготирующих. К сожалению, до сих пор нет словаря-справочника русских арготических слов, предназначенного для переводчика.

При переводе нужно знать особенности эпохи, обстановки, колорита. Причём следует проводить хронологическую параллель между обстановкой, в которой функционируют русские и нерусские арготизмы. Важно также учитывать эмоционально-экспрессивную окраску блатных слов, так как представляется трудным подобрать к иноязычному слову аналогичное по экспрессии русское. Ярким примером тому является перевод «Баллад на воровском жаргоне» Франсуа Вийона. Думается, что в целом перевод неплохой, но он не передаёт дух парижского «дна» середины XV в., так как эквивалентами для слов французского арготизма являются русские арготизмы... XIX–XX в., своего рода анахронизмы. (Но это не столько вина, сколько беда переводчиков: до сих пор нет полного словаря дореволюционного арготизма.)

Недостатком можно считать и то, что в книге нет сносок или словника использованных арготизмов. Думается, читателю нужно будет ещё и порыться в словарях арготизма, определяя точное значение слова. См. отрывок из «Баллад» Франсуа Вийона:

Зарачат и в мешок отправят к псам,
Коль не попустит Бог с *пенькой* спознаться.
Канайте на сознанку к *живодёру*,
Как только *засундучут* вас в *кандей*.
Зря не *темните* — и без разговору
Задок-другой *скосят* вам ей-же ей.
На *киче* с петель не сорвёшь дверей,
Туда с собой не *притаранишь* *слам*,
Чтобы, *подмазав лапу дубакам*,
С их помощью *невкитиши* *оборваться*...

Облегчим читателю перевод приведённого отрывка: *за-ра́чить* — арестовать; *мешо́к* — тюрьма; *пёс* — сотрудник правоохранительных органов; *пенька́* — виселица; *канать на созна́нку* — сознаваться в совершённом преступлении; *живодёр* — следователь; палач; *засунду́чить* — поместить; арестовать; *канде́й, конде́й* — карцер; *задо́к* — старые преступления; *скосты́ть* — простить; *ки́ча* — тюрьма; *притарáнить* — принести; *слам* — воровская доля добычи; взятка; *подма́зать ла́пу* — дать взятку; *дуба́к* — охранник; *невки́пши* — осторожно; удачно; *оборва́ться* — убежать.

Тот, кто переводит иноязычные арготизмы на русские, вынужден придумывать новые лексемы. См., например, перевод некоторых слов романа В. Гюго «Отверженные»: *плёт* — бегство (в русском арготизме нет такого слова, но есть *плетова́ть* — бежать из мест лишения свободы); *потьму́шник* — ночной вор (в русском арготизме *тёмный* — краденый, фальшивый). Несомненно, трудность имеется при переводе реалий, которые отсутствуют в той или стране.

Например, у переводчика возникает проблема для передачи на другой язык фразеологизма *вор в зако́не*, ибо то, что оно обозначает, является исключительно российским образованием, не встречающимся ни в одном государстве.

Глава 15

БЛАТНЫЕ СЛОВА В РУССКОЙ ПРЕССЕ

Грачёв, «изыскам» прессы
Не перечь!
Голодным ходит журналист
И голым,
Когда свою не украшает
Речь
Жаргонным словом,
Матерным глаголом.

*Из дружеской записки профессора
Ивашко Людмилы Александровны*

Волна хулиганства хлынула в нашу освобождённую печать и залила её. Народился новый слой газетных литераторов, очень-очень левых, радикальных, без всяких идей, без святыни в душе, — дельный продукт мещанской демократии.

Н. А. Бердяев

Свобода слова породила среди ряда журналистов своволие слова. Приведу в качестве весомого аргумента обращение участников круглого стола (в нём принимали участие ведущие учёные-русисты страны) «Русский язык в эфире: проблемы и пути их решения»: «Язык СМИ — это общий язык нации и в этом качестве — показатель ее интеллектуального ресурса. Участники круглого стола отметили, что вместе с развитием положительных демократических преобразований в стране произошла ложная либерализация языка» (14 ноября 2000 года, г. Москва).

В погоне за эффектом часто и необдуманно в прессе используются арготические лексемы; для экспрессии, воздействия на читателя востребованы слова худшей части российского общества — воровского мира. Сегодня лингвистов волнует проблема: насколько уместно и обдуманно употребление арготизмов в прессе и — шире — в средствах массовой информации, как должна строиться речевая политика.

В качестве источников был проанализирован ряд газетных статей, начиная с 1995 и кончая 2002 г., а также материал «Толкового словаря русского общего жаргона». Всего было изучено около 2700 словоупотреблений.

В данном разделе постараемся выявить причины использования блатных слов в прессе; тематические группы арготизмов; приёмы и способы введения арготизмов в ткань газетно-публицистического произведения; целесообразность использования ряда арготизмов в прессе.

Замечено, если до второй половины 80-х годов XX в. у журналистов была мода на иноязычные слова (в основном, английского происхождения), то сейчас — на блатные слова.

Причин проникновения арготических слов в язык прессы много, приведём наиболее важные:

1) Криминализация общественного сознания, начавшаяся со времён «перестройки», когда было дозволено делать всё, что не запрещено уголовным кодексом (нравственная сторона при этом была забыта).

2) Усиление позиций преступного мира: трансформация уголовных сообществ, возрождение старых и появление новых воровских профессий; увеличение количества деклассированных элементов (нищих, беспризорников, проституток и проч.).

3) Снятие табу с аргю.

4) Свобода (воля) слова.

5) Отсутствие эквивалента в нормированном языке.

6) Экспрессивность арготизмов.

В настоящее время идёт процесс привыкания к использованию воровских лексем в прессе. Если в 60–70-е гг. XX в. употребление хотя бы нескольких блатных слов в газете вызывал среди читателей (особенно среди лингвистов и педагогов) шок, то сейчас они воспринимаются как вполне адаптированные общенародные слова. Вот некоторые из них, ставшие символами, знаменем нашего времени и перешедшими уже в нормированный язык, в его разговорную форму: *беспредёл* — высшее беззаконие; *заказать* — подготовить заказное убийство; *отморозок* — преступник, не соблюдающий элементарных воровских правил; *разборка* — разбор отношений между враждующими криминальными группировками; *разбирательство*; *крыша* — защита от кого-л. и др. См. примеры словоупотребления: «Положить предел *беспредёлу!*» — из листовки, выпущенной КППФ перед выборами; «политические *разборки*» — любимая фраза журналистов (телевидения, радио, газет). Уже прочно вошли в общенародный язык и обросли различными языковыми связями арготизмы «первой волны» «перестройки»-развала (конца 80-х–нач. 90-х гг) такие слова, как *теневи́к*, *цехови́к*, *тенева́я эконо́мика*, *грязные де́ньги* (в аргю — деньги, добытые преступным путём), *отмыва́ние денег* (т.е. их легализация); *буго́р* — заграница (*свинти́ть*, *свалить за буго́р* — уехать за границу), *забуго́рный* — заграничный и проч. Часть из них даже обросла словообразовательными формантами, например, *тусовка: роктусовка, политтусовка*.

Многие блатные слова, благодаря частому использованию в средствах массовой информации, нейтрализовались и перешли в просторечие, см. примеры: *авторитет* — преступник, обладающий большой неформальной властью в криминальном мире; *ба́бки* — деньги; *балде́ть* — наслаждаться от действия наркотиков; *бары́га* — коммерсант; *братва́* — преступный мир; криминальная группировка; *бык* — рядовой член преступной группировки; *вор в зако́не* — профессиональный преступник, руководящий

уголовниками и соблюдающий воровские традиции; *завязать* — прекратить что-л. делать, в том числе и совершать преступления; *заказуха* — заказное убийство; *западло* — унижительно, грешно с точки зрения воровских законов; *кабák* — ресторан; кафе; *кидáла* — мошенник; *кидáлово* — обман; *кликуха* — прозвище; *круто* — о высоком качестве чего-кого-л.; *лимón* — миллион; *малина* — притон преступников; *мочить* — убивать; избивать; *наварить* — заработать деньги; *наехать* — угрожая, заставить что-л. сделать в свою пользу; *облом* — невезение; лень; *повязать* — арестовать; *халыва* — дармовщина и др. Вероятно, какая-то часть этих слов может в недалёком будущем перейти в разговорный литературный язык.

Отдельные арготические слова и выражения, активно употребляющиеся в СМИ, воспринимаются читателями (в том числе и лингвистами) как кальки из других языков, например, выражение «заняться любовью». Но этот фразеологизм перешёл в общенародный язык из арго проститутки (см. повесть А. И. Куприна «Яма»). Уже прочно вошло в обиходно-разговорный стиль воровское слово *мент* (милиционер). Заимствованное в начале XX в. из польского блатного жаргона (польск. *mente* — полицейский; военный) в речь русских уголовников, оно стало активно употребляться и в современных средствах массовой информации благодаря отзывам о телесериале «Улицы разбитых фонарей».

Если и дальше следовать логике использования блатного жаргона для названия милиционеров, то скоро их будут называть в общенародной речи всеми обидными воровскими словами: *мусор*, *злыдень*, *козёл* и др. А ведь в среде уголовников слово *мент* звучит крайне презрительно: оно обозначает не только милиционера, но и их социального врага.

Некоторые журналисты, сами того не подозревая, создают устойчивые сочетания по моделям воровских фразеологизмов. Так, например, в газете «Известия» чита-

ешь: «Русских *держат* в Латвии за людей второго сорта». «Держать за людей второго сорта» образовалось по модели фразеологизма *держать за фрайера* (считать за дурака).

В основном, арготические слова используются в газетных публикациях, посвящённых: криминальной тематике; экономике, политике, а также в статьях о политиках и министрах; см. пример: «Но и олигархи, и *крутые* обожают Сапу Починка» (КП, 2000, 26 декабря). Много их употребляется в газетных рекламных объявлениях, в содержании которых нередко отсутствует здравый смысл. Об их «воспитательном» значении и лингвистическом оформлении нужна отдельная статья. Приведём лишь один штрих: «Миринда». *Оттянись* со вкусом!» *Оттянуться* — воровское слово и обозначает «совершить половой акт» — в молодёжном жаргоне получило и другое наполнение: насладиться, получить удовольствие (реклама шипучего безалкогольного напитка «Миринда»). См. ещё пример: «Балтика в *натуре*» (реклама натуральных соков производства Латвии). Арготизм в *натуре* указывает на двусмысленность. Нам кажется, что эти два примера рекламы являются неудачными, так как далеко не все потребители могут понять её смысл. А, как известно, реклама должна быть понятной — это одно из её главных качеств, которые воздействуют на потребителя. Рекламные тексты — это также показатель речевой культуры бизнесменов.

Вместе с тем журналисты, описывающие преступный мир, вынуждены использовать арготизмы для объяснения определённых реалий, показа и характеристики уголовной среды, особенно той информации, которая была запретной для общества или выдавалась в дозированных количествах, причём многие реалии преступного мира приводятся с подробными объяснениями, см. примеры употребления: «Здесь *балерина* — сверло для вскрытия сейфов; *бондарь* — содержатель притона; *водопроводчик* — грабитель, проникающий в квартиру под видом сантехника; *грузчик* — тот, кто по сговору берёт на себя чужое престу-

пление; *плётник* — изгоняемый из шайки посредством позорного ритуала...» (ПК, 1999, № 14). «Тридцатидвухлетний Олег имел в криминальном мире статус *стремящегося* (преступника, готовящегося стать вором в законе — М.Г.). Был, по сути, «без пяти минут» *вором в законе*» (ПК, № 27, 2001). «А у нас человек десять раз подумает, прежде чем просто набрать на телефонном диске «ноль два». Как же, вдруг его за этот шаг причислят к категории *стукачѐй*. Да будет известно, что *барабан*, *стукач*, *фанѐра* и т. д. — это тот же уголовник, который, чтобы выгадать себе какие-то побрякушки в наказании, сдаѐт своих подельников уголовному розыску» (Ленинская смена плюс, № 21, 2001). «Женщин, питающихся вместе, называют *однолѐбками*». Связанных интимными отношениями — *половинками*. Как показал опрос, очень мало *половинок* приходят с воли, в основном такие отношения возникают в заключении» (Понедельник, № 30, 2001).

Арготизмы используются в статьях, посвящённых криминальной теме, в основном, в следующих целях: для создания колорита уголовной среды, подчёркивания принадлежности героя к уголовному миру, показа культурного или профессионального уровня представителей правоохранительных органов. В статьях на политическую или экономическую темы журналист использует арготизмы, чтобы выявить, показать негативные тенденции, существующие в политико-экономической системе страны, а также, когда желает подчеркнуть связь политика или предпринимателя с уголовной средой. По характеру используемых арготизмов и, в частотности, их употребления можно судить об отношении автора к героям своих произведений: в одних статьях подчёркивается ненависть ко всему уголовному, в других — симпатия.

Нередко арготизмы используют для интригующего заголовка, см. примеры: «*Меня заказали*» (т. е. подготовили заказное убийство — М. Г) — слова В. Селезнѐва (КП)» «*Дума — это не воровской сходняк*» — слова Б. Немцова;

«*Шухер, мэр! Грядѐт отставка*» — заголовок статьи в нижегородской газете «Дело».

Особое место занимает лексика, относящаяся к газетно-публицистическим произведениям, объединѐнных темой «Наркотики». Фактически благодаря журналистам обществу стали известны многочисленные проблемы, связанные с этим злом. Читатели узнали и про арготизмы наркоманов. В нашем материале их насчитывается более шестисот, см. примеры: «Наркотик-галлюциноген (мескалин или псилоциб). Галлюциногены (*психодѐлики*): ЛСД (*мѐрка*, *промокѐшка*, *кислота*), мескалины, псилоцибы (*грибы*), кетамин, марихуана (в зависимости от сорта). Отца едва не хватил инсульт, когда он увидел живую длинную очередь за *хѐнкой*» (КП, 1999, № 29). «Через 3–4 недели после начала *ширяния* у него пошли *лѐмки*» (МК, 1997, № 88). «Грубо говоря, все наркотические вещества делятся на три группы. Опиаты: героин (*бѐлый*, *мѐдленный*, *пѐрец*), морфий, морфин, сырец опия (*чѐрная*, *чѐрнушка*, *пѐрец*, *бѐлый китѐец*)» (АиФ, 1999, № 14). «Оксibuтират натрия (*Буратино*) — это препарат для наркоза, который пока не причислен документально к наркотикам, но, вероятно, скоро попадѐт в эти списки. Встречается только в виде густого бесцветного раствора без запаха в ампулах по 10 мл или флаконах» (КП, 1998, № 217).

В то же время следует отметить, что благодаря прессы ряд арготизмов наркоманов перешѐл в общенародный язык: *сѐсть на иглу* — начать употреблять наркотики; *спрѐгнуть с иглы* — перестать употреблять наркотики; *ширяться* — делать инъекцию наркотика; *кайф* — наркотик; *лѐмка* — наркотическое голодание, которое протекает очень болезненно.

Большая заслуга журналистов в том, что они высмеивают речь политиков. Особенно часто это делается в газете «Комсомольская правда».

В газетах сейчас высмеивается и речь «новых русских», насыщенная множеством арготизмов. Приведѐм в качестве

доказательства сатирическую сказку «Заяц и лиса», опубликованную в газете «Телемир» (2000, №41):

«Кароче, жил один раз такой *пацан*, типа Заяц. Держал недвижимость — *правильную реальную хату*, чё-как, ну, блин, *бунгало* ваще. А рядом — два лаптя по карте, одна Лиса-кидала крутилась — ну, типа *деловая*, блин, *в натуре*. А тут *по весняку* *контóру* Лисы — бац! — *спалила* налоговая, и осталась Лиса ни при делах.

Она, такая, имидж на морду прицепила — и до зайца. Сдай, типа, Заинька, *халабуду* свою в аренду, а я потом тебе *баксов отстегну* *немéрено*. Заяц, *в натуре*, *клюв* *разинул* и *лоханулся* конкретно. Сдал свой *квадрат*, покатил на Канары *оттянуться*. Взад *подгребаёт*, а Лиса *хату* уже *втихаря* на себя зарисовала и сидит, такая, типа *всё пучком* и *с понтом* здесь выросла. Заяц, такой, *в обиду* и *бакланит*:

— Домой пусти, что ли, *коза*, блин.

А Лиса *лыбу отшарила* до макушки и *тянет*:

— Ты чё, *лох* ушастый, ваще нюх оторвало? Давай *вали* отседова на фиг и не возникай, пока в *череп* не *схавал*. Моя собственность.

Заяц, *лошара*, по *горю* *двинулся* и пошёл в *мусорник* *слезу* *давить*.

Ой, *кинули* меня, *ментики-братики*, *продинамили* по полной программе! Выручайте-спасайте, закона хочю.

Подорвался такой весь из себя *óпер-Волк*, пошёл закон исполнять.

Тычет свою *ксиву* в окно, маузером машет, хвост напружинил:

— А ну, Лиса, освобождай помещение!

А Лиса высунулась, *пальцы* *вээр* и *гонит*:

— Слышь, *мент*, не доводи до *разборок* — башка, блин, у тебя что ли бронированная? Я не *фрайер* *позорный* — *ксиву* мне в нос пихать! Иди комаров пинай.

Волк хвост к носу, *прикинул*: на фиг надо за такую зарплату *беду* себе *цеплять*? *Отвял*. А Заяц *откорячку* *слепил*: тут, мол, чисто не наше *ментовское* дело — по за-

кону всё строго. Тебя ж не бьют? Не нравится что-то — в суд подавай.

Пошёл Заяц вешаться. *Хаты* нет, *бабки* *ушли*, куда ни кинь — везде *облом*. *Расклад* — только лапы *надуть*. Но тут *кати́т* мимо такой *правильный пацан* Петушок — стриженный гребешок в спортивном *прикиде*. *Даванул* *косяка*, как Заяц *петельку мастырит*, и спрашивает:

— А ты чё тут ваще?

— Да вот, — говорит Заяц.

... Кароче, доложил обстановку.

А Петя ему *бодряка*:

— Да не хнычь, *братан!* Я за тебя *впрягусь*. *Перетрём* *щас* *тему* с ней конкретно, а не *врубается*, так *замочим* эту *отморóженную* — и без *базару!*

Забил Лисе *стрелку* на *разборки*. Лиса является в малиновом смокинге, при «*мёрсе*» и всех делах.

— Ну чё, — говорит, — надо? *Горя* *хочешь?*

— Слышь, *сестри́ла*, в два горла жрёшь, — говорит Петушок. — *Пацаны* *обижаются*. Верни *братку хату*.

— Да ты ваще под кем *ходишь*, *козёл?* — удивляется Лиса. — Да я чисто *братвё* своей свистну... Да за меня сам Лев *подпишется!* Да я... Да мы!..

А вот подписку от всего Московского зоопарка видела? А с *братанами* с Северного Ледовитого хошь *побазарить?*

Утухла Лиса конкретно, *сверну́лась* в *тряпочку* и без вопросов из *хаты* *слинял*а.

— Живи, *брати́ла!* — говорит Заяц классный *пацан* Петушок. — Весь *чулан* твой будет! Суетись, *бабки* *делай*, меня корми. А я буду твоя *крыша*.

И зажили они, кароче, с тех пор как белые люди.»

Выделенные курсивом — лексемы уголовников, активно употребляемые «новыми русскими». К сожалению, эти слова в большом количестве используют без надобности и многие газеты. То есть, это не только пародия на «новых русских», но и на недобросовестных журналистов, *бóтающих по фэне*... Имя им — легион.

Характерно, что журналисты, ратующие за свободу слова, на самом деле борются... против неё, против употребления нормированных слов и за использование непотребной лексики. С литературным языком ведётся необъявленная война. Но это мы всё проходили в далёких двадцатых годах прошлого столетия, когда пролетарские журналисты ратовали за употребление непотребной лексики. Приведу в качестве примера отрывок из статьи В. Карпинского «Коренной вопрос эпохи культурничества» («Правда» от 12 июня 1923 г.): «Тут надо прямо сказать: (в вопросе о газетном языке) у нас творится настоящее «столпотворение вавилонское».

Язык, на котором говорит масса, у нас принято считать простонародным наречием, жаргоном, «арго» (французское словечко?). К нему наши литераторы относятся свысока. Подлинно-народные слова и выражения, подлинно-народный строй фразы и ход мысли не допускаются в статьях и речах. Разве лишь в конфузливых кавычках. Нам и в голову не приходит, что по всей справедливости настоящий-то загадочный «арго» для огромнейшего большинства населения и есть наш, так называемый, «литературный язык», выработанный ничтожным привилегированным меньшинством (дворянская интеллигенция)».

Получается, что сегодняшние журналисты, использующие блатные слова, зовут нас назад, к диким 20-м годам, когда блатное и нецензурное слово провозглашалось «пролетарским», а литературное нормированное — «буржуазным»! Конечно, далеко не все журналисты соглашались с тем, что аргогическое слово украшает газету, радио или телевидение.

Газетные статьи показывают, что арго претерпевает значительные изменения: так, например, начинают использоваться те аргоизмы, которые употреблялись в уголовном мире в начале XX века, см. аргоизмы проститутки: *бандёрша*, *мадám*, *мамáша*, *ма́ма* — содержательница притона проститутки; *де́вочка* — проститутка.

Среди аргоизмов, используемых в языке газет, большое место занимают зоо-фитоморфизмы: *козёл* — общественник в ИТУ; оскорбление в адрес мужчины; *петух*, *півень*, *гребень* — мужчина, с которым совершили насильственный половой акт; *дятел* — доносчик; *наседка*, *клуха* — осведомитель, посаженный в камеру и др. Они придают статьям, по мнению журналистов, большую выразительность, экспрессию.

Журналистские материалы, в которых аргоизмы употребляются без надобности, «помогают» профессиональным преступникам в навязывании читателю уголовной морали, способствуют формированию устойчивого противоправного поведения и мысли, что честным трудом ничего не добьёшься. (Автору известны приёмы и способы профессиональных уголовников рекрутирования молодёжи в свои ряды; одним из средств «обращения в преступники» являются аргоизмы, которые подменяют «законопослушные» слова, заставляют молодого человека мыслить преступными категориями.) Сейчас же в этом вольно или невольно уголовному «братству» помогают журналисты. Свобода Добра превращается в свободу Зла. Вместе с уголовными лексемами в наше сознание передаётся и уголовная мораль. Настораживает и тот факт, что большинство аргоизмов употребляется в молодёжных газетах. (Например, в Нижнем Новгороде в газете «Ленинская смена».)

Кроме того, идёт небывалый процесс засорения речи непотребными словечками. Ещё в 60-х годах XX в. лингвист В. В. Виноградов предупреждал, чтобы художественное произведение не было памятником жаргонологии. Это в настоящее время относится и к прессе. Речь из-за обильного количества аргогической лексики становится непонятной рядовому читателю. См. примеры аргогических словоупотреблений: «Местные *пахань* достаточно благосклонно относились к нему, особенно после того, когда он смог один *замочить* троих мордворотов, вздумавших проверять его *бандяк* — посылку, присланную

его *шмáрой*)» (ПК, 1999, № 36). «*Лох* выигрывает энную сумму, *ни́жний* поздравляет его, но внезапно вклинивается *вёрхний* (как правило, девушка): «Ой, я тоже выиграла билет с таким же номером!»» (ПК, 2000, № 10).

Журналисты не учитывают того, что сельские жители в большинстве своём не знают городских жаргонов, и тем самым как бы воздвигают языковой барьер между городом и деревней. Причём ряд тюремных слов представлен в статьях и очерках без кавычек и курсива, которые раньше показывали инородность данного пласта лексики, а сейчас воспринимаются как общенародные лексемы. Страшно и то, что журналист привыкает к арготизму и порой использует в прессе даже те уголовные слова, без которых можно обойтись, для которых имеются эквиваленты в литературном русском языке.

См. примеры: «Итак, если вы имеете высшее образование и желание *лохануться* (обмануться — М.Г.) — вперёд!» (НР, 1999, № 195). «Несколько раз вырвавшиеся из гостиницы люди прибежали в РОВД, но *дежурка*, посчитав бойню за обычную *хулиганку* (вместо «хулиганство» — М.Г.) так и не выехала» (КП, 1999, № 141). «Что? Паспорт? С 14 лет? Да ты *збонишь* (обманываешь — М.Г.)!» (МК, 1997, № 80). «Самым *стрёмным* (плохим, страшным) дуэтом была названа попытка Николая Баскова спеть с Монтсеррат Кабалье» (Ваша антенна, № 27 (329), 2001). «Кстати, за эти грехи Илья Савельев отделался лёгким испугом — откупился от налоговиков 600-м *мэрином* (мерседесом — М.Г.). (Проспект, № 29, 2001). Журналисты даже не брезгают грубыми арготическими словами, см. название статьи «*Пидор гнойный кинул* старушку на миллион *баксов*» (ЛС, 2001, № 18).

Выборочный опрос городских читателей показал, что они с интересом воспринимают статьи, в которых используются арготизмы, так как этот пласт лексики помогает лучше «прочувствовать то, о чём пишут». Однако перегруженность текста арготизмами приводит к обратному эф-

фекту: не зная семантики арготизмов и не до конца понимая смысл статьи, читатель теряет интерес к написанному.

Журналисты должны наконец понять, что использование ненормативной лексики, частью которой являются арготизмы, приводит к негативным моментам. Вульгаризация газетно-публицистического стиля уже сказывается на интеллектуальной планке газетных жанров, которую они вынуждены с каждым месяцем снижать. Это делается и в погоне за подписчиком (потребителем). Но в таком случае эту планку можно опустить и до земли, то есть материалы прессы будут читать только люди с начальным образованием. Об этом так сказал в начале пятидесятых годов прошлого века известный русский мыслитель-публицист А. А. Ильин: «Падение газетного уровня пугает и удручает». Получается, что культурные (культурные ли?) журналисты идут на поводу у неграмотной части населения, в том числе и у неграмотного «дна», в угоду которого пишут различные криминальные небывлицы.

В одном из интервью (НТВ, 13 января, 2002) работник печати признался, что прессе народ не доверяет, тиражи газет с каждым годом уменьшаются. Опасно ли это для страны в целом? Да, опасно, так как жизнь без прессы в настоящее время невозможна. Но такая пресса, которая существует в настоящее время, нам не нужна.

Опрос журналистов выявил: нередко они не задумываются над тем, что употребляют арготические слова. При написании статей об арго пользуются сомнительными источниками. См. пример использования арготизмов: «И 40 лет назад, и сейчас *Праскóвья Ива́новна* для *блатного* — камерная *парáша*, *Максím* — заключённый-шут, *Ива́н Ива́ныч* — прокурор, *Марья́на* — проститутка, *Поли́на Ива́новна* — растор политуря с водой и солью. Как и прежде, *взять на А́ннушку* означает добиться цели угрозой или обманом» (ПК, 1999, № 14). Однако наши исследования показывают, что слова и выражения: *взять на аннушку, ива́н ива́нович, марья́на, поли́на ива́новна,*

праскóвья ива́новна — в настоящее время в речи уголовников не употребляются. Журналисты считают, что использование арготизмов позволяет авторам без пространных комментариев давать эмоциональную оценку происходящего. (Например, предлагали провести лингвистический эксперимент: из текста газетных статей убирать арготизмы и заменять их общеупотребительными словами:

«Выскочили *быки* и кричат — ты нам *та́чку помя́л, чехли́* две *шту́ки ба́ксов!*» (ЛС, 1999, №41).

Исправленный вариант:

«Выскочили наглые молодые люди и кричат — ты нам автомашину помял, отдавай две тысячи долларов!»

Однако для экспрессии можно было бы использовать и другие лексические пласты, не только арготизмы. Нам кажется, что в этом и ему подобных случаях журналист идёт по пути наименьшего сопротивления: употребляет далеко не лучшую лексику русского языка, ту, которая лежит на поверхности, не пытаясь углубиться в другие слои, не используя всего богатства языка. Тем самым журналист не только не обогащает свой словарный запас, но и огрубляет язык прессы, делает его примитивным.

Почему-то в прессе используется очень много негативной информации о правоохранительных органах. Да, автор вполне согласен, что в их среде далеко не всё гладко. Но писать только об отрицательных моментах и блатными словами — это значит подыгрывать криминалитету. Вот выдержки из статей: «Я — *лега́вый* (милиционер — М.Г.) по *ма́сти* (по призванию, по профессии — М.Г.), люблю, чтобы при виде меня *во́лки* (преступники — М.Г.) хвосты поджимали. Не говоря уже о *травоя́дных* (законопослушных гражданах — М.Г.)» «Другой сотрудник СИЗО — Олег Кикеев — обвинялся в том, что выносил *маля́вы* (записки — М.Г.) заключенных, в изолятор же нёс еду и *бухлó* (вино — М.Г.)» (ПК, 2000, №47).

В прессе нередко дословно используется речь заключенных. Вот пример из статьи «Ау, *Зекла́ндия!*» (не-

ологизм: «Страна *э́ков*» — М.Г.): «Я сам два года как *отки́нулся* (освободился — М.Г.) с одной из питерских *зон* (мест лишения свободы — М.Г.), на *зо́не* был *от звонка́ до звонка́* (полностью — М.Г.), потому что не *козля́тничал* (не сотрудничал с администрацией ИТУ) и с *чёрными* (ворами в законе — М.Г.) был» (Проспект, 2000, №49). Думается, что специфические тюремные слова навряд ли обогатят газетно-публицистический стиль.

Слово священо и обладает способностью не только влиять на тех, на кого оно направлено, но и на тех, кто им пользуется. То есть журналисты, залихватски описывая события арготическими словами, употребляя их всуе, невольно поддаются романтике блатной лексики и уже невольно начинают симпатизировать уголовному миру, его морали, законам и субкультуре. Как здесь не вспомнить слова Ф. Ницше: «Если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя». Язык «дна» и подонков общества начинает управлять журналистским стилем...

Нам нужен действенный закон о языке, направленный на то, чтобы защитить его, признать частью российской духовности, культуры. Очень важно «спрашивать» с редакторов газет за использование неудобоваримой лексики. Нужно исключить ситуацию, когда ученый-лингвист, учитель говорит о красоте русского языка, а СМИ, в погоне за эффектом, употребляют непотребные словечки. Фактически сегодня в России функционируют три вида речи: речь СМИ и политиков, речь улицы и та, которой обучают в школе и вузе. Между ними — пропасть.

Журналист должен помнить, что он ответствен за русский язык, за его судьбу и, в конечном итоге, за ментальность русского народа и его историю; именно он в большей степени «призван сохранить великую силу русского слова: разумного и ладного, красивого и содержательного» (В. Колесов, 1998).

«СПОЁМ, ЖИГАН, НАМ
НЕ БЫВАТЬ НА ВОЛЕ»

Блатные слова в кино и на эстраде

И шалыганы по углам
Поют блатные песни
Тут и там.

Из тюремной песни

Слово *шалыгáн* (современное значение — бездельник, повеса) активно употреблялось в арго XIX в. в новгородских, нижегородских и воронежских диалектах, где имело значение «шатун, бродяга, повеса, негодяй, бездельник». См., например, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля.

Но что такое блатная песня? Ни в одном источнике не найдёшь точного определения данному понятию. Дело в том, что у нас долгое время не изучался «уличный» фольклор, в том числе и блатная песня. Существует любопытный парадокс: все расппевают или слушают песни преступного мира, но не знают, что они собой представляют.

По каким критериям отнести песню к блатной? Что характерно для этого песенного жанра? Это, прежде всего, тематика. В блатных песнях рассказывается о преступлениях, уголовниках, местах лишения свободы, в них часто звучит неудачная любовь, тоска по любимой и свободе. Нередко в них встречаются и угрозы, направленные против изменницы, предателей, представителей правоохранительных органов. «Блатная поэзия», — писал о тюремных песнях исследователь 20-х годов XX века Н. Хандзинский, — это вся жизнь преступника с того момента, когда

он стал блатным и до *вывода*, когда он получает *вышку* (расстрел — М.Г.). Главные темы — *дело*, успехи и неудачи, жертвы, его происхождения и его враги, любовь, судьба. В блатной поэзии любовь и женщина занимают не меньше места, чем преступления и «судьба» героя» (Н. Хандзинский, 1926).

В блатных песнях авторство, как правило, часто отсутствует. Несомненно, автор был, но он либо забыт сейчас, либо по известным причинам не признавался (для официальных органов) в своём авторстве. Следует отметить, что в уголовном мире имелись и незаурядные поэты, а во время сталинских репрессий в места лишения свободы попадали и поэты-профессионалы. Некоторые из них и сочиняли блатные (тюремные) песни. Об этом говорят и сами уголовники, об этом свидетельствует и ряд тюремных песен, тексты которых составлены на высоком уровне. А может быть, они выполняли заказы профессиональных уголовников...

Для блатных песен характерны яркие метафоры и образы, сравнения, хотя и под определённым углом зрения, см., например, отрывок:

Ты подошла ко мне танцующей походкой
И по-блатному мне сказала: «Ну, пойдём!»
А поздно вечером споила меня водкой
И завладела моим сердцем, как рублём.

Нет никаких сомнений, что песня «Ванинский порт» создана талантливым человеком.

И всё же значительное количество песен написано примитивно, в них нет чёткой ритмики. Возможно, что они сочинялись никудышными поэтами, а может быть, и по-своему интерпретировались позднейшими исполнителями, которые изменяли их по своему усмотрению. Так, например, в песне «Голубоглазая» слово «голубоглазая» нередко меняют на конкретные имена любимых девушек, женщин:

«Я пишу тебе, голубоглазая», «Я пишу тебе, моя Наташа», «Я пишу тебе, моя Тамара»...

Также последующие исполнители нередко забывали первоначальный текст песен, взамен придумывали своё. Певец что-то недослышал от предыдущего исполнителя, что-то забыл — и вот уже новый вариант песни. И порой трудно понять, что это — подлинник песни или её интерпретация.

Опять же с логической связью В ряде блатных песен чётко прослеживается логика, а в других — нет. Дело здесь в том, что преступный мир не любит логически мыслить, и нелогичность тюремных песен — вполне естественное явление.

Страшно то, что субкультура преступного мира (язык, блатные песни, татуировки, воровская романтика) стремится стать культурой целого народа: воровские песни задела сейчас вся российская эстрада. Антикультура тшится в настоящее время стать культурой. «О, мятежный романтик Челкаш! О, Бенья Крик, одесские босяки и их одесские трубадуры! ...Гнусаво завыл Утёсов с эстрады — и завыла ему навстречу восторженная публика. Культ блатных оказался заразительным в эпоху, когда литература иссыхала без положительного героя», — вот так писал о влиянии блатных песен на эстраду в 20–30-х годах XX в. А. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГе». Согласитесь, уважаемый читатель, очень актуально! Только в то время не было магнитофонов и телевизоров. А сейчас мы, законопослушные граждане, вынуждены слушать блатные песни и в электричках, и в такси, и проходя мимо киосков и т. д. и т. п. Кассеты с блатными песнями сейчас распространяются свободно, благо нет цензуры. В нашей стране наблюдается процесс призонизации (англ. *prison* — тюрьма) — стихийное (?) распространение тюремной субкультуры в «законопослушной» (национальной) культуре. Практически большинство эстрадных певцов (даже знаменитых) исполняли песни если не на блатную, то на кабацкую тематику.

Фактически эти блатные песни можно услышать по радио, телевидению (см., например, передачи «В нашу гавань заходили корабли», «Облака» и др.). Причем эти тюремные песни нередко именуют (то ли в целях самоуспокоения, то ли для маскировки) народными. Конечно, народные. ведь уголовники — это худшая, но часть русского народа, не китайского же! Хотя под словом «народные» мы понимаем часто что-либо хорошее. Возможно, в определенной мере на восприятие блатных песен как «народных» послужило и наше терпимое, а порой и сочувственное отношение к уголовнику. Любопытно, что в некоторых сборниках многие разбойничьи песни трактуются как «исторические» или «народные». А в некоторых эстрадных («народных») песнях прославляется удаль уголовника. Чего стоит только одна песня «Из-за острова на стрежень...», где заливчатски-бравурным тоном повествуется о том, как знаменитый каспийский пират и волжский разбойник С. Разин утопил раннее пленённую персидскую княжну. Вызывает сожаление отдельные заблуждения о тюремных песнях. Например, в сборнике «Гоп со смыком» (2002 г.) так говорится о них: «Как правило, блатная песня полна благородства и великодушия, которое очень редко встречается среди реальных воров». Лучше бы сказать, что и в песнях не встречается великодушия, как не встречается его и в преступных обществах...

В настоящее время увеличилось количество ансамблей и певцов, которые специализируются по исполнению тюремных песен. Если до так называемой «перестройки» были единицы (был полуподпольный ансамбль «Одесситы», «Магаданцы» с пресловутым Аркадием Звездиным-Северным), то сейчас таких насчитывается несколько десятков.

В начале 90-х годов звучали эстрадные песни с любопытными названиями — «Вечерний шмон», «Атас», а вот названия только современных эстрадных песен: «Лох — это судьба» (исполнители — Роботы ППК, Василий Стрельни-

ков, Наташа и Сева); «*Пидоры* идут» (исполнитель — Чугунный Скороход). Всё это записано на диске студии «Союз». Как говорится, преемственность поколений: из века минувшего в век нынешний.

Мода на русские блатные песни перекинулась и в другие страны: фактически там, где имеется русская диаспора — там и блатные песни. Например, в Болгарии сейчас мода на русскую воровскую субкультуру: жаргон, тюремные песни, поговорки и поговорки. С одной стороны, вроде бы и ясно: болгары хотят понять, а что же происходит в нашей стране? Кто правит бал? Уголовники или честные люди? Из магнитофонов звучат песни блатаря Аркадия Звездына-Северного, ансамблей «Одесситы», «Лесоповал» и т. д.

Для многих песен преступного мира характерно наличие арготических слов. Их не так уж и много, хотя имеются и такие «шедевры», которые состоят из блатных лексем. Вот, например, начало песни:

*Канáет пёс, насáдку ливируя,
Где ширмáчи втыкáют вилы налегке,
Он бы хотел пофрáнзать, но менжúет:
«Ох, как бы шинифт не вёрубили мне!»*

Перевод: Идёт милиционер в поисках добычи, где воры-карманники легко обкрадывают своих жертв; он хотел бы их задержать (вариант: погордиться, покрасоваться перед ними), но боится: «Ох, как бы мне не выбили глаз!»

Некоторые уголовные песни даже проигрывают в личности из-за присутствия в них слов уголовников. То есть арготизмы как бы снижают «высокий» дух песни. Наглядным примером этому является концовка песни «На Молдаванке музыка играет» (Канал здесь — Беломорканал):

Тут Соня встала и *речь* свою *толкнула*:
«Его не тронете: на всё я побожусь.
Я поняла значение Канала
И знаю цену финскому ножу».

Ворьё карало Соню у забора,
Чтоб не *толкала* речи сгоряча.
А в то же утро зорькою *бубнёвой*
Не стало в зоне больше Кольки-Ширмáча.

Что-то похожее по отношению к женщине звучит и в стилизованных песнях различных бардов и поэтов. Вот суть песни «Окурочек» Ю. Алешковского: соскучившийся по женщинам заключённый случайно находит «окурочек в красной помаде», и ему вспоминается любимая, он грустит по ней, ласково называет дамой червей. Но затем эта червонная дама называется и *стервой* (вариант: *падлой*), которой наплевать на его судьбу:

С кем ты, стерва, любовь теперь крутишь?
С кем дымишь сигареткой одной?
Ты во Внукове спьяну билета не купишь,
Чтоб хоть раз пролететь надо мной.

Очень много арготизмов в настоящее время используется в кино. Это пошло с конца 80-х — начала 90-х годов. Чего стоили тогда одни названия кинофильмов: «Стукач», «Катала», «Авария — дочь мента», «Беспредел». Увы, эти названия и эти кинофильмы (во многом и неплохие), способствовали переходу арготизмов в общенародный язык. Но тогда (романтическое время!) даже такие арготизмы ещё были в новинку. Совсем как те блатные слова, которые использовались в «Джентльменах удачи». Они были не только как средство осмеяния преступного мира, но и показа его убогости и глупости. *Фрейфёя* — хороший человек; *редúска* — нехороший человек; *тики-тáк* — хорошо; *чувiха* — девушка; *моргáлы* — глаза; эти и другие слова были своеобразной характеристикой героя. Грубых арготических слов не использовалось, хотя, думается, над зрителем немного подшутили: ведь *сосúска* и *сардёлка* — это не только нехороший человек, но и мужской половой член... Режиссёр очень правдиво показал, что уголовникам

претит нормальный человеческий язык. Вспомним эпизод, когда Доцент переводит арготическую фразу Косого: «Да он же, *редиска*, при первом *шухере* *расколется!*»

Для сравнения проанализируем современный кинофильм «Бандитский Петербург». Это несомненная удача режиссёра: прекрасно поставленная картина, отличные артисты, но..., как говорят сами уголовники, — много *зёрни* (блатных слов). И с этим нельзя не согласиться. Добавим: много грубых слов. Вспомним воровскую *разборку* на даче у Антибиотика: *вор в законе* Миша говорит Адвокату: «А сейчас, *цветной* (сотрудник правоохранительных органов — М.Г.), я тебя буду *пьялить* (насиловать — М.Г.)!» Для зрителя непонятны многие арготизмы, использованные в кинофильме. Очень интересен телевизионный сериал «Клетка», но к сожалению, он также перегружен блатными словами, которые делают его частично непонятным для зрителей. Думается, можно было обойтись без *ковырялок* (лесбиянок), *ежовых марух* (сварливых женщин) и т. д. Персонажи были достаточно убедительны и без этих арготизмов.

Известно, что в аргю много переосмысленных нормированных слов. Поэтому зритель, как показывает опрос, понимает большинство слов в прямом, литературном, а не в арготическом значении. Следовательно, искажается идея кинофильма, наблюдаются непонятные, а то и парадоксальные ситуации. Думается, нужно было либо использовать те блатные лексемы, которые понятны зрителю или должно быть какое-либо другое объяснение.

Любопытное признание делает главный герой книги Е. Монаха «Братва»: «Вот, к примеру фильм «По прозвищу Зверь». Я сюжет даже воспринимать всерьёз не смог из-за одного персонажа — *вора в законе* по кличке Король. Джигарханян сыграл роль неплохо, но мне не давала покоя мысль, что меня нагло надувают, *гонят* чистейшую *туфту*. Ни один *авторитет*, и тем более *вор в законе*, с такой *кликухой* просто в природе существовать не может!

На блатном языке *Король* означает активно-пассивный *гомик*. Худшего оскорбления для *вора в законе* и придумать нельзя. За подобное унижительное прозвище *чёрная масть* не только *пасть порвёт*, но и на куски порежет за две секунды.

Между тем влияние арготизмов, использованных в кино или по телевидению, на молодёжь огромно. Автору этих строк довелось слышать как старшеклассники употребляли слова одного из героев кинофильма «Грачи» (вышел в начале 80-х годов): «Ну, что ты *гонишь* (говоришь — М.Г.), что ты *гонишь*? Пойдём *грёбень на грёбень* (один на один — М.Г.)!» Сейчас таких кинофильмов, где бездумно используются блатные словечки, — бесчисленное множество.

АРГОТИЗМЫ-«ФАВОРИТЫ» КАК ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ ПЕРЕЛОМНЫХ ЭПОХ

Если в обычное время преступное сообщество копирует нравы и порядки государства, то в переломные периоды законопослушное общество копирует преступное, подражая ему во всём: в обычаях, нравах, субкультуре. Доказательство: в настоящее время политики, СМИ заговорили на блатном языке, перенимая при этом от уголовников не только слова, но и манеру, интонацию общения, элементы субкультуры. В настоящее время передовой класс, который должен повести за собой общество, — буржуазия — также говорит на блатном языке (в жаргоне бизнесменов много тюремных слов).

Известно, что многие лексемы преступного мира в кризисные ситуации общества переходят в общенародный язык. Среди них есть и так называемые слова-«фавориты» (термин Д. С. Лихачёва), т. е. излюбленные арготизмы уголовников. Но мы несколько расширим это значение, добавив к нему блатные по происхождению слова, часто употребляемые законопослушным обществом.

Одной из причин перехода слов уголовников в общенародный язык является то, что они вызваны самой эпохой, наиболее точно и эмоционально определяют те реалии, которые имеются в обществе, заполняют пустоту отсутствующих наименований. Сказанное не значит, что автор приветствуют подобные явления: в статье мы хотим показать, как эти арготизмы-«фавориты» соотносятся с жизнью, определённой эпохой, почему они востребованы обществом.

Вот наиболее известные арготические слова, перешедшие во время так называемой крестьянской войны под предводительством С. Разина: *пустить красной петуха*, *измываться*, *сорьинь на кичку*. Любопытно, что и у И. С. Тургенева выражение *сорьинь на кичку* является ключевым фразеологизмом, своего рода паролем эпохи С. Т. Разина, см. отрывок из его повести «Призраки»: «Высокий правый берег скоро начал воздыматься перед нами в полумраке. Показались крутые горы с большими расселинами. Мы приблизились к ним.

— Крикни: «*Сарьинь на кичку!*» — шепнула мне Эллис.

... Я не хотел произнести роковые слова, я знал заранее, что в ответ на них появится... что-то чудовищное, — но губы мои раскрылись против воли, и я закричал, тоже против воли, слабым напряжённым голосом: «*Сарьинь на кичку!*»

... И отовсюду поднялся оглушительный гам. Чего только не было в этом хаосе звуков: крики и визги, яростная ругань и хохот, хохот пуще всего, удары вёсел и топоров, треск как от взлома дверей и сундуков, скрип снастей и колёс, и лошадиное скакание, звон набата и лягз цепей, гарканье и топот пляски... «Бей! Вешай! Топи! Режь! Любо! Так! Не жалеи!» — слышалось явственно, слышалось даже прерывистое дыхание запыхавшихся людей...

«Фролка! Где ты, пёс? — загремел страшный голос (С. Разина — М.Г.). — Зажигай со всех концов — да в топоры их, белорусчек!»

Вот что наваяло И. С. Тургеневу выражение *сарьинь на кичку*.

Лексема *сарьинь* (*сорьинь*) впоследствии перешла в территориальные диалекты. Так, В. Даль утверждал, что она функционировала как диалектизм в губерниях Волжского бассейна и обозначала мальчишек-сорванцов и мелких преступников. Слово *измываться* расширило своё значение: если раньше в арго оно обозначало особую попытку при помощи воды, то в общенародном языке стало употре-

блаться со значением «издеваться», фразеологизм *пустить красного петуха* (выстрелить из ружья; поджечь дом в деревне) при переходе в общенародный язык потеряло одно своё значение (первое), зато расширило второе — поджечь чего-л., устроить пожар.

Сарынь на кичку — клич волжских разбойников: Разбойники, на корабль! — достаточно символичное фразеологичное сочетание, если понимать под кораблём Россию, но что не удалось одним, то удалось другим в 1917 г., после чего начался новый этап, этап мата, *блата* и *туфты*: *блат* — не только арго или преступный мир, *блат* ещё и полупреступные связи для осуществления незаконных целей.

Символы 20–30-х годов: *блат*, *туфта*, *очковтирательство*, *двурюшник*. «Блат выше совнаркома»; по мнению Ж. Росси, эта поговорка появилась в середине 20-х годов. Любопытно, что в 1939 г. он встретил в лагере бывшего красноармейца, получившего за эти слова 10 лет лишения свободы (Ж. Росси, 1991).

Не случайно у воровского выражения *по бла́ту* развилось именно в 20-х годах значение «по близкому знакомству» (часто используя полупреступные, а то и преступные действия): купил *по бла́ту* джинсовый костюм (либо он купил из-под прилавка, разумеется, доплатив сколько-то, либо купил у спекулянта), поступил в институт *по бла́ту*. Фактически *без блата* невозможно было жить, *блат* всех нас превращал в мелких преступников. Государство нас ставило в такие условия, в которых мы должны жить только *по бла́ту*. Сейчас это выражение произносится гораздо реже. Но это не значит, что мы стали законопослушнее, хотя и изменились.

Термин *туфта* в 20-х годах обозначал поддельный кусок мануфактуры; он восходит к общенародному слову *тафта* (гладкая шёлковая ткань), а затем уже получает значение «обман; подделка; ложь». Отталкиваясь именно от арготического значения, Ж. Росси считает, что данное

слово появилось впервые в середине 20-х гг. XX в. в речи солдатовских уголовников-рецидивистов, которых перебрашивают в начале 30-х годов на строительство Беломорканала. Отсюда пословицы и поговорки: «Если б не туфта и не аммонал, не был бы построен Беломорканал. Советский Союз стоит на мате, туфте и блате (Ж. Росси, 1991). Было ещё и лексема *туфта* — плохая вещь (С. Потапов, 1927).

Под стать *туфты* является и слово *очковтирательство* (обман), которое образовалось от фразеологизма шулеров (карточных мошенников) *втирать очки* — совершать жульнические махинации при игре в «двадцать одно»: затирать или проявлять на картах очки при помощи специального клея — *липка*). Было вызвано к жизни в 30-х годах и слово профессиональных нищих *двурюшник* — человек, который под личиной преданности кому-чему-л. действует в пользу враждебной стороны. В этом значении оно активно использовалось в процессах, на которых судьи и прокуроры клеймили политических оппонентов И. Сталина, именно оно являлось ключевым словом во многих газетах при описании этих процессов. В арго данная лексема обозначала нищего, протянувшего две руки за подаванием и, соответственно, получившего милостыню в два раза больше.

Символы перестройки и последующей эпохи: *беспредел*, *тусовка*, *разборка*, *лох*, *отморозок*, *крыша*, *за бугром*. Вся лексика агрессивная. Эти блатные слова были вызваны к жизни теми негативными тенденциями, которые имелись в законопослушном обществе.

Беспредел породил политические *тусовки* с последующими за ними *разборками*, как криминальными, так и государственными. Слово *беспредел* в арго означало грубое нарушение воровских законов и непрофессиональных преступников. В настоящее время в общенародном языке имеет два значения: 1. Преступление с применением жестокого физического насилия. Вот газетный контекст: «Самое страшное, на мой взгляд, то, что преступления становятся

всё более жестокими. В одном случае внук убивает бабушку, в другом — мать с дочерью убивают сестру, в третьем мать с сыном убивают брата. И чем больше совершается таких убийств, тем больше я поражаюсь происходящему *беспредёлу*». 2. Вопиющее, переходящее всякие пределы нарушение законности или каких-н. правил. Контекст: «Сто тысячелетий несвободы. Не оттого ли у нас и сама свобода какая-то условная, в диковинку, кто её видел? Так и уйдёт наш век, произведя на свет главное своё фирменное слово *беспредёл*» (Изв. 26.06. 1997). (Контексты взяты из словаря О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, Р. И. Розиной «Слова, с которыми мы все встречались»).

Изначально *разборка* — разбор отношений между враждующими криминальными группировками, разбирательство; но эти криминальные *разборки* так похожи на разбирательства внутри политических партий и течений...

И ещё классический пример использования арготизма в общенародном языке — *отморозок*. *Отморозок* — это преступник, не соблюдающий элементарных воровских правил, — так называли профессиональные преступники своих собратьев, которые не подчиняются их воровскому закону. Но сейчас везде *отморозки*: в политике, в предпринимательстве и даже в воровском мире. Собственно, *воров в законе*, как таковых, уже и нет. *Блат*, *туфта* и *беспредёл* породили *отморозков*. Если при коммунизме жили по двойному стандарту, но подчинялись определённым законам, то *отморозки* живут вообще не по закону.

Лексема *лох* (жертва преступника), перешла в арго из условного языка офеней. В настоящее время функционирует в просторечии, означая жертву обмана в азартной лотерейной игре, отсюда и *лохотрón*, и *лохотрónщик*. В дальнейшем *лох* расширило значение и получилось — жертва обмана. Например, финансовые пирамиды «Властилины», АО МММ построили все эти *лохи*. Лексема *лох* значительно потеснила сейчас и знаменитое слово *козёл*, имеющего пейоративную окраску.

Накопленный праведными и неправедными трудами капиталы нужно защищать. Вот и позаимствовали у преступников «новые русские» лексему *крыша* — в значении «прикрытие, защита от кого-, чего-нибудь» — от других преступных группировок, рэкета, шантажа или, наоборот, от правоохранительных органов. Есть *крыша чёрная* (т. е. воровская) и есть *крыша красная* (она же *ментóвская*). Преступники *крышуют* «новых русских», то есть берут с них дань и якобы защищают.

Нередко можно услышать от бизнесменов: «Я лучше найму *крышу* из *блатных* и будут им платить». Но прозвучавшие эти слова, «новые русские» делают несколько ошибок: во-первых, не они находят *блатных*, а *блатные* их находят, не они платят, а с них берут «налог» в пользу преступников.

Бизнесмены нередко любят отдыхать за границей или, как они говорят, за *бугром*. А образовалось выражение по аналогии. См., например, лексему *Кáмень* (Уральский хребет): *жить за Кáмнем* — это жить за Уралом.

Отдельно стоит лексема *стукáч* (осведомитель; тот, кто доносит на кого-л.). Она активно стала использоваться в общенародном языке в конце 80-х–нач. 90-х годов прошлого столетия. Эта лексема образовалась от арготизма *стукáч* (ночной сторож) (см. П. Ильин, 1912; С. Потапов, 1927): ночной сторож стучит в колодушки и тем самым отгоняет воров; его также называли и *стукарём* (см. А. Миртов, 1929). Было образовано структурно-генетическое гнездо с корнем *стук-* (*стуч-*): *стукáть* — говорить; говорить на арго; рассказывать; давать сведения агентам уголовного розыска: «Спасибо, что *стукнул*, начальник, — сказал Дуся. — Мы честные *щипачи*, с *мокрушниками* щи не варим» (Г. Рябов, Л. Нагорный. Повесть об уголовном розыске). «А тут ещё одна тварь тебе про *марафёт стуканула*» (К. Агатов. Смерть рэкетирам). «Девчонка от него сбежит да ещё в *уголовку стукнет*, чтоб от него избавиться» (Н. Леонов. Агония); *стук-бюро* — объединение осведоми-

телей в тюрьме, связанное с администрацией (В. Хандзинский, 1926); *стукать по фёне (соне)* — говорить на арго: «*Букварь*, к моему удивлению, хорошо *стукал по фёне*. *Стукаешь по соне, бёгаешь по хазам?* (Запись 1990); *стукачить* — то же, что *стукновать* — доносить на кого-л.: «В этой *хате* все друг на друга *стукачат*» (Запись 1984). «Ты хоть знаешь, кто на вас *стукнёт?*» (Запись 1989); *стукач* — осведомитель (Росси); «Песня про *стукача*» (В. Высоцкий. Поэзия и проза). «Во время моих шестикилометровых прогулок по тюремной одиночке я задумал разоблачить *стукача* — штатного осведомителя» (Л. Разгон. Непридуманное). «За *стукачом* топор гуляет. *Стукач* гуляет с топором за спиной» (Росси). «И один *стукач* сам к начальству в БУР убежал, там его, в тюрьме каменной и спрятали» (А. Солженицын. Один День Ивана Денисовича). «Списки будущих завтрашних мертвецов составлялись на каждом прииске из доносов, из сообщений своих *стукачей*, осведомителей» (В. Шаламов. Левый берег); *стукачок* — уменьш. от *стукач*: «Есть у нас сомнение, что ты, мил человек, *стукачок*» (А. и Г. Вайнеры. Эра Милосердия). «И сразу же, как говно на дрожжах, вырос Василёк, давний *ментовский стукачок!*» (И. Деревянко. Замусоренные); *стукачка* или *стукачиха* — женск. к *стукач* (Росси). «К примеру, подруга авторитетного *вора* Маруся Климова стала *стукачкой* и была убита (в связи с чем в 20-е годы появилась песня «Мурка»)» (ЛС, 1999, № 20). «*Стукачка* эта была созданием, внушавшим мне одновременно и жалость, и отвращение» (Л. Разгон. Непридуманное); *стукаческий* — прил. к *стукач*: «Это *стукаческий* барак» (Росси); *стукачество* — доносительство на кого-л.: «За выдающиеся заслуги в области *стукачества* оба дембельнулись с лычками старших сержантов» (И. Деревянко. Замусоренные). «Они сполна испытали на себе подозрение в *стукачестве*, их обвиняли в отступничестве от *воровских идей*, сажали в одиночки и, наоборот, *прессовали* переполненными камерами» (Е. Сухов. На зоне).

В наше время отрицательных символов — *блатных* по происхождению слов — больше, чем в какую-либо другую переломную эпоху русского общества. Судьба этих арготизмов: одни из них уже вошли в систему нормированного языка (см., например, лексему *беспредел*), другие стоят на грани с литературным языком (см. слово *тусовка*), третьи так и останутся в просторечии (например, бывший арготизм *лох*).

К ИСТОКАМ РУССКОГО ДУХА

Слово — дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом же можно и разъединить их, словом служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти. Берегись такого слова, которое разъединяет людей.

Л. Н. Толстой

Свобода почему-то лишила нас возможности говорить на человекообразном своем языке.

Н. С. Михалков

Нужно быть в добре и излучать добро.

Н. А. Бердяев

Язык — дух народа. В Евангелии от Иоанна сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Всё через него начало быть, и без него не начало быть. В нём была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Евангелие от Матфея).

Слово у русского человека может быть только живым: в русском языке нет выражения «мёртвое слово».

В последнее время в нашей речи появилось много агрессивной лексики, связанной с понятиями «убить», «огрابتь», «кукрасть», «изнасиловать», «обмануть» и т. п. Много этому способствует и язык преступников. Блатные слова негативно влияют не только на эмоции и интеллект

отдельных людей, но и на интеллект нации в целом. В современной лексике преобладает зло (Дьявол), хотя должно было бы преобладать добро (Бог).

Во время спокойной жизни наблюдается лингвopsихологическое равновесие между нормативной и ненормированной лексикой. Грубые слова проникают в общенародный язык в небольшом количестве. До определённой степени это естественный языковой процесс. Когда же возникают социальные взрывы (мятежи, крестьянские войны, революции, «перестройки», распад государства и проч.), поток ненормированной лексики увеличивается, стремясь при этом быть нормой. Лингвистическое равновесие склоняется на сторону грубых слов. Зло (Дьявол) торжествует!

Яд агрессивной лексики постепенно и незаметно заполняет душу. Зло (Дьявол) завладевает нашим сознанием, вытесняя при этом Добро (Бога). Уверен: слово — частица духа. Усваивая конкретное слово, мы привносим в себя его энергетику. Агрессивная лексика наносит непоправимый ущерб нашему сознанию, отрицательно воздействует на нашу духовность. (Не хочу использовать слово с иноязычным корнем — ментальность, тем более, что оно изначально неправильно передаёт суть). Хотя читатель возразит, что духовность — русское слово — обозначает больше положительное, чем отрицательное. Не спорю, так оно и есть. Но ведь есть и Злой Дух! В последнее время мы стали грубее, циничнее, жаднее. И в этом — часть вины падает на агрессивную лексику. Нам навязывается определённое речевое поведение, а от него — и поведение реальное. Это не только мои мысли. Так считают и многие психологи, и криминалисты, и писатели. Например, К. Чуковский утверждал, что если хотя бы одну неделю поговорить на арго, появятся и соответственно нехорошие мысли, от которых полшага до плохого поступка. То есть аргоизмы не только порождают преступность, но и сами влияют на неё. Арго — важнейшая часть субкультуры уголовного мира, не будет его (или уменьшится употребление

арготизмов) — резко снизится преступность. Современное общество сильно криминализировано. Нельзя не согласиться с честнейшим писателем В. Шаламовым, который неустанно повторял в своих рассказах: «Карфаген должен быть разрушен — мир профессиональных преступников должен быть уничтожен». Иначе он уничтожит нас... И надо объявлять преступному миру войну: в субкультуре, правилах поведения, законе.

Язык — это не только фактор, через который выражается духовность народа, но и средство воздействия на его дух. Оттого, чьи лингвистические особенности будут преобладать в национальном языке, чей социум внесёт наибольший вклад в него, в определённой степени будет зависеть дух народа. Нормированный, литературный язык объединяет общество, арго, жаргоны, условные языки — разъединяют.

О народе нередко судят по его языку. Можно лишь предполагать, как будут отзываться о русском народе, если в его лексике большое место будут занимать арготизмы уголовников.

Некоторые лингвисты утверждают (см., например, В. С. Елистратов. Варваризация языка, её суть и закономерности), что русский язык сейчас начинает входить в полосу стабильности и что «повсюду работает неофициальная лингвистическая цензура». Да, стабильность наступает, но стабильность в употреблении жаргонно-арготической лексики, но не нормативной! Что же касается неофициальной лингвистической цензуры, то её не было и неизвестно, когда она появится. И если кто-либо из языковедов начинает критиковать журналистов за их вопиющую неграмотность и употребление непотребной лексики, то он сразу записывается работниками СМИ в «душителя свободы слова». Между тем настоящими душителями свободы нормативного слова являются неграмотные журналисты.

Наши предки гораздо бережливее относились к речи. Слово «речь» этимологически родственно словам «рок»

(судьба), «зарок» (клятва), «порок», «пророк». Слово понималось древними как живое существо, как целостный элемент, отсюда выражения: нарушить слово, сдержать слово. Словом можно излечить, словом можно убить. То, что сейчас продельывают с помощью слова современные психотерапевты, — это часть древнего учения, с помощью которого излечивали людей. Не случайно раньше слово «врач» имело значение — «знахарь», то есть тот, кто излечивает с помощью слова (врёт), первоначально — заговаривающий, волшебник; общеславянская лексема «врати» имела значение «говорить». Аналогично и слова «волхв», «волшебник» образованы от старославянской лексемы «влснати» (непонятно говорить); слово «обаяние» — от обаять (заколдовать с помощью слова), ср.: баять (говорить). Да и сами слова «ведьма», «знахарь», «ведун» первоначально обозначали человека, который знал, как лечить словом.

Мы часто бросаемся словами. Например, говорим о возрождении России. Но разве она умирала? И вторая часть — возродить, то с какого года? С 1861, 1913, 1917, 1991 или 1999? Говоря о том, что нам надо (в духовном отношении) назад, в прошлое, — это не значит, что прошлое — идеал: в нём было и хорошее, и плохое. Но то, что прошедшие поколения русских людей уважительнее относились к языку, признавая за ним важнейший элемент духовности, — это неопровержимый факт.

Известно, что в дореволюционной России на крестьянских сходах принималось решение о запрете нецензурной брани. Нарушители сурово наказывались. Лингвист Н. Д. Русинов писал: «Произносить бранные слова и плевать на пол или на землю нижегородские крестьяне считали не только невежливым, но и греховным: опасались, что это вызовет какую-либо беду». Православные священники призывали к чистоте речи, ибо, говорили они, чистая речь ведёт и к чистым помыслам. Нередко цитировали при этом Евангелие: «Говорю же вам: за всякое праздное слово, какое скажут, люди дадут ответ в день суда. Ибо от слов сво-

их оправдаешься и от слов своих спасёшься» (Евангелие от Иоанна). Крестьяне отлично понимали, что словом они могут обидеть Бога и подыграть Дьяволу.

Русский народ не любил тех, кто много говорит, и презрительно именовал их *болтунами*, *сороками*, *балаболами*, *пустобрёхами*. *Гнать (нести) пургу* — говорить глупости; *брехать*, *балабонить* — вести ненужный разговор. Кстати, есть выражение «пустой разговор». Эта нелюбовь к болтунам, празднословиям и пустой болтовне сохранилась в пословицах и поговорках: «Лучше не договорить, чем переговорить; Меньше говорить — меньше греха; Больше говорить — больше согрешить; И красно и цветно, да линочье; Не слушай, где куры кудахчут, а слушай, где Богу молятся; Речист, да на руку нечист». И в тоже время имеется множество поговорок, отражающих уважительное отношение к языку, его громадную силу: «Язык с Богом беседует; Язык — стяг, дружинку водит; Язык царствами ворочает; Не стать говорить, так и Бог не услышит; Живым словом победить; Живое слово дороже мёртвой буквы; Не ножа бойся — языка; Бритва скребёт, а слово режет; Слово не обух, а от него люди гибнут» (В. Даль. Пословицы русского народа).

Писатели «золотого века» тоже ратовали за народный язык. Но они выбирали всё самое лучшее, что было у лучших представителей русского народа. Нельзя отрицать того, что у русского народа были и грубые слова и выражения (мат, грубо-просторечные слова, непонятно-диалектные и др.). Конечно, их писатель не мог вводить в ткань художественного произведения, так как его не только бы не поняли, но и не приняли бы эстеты «высокого художественного стиля», да и не только они, а и вся пишущая братия. Поэтому диалектизмы вводились крайне осторожно, учитывая при этом соразмерность, а также их понятность. Причём почти всем диалектизмам давалось толкование либо в самом тексте, либо подстрочно, либо в сносках. (См., например, произведения И. С. Тургенева.)

Теперь понятно возмущение А. С. Шишкова относительно слова «парень». Его почему-то обвиняли в пуризме. Но дело не в этом несчастном слове «парень». А. С. Шишков стоял за высокую культуру и был против того, чтобы в нормированный язык проникала стихия ненормативных слов, хотя и в чём-то был неправ. К сожалению, многие исследователи постреволюционного периода его изображают эдаким мракобесом, противником всего народного. Нет, он был за народный язык, свободный от иноземных лексем, но был против грубых слов и выражений.

Сейчас утверждают, что за десять лет по России словом Мамай прошёл. Эта поговорка исторически неточна: не дал ему пройти по Руси Дмитрий Донской. Но духовных разрушений столько, сколько не было и в смутные времена. Реформы 1986–2003 гг. выпустили зверя из беды. Вместо свободы мы получили волю. Воля нередко у нас ассоциируется со вседозволенностью, своеволием. Разрушены или подверглись деформации многие общественные институты, многие общечеловеческие ценности на протяжении этих реформ подвергались злобной критике: Родина, любовь, армия, семья, школа... К сожалению, пороки сейчас выдаются за доблесть, лучшие чувства высмеиваются. Писатели-нигилисты и журналисты-нигилисты опорочили (вольно и невольно) буквально всё: народ, армию, церковь, героев, промышленность, культуру. Почему-то в средствах массовой информации читаешь: было плохо, стало плохо, завтра будет ещё хуже. Что это? Чей-то социальный заказ, чьи-то враждебные происки или наша неуклюжесть? Глумится над всем — и это называется свободой слова? Наши великие предки, благодаря перу этих глумливых бесов русской истории, превращаются в дебилов и неполноценных личностей. В нашей истории, по их мнению, не было ничего хорошего: Вывод, дорогой читатель, напрашивается сам по себе; если отцы были дебилами — значит вы — неполноценные личности, ничего не умеющие делать. И — шире — вы народ, не способный ни на что

великое! Мы молчим и тогда, когда писатели, журналисты других стран поливают грязью нашу историю. Свой народ показывают цивилизаторами, а русских — дикарями... Почему-то нередко в СМИ дают слово профессиональному уголовнику, чаще *вору в законе*. Дается слово уголовнику... Ну что он может сказать? Известно что: во всех бедах виноваты *менты*, заключённым очень плохо в исправительных учреждениях, их все обижают и оскорбляют, они очень несчастны, ах, какое поганое государство и т. д. и т. п. Виноваты все, только не они. Эта старая песня, которую поёт преступник с незапамятных времён.

Вспомним древнюю былинку про Илью Муромца и Соловья-разбойника, когда князь Владимир «дал слово» пленённому злодею, и тот его обманул: вместо вполкрика и вполсвиста закричал и засвистел во всю силу:

Засвистал как соловей тут по-соловьему,
Закрывал разбойник по-звериному,
Маковки на теремах покривились;
А окóленки во теремах рассыпались
От него, от посвисту соловьяго,
А что есть-то людшонок, так вси мертвы лежат...

Так создатель былинки образно выразил вред «гласности» преступника. (Соловей-разбойник — собирательный образ всех разбойников и — шире — преступников.)

Нигилизм последнего десятилетия коснулся и русского языка. Например, в ряде газет его в насмешку называют «великим и могучим» (контаминация: выдержка из стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Русский язык» и цитата из речи персонажа сказки А. М. Волкова «Волшебник изумрудного города»). Например, «но в «могучем и великом» нет таких слов».

В настоящее время многие редакторы сетуют на сокращение числа подписчиков и покупателей газет. Это и не мудрено: ведь в прессе в настоящее время подаётся негативная информация, которая окрашена в чёрные лингви-

стические тона. Часто непатриотичная, нередко напрасно будоражащая, с использованием блатной и просторечной лексики — она лишь озлобляет читателя.

Мы должны согласиться, что русский язык — живой организм — переживает не лучшие времена: как и весь российский народ, он болен, унижен. Беда для маленького народа, когда преследуется его язык, но будет катастрофой, если унижается и деформируется язык большого народа, потому что этот язык используют и малые, и большие народы, населяющие Россию для общения. Именно русский язык объединяет, именно он способствует развитию экономики, культуры и обороноспособности необъятной России.

Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец...

Так оценивал С. А. Есенин лингвистическую ситуацию в 20-е годы. В то время русский язык исказили настолько, что даже некоторые учёные-лингвисты объявили о появлении нового литературного языка. Есенин не принимал и, возможно, не понимал «новых русских», все эти «контрь», рабкрины, шкрабы, ГОЭЛРО. Сейчас похожая языковая картина. «Новые русские» хотят говорить лучше «старых русских». В итоге — получается хуже. Их речь заполонили блатные словечки и обрывки английских фраз, которыми так любят щеголять наши студенты-двоечники. В жаргоне современных бизнесменов большое место занимают слова уголовников. И это свидетельствует не только об их языковой убогости и контактах с *братвой*, но и об их мировоззрении. Сказанное относится к значительной части предпринимателей. Если словами можно лгать, то само слово не солжёт.

Особую роль в языковом развращении играет реклама. Если обратить внимание на вывески на магазинах, надписи на общественном транспорте, тогда обязательно вспоминаются только что процитированные слова С. Есенина.

Преобладает заимствованная лексика и латинский шрифт. Опрос некоторых коммерсантов показал, что иностранные заимствования — это высокий слог, а русские слова — низкий. Благодаря политикам, журналистам в нашу речь перешли неоправданные англоязычные заимствования: *менеджер, секвестирование, брифинг* и проч. Газеты, радио, телевидение, употребляя иностранные слова без надобности, не только унижают национальное достоинство, но и делают речь непонятной для массового читателя, а это ведёт за собой просчёты экономические, например, уменьшается количество подписчиков на газеты и журналы, непонятная реклама товаров не способствует их спросу.

Средства массовой информации и политики не только распространяют ненужные иноязычные заимствования, арготизмы и жаргонизмы, но и допускают многочисленные лексические ошибки, например: «Горилла достигает двух метров и больше» (если она достигает двух метров, то уже выше не может); «Я не в курсе этих дел» (вместо «Я не знаю»); «У нас этот момент не отражается»; «Девушка, завесьте (вместо «взвесьте») мне полкилограмма колбасы»; «Отрекламируйте (вместо «прорекламируйте») свою продукцию». Иногда в речи присутствует ненужная краснота, использование неоправданных эпитетов. См., например у лидера Аграрной партии Г. Кулика: «Аграрный блок — это хорошая чистая невеста, румяная и свежая!» Ещё пример: «В действительности, — говорит П. Бородин, — не доллар стоит 26 рублей, а наоборот» (Российская газета, 29.10.99). Значит, двадцать шесть рублей стоят один доллар... (Или это неправильно записал интервью журналист?) Поражают многочисленные неоправданные повторы в небольшом контексте. Вот, к примеру отрывок из речи другого политика, В. Рыжкова: «Мы всегда были серьёзной партией серьёзных людей. И наконец ещё один козырь — люди. НДР — партия, где собралась слаженная команда отличных людей» (Российская газета, 25.10.99). Люди, люди, люди... Порой наблюдается и алогичность

речи ряда политиков. Так, например, многие из них говорят, что политика — грязное дело, а сами между тем лезут в эту «грязь», чтобы посильнее запацкаться. А ведь логичнее, после сказанной фразы, уйти из политики.

В средствах массовой информации до сих пор используются штампы и канцеляризм: если сатира — то злая, если отражают — то ярко, если протест — то резкий. И самое страшное то, что подобные фразы нас уже не тревожат: мы привыкли к подобному уродству. Хотим говорить напыщенно, не по-русски. Вспоминаю свою первую научно-практическую конференцию молодых учёных. Выступают аспиранты, новоявленные кандидаты филологических наук — с трудом понимаешь их доклады: до того много терминов (порой даже неоправданных) и витиеватых научных оборотов, в которых они сами запутываются. Но вот стал говорить мой Учитель, профессор Н. Д. Русинов (ныне покойный), — чёткая, понятная, научная речь сразу внесла живую струю. Неоправданные английские заимствования, канцеляризм и речевые ошибки — это лишь часть айсберга: по телевидению и радио, в газетах и журналах, в художественных произведениях широко используются жаргонно-арготическая лексика и нецензурная брань. Большинство современных писателей и журналистов, в погоне за «самым самовитым словом», обращаются не к фольклору и не к нормированному русскому языку, а к низшим формам общенародного языка. Речь ряда политиков, журналистов, теле-радиокomentаторов является жалкой пародией на научность. Некоторые политики и государственные деятели, «стремясь быть ближе к народу», даже употребляют нецензурные слова. Это идёт ещё от сталинских времён. Например, идеолог А. А. Жданов на партийной конференции, проходившей в г. Горьком, говоря о врагах Советской власти, не постеснявшись женщин, использовал мат. Зал аплодировал... Н. С. Хрущёв, по свидетельству современников, часто употреблял триаду русского мата. Л. И. Брежнев также был любителем «на-

стоящего русского слова». Вот как он поучал свою племянницу относиться к ретивым поклонникам: «Научись расправляться с ними самостоятельно. В следующий раз просто посылай их на х...» (См. подробнее об этом в «Комсомольской правде» от 17 ноября 1999 г.) М. С. Горбачёв по телевидению публично признался, что послал по-русски куда-то далеко гэкачеписстов. Думаю, популярности ему это не прибавило. Современные политики также грешат сквернословием. И если раньше они делали больше орфоэпических (осужденный, начать, привнесённый, средства, принять, хозяева) и грамматических ошибок, то сейчас больше употребляют нежелательной лексики. Надо признаться: нецензурных слов употребляется сейчас намного больше, чем раньше, речь части населения порой сплошь состоит из матерных лексем. Вот фраза прораба, которая случайно услышана автором (речь шла о том, чтобы сварщику приварить одну деталь к другой: вместо нецензурного слова стоит многоточие — «... ты... вот эту... к этой... Пойял...?» Легализация мата, блатных слов (к чему призывают некоторые журналисты и учёные-лингвисты) означает крах культуры русской речи и потеря многих духовных ценностей. Главный козырь подобных «любителей русской словесности» — свобода слова. Свобода нужна, но не своеволие. И потом культура — это не только разрешение, но и запрет. Нецензурная фраза, содержащая слово «мать» — реликт древней языческой молитвы, обращённой к Богу Неба с просьбой оплодотворить Землю-Мать. Так что не следует возвращаться в дикарское состояние, в язычество. По мнению православных верующих, есть три непрощённых греха: самоубийство, колдовство и ругань по отношению к Богу. Любопытно, что нецензурная брань с использованием обозначений Бога, Богородицы, ангелов и священников в конце 10-х–начале 20-х годов XX в. была, по мнению писателя А. Весёлого, необычным новшеством для русской деревни и неприемлемой для большинства её населения. (См. А. Весёлый. Реки Огненные). Подобных

ругательств и сейчас гораздо меньше, чем, например, в странах Западной Европы. Так, испанцы, итальянцы, по мнению И. Кона, очень часто прибегают к оскорблению наиболее почитаемой святыни — Богородицы (Мадонны) (И. Кон, 1990). Очень много оскорблений Бога содержится в западноевропейских арга. Характерно, что в русском арга деклассированных элементов богохульства почти отсутствуют. Только что сказанное отнюдь не означает, что наши преступники духовно богаче, чем западноевропейские. Мы уже писали, что мотив запрета употребления нецензурных слов в ряде исправительно-трудовых учреждений — это страх перед своими же братками. Но воровской закон разрешает оскорблять матерными словами любого человека, не относящегося к преступному миру.

Отношение русской интеллигенции к нецензурной брани было различным. В основном, отрицательное. Но имелись (и имеются) отдельные группы, которые вынуждены её использовать для достижения социальных (приспособленческих) целей или эмоциональных эффектов. В XIX в. при «хождении в народ» революционеры-народовольцы не только внешне должны были быть похожими на простолудинов, но и употреблять диалектные, просторечные и нецензурные выражения. В 20-х годах XX в. часть интеллигенции, чтобы не быть заподозренной в симпатиях к «буржуйам», вынуждена была использовать нецензурщину. Кроме того, часть населения в то время понимали свободу буквально, то есть как освобождение от всяких «условностей», в том числе и речевых.

В конце 60-х–нач. 70-х годов употребление нецензурной брани обоими полами было, по мнению «просвещённого народа», своеобразным протестом против тоталитарной системы и своеобразным проявлением свободомыслия. Учёный-историк Д. Аль, репрессированный в 50-х годах, писал, что прослыть интеллигентом да ещё борцом за свободу с помощью непотребной лексики намного легче, чем каким-либо другим способом (Д. Аль, 1994).

И сейчас употребление нецензурщины, по мнению части населения, является проявлением свободы в языке. Нам кажется безнравственным стремление ряда журналистов, писателей и лингвистов (!) объявлять мат легитимным. Культура речи — это моральный закон для носителей языка, и он должен выполняться.

В настоящее время криминальное меньшинство стремится привить законопослушному большинству свою мораль, культуру, лексику. И, надо сказать, в этом ему удаётся. Но арготизмы — только часть агрессивной лексики. Нередко наши правители и законодатели используют общенародные, грубо-просторечные слова с отрицательной коннотацией, например: *гадёныш, говно, жопа, жулик, мерзавец, негодяй, подлец, подонок, проститутка, сволочь, сука, шваль*.. Вот образчик речи Константина Толстошеина, вице-губернатора Приморья: «Мы их подведём под терроризм, это даже не шпанюки, а настоящие негодяи, сам их арестую и сопровожу до тюрьмы, будут сидеть и чирикать, как воробьи!» «Но депутаты (тульские — М.Г.) решили *пойти по резьбе*» — выражение одного из «слуг народа» (Российская газета, 16.10.99).

Благодаря средствам массовой информации наши политики выглядят действительно в неприглядном свете. См. лишь некоторые названия статей. Б. Немцов: «Дума — не воровской сходняк» (Комсомольская правда, 15.10.99); «Немцова одел Бари Алибасов, обул Борис Ельцин» (Комсомольская правда, 12.10.99). Может быть, не стоило бы журналисту передавать дословно речь заместителя прокурора Свердловской области Л. Ковалёва, который утверждал, что «так называемые отморозки всегда боялись *вышакá*», дабы не скомпрометировать представителя правоохранительных органов? (Российская газета, 13.10.99). Ведь здесь уже употреблено два блатных слова: *отморозок* — преступник, не признающий никаких законов и способный на любое преступление; *вышák* — высшая мера наказания.

Иногда слышишь: «Подумаешь! Не все ли равно, как говорить? Главное, чтобы тебя понимали». Но этот тезис ошибочный и вредный. Ведь и сознание определяет наше бытие. А язык формирует наше сознание, слово и мысль неотделимы. Чем больше у нас плохих слов, тем больше у нас и плохих мыслей, и чем больше хороших слов в речи, тем и помыслы наши чище.

Особенно велика опасность арго для подростков, у которых ещё не сформировалась психика. Употребление молодыми людьми блатных словечек — своеобразный показатель того, что общество сильно болеет. Агрессивные слова — порождения наших мыслей, и, наоборот, мысли — порождения наших агрессивных слов. В то же время блатное слово прививает нам мизантропическую, человеконенавистническую мораль уголовников. Нельзя агрессивным словом пробуждать добрые чувства, ибо сказал Христос: «Порождения ехиднины! Как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе; а злой человек из злого сокровища выносит злое» (Евангелие от Матфея).

Наконец-то наши средства массовой информации признались (и это делает им честь), что они проигрывают в жесткой конкуренции Западу. И, я думаю, во многом это зависит от языка.

Что нужно делать? Прежде всего, родители должны внушать детям, что грубым словом они обижают Бога, всех людей. В русском языке существует большое количество великолепнейших слов, способных передать всё богатство духовного мира русского человека. С другой стороны, следует убедить ребёнка, что только хорошая, чистая речь будет способствовать его успеху в жизни. Во всяком случае, с матерщинником или человеком, использующим блатные слова, никто не захочет иметь дела. Употребление иностранщины вызовет недоумение и насмешку среди серьёзных партнёров.

В школах русский язык преподаётся скучно, равнодушно, с неохотой. Скучно и неинтересно написаны и учебники по русскому языку. Не случайно учащиеся одним из нелюбимых предметов называют русский язык. О какой же духовности может быть речь? Большинство часов, отведённых программой в старших классах на русский язык, учителя-словесники забирают на литературу. Но и современные критические литературоведческие статьи написаны в большинстве своём канцелярским слогом. У автора статьи нет и мысли о том, что критики хотели внушить ученику отвращение к А. Пушкину, Н. Гоголю, К. Симонову, но занудный канцелярский язык вызывает у школьника, по меньшей мере, скуку и неприятие их произведений. И главная ошибка учителей-словесников состоит в том, что они преподают русский язык вне его связи с литературой. Сейчас на вступительных экзаменах по русскому языку стали использовать тесты, которые якобы могут объективно оценить знания. Но смогут ли? К таким тестам стали готовить в школах на уроках по русскому языку. Но разве ученику в жизни эти тесты пригодятся? Разве он будет писать письма, документацию тестами? Нет, нужно обучение связному тексту: сочинениям, диктантам. Ведь наша методическая и педагогическая мысль намного обогнала другие страны (не мы, а Запад заимствует «мозги», правда, потом нам же и продаёт выработанную ими продукцию).

Важно научить ребёнка, подростка любить и ценить русский язык, важно также, чтобы у молодого человека должно быть стойкое неприятие непотребной лексики.

Другое дело СМИ. Нам нужен действующий закон о языке, направленный на то, чтобы защищать его, признавать его как часть российской духовности, культуры, способствующей развитию нашей экономики, политики и обороноспособности. И здесь очень важно спрашивать с редакторов газет, радио и телевидения за использование неудобоваримой лексики (арготизмов, нецензурщины, неоправданных иноязычных заимствований), так же, как

спрашивают, например, во Франции. Нужно избавиться от противоречий, когда учёный-лингвист, учитель говорит о красоте русского языка, а СМИ, в погоне за «самым самовитым словом», употребляют непотребные словечки. Опрос сельских жителей, рабочих показал, что они плохо понимают то, что говорят по радио и телевидению, то, что пишут в газетах. Да порой и не каждый интеллигент поймёт «многомудрое» журналистское слово.

Мы наблюдаем так называемый «принцип пирамиды». Политики и журналисты, вещая сверху и произнося блатное слово, дают своеобразную индульгенцию на употребление данной лексемы рядовому читателю (слушателю, зрителю). Например, учитель-словесник Мария Ивановна убеждает Вовочку не употреблять слов *отморозок*, *мочить*, *кидать*, а тот в ответ: «Как это так, Марь Ванн, я их слышал по радио или телевидению, читал в газетах». СМИ для него авторитет. И Вовочка, к сожалению, прав. Умные дяди говорят очень «культурно». Вот их образчики. Вице-губернатор Приморья, говорит об А. Чубайсе и иже с ним: «Это даже не *шпанюки*, а настоящие негодяи». И сейчас ученики говорят преподавателю-словеснику: «Докажите, что газета и телевидение имеют право употреблять жаргонно-арготическую и нецензурную лексику, а я не имею».

Отрадно было слышать, что в Казани (с 15 января по 15 мая 2002 г.) проводился любопытный лингвистический эксперимент: школьникам запрещено употреблять мат и слова-паразиты. За каждое грубое слово школьнику начислялось штрафное очко. То есть педагоги и общественность уже не надеются, что сверху смогут защитить русский язык, и решили защищать его на местах.

Уже многие блатные словечки нейтрелизовались и используются в общенародном языке, некоторые даже приобрели права литературности.. Нет, не только благодаря средствам массовой информации, но и самой... милиции. Например, в начале 90-х годов петербургский корреспон-

дент, ведущий по радио передачи на криминальные темы, предлагал участвовать в конкурсе на лучшую расшифровку слова... *мент*. Заимствованное в начале XX в. из польского блатного жаргона (польск. *mente* — полицейский; военный) в речь русских уголовников, оно стало активно употребляться и в современных средствах массовой информации благодаря отзывам в СМИ о телесериале «Улицы разбитых фонарей». (Сам кинофильм очень хороший!)

Даже в названиях организаций и предприятий присутствуют блатные слова. Недавно я купил почвенный грунт с романтическим названием «Роза», производитель которого ЗАО МНПП... «Фарт». *Фарт* — слово преступников — имеет несколько значений: деньги, счастье, судьба, удачно совершённое преступление. С каким из этих значений употреблено слово *фарт* для названия организации?

Народ можно уничтожить, если стереть его память, его историю, хранителем которой является язык. Считаю, что с потерей каждого слова, с заменой его на неоправданное заимствование теряется частичка нашей души, нашей русскости. Большую роль в очищении и спасении русского языка должна сыграть церковь, которая в переломные моменты поднимала дух народа, являлась хранительницей традиций и культуры (ведь слово «культура» этимологически родственно лексеме «культ»). Наши древние летописцы (а это, в основном, монахи) бережно относились к русскому слову и были патриотами Земли Русской, называли её трижды прекрасной, богатой недрами и лесами, с многочисленными сёлами и городами, с бесчисленным множеством церквей (см. летописи «Слово о погибели Русской Земли», «Слово о Мамаевом побоище» и т. д.).

Некоторые лингвисты проводят параллель между современным состоянием русской речи и состоянием речи в середине XIX в. Да, внешне вроде бы и верно: и в середине XIX в. и сейчас были большие перемены, наблюдалась так называемая демократизация языка. Но если в первом случае на нормированный язык оказали влияние

территориальные диалекты, живая речь крестьянства, дворян-интеллигентов, разночинцев, то в настоящее время мы испытываем влияние людей без роду и племени, без имени и в общем без судьбы — жаргоны так называемой братвы. (Всех тех, кого В. Даль зафиксировал в Словаре *ивáнами не помнящими родствá, ивáнами где день где ночь, ивáнами безродными*). Того пласта лексики, который сейчас так популярен в средствах массовой информации. «Нет, языком грубым и необразованным писать нельзя, это доказали все решившиеся на такую попытку», — говорил великий лексикограф почти полтора столетия тому назад.

Нам говорят, что язык сам справится с сорняками и неоправданными заимствованиями, выйдет победителем из любой ситуации. Но известны многочисленные примеры, когда языки ассимилировались. Сейчас эта угроза (уже не отдалённая) существует и для русского языка. И потом зачем же тогда культура русской речи и российская культура вообще? Учёные-лингвисты должны говорить в средствах массовой информации о культуре русской речи. Правительство России, администрации городов и районов должны безотлагательно обратить внимание на варварское отношение к русскому языку и принять соответствующие меры. Первостепенная задача лингвистов — повлиять на те негативные тенденции, которые имеются в современной речи.

Но как пропагандировать культуру русской речи? К сожалению, рамки учёных-лингвистов в этом отношении очень ограничены. У нас только кафедры, с которых мы можем лишь призывать. Телевидению не до культуры речи. Не часто учёного-лингвиста пригласят выступить в телевизионной передаче. А если и пригласят... Автор этих строчек имеет горький опыт подобных выступлений. Телевидение безжалостно вырезает критику в свой адрес, не дает полностью высказаться.

Братья-славяне (прежде всего поляки и болгары) упрекают нас (эти упреки я лично слышал, находясь в 1999 в

Болгарии) за то, что мы испортили русский язык. Кроме того, утверждают они, дурной пример заразителен, — такие же тенденции к опошлению языка наблюдаются и в их странах. С одной стороны осуждают, с другой — хотят понять: а что происходит сейчас в русском языке? Поэтому они очень заинтересованы в исследовании русских социальных диалектов. Оказывается, болгары проявляют большой интерес к нашей ненормативной лексике. Студентам, изучающим русский язык, и преподавателям русского языка речь нашей улицы и современной литературы непонятна. Студенты нередко жалуются своим наставникам: «Почему вы учите нас только дистиллированному русскому языку? Мы не понимаем современных, особенно «новых», русских!» Мне, педагогу, преподавателю, радеющему за чистоту русского языка, за его очищение от «блатных» примесей было обидно, что действительно сейчас наша речь состоит из фени и нецензурицыны.

Я был очень удивлён, узнав, что блатные словечки у них практически не проникают в общенародный болгарский язык. И лишь слова наркоманов периодически появляются в печати, используются на улице. И, странное дело, арго там почти не изучалось лингвистами. Исследовался молодёжный жаргон, (кстати, я долго и подробно разговаривал с его исследователями), но почти ничего неизвестно о тюремном. Как мне сказали, криминалисты держат сведения о нём втайне. «Но зачем скрывать его от учёных?» — думал я. В настоящее время болгарские студенты и учёные исследуют русский блатной арго.

Уважаемые читатели! Вы, наверное, заметили, что сейчас практически не употребляются знаменитые строчки из стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Русский язык»: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык

не был дан великому народу!» Нам никогда не следует забывать, что мы, русские, — великий народ, и язык у нас должен быть не обезьяний, не подражательский, а самобытный.

Наша речь находится сейчас в трудном положении: в недалёком прошлом — засилье партийно-номенклатурной лексики, сейчас — криминально-агрессивной. Совсем как по Высоцкому:

Справа бесы, слева бесы.
Нет, по новой мне налей!
Эти — с нар, а те — из кресел.
Не поймёшь, какие злей!

Что же делать? У кого учиться? Практически наше поколение испортило язык. Неужели

... Прах наш со строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом?

Наши предки относились к языку гораздо бережливее, чем мы. Так что же, назад в прошлое? А почему бы и нет? Откровенно говоря, мы прошлым пока и живём: ведь это наши предыдущие поколения создали стержень языка — межстилевую лексику. Не будет этого стержня — развалится язык, превратится в жалкую смесь англо-уголовно-цензурной лексики! Превращение уже началось. Чем богаче язык — дух народа — тем сильнее нация.

К. Паустовский писал, что язык — это наследство, накопленное для нас десятками поколений. И мы обязаны передать его тем, кто идёт за нами.

ПРИМЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ
АРГОТИЗМОВ

Рассказ об одном преступлении

Приходим с кентом (другом) на бан (вокзал), берем вѳтерки (билеты) и, как порядочные сволочи, занимаем свое купе. Никаких ксив (документов) у нас нет, зато есть солидные бѳбки (деньги) и приличные лепни (костюмы), а это всегда стоит всяких бумѳжек. Вместе с нами едут два фѳцена (дурака, жертвы преступления), и по тому, как один финтит (заискивает) перед другим, я понял, что один из них начальник. Их багаж состоял из трех московских углов (чемоданов) и большой скрипѳхи (корзины). На волосатой флѳжке (руке) давилы (начальника) был рѳжий котѳл (золотые часы), и, как я успел подкнѳкать (заметить), его карманы служили не только для украшения. Дичь стояла того, чтобы за ней поохотиться.

Их провожала одна клѳвая шмѳра (красивая женщина), и я успел в проходе на встречнякѳ (при встрече), разбить (раскрыть) ее дѳрку (сумку). При этом я чуть не сгорѳл (попался с поличным): шмѳра оказалась сильнѳе (умнее), чем я думал. Она отодвинула меня, пролезла боком и ушла с разбитой дѳркой. Хорошо, что майдѳн (поезд) сразу тронулся.

Теперь я поглядывал на своих соседей и их углы. «Было бы неплохо, — думал я, — побывать носильщиком на короткое время». Наступала ночь, а там, куда мы ехали, была приличная яма (место для хранения краденых вещей). Как было бы хорошо полоснѳть по сбнѳникам (обокрасть спящих)!

Н. Морозов, 1971 г.

Блатная песня «На Молдаванке музыка играет»

На Молдаванке музыка играет,
Крутом веселье пьяное стоит,
А за столом сидит ворѳ и выпивает,
Пахан Одессы и Сенька-Инвалид.

Они сидят в отдельном кабинете
И поят Соню сладеньким винцом.
А Сенька-жулик держит на примете
Еѳ красивое и нежное лицо.

Встаѳт пахан и свою речь толкает:
— Дела не надо делать стгоряча,
Послушай, Соня, детка дорогая,
Ты обеспечи побег для Ширмача.

Наш бедный Коля на Беломорканале
Катает тачку, звякает киркой.
А фраера вдвойне наглѳе стали,
Их нужно грабить опытной рукой.

И вот уж Соня в поезде почтовом,
И вот уж Соня у лагерных ворот.
А в это время зорькою бубновой
Идет паскудный лагерный развод.

Идет Ширмач, он в кожаном реглане,
Пальто внакидку, кепи набочок.
В руках он держит какие-то бумаги,
А на груди его ударника значок.

— Так здравствуй, Соня, детка дорогая,
Привет Одессе, розовым садам.
Я понял здесь значение Канала,
И за него я жизнь свою отдам.

На Молдаванке музыка играет,
Кругом веселье пьяное стоит.
А за столом сидит ворѳ и выпивает,
Пахан Одессы речи говорит:

— У нас, воров, суровые законы,
От нас уходят только в мир другой.
А если Колька честь вора уронит,
То мы его попробуем ножом.

Тут Соня встала и речь свою толкнула:
— Его не тронете, на всё я побожусь.
Я поняла значение Канала
И знаю цену финскому ножу.

Ворьё карало Соню у забора,
Чтоб не толкала речи сторяча.
А в то же утро зорькою бубновой
Не стало в зоне больше Кольки-Ширмача.

Запись 1974 г.

Блатная песня «Задумал, братцы, пошухерить»

Задумал, братцы, пошухерить:
Набрал я кофлу в пятнадцать рыл.
Я взял и фомку, взял чемодан,
А друг Ерёмка взял большой-большой наган.

Решили мокрым рук не марать:
Комиссионку пошли брать.
Мигнул Ерёмке — сам в магазин.
На стрёме встал один-единственный грузин.

Грузин на стрёме, паскуда, спал,
Легавый шуплый его убрал.
Раздался выстрел — я побежал,
В дверях Ерёмка ещё тепленький лежал.

Перемахнул я с полста дворов
И сбил со следа всех мусоров.
Потом попал в один подвал,
Биндюжник Васька мне хавать подавал.

Промчались тучки, прошли дожди,
Надел я снова шикарный клифт,

В одесском шлюзе мешки спустил
И на хавиру я к марухе прикатил.

Вот подлетаю, а у дверей
Меня встречает какой-то фрей.
Я помню, братцы, он здесь не жил,
И потому ему канать я предложил.

Он кипишнулся: — Я старый вор,
Могу испортить тебе прибор.
По фене ботал, права качал,
По бубнам врзал — он надолго замолчал.

Часы на стенке пропели пять,
Когда с марухой легли мы спать.
Вдруг кто-то свистнет — я на крыльцо,
Двенадцать шпалеров уткнулись мне в лицо.

Начальник сыска кончать решил:
По девяностой мне дело шил.
Я думал, братцы, иду один,
А на скамье сидел подстриженный грузин.

Три дня суду чего-то пел,
А на четвертый я не стерпел.
Я крикнул судьям: — Кончай балет!
А прокурор накинул мне еще пять лет!

Прощай, свобода, прощай, Ерём,
Мы едем каждый своим путем:
Начальник сыска — на берег в Крым,
Грузин — в Тбилиси, а я — в Илим.

Запись 1974 г.

Арготизмы: *пошухерить* — поворовать; *кофла* — шайка; *рыло* — человек; *фомка* — небольшой ломик; *мокрое* — убийство; *брать* — грабить; *на стрёме* — на страже; *легавый*, *мусор* — милиционер; *хавать* — есть, кушать; *клифт* — костюм; *спустить мешки* — сбывать наворованное; *хавира* — квартира; *маруха* — любовница; *фрей* —

преступник-новичок; *канать* — идти, уходить; *кипшинуться* — рассердиться; *прибор* — лицо; *по фэне ботать* — говорить на арго; *правá качать* — диктовать свою волю; *бубны* — щеки; *врэзать* — ударить; *шпáлер* — револьвер; *дело шить* — обвинять в несодеянном; *петь* — говорить.

Блатная песня «Течёт речка»

Течёт речка по песочку,
Берега разносит...
А молодой жульбан, жиган-жиганок,
Начальника просит:

— Ты начальник, ключик-чайничек,
Отпусти на волю.
Дома ссучилась — знать, соскучилась
Милая за мною.
А начальник, ключик-чайничек,
Не даёт поблажки.
А молодой жульбан, жиган-жиганок,
Гниёт в каталажке.

Ходят с ружьями курвы-стражники
Днями и ночами.
А вы скажите мне, братцы-граждане,
Кем пришит начальник?
Течёт речка по песочку,
Моет золотишку...
А молодой жульбан — восемнадцать лет! —
Заработал вышку.

А. Добряков, 1997

Арготизмы: *жульба́н*, *жигáн-жиганóк* — профессиональный преступник; *ссучиться* — изменять; *кúрва* — сволочь; *пришить* — убить; *вúшка* — расстрел.

Блатная песня «Сева»

Птичка-невеличка радостно мне пела,
Как на воле пашут трактора.
Скоро выйдешь, Сева, и пойдёшь на дело;
Без тебя филонят опера.

Ты пойдёшь со шмарой с бана на малину,
Поубавят понту фраера.
Поплывёт по кругу банка с кокаином,
И нагрянут ночью мусора.
Семь маслин в нагане — Сева на майдане,
И засёк с налёту стукача.
Пять Косому в спину — он спалил малину,
Ну а две для Гришки-стукача.

Услыхав с майдана выстрелы с нагана,
К Севе чёрный ворон подкатил.
Сева засмеялся и не растерялся,
И в сортире шпалер утопил.

Птичка-невеличка радостно мне пела,
Как на воле пашут трактора.
Скоро выйдешь, Сева, и пойдёшь на дело;
Без тебя филонят опера.

Арготизмы: *опера* — оперативный работник; *фило́-
нить* — бездельничать; *шма́ра* — любовница; *ба́н* — вок-
зал; *мали́на* — притон; *понт* — гонор; *фра́ер* — мелкий пре-
ступник; *масли́на* — пуля; *майдáн* — вокзал; *стукáч* — пре-
датель-осведомитель; *спали́ть* — выдать; *чёрный вóрон* —
милицейская машина; *шпáлер* — револьвер.

Принятые сокращения

Азерб. — азербайджанское	Обр. — образовано
Алт. — алтайское	Общeturk. — общeturkское
Англ. — английское	Осм. — османское
Арабск. — арабское	Пов.-тат. — поволжско-татарское
Баш. — башкирское	Пенз. — пензенское
Венг. — венгерское	Польск. — польское
Вост. — восточное	Ряз. — рязанское
Греч. — греческое	Сл. — слово
Дорев. — дореволюционное	Смб. — симбирское
Древневепс. — древневепсское	Совр. — современное
Древнеевр. — древнееврейское	Тмб. — тамбовское
Евр. — еврейское	Ткм. — туркменское
Ирк. — иркутское	Узб. — узбекское
Каз. — казахское	Укр. — украинское
Крымск.-тат. — крымско-татарское	Финск. — финское
Кстр. — костромское	Фр. — фразеологизм
Лат. — латинское	Франц. — французское
Лит. — литературный язык	Хакасск. — хакасское
М.Г. — Михаил Грачев	Цыг. — цыганское
Монг. — монгольское	Юж. — южное
Новг. — новгородское	Южно-крымск. — южно-крымское
Нем. — немецкое	

Научно-популярное издание

ГРАЧЁВ Михаил Александрович

От Ваньки Каина до мафии

Прошлое и настоящее уголовного жаргона

Редактор *К. Б. Васильев*

Верстка и дизайн обложки *М. К. Васильев*

Корректор *М. В. Гаврил*

Издательство «Авалон»

190005, Санкт-Петербург

e-mail: avalon@pv7874.spb.edu

Издательство «Азбука-классика»

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Подписано в печать 09.09.2005. Формат 76×100^{1/32}.

Гарнитура «Таймс». Печать высокая.

Усл. печ. л. 12. Тираж 5000 экз. Заказ № 6005.

Отпечатано с диапозитивов
в ФГУП «Печатный двор» им. А. М. Горького
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.